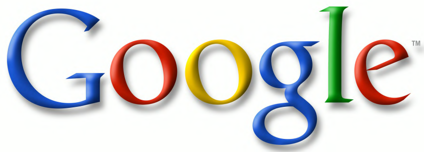
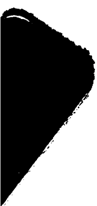
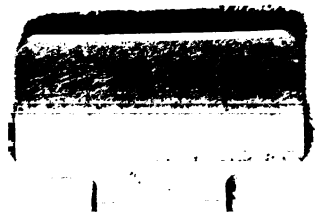

UC-NRLF
$B 108 710

ИСТОРІЯ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

СОЧИНЕНІЕ

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ИВАНА ЧЕЛЬЦОВА.

Томъ первый.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Департамента Удѣловъ.

1861.

Istoriia

ИСТОРІЯ

khristianskoi Tserkvi.

ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

СОЧИНЕНІЕ

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ИВАНА ЧЕЛЬЦОВА.

Ivan Chel'tsov

v. 1.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

От С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. 12-го Ноября, 1860 года.

Цензор *Архимандрит Фотий*.

Въ Типографіи Департамента Удѣловъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая предлагаемый отрывокъ своихъ лекцій по Общей Церковной Исторіи, я уступаю только самой настоятельной необходимости дать въ возможно скорѣйшее время самостоятельное и православное руководство для изученія преподаваемаго мною предмета въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Не распространяясь о важности этого предмета, который по моему разумѣнію долженъ лежать въ основаніи всего церковнаго образованія, я нахожу полезнымъ сказать, что въ руководствѣ для надлежащаго его изученія нуждается не только наше духовно-учебное вѣдомство, но все русское общество. Нѣтъ лучшаго средства для искорененія религіозныхъ предразсудковъ, въ не малой степени распространенныхъ у насъ, и для возбужденія

къ ея укрѣпленію, словомъ сказать, въ преступномъ желаніи поддерживать ее своими, жалкими, неправедными, человѣческими усиліями, не смотря на то, что она естественно хранится всемогущею силою самого Бога, ея источника, и потому не можетъ пасть, хотя бы даже дѣйствительно колебалась въ ихъ слабыхъ глазахъ. Между тѣмъ какъ ученые другихъ христіанскихъ обществъ, стараясь остаться въ историческихъ изслѣдованіяхъ вѣрными особенностямъ своего вѣроисповѣданія, принуждены нерѣдко стѣсняться, изворачиваться и бороться противъ очевидности, православный изслѣдователь тѣмъ болѣе будетъ вѣренъ своей вѣрѣ и Церкви, чѣмъ непритворнѣе и откровеннѣе будетъ въ своемъ судѣ и чѣмъ прямѣе передастъ то, что найдетъ въ несомнѣнно точныхъ и вѣрныхъ историческихъ указаніяхъ.

Не смотря на такое преимущество, русская церковная литература далеко отстала въ отношеніи изученія Церковной Исторіи не только отъ протестантской, или галликанской, но даже отъ папистической. Поэтому, вполнѣ чувствуя невозможность для одного лица въ скоромъ времени представить опытъ цѣльнаго самостоятельнаго изложенія Церковной Исторіи, я рѣшился издавать свои труды отрывками. Издаваемый томъ заключаетъ въ себѣ первую часть исторіи трехъ первыхъ вѣковъ христіанства.

Первые три вѣка христіанства составляютъ отдѣльный

періодъ въ Исторіи христіанской Церкви. Между тѣмъ какъ въ послѣдствіи Церковь всегда болѣе или менѣе была подъ защитою и покровительствомъ общественныхъ законовъ, въ то время она не пользовалась даже терпимостію ихъ и должна была вести рѣшительную борьбу съ укоренившимся въ мірѣ язычествомъ за самое свое существованіе. Такое внѣшнее отношеніе ея къ обществу естественнымъ образомъ рѣзко отражалось и во внутреннемъ ея состояніи.

Принятый мною порядокъ въ изложеніи настоящаго періода таковъ: послѣ историческаго вступленія, въ которомъ будетъ сказано **о состояніи богопочтенія въ родѣ человѣческомъ предъ временемъ распространенія христіанства**, прежде всего говорится **объ основаніи христіанской Церкви Господомъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ**. За тѣмъ исторія дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ въ первой описывается внѣшнее состояніе, а во второй внутреннее состояніе Церкви во все продолженіе періода. Первая часть подраздѣляется на двѣ главы. Въ первой главѣ говорится **о распространеніи христіанской вѣры святыми апостолами и послѣ временъ апостольскихъ, во второмъ и въ третьемъ вѣкѣ**; во второй—**о внѣшнемъ положеніи Церкви въ обществѣ въ первые три вѣка христіанства**. Вторая часть подраздѣляется также на двѣ главы, изъ которыхъ въ первой излагается **состоя-**

ніе іерархическаго и богослужебнаго устройства Церкви въ описываемый періодъ, а во второй—борьба Церкви за цѣлость и неповрежденность своего ученія съ разнаго рода ересями, расколами и ложными мнѣніями. Въ заключеніе присоединится къ этой части обозрѣніе особенностей того времени въ нравственной христіанской жизни.

Профессоръ Чельцовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ—О СОСТОЯНІИ БОГОПОЧТЕНІЯ ВЪ РОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ПРЕДЪ ВРЕМЕНЕМЪ РАСПРОСТРАНЕНІЯ ХРИСТІАНСТВА.

СТРАН.

I. Общій упадокъ богопочтенія между язычниками; богопочтеніе грековъ; богопочтеніе римлянъ . . 1.

II. Народъ іудейскій; секты іудейской Церкви . . . 10.

III. Ожиданіе пришествія Христова; пришельцы іудейской Церкви и самаряне; заключеніе . . . . 19.

ИСТОРІЯ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ:

ИСТОРІЯ ТРЕХЪ ПЕРВЫХЪ ВѢКОВЪ ХРИСТІАНСТВА.

Отдѣльная эпоха

основанія христіанской Церкви Господомъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.

IV. Пришествіе Христово; жизнь І. Христа до вступленія въ общественное служеніе роду человѣческому; служеніе Іоанна Предтечи; ученіе І. Христа о цѣли своего пришествія на землю; ученіе І. Христа, чудеса и жизнь Его до времени страданій . . . . 31.

V. Его апостолы; правила касательно іерархіи: власть апостоловъ, порядокъ и важность церковнаго суда; взаимныя отношенія пастырей и характеръ цер-

Стр.

ковнаго правленія; усвоеніе апостоламъ правъ ученія и священнодѣйствія; правила для другихъ членовъ Церкви. . . . . 41.

VI. Важность преданія и причина непоколебимости Церкви; послѣдняя бесѣда Спасителя съ апостолами предъ временемъ страданій; успѣхъ проповѣди I. Христа; искупительная смерть Господа Іисуса . . . . 48.

VII. Продолженіе времени служенія I. Христа; воскресеніе Христово; утвержденіе Церкви; подтвержденіе обѣтованія о сошествіи Святаго Духа и вознесеніе Христово; сошествіе Святаго Духа. . 58.

ПЕРВАГО ПЕРІОДА ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

ИСТОРІЯ ВНѢШНЯГО СОСТОЯНІЯ ЦЕРКВИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ:

Распространеніе христіанской вѣры.

А., *О распространеніи христіанской вѣры св. апостолами.*

VIII. Общія замѣчанія; распространеніе христіанства исключительно между іудеями и пришельцами правды; переходъ къ распространенію его между пришельцами вратъ и язычниками . . . . . . 65.

IX. Общій взглядъ на повсюдное распространеніе христіанства трудами апостоловъ; недостаточность свѣдѣній о томъ, въ какихъ странахъ проповѣдовали апостолы; достовѣрнѣйшія преданія о мѣстѣ проповѣди апостоловъ: Ѳомы, Варѳоломея, Матѳея евангелиста, Матѳія, Симона Зилота и Андрея Первозваннаго. . . . . 79.

X. Благовѣстническіе труды ап. Павла и его сотрудниковъ. . . . . 87.

XI. Благовѣстническіе труды ап. Петра . . . . . 92.

Стр.

XII. Благовѣстническіе труды апостоловъ: Іакова Праведнаго, Іоанна, Іуды — брата Іакова Праведнаго, Іакова—брата Іоаннова и Филиппа . . . . . 101.

Б., О распространеніи христіанской вѣры послѣ временъ апостольскихъ, во второмъ и третьемъ вѣкѣ.

XIII. Общія замѣчанія; начало христіанской Церкви въ Галліи, Германіи, Британіи, сѣверной Африкѣ и Испаніи; заключеніе . . . . 106.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Внѣшнее положеніе Церкви въ обществѣ въ первые три вѣка христіанства.

А., Гоненія на Церковь.

XIV. Общія замѣчанія; причины гоненій . . . . 114.
XV. Исторія гоненій до времени Траяна . . . . 123.
XVI. Состояніе христіанъ со времени Траяна до царствованія Марка Аврелія . . . . 133.
XVII. Гоненіе Марка Аврелія . . . . 142.
XVIII. Примѣры гоненія въ разныхъ мѣстахъ . . . 149.
XIX. Прекращеніе Авреліева гоненія и положеніе христіанъ при Коммодѣ; положеніе христіанъ послѣ смерти Коммода до царствованія Геліогабала; мученики . . . . 161.
XX. Состояніе христіанъ со времени Геліогабала до Деціева гоненія; взглядъ Оригена на внѣшнее состояніе Церкви . . . . 174.
XXI. Начало Деціева гоненія; порядокъ гоненія; мученики; продолженіе гоненія . . . . . . 182.
XXII. Гоненіе Галла и Волузіана; гоненіе Валеріана . 192.
XXIII. Объявленіе христіанства дозволенною вѣрою; положеніе христіанъ съ 261-го до 303-го года. 198.
XXIV. Причины новыхъ гоненій; начало Галеріева или Діоклитіанова гоненія; первый едиктъ противъ христіанъ, дѣйствіе и исполненіе его . . . . 204.

Стр.

XXV. Второй, третій и четвертый едикты противъ христіанъ; порядокъ, ожесточенность и продолжительность гоненія; перемѣна дѣлъ къ лучшему; едиктъ Галерія, Константина и Ликинія о прекращеніи гоненія . . . . 216.
XXVI. Дѣйствительное прекращеніе гоненія и вторичное возобновленіе его Максиминомъ . . . . . . 225.
XXVII. Принятіе христіанской вѣры императоромъ Константиномъ; первые манифесты Константина касательно вѣры; притѣсненія восточнымъ христіанамъ со стороны Ликинія; пораженіе Ликинія и повсюдное прекращеніе гоненій . . . . . . 231.

Б., Сочиненія язычниковъ противъ христіанства и христіанская апологетическая письменность.

XXVIII. Общія замѣчанія о сочиненіяхъ язычниковъ противъ христіанства; взглядъ епикурейцевъ на христіанство,— Лукіанъ; мнѣніе стоиковъ о христіанствѣ,—Арріанъ. . . . . 242.
XXIX. Непріязненность христіанству платониковъ; Цельсъ и его полемика. . . . . 246.
XXX. Порфирій, Филостратъ, Ямвлихъ и Іероклъ. . 257.
XXXI. Дѣленіе христіанскихъ апологетическихъ сочиненій на два рода; первый родъ апологій; апологіи св. Іустина Мученика; апологіи Мелитона и Аѳинагора; значеніе перваго рода апологій . 270.
XXXII. Второй родъ апологій; значеніе втораго рода апологій . . . . 282.

Общее заключеніе первой части.

XXXIII. О причинахъ успѣшнаго распространенія христіанской Церкви . . . . 303.

ИСТОРІЯ

ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

О СОСТОЯНІИ БОГОПОЧТЕНІЯ ВЪ РОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ПРЕДЪ ВРЕМЕНЕМЪ РАСПРОСТРАНЕНІЯ ХРИСТІАНСТВА.

Общій упадокъ богопочтенія между язычниками.

Въ первобытномъ состояніи невинности человѣкъ имѣлъ истинное понятіе о Богѣ и свято хранилъ божественную вѣру, сообщенную ему чрезъ непосредственное откровеніе отъ Бога. Но послѣ паденія, когда Господь далъ обѣтованіе спасти родъ человѣческій Сѣменемъ жены, истинная вѣра постепенно упадала. Внѣ избраннаго народа, въ которомъ Господь благоволилъ сохранять ее дѣйствіемъ особеннаго своего промысла, т. е. внѣ Церкви іудейской, вся исторія богопочтенія въ человѣческомъ родѣ до времени распространенія христіанства есть только изображеніе постоянной смѣны однихъ заблужденій другими, постепеннаго перехода людей отъ забвенія истинъ, первоначально открытыхъ Богомъ, къ вымыслу нелѣпостей, или къ сомнѣнію въ возможности истины, къ сознанію собственнаго безсилія найти ее и къ тревожному желанію удостоиться снова отъ Господа божественнаго наставленія въ вѣрѣ и нравственности.

Въ вѣрованіяхъ древнѣйшихъ народовъ, древнихъ индѣйцевъ, зендовъ, египтянъ, китайцевъ, было еще не мало слѣдовъ истинной вѣры ([1]). Въ нихъ находились не только довольно близкія къ истинѣ понятія о тріединомъ Богѣ, о происхожденіи міра, первобытномъ состояніи человѣка и его паденіи; но также ученіе о слѣдствіяхъ паденія первыхъ людей и о спасеніи, которое нѣкогда самъ Господь содѣлаетъ для людей, воплотившись съ этою цѣлію. Богослуженіе и правила нравственныя были довольно сообразны съ вѣроученіемъ. Но скоро древнее языческое богопочтеніе упало до самой жалкой степени, давши начало множеству новыхъ ученій о вѣрѣ и нравственности, суевѣрныхъ и безнравственныхъ. Первою причиною упадка богопочтенія въ родѣ человѣческомъ была склонность къ чувственности. Потомъ, когда преданія истинной вѣры затмились и дали мѣсто чувственнымъ представленіямъ объ отношеніи видимаго міра къ Богу, незамѣтно была допущена безразсудная мысль, будто все существующее и происходящее въ мірѣ, имѣя свое начало въ Богѣ, не есть что нибудь существенно отличное отъ Бога, не имѣетъ своего особеннаго бытія, а есть воплощеніе и выраженіе самого Божества, и будто, слѣдовательно, нѣтъ въ человѣкѣ и свободы, а всѣ влеченія его природы суть естественныя и законныя непреодолимыя требованія. Въ слѣдствіе этого, каждый предметъ видимаго міра, какъ часть Божества, начали представлять Богомъ, — каждое влеченіе падшей человѣческой природы считать богоугоднымъ. Явленія видимаго міра, въ которыхъ особенно проявля-

---

([1]) См. *Крейцера*—Symbolik und Myth. der alten Völk. ч. 1, отд. 1, гл. 1 и 2; *Виндишмана* — de theologumenis Vedanticor. Bonnæ 1833; *Герреса*—Mythengesch. der Asiat. Welt. 1810, и друг; сравн. *преосв. Нила*, архіеп. Яросл. о Буддизмѣ, стр. 18—60.

лись слѣды божественнаго провидѣнія, или всемогущества, на что прежде указывали, какъ на отраженіе и подобіе Божіихъ свойствъ, все это мало по малу само было обоготворено. Такъ какъ подобнаго происхожденія боги не выше людей, то и надъ ними, какъ надъ людьми, стала владычествовать неизбѣжная судьба. Новымъ богамъ приписаны человѣческія свойства и человѣческія страсти, и притомъ въ высшей степени, сравнительно съ людьми; такъ что по страстямъ своимъ языческіе боги явились недостижимыми образцами безнравственности. Быстро идя впередъ по этому, противному истинной вѣрѣ, направленію, люди мало по малу образовали тѣ роды богопочтенія, которые съ такою силою обличалъ Господь чрезъ рабовъ своихъ — пророковъ, тѣ чудовищныя училища нечестія, въ которыхъ внушалось, безъ всякаго стыда, жертвовать всѣмъ удовлетворенію чувственныхъ влеченій падшей природы, какъ будто бы требованій самого Божества (1). Въ такомъ именно состояніи было богопочтеніе у вавилонянъ, финикійцевъ и хананейскихъ народовъ, у кареагенянъ, персовъ, грековъ и римлянъ; такимъ оно стало и у всѣхъ другихъ народовъ, въ разныхъ мѣстахъ получивъ нѣкоторыя особенности отъ свойствъ и занятій, составлявшихъ отличительную принадлежность того или другаго народа. Особеннаго нашего вниманія заслуживаетъ состояніе богопочтенія у грековъ и римлянъ, такъ какъ эти два народа, одинъ по своей образованности, другой по своему всемірному владычеству, занимали первое мѣсто между всѣми другими предъ временемъ распространенія христіанства.

---

(1) Lasaulx, De mortis dominatu in veteres,—1835. *Kuhn*, противоположность между язычествомъ и христіанствомъ въ отношеніи къ нравственности, изд. въ Тюбингенѣ 1841 г.

Богопочтеніе грековъ.

Какой народъ изъ всѣхъ древнихъ народовъ былъ столько высокъ по образованію, столько привязанъ къ искусствамъ и вмѣстѣ столько преданъ чувственности, какъ греки! Всѣ божества востока, перешедши къ нимъ, приняли здѣсь чисто греческія свойства, — стремленія, желанія, страсти, пороки и добродѣтели истинныхъ грековъ. Такія чувственныя понятія о богахъ не могли, конечно, долго удовлетворять потребностямъ людей мыслящихъ и съ успѣхомъ занимавшихся науками. Поэтому лучшіе изъ грековъ мало по малу потеряли всякое уваженіе къ отечественнымъ богамъ и стали смотрѣть на общественную вѣру, какъ на достояніе черни. Но извѣстно, по обыкновенному порядку вещей, какъ легко убѣжденія лучшихъ людей передаются народу. Скоро невѣріе въ боговъ сдѣлалось въ Греціи всеобщимъ: отечественную вѣру еще любили, но не какъ истинную вѣру, а какъ плодъ искусства и поэзіи, какъ издавна усвоенныя преданія древности, какъ условіе обрядовъ, наполнявшихъ пустоту и недостатокъ жизни по вѣрѣ. Вмѣстѣ съ вѣрою пала и нравственность. «Я не повѣрю одного таланта золота греку», —говорилъ о современныхъ своихъ соотечественникахъ знаменитый греческій историкъ Поливій (¹), — «хотя бы онъ давалъ мнѣ двадцать собственноручныхъ росписокъ, за печатью, съ объявленіемъ въ судѣ и съ подписью сорока свидѣтелей». Между тѣмъ, разрушивъ народную вѣру, наука ничѣмъ не могла замѣнить ее. Смотря на великолѣпные храмы Аѳинъ и

(¹) Полив. Истор. кн. VI. гл. 54.

прелестныя статуи олимпійскихъ боговъ, Платонъ говорилъ, истинно въ духѣ древнихъ философовъ: «какъ трудно найти Бога! И когда найдешь Его, во сколько разъ еще труднѣе обратить къ Нему другихъ» (¹). Платонъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ понятія о вѣрѣ лучше другихъ древнихъ мудрецовъ. Подобно Пиѳагору, основательно изучивъ древнія вѣрованія восточныхъ народовъ, онъ смутно понялъ и паденіе человѣка, и безсмертіе его души, и неизбѣжность возмездія въ жизни загробной; но «чтобы твердо увѣриться въ этомъ самому и увѣрить другихъ», говорилъ онъ (²), «для этого необходимо божественное откровеніе,—только слово Божіе можетъ основательно научить насъ этому»! Такъ лучшій между всѣми греками мыслитель чистосердечно сознавалъ невозможность человѣку собственнымъ умомъ окончательно убѣдиться въ основныхъ истинахъ вѣры и необходимость для этого въ откровеніи отъ Бога. Нѣсколько разъ Платонъ повторялъ въ своихъ сочиненіяхъ эту мысль: «не быть на землѣ порядку», писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «развѣ какой нибудь необыкновенный, божественный случай водворитъ его между людьми (³). Развѣ только Богъ, сокрывшись подъ образомъ человѣка, разъяснитъ намъ и наши отношенія къ Нему, и наши взаимныя обязанности другъ къ другу» (⁴). Отвергнувъ отечественную вѣру, греческіе философы занимались, главнымъ образомъ,

---

(¹) *Τὸν μὲν ποιητὴν καὶ πατέρα τοῦδε τοῦ παντὸς, εὑρεῖν, τε ἔργον, καὶ ἕυροντα ἐις πάντας ἀδύνατον λέγειν,* in *Timaeo,* pag. 28. C. ed. Staph. Vidi s. *Justini Martyr*. Apolog. 2, num, 10.

(²) Πλατωνος Φεδων: *ἐι μὴ τις δύναιτο ἀσφαλέςερον καὶ ἀκινδυνότερον ἐπὶ βεβαιοτέρου σχήματος ἢ λόγου Θείου τινὸς διαπορευθῆναι.*

(³) Въ концѣ IX глав. 1-й книги объ обществѣ:.... *ἐὰν μὴ θεία τὶς ξυμβῇ τύχη.*

(⁴) Во 2-мъ разговорѣ, подъ заглавіемъ: Алкивіадъ, въ концѣ книги.

ученіемъ о Богѣ и отношеніи между міромъ видимымъ, человѣкомъ и Богомъ, т. е. тѣми вопросами, которые составляютъ предметъ вѣроученія. Но всѣ усилія ихъ— представить удовлетворительное рѣшеніе на данные себѣ вопросы не принесли пользы. Они опровергали другъ друга взаимными противорѣчіями и, разрушивъ вѣру во все мнимо-святое, возбудить уваженія къ чему нибудь, какъ истинно святому, не могли. Все, что они передали народу, это — духъ невѣрія, способность легкомысленно спорить о предметахъ вѣры, мысль, что истина для собственныхъ силъ человѣка недостижима, и отчасти—желаніе получить откровеніе о ней отъ Бога. Еще до времени Платона появилось уже между людьми образованными почти всеобщее сомнѣніе въ возможности истины, особенно—въ дѣлѣ богопочтенія. Что значили усилія нѣсколькихъ умныхъ людей противъ общаго направленія умовъ? Въ послѣдніе три вѣка предъ Рождествомъ Христовымъ оно сдѣлалось совершенно господствующимъ. При внутреннемъ невѣріи, всякій однако усердно исполнялъ обряды своей отечественной вѣры; потому что они льстили чувственности и давали поводъ къ удовлетворенію страстей.

Богопочтеніе римлянъ.

У римлянъ вѣра упала еще ниже. Съ того времени, какъ единственною цѣлію ихъ сдѣлалось повсюдное распространеніе римскаго владычества, богопочтеніе сдѣлалось у нихъ только средствомъ къ поддержанію государственнаго благосостоянія. Отсюда родилась та терпимость, или лучше — холодность въ отношеніи къ

вѣрѣ, по которой они признавали всякій родъ богопочтенія завоеванныхъ ими народовъ и переносили въ Римъ ихъ божества, ихъ обряды богослуженія, строили для этихъ божествъ храмы и поставляли жрецовъ(¹) Особенно, какъ скоро усвоили себѣ римляне греческую образованность и взяли греческихъ наставниковъ для своего юношества, порча нравственности начала распространяться между ними съ неимовѣрною быстротою. Пало всякое уваженіе къ богамъ отечественнымъ; роскошь, корыстолюбіе, плотоугодіе, изнѣженность замѣнили въ нихъ всѣ доблести ихъ предковъ, тѣмъ удобнѣе, что богатства, награбленныя у завоеванныхъ народовъ, подавали поводъ ко всякаго рода прихотямъ. Не только въ высшемъ классѣ народа истребились всѣ начатки какой бы то ни было вѣры, даже въ черни поселилось всеобщее презрѣніе къ богамъ: въ Римѣ боги сдѣлались предметомъ насмѣшекъ,—похожденія ихъ представлялись на зрѣлищахъ для потѣхи народа. Сами жрецы не вѣрили въ святость своего богослуженія: какъ же могли они поддержать уваженіе къ нему въ народѣ?—Гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ царствуетъ суевѣріе; и, дѣйствительно, никогда не было нигдѣ такого суевѣрія, какъ въ Римѣ предъ временемъ распространенія христіанства: тамъ вѣрили во всѣ тайныя силы, во всѣ гаданія и предзнаменованія, какія только представлялись растроенному воображенію. Не уважая своей вѣры, римляне съ жаждою принимали все иностранное: не смотря на то, что презрѣніе къ іудеямъ было всеобщимъ въ римскомъ народѣ, многіе, не понимая духа іудейской вѣры, прини-

(¹) *Wach*, De Romanorum in tolerandis diversis religionibus disciplina publica, ed. 1773. *Св. Левъ*, папа римскій, въ одной бесѣдѣ объ апостолахъ Петрѣ и Павлѣ справедливо сказалъ: «Quum Roma universis dominaretur gentibus, omnium gentium servivit erroribus».

мали отъ іудеевъ ихъ внѣшній образъ жизни и домашніе обряды только для того, чтобы заняться чѣмъ нибудь новымъ для себя. Такое паденіе общественной вѣры заставило правителей позаботиться о ея поддержаніи: въ душѣ своей давно отвергнувъ всякую вѣру, сами они все еще не переставали думать, что она есть непремѣнное условіе гражданскаго благосостоянія; безпорядки ежедневной жизни, происходившіе отъ безнравственности народа, убѣждали ихъ въ этомъ даже болѣе прежняго. Чѣмъ же хотѣли они поддержать падавшую вѣру?—Законами противъ введенія новыхъ вѣръ ([1]). Но эти законы естественно не распространялись на тѣхъ, кто оставался вѣрнымъ своимъ отечественнымъ богамъ, а между тѣмъ ни одно языческое нововведеніе не принуждало римлянина отказаться отъ его прежней вѣры: видимо повинуясь закону, онъ свободно такимъ образомъ могъ усвоять себѣ всѣ иноземныя суевѣрія и беззаконные обряды. Ослѣпленный нечестіемъ, народъ потерялъ даже чувство стыда и приличія. «Повсюду пороки и злодѣянія», говорилъ о своемъ времени Сенека,—«столько ихъ дѣлается, что не возможно ничѣмъ исправить; кипитъ какая-то борьба, кто кого превзойдетъ въ нечестіи; каждый день развивается болѣе и болѣе жажда грѣшить и уничтожается всякое приличіе. Къ лучшему, къ должному совершенно потеряно уваженіе: похоть—вотъ что напечатлѣно на лицѣ каждаго. Нынѣ преступленія уже не кроются въ потьмахъ; они передъ глазами; всѣ непотребства совершаются публично; всякій убѣжденъ, что невинность не только рѣдкое дѣло, но невозможое и не естественное. И еслибы толь-

([1]) *Tit. Liv.* lib. XXV. cap. 1 et lib. XXXIX, cap. 16. *Cicero* de natura deorum lib. III. cap. 19.

ко кто нибудь одинъ, или только нѣсколько людей такъ нагло нарушали всякій законъ! Каждый, какъ будто по данному знаку, готовъ и спѣшитъ сдѣлать всякое возможное преступленіе» (¹). Такимъ образомъ описаніе языческаго міра, какое сдѣлалъ св. апостолъ Павелъ въ первой главѣ посланія къ римлянамъ, оказывается поразительно вѣрнымъ безъ малѣйшаго проувеличенія. Люди, имѣвшіе болѣе строгія понятія о нравственности, въ числѣ ихъ и самъ Сенека, по своему поведенію, не были впрочемъ лучше простаго народа и *соизволяли творящимъ*, какъ сказалъ св. апостолъ. Естественно, что, при такомъ упадкѣ вѣры и нравственности, раждалось повсюду смутное чувство необходимости возстановленія истинной вѣры и примиренія съ оставленнымъ Божествомъ. Не задолго до времени появленія христіанства получила свое начало замѣчательная въ этомъ отношеніи повѣсть о Психеѣ или душѣ. Душа падшая, оскорбившая Бога своимъ невѣріемъ и за это изгнанная изъ Его жилища, безпокойно и безутѣшно блуждая повсюду, ищетъ Его, желая испросить у Него прощеніе,—и никакъ не можетъ найти ни въ храмахъ языческихъ, ни въ природѣ, ни даже въ мірѣ таинственныхъ привидѣній; но любвеобильный Богъ умилостивляется ея мученіями, ея непобѣдимою любовію, является къ ней Самъ,—примирившись, заключаетъ съ нею вновь священный союзъ (ἱερὸν γάμον) и возвращаетъ ей прежнюю блаженную жизнь съ Собою (²). Послѣдователи Платона и стоики ожидали, что скоро вновь настанетъ первобытное блаженное состояніе невинности въ человѣческомъ родѣ, и народъ

(¹) *Seneca* de Ira. II, 8.
(²) *Apulei* Metamorph. IV, 83. *Fulgentius*, Mythologicor. III. 6.

раздѣлялъ съ ними ихъ ожиданіе золотаго вѣка ([1]). Вспомнили, что есть объ этомъ древнія преданія, которымъ, по общему сознанію, время было исполниться. Поэты въ своихъ стихотвореніяхъ, ораторы въ своихъ рѣчахъ сенату, историки въ своихъ повѣствованіяхъ о знаменитыхъ лицахъ, честолюбивые искатели для исполненія своихъ замысловъ, каждый по своему, пользовались всеобщимъ въ народѣ ожиданіемъ великаго царя, который возвратитъ всему міру золотой вѣкъ первобытной невинности ([2]). Язычники чувствовали, что они *мертвы прегрѣшеньми* и *безбожни въ мірѣ* (Еф. 2, 1. 12).

Народъ іудейскій.

Для поддержанія въ родѣ человѣческомъ истинной вѣры, премудрый Богъ избралъ іудеевъ,—народъ, не знаменитый своею силою или просвѣщеніемъ, подобно римлянамъ и грекамъ, но малочисленный и незначительный среди другихъ народовъ, — какбы желая научить насъ, что не внѣшнее могущество и образованность, но просвѣщеніе отъ Бога и вѣрность божественному откровенію необходимы человѣку, если онъ хочетъ сохранить истинный союзъ съ Богомъ. Въ самомъ дѣлѣ, изумительное явленіе! Между тѣмъ, какъ образованнѣйшіе мужи

([1]) *Heyne*, Annotat. in Virgilium, tom. 1. pag. 96.

([2]) Свидѣтельства объ ожиданіи римлянами всеобщаго царя, который возвратитъ золотой вѣкъ первобытной невинности, изъ сочиненій Цицерона, Виргилія, Саллюстія, Тацита, Светонія, Аппіана, собраны и указаны въ статьѣ Христ. Чтен. 1838 года, ч. III, стр. 70—79: *Было ли и откуда происходило ожиданіе Спасителя у язычниковъ?*—Вотъ замѣчательнѣйшее мѣсто изъ Виргилія: Eclog. IV, v, 4—10.

Греціи и Рима терялись въ недоумѣніяхъ и догадкахъ о свойствахъ истиннаго Бога, о средствахъ угожденія Ему, о судьбѣ человѣка, въ Іудеи, этомъ маленькомъ уголку земли, гдѣ никогда не было ни школъ философскихъ, ни вообще большой образованности, самый послѣдній и самый не образованный человѣкъ положительно могъ знать все, о чемъ тщетно домогалась составить себѣ приблизительное понятіе языческая мудрость! Впрочемъ, это вполнѣ ясно для того, кто вѣруетъ что самъ Господь, послѣ неоднократныхъ откровеній патріархамъ іудейскимъ, чрезъ раба своего Моисея преподалъ іудеямъ истинную вѣру. Не ходатай, не ангелъ, но самъ Господь управлялъ потомъ народомъ іудейскимъ, который то вѣренъ былъ закону Божію, то преступалъ его. Когда іудеи свято хранили вѣру свою, Господь награждалъ ихъ благосостояніемъ; а когда измѣняли ей, наказывалъ ихъ разнаго рода бѣдствіями. Для поддержанія въ нихъ вѣры, благоговѣнія къ святому закону своему и надежды на пришествіе Искупителя, Онъ постоянно давалъ имъ новыя и яснѣйшія откровенія чрезъ пророковъ. Когда же и эта чрезвычайная мѣра милосердія Божія не предохранила евреевъ отъ забвенія закона Божія, Богъ предалъ ихъ въ плѣнъ врагамъ. Сначала десять колѣнъ израильскаго народа предалъ въ рабство ассиріянамъ, и такъ какъ не нашелъ въ нихъ полнаго раскаянія, то разсѣялъ ихъ между всѣми народами. Потомъ и остальныхъ іудеевъ, которые не вразумились примѣромъ своихъ собратій, наказалъ плѣненіемъ вавилонскимъ. Но эти скоро раскаялись; сознавая, какъ много прогнѣвали они Бога, бѣдные плѣнники, собравшись, садились на берегахъ рѣкъ вавилонскихъ и плакали горькими слезами при воспоминаніи о Сіонѣ: ихъ священ-

ныя лиры не тронутыми висѣли *на вербіихъ* и голосъ не могъ пѣть боговдохновенныхъ пѣсней *на земли чуждей*. Тогда Господь, услышавъ раскаяніе людей своихъ, открылъ имъ, что не оставитъ ихъ своею милостію и возвратитъ въ отечество; открылъ вмѣстѣ, что назначаетъ только 490 лѣтъ до пришествія Христа, который устроитъ царство вѣчное, низложитъ всеобщее господство грѣха, своею смертію изгладитъ беззаконія, исполнитъ все, что было предсказано, и для всѣхъ людей будетъ навсегда правдою вѣчною. Возвратившись въ отечество, утѣшенные пророчествомъ іудеи ревностно старались возобновить храмъ Господу Богу и богослуженіе по закону Моисееву. Никакія препятствія не могли остановить ихъ въ этомъ святомъ дѣлѣ, потому что Господь подтвердилъ чрезъ пророковъ, что въ этотъ храмъ придетъ Христосъ— надежда всѣхъ народовъ, и что такимъ образомъ онъ будетъ даже славнѣе перваго храма (Агг. 2, 8), что день Господень уже настаетъ, Господь уже грядетъ въ церковь свою, уже посылается и предтеча Господа (Мал. 3, 1; 4, 4—6). Іудеи съ вѣрою приняли пророчества и постоянно имѣли теперь въ памяти обѣтованіе, данное чрезъ Моисея, о Пророкѣ—Законодателѣ; такъ что, когда утверждали за потомствомъ Симона Маккавея званіе вождя и архіерея, положили условіемъ, что это будетъ только до того времени, *дондеже востанетъ Пророкъ вѣренъ* (1 Макк. 14, 41).

Секты іудейской Церкви.

Хотя всѣ іудеи, возвратившіеся изъ Вавилона въ отечественную землю, преимущественно предъ оставшимися

въ разсѣяніи были ревнителями закона; однако скоро, особенно со времени Александра Македонскаго, многіе изъ нихъ стали прельщаться греческою образованностію и предпочитать чужеземное своему отечественному, даже въ нѣкоторой степени стыдиться своихъ родныхъ обычаевъ и всего, что должны бы были считать своимъ драгоцѣннѣйшимъ наслѣдіемъ отъ предковъ,—оставивъ изученіе слова Божія, завели у себя въ Іерусалимѣ языческое училище, стали называть себя антіохіянами, считая постыднымъ называться своимъ собственнымъ именемъ, начали предпочитать священному богослуженію языческія зрѣлища. Милосердый Господь хотѣлъ снова обратить ихъ на путь истинный наказаніемъ: кромѣ того, что нѣсколько тысячъ іудеевъ переселены были въ Египетъ, гдѣ скоро подверглись многимъ притѣсненіямъ, оставшіеся въ Палестинѣ іудеи постоянно терпѣли гоненія отъ сосѣднихъ государей, египетскихъ и сирійскихъ. Особенно тягостно было для іудеевъ гоненіе Антіоха Епифана: этотъ государь истреблялъ между ними все іудейское, желая и по вѣрѣ и по нравамъ сдѣлать ихъ настоящими греками, — жегъ священныя книги, какія только могъ найти, осквернилъ самое святилище храма, поставивъ въ немъ идолъ Юпитера олимпійскаго, и, подъ страхомъ смерти, указомъ повелѣлъ всѣмъ іудеямъ принимать вѣру отъ присланныхъ имъ греческихъ проповѣдниковъ язычества. Тогда многіе изъ іудеевъ раскаялись и запечатлѣли вѣру свою въ истиннаго Бога мученическою смертію: поэтому Господь прекратилъ времена гоненія. Но преступная наклонность къ чужеземнымъ богопротивнымъ обычаямъ долго еще находила себѣ приверженцевъ между іудеями. Противъ этихъ любителей чужеземнаго отдѣлилась въ іудейской Церкви другая сторона—ревнителей

своего отечественнаго, сторона фарисеевъ, т. е. отдѣлившихся, избранныхъ. Фарисеи [1] однако не были лучше своихъ противниковъ: ожесточенная ненависть къ саддукеямъ, отвергавшимъ отечественныя преданія и любившимъ свободу въ мысляхъ, развила въ фарисеяхъ самую мелочную привязанность ко всѣмъ стариннымъ обрядамъ и обычаямъ. Потерявъ духъ истиннаго благочестія, они о томъ только и старались, чтобы во всей точности исполнить каждое изъ древнихъ обыкновеній, никогда впрочемъ не бывшихъ общими и обязательными, и проповѣдовали, что кто не исполняетъ всѣхъ этихъ обыкновеній съ точностію, тотъ нечестивецъ и отступникъ. Между тѣмъ, исполняя ихъ сами, думали, что по праву могутъ называть себя людьми истинно вѣрующими, благочестивыми и святыми. По убѣжденію этихъ мнимосвятыхъ людей, каждое преступленіе, какъ скоро съ доброю цѣлію было окончено безъ дурныхъ послѣдствій и укрылось отъ человѣческаго суда, не было уже ни малѣйшимъ грѣхомъ и совершенно заглаждалось извѣстными обрядами: такъ свидѣтельствуетъ Іосифъ Флавій, самъ въ молодости принадлежавшій къ сектѣ фарисеевъ [2]. По ихъ понятіямъ, нисколько не грѣшно было совершить самое ужасное преступленіе, только бы не поднять руки въ субботу, не ѣсть вмѣстѣ съ мытарями, только бы исполнить внѣшніе обряды, сами по себѣ необходимые, но потерявшіе у нихъ надлежащее значеніе, потому что изъ за обрядовъ они преступали заповѣди Божіи, — потому что для буквы они

---

(1) Источниками повѣствованія о фарисеяхъ, послѣ книгъ св. писанія, служатъ сочиненія Іосифа Флавія и Филона.

(2) Древност. Іудейск. кн. XII, гл. IX, 1.

оставили духъ закона Господня. И вотъ кого весь народъ почиталъ людьми святыми, достоподражаемыми, на кого во всемъ полагался (¹)! Всѣ фарисеи отличались необыкновеннымъ единодушіемъ, всегда были согласны между собою въ ненависти къ саддукеямъ и презрѣніи ко всѣмъ, кто не былъ съ ними одинаковыхъ понятій или не почиталъ ихъ святыми. Сознавая свою мнимую святость, они старались, какъ можно болѣе, имѣть у себя послѣдователей; съ удовольствіемъ принимали всеобщее почтеніе отъ другихъ и искренно почитали себя достойными того: но ограбить вдовицу, которая не умѣла угодить имъ, отнять наслѣдіе у малолѣтнихъ, притѣснить слабыхъ, но честныхъ людей, подавлять все, что не преклонялось предъ ихъ святостію, вредить благостостоянію людей, по ихъ понятіямъ, нечестивыхъ — это было для фарисеевъ самымъ обыкновеннымъ и добрымъ дѣломъ. По истинѣ, они подобны были гробамъ раскрашеннымъ, со внѣ красивымъ, а внутри полнымъ безобразныхъ костей и нестерпимаго смрада. Не надобно впрочемъ думать, чтобы между послѣдователями фарисеевъ совершенно не было людей, дѣйствительно болѣе всего дорожившихъ истинною вѣрою и подлинно богобоязненныхъ; таковы, конечно, были: Іосифъ аримаѳейскій, Никодимъ, Симеонъ Богопріимецъ, Захарія и другіе благочестивые люди, упоминаемые въ евангеліи. Особенно въ простомъ народѣ, также портившемся отъ вліянія фарисеевъ, было весьма не мало людей съ простымъ серцемъ и доброю вѣрою. Народъ благоговѣлъ предъ

(¹) О подраздѣленіи секты фарисеевъ на семь различныхъ отдѣленій см. *Stolberg*, Geschichte der Religion Jesu Christi, tom. 4, Beylage 1; сравн. *Евсев.* Церк. Ист. кн. 2, гл. 23: *семь народныхъ сектъ.*

фарисеями, во всемъ повиновался ихъ руководству; но онъ предполагалъ въ нихъ столько же строгости нравственной, сколько видѣлъ ихъ строгими въ обрядахъ и обыкновеніяхъ. Фарисеи умѣли говорить о законѣ хорошо и рѣчей ихъ можно было слушаться безъ вреда для нравственности, даже съ пользою; только не нужно было подражать ихъ жизни.

Въ противоположность фарисеямъ, саддукеи представляли изъ себя еретиковъ іудейской Церкви; это большею частію были люди знатные, богатые и образованные. Они явились гораздо прежде, нежели получили себѣ такое имя отъ Садока, жившаго лѣтъ за 250 до Рождества Христова. Не цѣня столько, какъ фарисеи, внѣшнихъ обрядовъ и отечественныхъ преданій отъ предковъ, смотря менѣе строго на знакомство съ обыкновеніями другихъ народовъ, саддукеи признавали, что во всякомъ случаѣ необходимо исполнять всѣ предписанія закона Моисеева и исполнять не въ ожиданіи за это награды или наказанія въ жизни вѣчной, подобно наемникамъ, или рабамъ, а изъ чистой любви къ Богу, благоволившему изъ всѣхъ народовъ призвать къ служенію Себѣ одинъ народъ іудейскій. Такъ каждая ересь начинается болѣе или менѣе подъ благовиднымъ предлогомъ! Можетъ быть, что въ началѣ саддукеи не отвергали и всѣхъ преданій, а только по своимъ понятіямъ дѣлали между ними выборъ. Но скоро ненависть къ фарисеямъ довела ихъ до того, что они не только отвергли всѣ преданія, устныя и записанныя ихъ предками, но и къ богодухновеннымъ книгамъ свящ. писанія, появившимся послѣ времени Моисея, потеряли должное благоговѣніе,—хотя и принимали ихъ, но уважали собственно одно Моисеево пятокнижіе. Какъ люди, полагающіеся такимъ образомъ на

свой разсудокъ болѣе, нежели сколько должно, саддукеи потомъ отвергли бытіе ангеловъ и злыхъ духовъ, хотя въ самомъ свящ. писаніи могли бы найти для этого несомнѣнныя основанія. Отвергнувъ же бытіе духовнаго міра, они усумнились потомъ и въ духовности души человѣческой, отвергли ея безсмертіе и пришли къ мысли, что нѣтъ основанія допускать ученіе о необходимости будущаго воскресенія мертвыхъ. Такъ изъ людей благонамѣренныхъ они сдѣлались мало по мало совершенными еретиками, отвергнувъ уже не только поврежденныя преданія іудеевъ, но и догматы іудейской Церкви. Постоянно повторяя справедливую мысль, что должно исполнять законъ Божій не изъ лицемѣрія, не изъ страха вѣчныхъ мученій, подобно фарисеямъ, а по собственному доброму стремленію дѣлать угодное Богу, они мало по малу привыкли думать, что будущихъ мученій и вѣчныхъ наградъ за гробомъ не будетъ, что если Богъ обѣщаетъ награды за исполненіе закона и угрожаетъ наказаніями за нарушеніе, то Онъ можетъ наградить или наказать, какъ дѣйствительно награждаетъ или наказываетъ, въ настоящей жизни. Отъ обѣщаннаго Богомъ Христа саддукеи по преимуществу ожидали для себя только земнаго блаженства (1). Не допуская другой жизни, кромѣ временной, и зная, что, по слову Божію въ законѣ Моисеевомъ, благосостояніе ея зависитъ отъ исполненія этого закона и бѣдствія происходятъ отъ нарушенія его, саддукеи были самыми строгими и точными исполнителями обрядовъ Моисеева закона (2). Смотря съ презрѣніемъ на

(1) *Grossmann*, de philosophia Saduceor. ed. Lips. 1836.

(2) Весь разсказъ о саддукеяхъ основывается главнымъ образомъ, послѣ свящ. писанія, на свидѣтельствахъ Іос. Флавія, который не имѣлъ никакого повода хвалить несправедливо, въ какомъ бы то ни было отношеніи, саддукеевъ.— *Basnag*. Hist. des Juifs, ch. 14.

народъ, благоговѣвшій предъ фарисеями, и ненавидя самихъ фарисеевъ, они, строгіе и суровые въ своей жизни, развили въ себѣ характеръ жесткій, гордый, высокомѣрный, которымъ такъ отличались въ своемъ обращеніи съ другими. Саддукей не уважалъ даже своего собрата по вѣрованіямъ и понятіямъ: предпочитая его другимъ, онъ и его всегда считалъ гораздо ниже себя; оттого между саддукеями никогда не было единодушія, и они всегда должны были уступать фарисеямъ. Когда саддукей хотѣлъ получить мѣсто первосвященника, или члена синедріона, онъ долженъ былъ по внѣшности перейти на сторону фарисеевъ, т. е. людей, почитавшихся истинно вѣрующими. Подобныхъ примѣровъ было, по всей вѣроятности, весьма много (1); потому что на высшія правительственныя мѣста саддукеи большею частію имѣли право по своему рожденію, а между тѣмъ не могли бы занять ихъ, принадлежа къ сектѣ еретической. Каковы же были члены синедріона, или первосвященники іудейской Церкви, когда такой высокій и священный санъ принимали на себя люди, въ душѣ своей не имѣвшіе ни вѣры, ни добраго человѣческаго чувства!

Кромѣ фарисеевъ и саддукеевъ явились въ послѣднее время около пришествія І. Христа и другіе расколы въ Церкви іудейской, которые впрочемъ не имѣли значительнаго вліянія на ходъ событій и были весьма малочисленны. Болѣе замѣчательны изъ нихъ секты ессеевъ въ Палестинѣ и ѳерапевтовъ въ Египтѣ (2).

---

(1) Іосифъ Флавій много разъ указываетъ на подобные примѣры: Древност. Іуд. книга XIII, гл. X, отд. 6; кн. XVIII, 1—4.—О войнѣ іуд. кн. 2, гл. 8. отд. 14; и говоритъ, что такъ бывало обыкновенно.

(2) См. *Stolberg*, Geschichte d. Relig. J. Christi, tom. 4, Beylage 1, Seite 499—524.

Ожиданіе пришествія Христова.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ судъ Божій на іудеевъ, которые такъ низвратили свою святую вѣру въ то время, когда, ежедневно ожидая пришествія Христова, должны бы были соблюдать ее во всей чистотѣ. Постоянныя междоусобныя войны, самыя жестокія и кровопролитныя, постоянныя притѣсненія отъ иноземныхъ государствъ — вотъ вся ихъ исторія со времени Симона Праведнаго до самаго конца. Наконецъ Господь совершенно лишилъ ихъ самостоятельнаго управленія и подчинилъ господству римскаго народа. Между тѣмъ іудеямъ обѣщано было еще чрезъ патріарха Іакова, что самостоятельное управленіе будетъ у нихъ до самаго пришествія Христова; чрезъ пророка Даніила Господь открылъ имъ, что Онъ опредѣлилъ 490 лѣтъ отъ времени указа о возсозданіи Іерусалима, послѣ плѣненія вавилонскаго, до Христа Старѣйшины. Самостоятельное правленіе въ Іудеи кончилось; назначенныя 490 лѣтъ проходили: гдѣ же Мессія, — гдѣ Христосъ?—вотъ о чемъ думали всѣ іудеи. Одинъ благочестивый старецъ молился Господу, чтобы онъ ускорилъ пришествіе Помазанника своего; и сему старцу *обѣщано* было *Духомъ Святымъ не видѣти смерти, прежде даже не видитъ Христа Господня*. Когда, по рожденіи Спасителя, языческіе мудрецы, пришедшіе съ востока, спросили въ Іерусалимѣ: гдѣ Христосъ раждается? — Въ Виѳлеемѣ іудейскомъ, — отвѣчали имъ іудеи безъ всякаго затрудненія. Но какого Христа ожидали они, эти люди, большею частію потерявшіе духъ истинной вѣры, или ограничившіе свои желанія только благами настоящей жизни! Постоянныя при-

тѣсненія отъ язычниковъ и бѣдствія отъ своихъ собственныхъ междоусобій развили въ этихъ чувственныхъ людяхъ съ сердцемъ отучнѣвшимъ, умомъ ослѣпленнымъ и невѣрующимъ, въ этихъ лицемѣрахъ, гордыхъ своею мнимою святостію и презиравшихъ всѣ другіе народы, развили, укоренили, сдѣлали общею и всѣми принятою ту мысль, что Христосъ будетъ ихъ избавителемъ отъ иноземнаго владычества, доставитъ имъ всемірное господство и самъ вѣчно будетъ царствовать въ Іерусалимѣ на престолѣ Давида, отца своего, осыпавъ іудеевъ всѣми земными благами за мнимо-точное исполненіе Моисеева закона. Болѣе они ничего не ожидали и не желали отъ Мессіи. Зачѣмъ избавлять ихъ отъ грѣховъ, когда они всѣ совершенно святы? Зачѣмъ примирять ихъ съ святѣйшимъ Господомъ, когда они, одни они, имѣютъ завѣтъ съ Нимъ? Зачѣмъ учить ихъ вѣрѣ и доброй жизни, когда они все знаютъ сами? Для чего имъ благодатныя силы къ дѣланію добра, когда и такъ каждый изъ нихъ отъ юности соблюдаетъ, какъ нельзя точнѣе, всѣ заповѣди Божія закона? Зачѣмъ имъ благодатное усыновленіе Богу и вѣчное блаженство въ жизни будущей, когда рабство земному Мессіи и владычество надъ язычниками, при обиліи земныхъ благъ, нравятся имъ всего болѣе? Прародители наши вѣровали, что Сѣмя жены сотретъ главу змія; но они считали себя великими грѣшниками предъ Богомъ! Правда, пророки возвѣщали іудеямъ, что Христосъ будетъ язвенъ за грѣхи наши, мученъ за беззаконія наши, *яко овча*—дастся на заколеніе за людскіе грѣхи, чтобы даровать людямъ жизнь вѣчную, что Онъ проданъ будетъ цѣною раба за тридцать сребренниковъ, будетъ прободенъ, и іудеи восплачутся о Немъ плаканіемъ и поболятъ о Немъ болѣзнію; но подобныя слова проро-

ковъ, какъ не сообразныя съ собственными понятіями іудеевъ, оставляли въ нихъ мало впечатлѣнія. Они охотнѣе читали, по своему понимая, такія пророчества, гдѣ говорится, что царствію Христову не будетъ конца, что Христу покорятся всѣ народы, что Онъ спасетъ израиля и вознесетъ славу людей своихъ. Чувственно перетолковывая по своимъ желаніямъ слово Божіе, они постоянно и повсюду предъ временемъ пришествія Іисуса Христа распространяли молву, что скоро изъ Іудеи выдутъ всемірные завоеватели, покорятъ своему господству всѣ народы, — что это непремѣнно будетъ, потому что такъ написано въ ихъ древнихъ, священныхъ и пророческихъ книгахъ. Многіе ослѣпленные мечтатели и честолюбцы, пользуясь общимъ направленіемъ мыслей, дерзко рѣшались даже принимать на себя лице и званіе Мессіи ([1]), давая обѣщаніе освободить іудеевъ отъ господства римлянъ и сдѣлать ихъ верховными обладателями цѣлаго свѣта; но такъ какъ дѣло этихъ лжемессій было не отъ Бога, то оно и уничтожалось само собою.

Между тѣмъ отъ іудеевъ это ожиданіе всемірнаго Царя перешло къ язычникамъ и, распространившись по всему міру, сдѣлалось всеобщимъ, особенно у народовъ восточныхъ. Описывая исторію іудейской войны, римскій историкъ Тацитъ говоритъ: «тогда почти всѣ были убѣждены, будто въ древнихъ, священныхъ писаніяхъ есть предсказаніе, что именно въ это самое время востокъ получитъ необыкновенную силу и изъ Іудеи выдутъ верховные обладатели всего міра» ([2]). Светоній, описывая

([1]) *Дѣян.* 5, 36. *Іосиф. Флав.* Древност. іудейск. кн. 20.

([2]) *Tacit.* Hist. lib. V, cap. 13: Pluribus persuasio inerat, antiquis sacerdotum litteris contineri, eo ipso tempore fore, ut valesceret oriens, profectique Iudaea rerum potirentur.

жизнь Веспасіана, говоритъ тоже самое: «на всемъ востокѣ повсюду распространено было древнее и постоянное вѣрованіе, что, по предопредѣленію судьбы, въ это самое время выйдутъ изъ Іудеи верховные обладатели всего міра» ([1]). Подобныя мысли должны были перейти къ язычникамъ главнымъ образомъ чрезъ іудеевъ, жившихъ внѣ Палестины въ разсѣяніи между всѣми народами. Десять колѣнъ, плѣненныхъ ассиріянами, не возвращались никогда на свою родину, — изъ плѣненія вавилонскаго возвратились также не всѣ іудеи; при Александрѣ Македонскомъ и Птоломеѣ Лагѣ около двухъ сотъ тысячъ іудеевъ переселились изъ Іудеи въ Египетъ. Всѣ эти іудеи, называвшіеся іудеями разсѣянія (οἱ ἐν τῇ διασπορᾷ), скоро распространились не только во всей Малой Азіи, Сиріи, Персіи, Индіи, Китаѣ, но также въ Греціи и странахъ африканскихъ. Скоро во множествѣ явились они и въ самомъ Римѣ, куда влекла ихъ свойственная имъ промышленность и надежда обогатиться въ городѣ, обладавшемъ цѣлою вселенною. Особенно въ Египтѣ образовалось для іудеевъ какбы второе отечество: тамъ населяли они цѣлые города и пользовались правомъ гражданства, имѣли свои синагоги, свой синедріонъ, по подобію іерусалимскаго состоявшій изъ 70 старѣйшинъ, управлялись собственнымъ своимъ судомъ и своими начальниками. Въ одной Александріи жило болѣе 50 тысячъ іудеевъ. Между тѣмъ, живя постоянно среди грековъ и бывъ принуждены почти всегда говорить на греческомъ языкѣ, который со времени Александра Македонскаго сдѣлался всеобщимъ, они естественно мало по малу забы-

([1]) *Sveton.* Vita Vespas. cap. IV: Percrebuerat oriente toto vetus et constans opinio, esse in fatis, ut eo tempore Iudaea profecti rerum potirentur.

вали свой природный языкъ. Если палестинскіе іудеи, возвратившись изъ вавилонскаго плѣненія, нуждались въ изъясненіи нѣкоторыхъ словъ при чтеніи свящ. писанія; то іудеямъ александрійскимъ, сдѣлавшимся по языку совершенно еллинами, необходимъ сдѣлался полный переводъ свящ. писанія съ еврейскаго на греческій языкъ. Скоро такой переводъ, именно тотъ самый, который извѣстенъ подъ именемъ семидесяти толковниковъ, при благодатномъ содѣйствіи Божіемъ, дѣйствительно, и былъ для нихъ сдѣланъ по самому лучшему подлиннику, доставленному, при посредствѣ египетскаго государя Птоломея Филадельфа, покровителя іудеевъ, отъ іерусалимскаго первосвященника Елеазара. Переводъ былъ прочитанъ въ синедріонѣ всѣхъ іудейскихъ старѣйшинъ въ Александріи, одобренъ имъ и принятъ въ употребленіе вмѣсто еврейскаго текста съ такою радостію, что въ воспоминаніе этого священнаго и спасительнаго для вѣры событія установленъ былъ александрійскими іудеями ежегодный праздникъ, который они совершали еще во времена Филона, т. е. болѣе трехъ сотъ лѣтъ спустя послѣ его установленія (1). Чрезъ этотъ переводъ свящ. писаніе сдѣлалось доступнымъ для всѣхъ язычниковъ, принимавшихъ іудейскую вѣру, или любопытствовавшихъ узнать іудейское вѣроученіе, и онъ, по дѣйствію промысла Божія, какбы нарочно приготовленъ былъ самими іудеями для христіанъ, которые скоро должны были повсюду явиться и которые не могли бы удобно пользоваться богодухновеннымъ писаніемъ ветхаго завѣта, еслибы не существовало для нихъ его перевода на общеизвѣстномъ въ то время греческомъ языкѣ. Около 160 лѣтъ предъ

(1) *Филон.* о жизни Моисея, кн. 2.

Р. Хр., Онія, сынъ Оніи III, первосвященника іудейскаго, не могши сдѣлаться первосвященникомъ въ Іудеи, переселился въ Египетъ, богатыми дарами пріобрѣлъ себѣ расположеніе египетскаго государя, получилъ отъ него въ управленіе иліопольскую провинцію, населилъ ее одними іудеями и построилъ въ Иліополѣ храмъ, по подобію храма іерусалимскаго,—поставилъ въ немъ священниковъ и левитовъ и открылъ богослуженіе по закону Моисееву (¹). Не ограждая себя строго отъ сношеній съ язычниками, александрійскіе іудеи пріобрѣли себѣ у нихъ славу людей мудрыхъ и имѣющихъ глубокія знанія о религіи: греческій философъ Ѳеофрастъ, ученикъ Аристотеля, называлъ ихъ всегда народомъ философовъ, который преданъ единственно любомудрію о Богѣ (²). Съ одной стороны это, конечно, было хорошо, способствуя тому, что многіе изъ язычниковъ принимали іудейскую вѣру; но имѣло и свою дурную сторону. Нѣкоторые изъ іудеевъ сами до неразумія увлеклись греческою философіею, такъ что образовали въ Александріи даже особенную философскую школу, которой знаменитѣйшимъ представителемъ былъ Филонъ, жившій около 40-го г. послѣ Р. Хр., и которая старалась сблизить вѣроученіе іудейской Церкви съ ученіемъ Платона и нѣкоторыми вѣрованіями древнихъ восточныхъ народовъ (³). Точно также

(¹) *Іосиф. Флав.* Древност. Іуд. кн. XIII, гл. 6.

(²) Это свидѣтельство сохранилъ языческій философъ Порфирій въ своемъ сочиненіи *De abstin.* lib. 1, cap. 2, § 26 et cap. 4, § 11.

(³) Сочиненія Филона издавались нѣсколько разъ: во Франкфуртѣ 1691 г., въ Ерлангенѣ 1785 г., въ Лондонѣ 1742 г. На нихъ основано сочиненіе *Döhne:* изложеніе исторіи александрійской іудейско-религіозной философіи, изд. въ Галле 1834 г.,—и *Штауденмайера*, система Филона, излож. въ Philosophie des Christenthums, 1 т. стр. 360—462, изд. 1840 г.

іудеи, разсѣянные по востоку, передавая свою вѣру язычникамъ, мало по малу и отъ нихъ заимствовали нѣкоторыя понятія изъ древней религіи зендовъ, съ которою могли познакомиться чрезъ персидскихъ жрецовъ. Впрочемъ о большей части іудеевъ, бывшихъ въ разсѣяніи, надобно сказать, что, гдѣ бы ни находились они, повсюду имѣя свои синагоги, почти вездѣ и всегда они сохраняли въ себѣ удивительную привязанность къ обѣтованной землѣ и обрядамъ отцевъ своихъ,—всѣми силами поддерживали дѣятельныя сношенія съ Іерусалимомъ, посылая должную дань въ церковное казнохранилище и сами часто путешествуя въ Іерусалимъ для принесенія жертвъ и для участія въ великихъ праздникахъ іудейской Церкви. Потому-то они и раздѣляли всѣ убѣжденія и надежды палестинскихъ іудеевъ.

Пришельцы іудейской Церкви и самаряне.

Разсѣяніе іудеевъ по всему свѣту, служа для нихъ наказаніемъ за преступленіе закона Божія, было вмѣстѣ дѣломъ особеннаго промысла Божія о язычникахъ. Какъ бы ни упала вѣра между іудеями, во всякомъ случаѣ они были способнѣе язычниковъ принять христіанство; къ его принятію побуждали ихъ Законъ и Пророки, къ его усвоенію приготовляло истинное ученіе о Богѣ и богопочтеніи, которое іудеямъ открыто было самимъ Господомъ и о которомъ язычники не могли составить себѣ никогда правильнаго понятія. Поэтому распространеніе между язычниками іудейской вѣры и іудейскихъ ожиданій могло быть и дѣйствительно было благодѣтельнымъ приготовленіемъ всего человѣческаго рода къ вѣрѣ во І. Христа.

Церковь іудейская всегда имѣла множество пришельцевъ, или людей, которые, по рожденію не бывъ іудеями, соблюдали однако же болѣе или менѣе іудейскую вѣру. Если еще при переходѣ израильтянъ изъ Египта въ землю обѣтованную съ ними было не менѣе пришельцевъ, чѣмъ ихъ самихъ: то что сказать о временахъ Соломона, когда въ строеніи храма участвовали сто пятьдесятъ тысячъ иноплеменниковъ и только тридцать тысячъ іудеевъ,— когда царь, при освященіи храма, молилъ Господа, чтобы Онъ принималъ въ семъ храмѣ молитвы какъ евреевъ, такъ и другихъ народовъ, которые издалеча пріидутъ въ него призвать имя Божіе? Но особенно послѣ вавилонскаго плѣна быстро начало распространяться іудейство между язычниками (1). Бывъ убѣждены въ божественности своей вѣры и понимая, до какой степени заблужденія дошли язычники, разсѣявшіеся повсюду іудеи ревностно проповѣдовали имъ ее, при постоянныхъ житейскихъ сношеніяхъ съ ними. Всеобщее невѣріе въ боговъ, желаніе перемѣны, или безразличіе и суевѣріе въ дѣлѣ богопочтенія, которыя сдѣлались всеобщими въ языческомъ мірѣ предъ временемъ пришествія І. Христа, были причиною, что язычники въ это время принимали іудейскую вѣру весьма охотно: многіе по убѣжденію принимали ее во всей полнотѣ и даже обрѣзывались, — такіе назывались пришельцами дѣйствительными, пришельцами правды (gerej hacedek); другіе, не обрѣзываясь, принимали вѣру во единаго Бога, отвергали языческіе обряды богослуженія, уважали іудейскіе праздники: это были пришельцы вратъ, — церковнаго порога (gerej haschaiar); иные, оста-

(1) *Groot*, De migrationibus Hebr. extr. patriam ante Hieros. a Romanis deletam, ed. 1817 an.

ваясь въ язычествѣ, заимствовали отъ іудеевъ почтеніе къ субботѣ, омовенія и правила касательно тѣлесной чистоты, также нѣкоторые другіе обряды: они не назывались пришельцами, но были уже ближе язычниковъ къ вѣрѣ Христовой, потому что раздѣляли съ іудеями ожиданіе Мессіи. Какъ скоро передавались изъ Палестины іудеямъ разсѣянія и пришельцамъ всѣ понятія и убѣжденія касательно вѣры, можно понять изъ того примѣра, что, когда апостолъ Павелъ прибылъ въ Ефесъ, онъ уже нашелъ тамъ крещенныхъ Іоанновымъ крещеніемъ во грядущаго Мессію (Дѣян. 19, 1—5).

Кромѣ пришельцевъ, образовался отъ смѣшенія іудеевъ съ язычниками еще одинъ особенный родъ людей съ своими собственными вѣрованіями. То были самаряне,— народъ, населявшій сѣверную Палестину и образовавшійся послѣ ассирійскаго плѣна изъ смѣси переселенныхъ сюда ассирійскимъ царемъ Салманассаромъ язычниковъ съ остаткомъ прежде жившихъ здѣсь израильтянъ. Уже по самому происхожденію своему самаряне были ненавистны іудеямъ, тѣмъ болѣе, что, будучи особенно въ началѣ не столько іудеями, сколько язычниками, они старались утвердить за собою славу истинныхъ потомковъ Іакова. Скоро впрочемъ они отвергли многобожіе и приняли законъ Моисеевъ, не принявъ только всѣхъ книгъ свящ. писанія, писанныхъ послѣ Моисея, что, по мнѣнію Іудеевъ, дѣлало ихъ хуже язычниковъ (¹). Около времени Александра Македонскаго одинъ изгнанный изъ Іудеи священникъ построилъ для самарянъ храмъ на горѣ Гаризинъ, поставилъ священниковъ изъ колѣна Левіина и внушилъ имъ пріятную для нихъ мысль, что

(¹) *Sylv. de Sacy.* Mémoires sur l'état actuel des Samaritains, Paris, 1812.

Гаразинъ и есть именно то мѣсто, на которомъ по закону Моисееву надобно было приносить молитвы Господу: это возбуждало ненависть іудеевъ къ нимъ еще болѣе. Іерусалимлянинъ не могъ иначе и назвать самарянина, какъ нечистымъ псомъ; прикоснуться къ чему нибудь самарянскому, проѣхать чрезъ городъ, населенный самарянами, напиться воды изъ рукъ самарянина было для іудея самымъ большимъ оскверненіемъ. Съ своей стороны и самаряне не лучше обращались съ іудеями: однажды одно самарянское селеніе не хотѣло принять къ себѣ даже І. Христа, котораго самаряне признавали великимъ пророкомъ и чудотворцемъ, и не приняло только потому, что Онъ имѣлъ намѣреніе идти чрезъ это селеніе въ Іерусалимъ (Лук. 9, 53). При Антіохѣ Епифанѣ самаряне склонились было къ идолопоклонству, посвятили храмъ свой Юпитеру олимпійскому: Господь наказалъ ихъ за это; храмъ гаразинскій былъ разрушенъ,—и они снова обратились къ истинному Богу. Ожиданіе пришествія Христова было между ними постоянно: они надѣялись, что, когда придетъ Христосъ, то Онъ возвѣститъ имъ все, возвѣститъ, гдѣ должно поклоняться Богу и въ чемъ должно состоять служеніе Ему.

Какъ между самарянами, такъ и между пришельцами всегда были благочестивые люди. Много было вдовицъ во дни Иліи пророка въ землѣ израильской: но ни къ одной изъ нихъ не посланъ былъ Илія, а онъ былъ посланъ къ женѣ вдовицѣ въ Сарепту сидонскую. Много было прокаженныхъ между израильтянами при Елиссеѣ пророкѣ; и никто изъ нихъ не удостоился исцѣленія отъ Господа, но исцѣлилъ пророкъ отъ проказы Неемана сиріянина, который послѣ того былъ истиннымъ почитателемъ единаго Бога. Го-

сподь нашъ, во время жизни своей на землѣ проповѣдуя божественное ученіе, часто и между израильтянами не находилъ такой вѣры, какую встрѣчалъ въ самарянахъ. Но, вообще говоря, предъ временемъ пришествія Христова, ни пришельцы, ни самаряне не были достойными чтителями Господа. Если сыны фарисеевъ, самыхъ ревностныхъ распространителей іудейства между язычниками, по слову Христову, были хуже еще самихъ фарисеевъ (Матө. 23, 15); то и прочіе пришельцы не могли быть лучше своихъ учителей. А что касается до самарянъ, то одна ненависть ихъ къ іудеямъ даетъ уже замѣтить, что ихъ поклоненіе Богу, привязанное къ горѣ Гаразинъ, было болѣе внѣшнимъ и чувственнымъ, нежели истиннымъ и духовнымъ,—что ихъ нравственность не могла быть чистою, если даже похвальное желаніе истиннаго служенія Богу нераздѣльно было въ нихъ съ чувствомъ ненависти къ своимъ соперникамъ: ненавидящій брата своего не можетъ истинно любить Бога.

Заключеніе.

Общимъ заключеніемъ всего, доселѣ сказаннаго, надобно признать то, что предъ временемъ пришествія І. Христа и распространенія христіанства какъ всѣ язычники, такъ и сами іудеи дошли до крайней степени паденія въ вѣрѣ и нравственности. Между тѣмъ, при всеобщемъ паденіи истиннаго богопочтенія и, въ слѣдствіе того, при разстройствѣ порядка и благосостоянія въ человѣческомъ родѣ, повсюду господствовало живое ожиданіе—то возстановителя золотаго вѣка первобытной

невинности, то всеобщаго обладателя народовъ и могущественнаго учителя истинной вѣры, премудраго устроителя на землѣ блаженнаго порядка жизни, то всемірнаго царя, который принесетъ всевозможное блаженство и полную славу каждому истинному израильтянину. Между язычниками это ожиданіе, основываясь на древнихъ преданіяхъ отъ первоначальнаго откровенія Божія, нашло себѣ подкрѣпленіе въ заключеніяхъ разума, при разсмотрѣніи всеобщаго паденія истинной вѣры и невозможности возстановить ее человѣческими силами, и наконецъ опредѣлилось яснѣе при помощи іудеевъ, которые повсюду проповѣдовали скорое пришествіе могущественнаго Царя. Между іудеями это ожиданіе, основываясь на постоянно продолжавшемся откровеніи отъ Бога, сдѣлалось особенно живымъ въ слѣдствіе исполненія пророчествъ о времени пришествія Мессіи, хотя получило направленіе, соотвѣтственное бѣдственному положенію ихъ въ нравственномъ и гражданскомъ отношеніи. Іудеи, большею частію, желали себѣ Мессіи—царя завоевателя. Но того, чего естественнѣе всего было ожидать грѣшному человѣческому роду отъ милосердаго Господа, спасенія отъ грѣховъ, искупленія, возрожденія и освященія всѣхъ людей, примиренія ихъ съ Богомъ и возстановленія для нихъ истинной вѣры,—того, что обѣщано было нашимъ праотцамъ, къ чему приготовлялъ законъ, о чемъ проповѣдовали пророки,—того съ ясною мыслію ожидали не многіе.

ИСТОРІИ

ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

ОБЪ ОСНОВАНІИ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ ГОСПОДОМЪ БОГОМЪ И СПАСИТЕЛЕМЪ НАШИМЪ ІИСУСОМЪ ХРИСТОМЪ.

Пришествіе Христово.

Когда пришло такимъ образомъ опредѣленное время, «когда», говоря словами одного древняго христіанскаго писателя, «исполнилась мѣра неправдъ человѣческихъ и сдѣлалось очевидно, что за грѣхи надлежитъ ожидать наказанія и смерти; тогда Богъ, по безпредѣльному человѣколюбію и по одной любви своей, явилъ свою благость и силу: Онъ не отвергъ насъ за беззаконія, но съ долготерпѣніемъ Самъ воспріялъ грѣхи наши, пославъ Сына своего Единороднаго и предавъ Его на искупленіе насъ (¹)». Воплощеніе Сына Божія было ознаменовано рядомъ событій, изъ которыхъ одни показывали Его божественную славу, другія же—крайнее самоуничиженіе, принятое Имъ на Себя для искупленія рода че-

(¹) Посл. къ Діогн. въ Христ. Чтен. 1825 г. ч. 20, кн. 11, стр. 156.

ловѣческаго. Ангелъ возвѣстилъ преблагословенной и царственной присноДѣвѣ Маріи неискусомужное зачатіе Его отъ Духа Свята; еще до Его рожденія Елизавета, жена Захаріи священника, исполнившись Духа Свята, прославила св. Приснодѣву Матерію Господа; ангелъ явился Іосифу, обрученному мужу Дѣвы Маріи, возвѣстить, что рожденное отъ нея отъ Духа Свята есть; рождество Его воспѣли лики небесныхъ силъ, знатные мудрецы изъ отдаленныхъ странъ востока пришли по небесному указанію принести небесному Царю злато, ливанъ и смирну; безвѣстные пастыри удостоились явленія свыше, чтобы придти и поклониться родившемуся Спасителю міра; скоро послѣ того благочестивый старецъ Симеонъ предрекъ, что Спаситель будетъ свѣтомъ во откровеніе народамъ, и Анна пророчица проповѣдала о Немъ въ Іерусалимѣ всѣмъ, ожидавшимъ избавленія. Все открывало, что Христосъ рождается, и заставляло восклицать: слава въ вышнихъ Богу!—Но въ тоже время другія обстоятельства первыхъ дней Его жизни показывали, что Онъ родился не для того, чтобы люди служили Ему, но чтобы послужить людямъ. Онъ, предвѣчный Богъ, младенчествующій плотію, по рожденіи былъ положенъ въ ясли пещеры, потому что не обрѣлось для Него мѣста въ домѣ. Онъ родился отъ царственнаго племени, въ отечественномъ городѣ Давида—отца своего, Виѳлеемѣ,—такъ было предсказано; но родился тамъ потому, что пресвятая Дѣва Матерь Его и обрученный ей мужъ Іосифъ должны были по едикту императора Октавія Августа записать себя въ Виѳлеемѣ въ число людей, обложенныхъ податью. Пречистая Дѣва Марія, пребывшая дѣвою и до рожденія, и въ самомъ рожденіи, и послѣ рожденія Его, должна была совершить обрядъ очищенія; Самъ Онъ, как-

бы обыкновенный человѣкъ, принялъ обрѣзаніе. Услышавъ о рожденіи Его, царь іудейскій Иродъ повелѣлъ избить всѣхъ младенцевъ виѳлеемскихъ, и вѣчный Господь уничижилъ Себя до того, что Его жизнь спасена была бѣгствомъ въ Египетъ.

Жизнь Іисуса Христа до вступленія въ общественное служеніе роду человѣческому.

Жизнь Іисуса Христа до вступленія Его въ общественное служеніе роду человѣческому описана въ евангеліи весьма коротко; но и не многихъ, сообщенныхъ въ немъ, свѣдѣній касательно ея достаточно, чтобы убѣдиться, что при всемъ самоуничиженіи всегда осѣняла Его слава Божія. Немедленно послѣ смерти царя Ирода, то есть, вскорѣ по рождествѣ своемъ Онъ возвратился въ Іудею и потомъ постоянно жилъ въ бѣдномъ галилейскомъ гогодѣ Назаретѣ, откуда, по общему мнѣнію, ничего не могло выдти добраго. Онъ не принялъ никакого человѣческаго образованія и вмѣстѣ съ Іосифомъ, мнимымъ отцемъ своимъ по плоти, занимался трудами древодѣлія (1). Но, бывъ двѣнадцати лѣтъ, І. Христосъ привелъ въ Іерусалимѣ въ удивленіе всѣхъ законоучителей своею премудростію; такъ что іудеи всегда изумлялись тому, какимъ образомъ онъ зналъ все, не учившись ничему, и откуда получилъ свойственную себѣ премудрость (2). Вмѣстѣ съ возрастомъ Онъ *преспѣвалъ премудростію и благодатію у Бога и человѣкъ* (3).

(1) Марк.. 6, 3.
(2) Іоанн. 7, 15. Матѳ. 13, 54.
(3) Лук. 2, 52.

Служеніе Іоанна Предтечи.

Почти всѣ іудеи, основываясь на древнемъ пророчествѣ (1), вѣровали, что предъ временемъ пришествія Христова явится пророкъ Илія приготовить ихъ къ Его принятію. Въ 15-е лѣто царствованія Тиверія кесаря, при первосвященникахъ Аннѣ и Каіафѣ, явился дѣйствительно Илія — по духу и силѣ своей ревности о Богѣ, — такой же строгій обличитель нечестія, такой же необыкновенный подвижникъ по жизни, также *мужъ косматъ и поясомъ усменнымъ препоясанъ о чреслѣхъ своихъ* (2). Ангелъ предвозвѣстилъ его рожденіе, въ тоже время нарекъ ему имя—Іоаннъ, то есть, благословенный отъ Господа, и объявилъ, что онъ-то именно, по волѣ Божіей, *предъидетъ предъ Господемъ Богомъ израилевымъ духомъ и силою Иліиною.... уготовати Господеви люди совершенны* (3). Возвѣщая пришествіе І. Христа, предтеча Христовъ въ тоже время заботился исправить понятія іудеевъ о цѣли Его пришествія. Такъ какъ ожиданіе скораго пришествія Христова въ то время было общимъ между іудеями: то народъ стекался къ нему въ необыкновенномъ множествѣ, съ вѣрою принимая отъ него крещеніе во грядущаго Мессію и спрашивая, что должно дѣлать для Его принятія. Іоаннъ требовалъ отъ всѣхъ покаянія во грѣхахъ и плодовъ, достойныхъ покаянія, — вразумлялъ народъ, чтобы онъ въ дѣлѣ спасенія не полагался на свое происхожденіе отъ Авраама, потому что Богъ по благодати можетъ и язычниковъ сдѣлать чадами Авраама, т. е. наслѣдниками обѣтованій, Аврааму данныхъ (4). Онъ проповѣдовалъ, что Христосъ при-

(1) Малах. 4, 5. 6.
(2) 4 Царствъ 1, 7—8.
(3) Луки 1, 11—20.
(4) Лук. 3, 7 и 8.

детъ, какъ агнецъ Божій, взять на себя грѣхи міра, придетъ не для того, чтобы наградить іудеевъ за мнимую ихъ святость, но, какъ домовладыка приходитъ на гумно свое, — для того, чтобы, отдѣливъ пшеницу отъ плевелъ, пшеницу собрать въ житницу, а плевелы сжечь, придетъ, чтобы крестить Духомъ Святымъ и огнемъ. Наконецъ Іоаннъ удостоился не только предсказывать народу о скоромъ явленіи Христовомъ, но быть крестителемъ самого Іисуса Христа. Когда исполнилось І. Христу около 30 лѣтъ (¹), и Онъ могъ такимъ образомъ, согласно съ постановленіями іудейскаго закона, принять на себя должность учителя вѣры: тогда, чтобы исполнить всякую правду, Онъ принялъ прежде всего крещеніе отъ Іоанна, при чемъ Духъ Божій сошелъ на Него въ видѣ голубя и былъ съ неба гласъ къ Нему: *Ты еси Сынъ мой возлюбленный, о Тебѣ благоволихъ* (²). Креститель Христовъ свидѣтельствовалъ при этомъ всему народу, что Онъ есть *Христосъ, агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра*, и послѣ того до самой смерти своей отъ Ирода тетрарха не переставалъ учить, что всякій, желающій спастися, долженъ послѣдовать Ему и вѣровать въ Него, какъ въ Сына Божія (³). Все время служенія Іоанна, предтечи и крестителя Господня, продолжалось, по всей вѣроятности, нѣсколько болѣе одного года. Одни изъ принявшихъ отъ него крещеніе во грядущаго Христа, повинуясь его указанію и ученію, немедленно дѣлались послѣдователями Христовыми (⁴); большая часть другихъ остались невѣрующими; иные же наконецъ, послѣ мученической смерти его отъ тетрарха Ирода, соста-

(¹) Лук. 3, 23.
(²) Лук. 3, 22.
(³) Іоанн. 3, 23—26.
(⁴) Напр. Іоанн. 1, 29—42.

вили собою особое аскетическое общество, неправильно усвоивъ себѣ названіе учениковъ Іоанновыхъ.

Ученіе Іисуса Христа о цѣли своего пришествія на землю.

Послѣ крещенія отъ Іоанна и сорокодневнаго поста въ пустынѣ, Господь Іисусъ Христосъ началъ преподавать ученіе свое въ іудейскихъ синагогахъ. Проповѣдуя о себѣ, какъ о Христѣ, Онъ не говорилъ, подобно людямъ, которые прежде Его (1) и послѣ дерзали ложно выдавать себя за Христа, что пришелъ избавить іудеевъ отъ иноземнаго владычества и наградить за мнимое исполненіе Моисеева закона; напротивъ касательно этого училъ: *воздадите кесарева кесареви*, и первою проповѣдію Его было слово: *покайтеся* (2). Въ первые дни общественнаго служенія своего, для изъясненія народу цѣли свего пришествія Онъ избралъ мѣсто изъ книги Исаіи пророка: *Духъ Господень на Мнѣ, его же ради помаза Мя благовѣстити нищимъ, посла Мя исцѣлити сокрушенныя сердцемъ: проповѣдати плѣненнымъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе; отпустити сокрушенныя во отраду, проповѣдати лѣто Господне пріятно* (3). Объясняя такимъ образомъ, что цѣль пришествія Его отнюдь не гражданская, но духовная, Онъ раскрылъ ее полнѣе, когда сказалъ ученикамъ своимъ, что пришелъ не для того, чтобы Ему послужили, но чтобы послужить другимъ и *дать душу свою избавленіе за многи* (4), чтобы разрушить дѣла діавола, низложить духа нечестія и тьмы, господствовавша-

(1) Іоанн. 10, 7 и 8; Дѣян. 5, 36 и 37.
(2) Матѳ. 4, 17.
(3) Лук. 4, 16—22.
(4) Марк. 10, 45.

го въ мірѣ ([1]), чтобы спасти міръ и быть для него свѣтомъ, *да всякъ вѣруяй во тьмѣ не пребудетъ* ([2]). Но, проповѣдуя о себѣ, какъ объ Искупителѣ, Спасителѣ и Преподателѣ истинной вѣры для всего міра, Онъ возвѣщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что на вѣрѣ въ себя, какъ Христа, Сына Божія, Искупителя, Спасителя и Просвѣтителя всего міра, Онъ хочетъ основать Церковь свою, неодолимую вратами ада ([3]). Церковь свою Онъ называлъ большею частію царствомъ Божіимъ, иногда царствомъ небеснымъ, также—Церковію Божіею и единымъ стадомъ; соотвѣтственно этимъ названіямъ, и Себя самого именовалъ царемъ этого царства и пастыремъ этого стада. Спаситель ясно училъ, что Церковь, которую Онъ основываетъ, не есть какое либо гражданское, земное учрежденіе: *царство мое*, говорилъ Онъ, *нѣсть отъ міра сего, —нѣсть отсюду* ([4]). Это есть царство истины ([5]), царство духовное, основанное на землѣ для вѣчнаго спасенія людей; Самъ Онъ, какъ царь этого царства, по Его ученію, есть судія живыхъ и мертвыхъ, имѣющій воздать каждому человѣку по дѣламъ его, вѣрующему и благочестивому — вѣчное блаженство, невѣрующему и нечестивому—вѣчное наказаніе. Членами Церкви Его должны быть всѣ люди; потому что вѣра въ Него, какъ Сына Божія и Спасителя міра, есть единственное средство ко спасенію для каждаго человѣка ([6]). Правда, Онъ говорилъ, что посланъ только *ко овцамъ погибшимъ дому израилева*, и все время своего служенія дѣйствительно проповѣдовалъ только въ Палестинѣ почти исключительно іудеямъ; но въ тоже время училъ: *и ины овцы имамъ*,

---

([1]) Іоанн. 16, 11.
([2]) Іоанн. 12, 46—47.
([3]) Матѳ. 17, 13—27.
([4]) Іоанн. 18, 36.
([5]) Іоанн. 18, 37.
([6]) Іоанн. 12, 48.

яже не суть отъ двора сего, и тыя Ми подобаетъ привести, и гласъ мой услышатъ, и будетъ едино стадо и единъ пастырь ([1]), заповѣдуя апостоламъ, что евангеліе должно быть проповѣдано во всемъ мірѣ, всѣмъ народамъ. Такова была, по ученію Господа Іисуса Христа, цѣль Его пришествія на землю.

Ученіе Іисуса Христа; чудеса и жизнь Его до времени страданія.

Съ этою цѣлію Онъ прежде, нежели совершилъ дѣло искупленія человѣческаго рода смертію своею и дѣйствительно основалъ Церковь, благоволилъ приготовлять людей ученіемъ, чудесами и примѣромъ собственной жизни къ принятію искупленія и вступленію въ Церковь.

Онъ преподавалъ свое ученіе всѣмъ, желавшимъ слушать Его, и повсюду: во храмѣ іудейскомъ, въ синагогахъ, въ частныхъ домахъ, на пути изъ какого либо города или селенія въ другой городъ или селеніе. «Поученія Его къ народу», говоритъ Іустинъ мученикъ ([2]), «были кратки и сжаты; потому что Онъ училъ не какъ философъ, но слово Его было сила Божія», — то есть, Онъ не доказывалъ, не спорилъ, не защищался, но, какъ Богъ, повелѣвалъ, чтобы всѣ такъ вѣровали, такъ поступали, даже думали и чувствовали, какъ научалъ Онъ. Во время поученія никто не осмѣливался прерывать Его словъ: уже по окончаніи Его рѣчи, ее разбирали, вѣрили или не вѣрили ей, превозносили Его или поднимали

([1]) Іоанн. 10, 16.
([2]) Апол. 1, гл. 18, по русск. пер. въ Христ. Чтен. 1825 г. ч. XVII, кн. 1, стр. 30.

на Него камни, вообще же, даже не вѣруя Его ученію и обвиняя Его въ мнимомъ богохульствѣ, удивлялись, что Онъ учитъ, *яко власть имѣяй*, что слово Его невольно заставляетъ повиноваться себѣ. При всемъ томъ слова Его были проникнуты божественнымъ милосердіемъ и небесною кротостію: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы*, говорилъ Онъ; *возмите иго мое на себе...... и обрящете покой душамъ вашимъ*. Оттого даже величайшіе грѣшники нерѣдко омывали Ему ноги слезами глубокаго раскаянія, и Онъ отпускалъ имъ грѣхи ихъ. Предметомъ ученія Іисуса Христа были тѣ истины вѣры, нравственности и богослуженія, которыя составляютъ ученіе основанной Имъ Церкви. Сущностію его можно назвать то, что Онъ проповѣдовалъ о себѣ, какъ объ истинномъ и единородномъ Сынѣ Божіемъ, и тѣмъ, которые вѣровали въ Его божественное происхожденіе и посланничество отъ Бога, открывалъ, что Ему должно пострадать, умереть и воскреснуть для избавленія всѣхъ людей отъ грѣховъ и ниспосланія на нихъ отъ Отца даровъ святаго Утѣшителя Духа.

Для пробужденія вѣры въ свое ученіе, Господь творилъ чудеса, говоря невѣрующимъ: *тому ли, кого Отецъ освятилъ и послалъ въ міръ, вы говорите: богохульствуетъ, потому что Я сказалъ: Я — Сынъ Божій? Если Я не творю дѣлъ Отца Моего; не вѣрьте Мнѣ. А если творю: то, когда не вѣрите Мнѣ, вѣрьте дѣламъ Моимъ, чтобы узнать и повѣрить, что Отецъ во Мнѣ и Я въ Немъ* (1). Первое чудо, совершенное Іисусомъ Христомъ, было претвореніе воды въ вино на бракѣ въ Канѣ Га-

(1) Іоанн. 10, 36—39.

лилейской; вслѣдъ за нимъ послѣдовали многія другія чудеса, извѣстнѣйшими изъ которыхъ можно назвать: заочное исцѣленіе слуги капернаумскаго сотника, воскрешеніе изъ мертвыхъ сына одной вдовы въ городѣ Наинѣ, исцѣленіе однимъ словомъ человѣка, бывшаго 38 лѣтъ разслабленнымъ, укрощеніе бури на озерѣ Геннисаретскомъ, исцѣленіе двухъ бѣсноватыхъ въ странѣ Гадаринской, воскрешеніе дочери Іаира, насыщеніе пятью хлѣбами и двумя рыбами пяти тысячъ человѣкъ, кромѣ женъ и дѣтей, исцѣленіе глухо-нѣмаго, преображеніе, исцѣленіе слѣпорожденнаго, исцѣленіе десяти прокаженныхъ мужей, воскрешеніе Лазаря чрезъ четыре дня послѣ его смерти и славный входъ въ Іерусалимъ. Вообще, чудеса Іисуса Христа были такъ велики и многочисленны, что современные Ему іудеи, сравнивая ихъ съ чудесами ветхозавѣтныхъ мужей, говорили: *никтоже инъ сотвори знаменія, яже сей сотвори*, и почитали неразумнымъ ожидать отъ обѣщаннаго Мессіи болѣе чудесъ, нежели сколько совершилъ ихъ Іисусъ Христосъ [1]. Онъ явилъ себя въ нихъ владыкою не только внѣшней природы, но и природы человѣческой и — духовъ невидимыхъ, владыкою жизни и смерти. Онъ исцѣлялъ всѣ неизлечимыя болѣзни однимъ прикосновеніемъ руки своей или одежды, воскрешалъ мертвыхъ однимъ словомъ своимъ. Все это нерѣдко дѣлалъ Онъ при тысячахъ свидѣтелей; чудеса Его иногда повѣрялись судебнымъ порядкомъ, такъ что никто изъ современниковъ не имѣлъ ни малѣйшей возможности сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности,—и никто, дѣйствительно, не сомнѣвался.

Постояннымъ чудомъ Его можно назвать самую Его жизнь, не только святую, но истинно божественную. Свя-

(1) Іоанн. 7, 31.

тость жизни Господа Iисуса, служа доказательствомъ Его божественности, въ тоже время представляла собою примѣръ исполненія на самомъ дѣлѣ того высокаго ученія о благочестіи, которое Онъ предписывалъ всѣмъ людямъ. Полное самоотверженіе для спасенія людей и славы Божіей, добровольная нищета, кротость, милосердіе, терпѣніе, непорочность и незлобіе, всецѣлая любовь къ Богу и ближнимъ, всѣ добродѣтели въ Немъ одномъ имѣютъ для себя самое полное и совершеннѣйшее осуществленіе, между тѣмъ какъ сами даже враги Его никогда не могли и не думали обличать Его въ какомъ нибудь грѣхѣ.

Его апостолы.

Наставляя такимъ образомъ всѣхъ людей ученіемъ, чудесами и примѣромъ собственной жизни, съ особенною заботливостію Господь приготовлялъ ко вступленію въ Церковь свою тѣхъ, кого предназначалъ быть ея распространителями и священнослужителями. Для этого назначенія Онъ избралъ изъ числа всѣхъ, увѣровавшихъ въ Него, 12 человѣкъ, которыхъ наименовалъ апостолами. То были: рыбари Андрей, Симонъ-Петръ, Iаковъ Зеведеевъ и братъ его Iоаннъ,—Филиппъ, родомъ изъ Виѳсаиды, Варѳоломей, Ѳома и Матѳей мытарь или сборщикъ податей, Iаковъ Алфеевъ, братъ Господень, Iуда братъ этого Iакова, Симонъ Кананитъ или Зилотъ и Iуда Искаріотскій. Кромѣ ихъ Господь избралъ въ послѣдствіи изъ числа вѣрующихъ и еще 70 учениковъ, имена которыхъ остались большею частію неизвѣстными. Какъ апостоловъ, такъ и этихъ 70 учениковъ, еще во время собственнаго пребыванія на землѣ, посылалъ Онъ по двое

всей Церкви или, что тоже, вселенскій соборъ, вселенскій судъ Церкви.

Взаимныя отношенія пастырей и характеръ церковнаго правленія.

По этому самому, очевидно, Онъ не могъ дать кому либо изъ апостоловъ преимущества предъ другими по власти, или чести. Когда апостолы обратились къ нему съ вопросомъ: *кто ихъ вящшій бы былъ,* кто изъ нихъ болѣе въ царствіи небесномъ, т. е. въ Церкви, Спаситель, призвавъ дитя, поставилъ его среди ихъ и сказалъ: *аминь, аминь глаголю вамъ, аще не обратитеся и не будете яко дѣти, не внидете въ царство небесное.* Потомъ Онъ объяснилъ имъ, что обязанность ихъ блюсти, да не погибнетъ ни единъ изъ вѣрующихъ, *пріиде бо Сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго,* т. е., служить нуждамъ вѣрующихъ, а не пользоваться преобладаніемъ (¹). Въ слѣдъ за тѣмъ евангелистъ Матѳей изложилъ правила, данныя Іисусомъ Христомъ, касательно порядка употребленія и важности церковной власти, показавъ между прочимъ, что обѣтованіе о власти вязать и рѣшить даровано было одинаково всѣмъ апостоламъ (²). Спустя немного времени, апостолы Іаковъ Зеведеевъ и братъ его Іоаннъ Богословъ приступили къ Іисусу Христу съ просьбою о первенствѣ чести, такъ чтобы одинъ изъ нихъ занималъ мѣсто по правую, а другой по лѣвую сторону Іисуса Христа. Прочіе десять апостоловъ, услышавъ эту просьбу, стали негодовать на нее. Но Спаситель, ска-

(¹) Мѳ. 18, 1—14; Лук. 9, 46—48.

(²) Матѳ. 18, 18.

завъ Іакову и Іоанну, что они не знаютъ, чего просятъ, обратился далѣе ко всѣмъ апостоламъ и еще съ большею ясностію, чѣмъ прежде, изложилъ имъ ученіе о томъ, что правленіе въ основываемой Имъ Церкви, имѣющее совершаться властію, обѣщанною имъ, должно имѣть характеръ служенія, а не обладанія, такъ какъ и самъ Онъ пришелъ на землю не для того, чтобы служили Ему, но чтобы послужить другимъ до преданія души своей на избавленіе ихъ, и что по этому бо́льшимъ изъ пастырей Церкви долженъ быть почитаемъ тотъ, кто будетъ всѣмъ слугою, не помышляя о суетной чести: *вѣсте, яко князи языкъ господствуютъ ими и велицыи обладаютъ ими. Не тако же будетъ въ васъ: но иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга: и иже аще хощетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ: якоже Сынъ человѣческій не пріиде, да послужатъ Ему, но послужити, и дати душу свою избавленіе за многи* (¹).

Усвоеніе апостоламъ права ученія.

Предназначая апостоламъ іерархическую власть въ основываемой Церкви, Іисусъ Христосъ исключительно имъ усвоялъ также право учить и священнодѣйствовать въ ней. Правда, посылая апостоловъ и потомъ семьдесятъ учениковъ по двое на проповѣдь въ палестинскихъ городахъ и селеніяхъ, Онъ не сказалъ, чтобы власть учить при этомъ случаѣ усвояема была имъ навсегда, а не давалась только временно; правда, что, обличая фарисеевъ и книжниковъ за желаніе предсѣдать на сонмищахъ, Онъ

(¹) Матѳ. 20, 22—28; Марк. 10, 35—45.

кровь моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ: сіе творите, елижды аще піете, въ мое воспоминаніе (1).

Правила для другихъ членовъ Церкви.

Предназначая апостоламъ права власти, ученія и священнодѣйствія, для всѣхъ другихъ членовъ Церкви Іисусъ Христосъ постановилъ непремѣнными правилами: повиноваться суду своихъ священноначальниковъ: *аще кто и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ, якоже язычникъ и мытарь* (2),—принимать проповѣдуемое ими ученіе и пріобщаться совершаемыхъ ими таинствъ; *иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ* (Матѳ. 10, 40); *елицы аще не пріимутъ вы, ниже послушаютъ васъ.... отраднѣе будетъ Содомомъ и Гоморромъ въ день судный, неже граду тому* (Марк. 6, 11); *аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ* (Іоанн. 6, 33).

Важность преданія и причина непоколебимости Церкви.

Опредѣляя такимъ образомъ устройство своей Церкви, Господь не благоволилъ оставить письменно какого либо изложенія догматовъ ея вѣры, правилъ нравственности, постановленій касательно богослуженія и управленія, но все это предалъ апостоламъ устно, такъ что и послѣ нихъ многое осталось въ Церкви, какъ устно, а не пись-

---

(1) 1 Кор. 11, 23—25; Мѳ. 27, 26—28. Лук. 22, 19 и 20.
(2) Матѳ. 18, 17.

менно, преданное ученіе, обыкновенно называющееся поэтому преданіемъ. И такъ какъ Церковь, основываемая Имъ, должна была всегда до кончины вѣка остаться непоколебимою вратами ада, слѣдовательно чуждою заблужденій и уклоненія съ истиннаго пути; то, чтобы предохранить преданіе ея отъ погрѣшностей въ чемъ либо, касающемся ученія, нравственности, богослуженія и управленія, Онъ далъ обѣтованіе всегда невидимо соприсутствовать собору ея священноначальниковъ: *аминь глаголю вамъ: яко аще два отъ васъ совѣщаета на земли о всякой вещи, ея же аще просита, будетъ има отъ Отца моего, иже на небесѣхъ: идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (1), т. е.—не только собору апостоловъ, которые въ извѣстное время должны были окончить свое земное поприще, но и ихъ преемниковъ. Посему-то, усвояя апостоламъ права ученія, священнодѣйствія и управленія, Господь внушалъ имъ между прочимъ, что собственно Онъ самъ есть и всегда будетъ Пастырь, Учитель и Податель благодатныхъ даровъ Церкви, а они въ этомъ отношеніи подобны вѣтвямъ, которыя могутъ приносить плодъ только подъ условіемъ единенія (2) съ деревомъ, отъ котораго произрасли, и останутся безплодными и безжизненными, какъ скоро лишатся этого единенія. Вмѣстѣ съ этимъ, чтобы сообщить всей Церкви силу тѣснѣйшаго единенія съ

(1) Матѳ. гл. 18, ст. 18—20.

(2) Такъ понимали это и апостолы. Посему-то ап. Павелъ писалъ 2 Кор. 5, 18—20: *всяческая же отъ Бога, примирившаго насъ Себѣ Іисусомъ Христомъ, и давшаго намъ*, т. е, апостоламъ, *служеніе примиренія: зане Богъ бѣ во Христѣ міръ примиряя Себѣ...... По Христѣ убо молимъ*—πρεσβεύομεν, т. е. начальствуемъ, посольствуемъ, апостольствуемъ. Сн. *Златоуст.* на Еванг. Іоанн. бесѣд. 86. § 4, по пер. въ Хр. Чт. стр. 700.

Собою и исполнить ее божественной благодати, Онъ обѣтовалъ ниспослать отъ Отца, по отшествіи своемъ къ Нему, другаго утѣшителя, Св. Духа, отъ Отца исходящаго, который пребудетъ въ ней въ вѣкъ, наставляя ея священноначальниковъ *на всяку истину*, сохраняя чрезъ нихъ въ полной неповрежденности все Его ученіе и облекая ихъ *силою свыше*, который по священному изъясненію ап. Павла, *дѣйствуя вся во всѣхъ* и будучи всегда *единъ и тойжде*, подаетъ каждому изъ членовъ Церкви, смотря по его положенію въ ней, потребное ему на пользу (1).

Послѣдняя бесѣда Спасителя съ апостолами предъ временемъ страданій.

Кромѣ ученія о церковномъ благоустройствѣ Іисусъ Христосъ ничего не преподавалъ апостоламъ особенно отъ другихъ вѣрующихъ, да и это самое ученіе Онъ преподалъ имъ не потому, чтобы оно должно было оставаться тайною для другихъ: *еже глаголю вамъ во тьмѣ, рцыте во свѣтѣ: и еже во уши слышите, проповѣдите на кровѣхъ*, говорилъ Онъ апостоламъ (2), но потому, что они должны были сами содѣлаться строителями созидаемой Имъ Церкви. Достойна всегдашней памяти послѣдняя бесѣда Его съ ними предъ временемъ страданій. Сказавъ имъ о своемъ отшествіи на смерть и заповѣдавъ любить другъ друга, предсказавъ свое воскресеніе, *да егда будетъ вѣру имутъ*,—обѣтовавъ придти снова, ниспослать Утѣшителя Духа истины, и преподавъ миръ свой, Онъ

(1) 1 Кор. 12, 3—31.

(2) Матѳ. 10, 27.

продолжалъ бесѣдовать съ ними, какъ съ преемниками своего служенія. Онъ говорилъ, что плодъ служенія ихъ пребудетъ, но что они ненавидимы будутъ міромъ, и указалъ въ утѣшеніе на Себя, какъ на образецъ сего. Онъ сказалъ, что будетъ время, когда всякій, убивая ихъ, будетъ думать, что служитъ этимъ самому Богу. Но, повторивъ снова съ цѣлію успокоить ихъ увѣреніе въ необходимости своихъ страданій, въ воскресеніи, сошествіи Св. Духа, *иже отъ Отца исходитъ*, постоянномъ покровительствѣ Бога Отца и своемъ единеніи съ ними, заключилъ словами: *дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (¹). Наконецъ, отходя на страданія, Іисусъ Христосъ молился объ апостолахъ и о всѣхъ, кто увѣруетъ въ Него по ихъ слову, чтобы они сохраняемы были въ единствѣ духа и вѣры и соблюдаемы отъ неприязни міра.

Успѣхъ проповѣди І. Христа.

Божественное ученіе, чудеса и святѣйшая жизнь І. Христа должны были привлечь къ Нему многочисленныхъ послѣдователей, тѣмъ болѣе, что Онъ явился и жилъ на землѣ именно въ то время, когда всѣ іудеи согласно съ пророчествами ожидали пришествія Христова. Большая часть іудеевъ была убѣждена, что ожидаемый Христосъ не можетъ сотворить чудесъ большихъ, нежели какія сотворилъ *Іисусъ, глаголемый Христосъ* (²), и о числѣ вѣровавшихъ изъ простаго народа можно судить по опасенію невѣровавшихъ старѣйшинъ, что наконецъ всѣ увѣруютъ въ Него (³), или по словамъ фарисеевъ: *весь міръ идетъ за Нимъ* (⁴). Вѣровали даже многіе изъ князей на-

(¹) Іоанн. 13, 31 до 16, 33.
(²) Іоанн. 7, 31.
(³) Іоанн. 11, 48.
(⁴) Тамъ же 12, 19.

рода іудейскаго, но содержали свою вѣру въ тайнѣ, чтобы не быть отлученными отъ синагоги по вліянію фарисеевъ, — секты, господствовавшей въ то время между іудеями и невѣровавшей въ І. Христа (1). Нельзя однакоже не видѣть, что кромѣ апостоловъ и небольшаго числа другихъ учениковъ, также, можетъ быть, кромѣ облагодѣтельствованныхъ великими чудесами Господа, всѣ другіе Его послѣдователи имѣли вѣру крайне нерѣшительную и колеблющуюся. Причиною этого главнымъ образомъ были укоренившіяся въ нихъ превратныя понятія о лицѣ обѣтованнаго Христа и о цѣли Его пришествія. Всѣ іудеи, какъ сказано было выше, думали, что Христосъ будетъ земнымъ царемъ всѣхъ народовъ, вѣчно царствующимъ въ Іерусалимѣ. Поэтому народъ, бывшій свидѣтелемъ чуда Господня, когда пятью хлѣбами и двумя рыбами были съ избыткомъ насыщены пять тысячъ человѣкъ, увѣровавъ, что Господь Іисусъ есть ожидаемый Христосъ, рѣшился провозгласить Его царемъ (2). Тысячи народа, видѣвшія чудо воскрешенія Лазаря, встрѣчая и сопровождая Господа при славномъ входѣ Его во Іерусалимъ, провозглашали Его царемъ израилевымъ, сыномъ Давидовымъ (3). — Но І. Христосъ, искореняя это заблужденіе, въ первый разъ уклонился отъ царскаго вѣнца, скрывшись отъ народа, и потомъ обличилъ избиравшихъ Его въ цари, что они ищутъ чувственнаго пресыщенія, а не брашна, *пребывающаго въ животъ вѣчный* (Іоанн. 6, 26. 27.); въ другой — возвѣстилъ народу о себѣ, что для привлеченія къ себѣ всѣхъ людей, не только іудеевъ, но и язычниковъ, Онъ вознесется на крестную смерть (Іоанн.

---

(1) Тамъ же ст. 42.
(2) Іоанн. 6, 14 и 15.
(3) Тамъ же 12, 12—18.

12, 19—33). Такія дѣла и слова Господа приводили вѣровавшихъ въ Него изъ народа въ крайнее недоумѣніе и колебали ихъ вѣру по той мѣрѣ, сколько трудно было кому отказаться отъ своихъ чувственныхъ надеждъ на блаженство въ земномъ царствѣ Христа, земнаго царя: *мы слышахомъ отъ закона, яко Христосъ пребываетъ во вѣки*, говорили они І. Христу, *како ты глаголеши, вознестися подобаетъ Сыну человѣческому; кто есть сей Сынъ человѣческій* ([1])? Равнымъ образомъ, неразрывно съ заблужденіемъ о лицѣ І. Христа, всѣ іудеи думали, что цѣлію Христова пришествія будетъ избавленіе ихъ отъ римскаго владычества и основаніе могущественнаго царства израильскаго. Эта ложная надежда утвердилась между ними такъ глубоко, что голосъ ея слышался въ рѣчи даже лучшихъ учениковъ І. Христа: *мы же надѣяхомся, яко сей есть хотя избавити израиля* ([2]). Но І. Христосъ, не потворствуя и этому заблужденію, училъ: *воздадите, яже кесарева, кесареви* ([3]), и пророчествовалъ о разрушеніи Іерусалима ([4]) и попраніи его язычниками ([5]). Правда, не смотря на все это народъ былъ убѣжденъ, что Онъ *мужъ пророкъ, силенъ словомъ и дѣломъ предъ Богомъ и всѣми людьми* ([6]), и не терялъ совершенно вѣры въ Него, какъ Христа: но вѣра эта, какъ сказано, была весьма слабая, колеблющаяся, смѣшанная съ ложными надеждами и робкая ([7]); такъ что когда невѣровавшіе изъ іудеевъ рѣшились осудить І. Христа на смерть, то вѣровавшіе или совершенно ничего не говорили въ Его защиту, или говорили боязливо ([8]), и между самыми апо-

---

([1]) Іоанн. 12, 34.
([2]) Луки 24, 21.
([3]) Тамъ же 20, 25.
([4]) Матѳ. 23, 36 до гл. 24, 2.
([5]) Лук. 21, 24.
([6]) Лук. 24, 19.
([7]) Іоанн. 7, 19.
([8]) Тамъ же ст. 49—52.

столами явился предатель, Іуда Искаріотскій, согласившійся предать І. Христа на судъ за тридцать сребренниковъ. Когда же Спаситель дѣйствительно преданъ былъ на судъ: то даже апостолъ Петръ, неоднократно обѣщавшій положить за Него душу свою, три раза отрекся отъ Него, сказавши, что не знаетъ человѣка сего, хотя въ послѣдствіи глубоко раскаялся въ этомъ отреченіи и плакалъ о немъ горько.

Искупительная смерть Господа Іисуса.

Тѣже самыя причины, которыя ослабляли вѣру однихъ, дѣйствуя на другихъ сильнѣе, производили невѣріе. *Разумѣхъ вы*, сказалъ Спаситель невѣровавшимъ въ Него, *яко любве Божія не имате въ себѣ. Азъ пріидохъ во имя Отца моего, и не пріемлете Мене: аще инъ пріидетъ во имя свое, того пріемлете. Како вы можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищете* (1)?—То есть, чувственныя блага, земныя надежды были дороже для нихъ благъ духовныхъ, надеждъ небесныхъ, и они могли скорѣе увѣровать, какъ во Христа, въ того, кто рѣшился бы осуществить ихъ желанія, нежели въ самого Христа. Если многіе не оставляли еще надежды, что Господь Іисусъ явитъ себя такимъ, какимъ они желали бы Его видѣть: то фарисеи, князи, книжники и всѣ послѣдователи ихъ видѣли ясно съ самаго начала проповѣди І. Христа, что Онъ отнюдь не намѣренъ былъ сдѣлаться земнымъ владыкою и, слѣдовательно—по ихъ понятіямъ, никакъ не могъ быть ихъ

(1) Іоанн. 5, 42—44.

Христомъ. Поэтому неоднократно въ теченіе служенія Христова покушались они лишить І. Христа жизни, имѣя въ виду то, что если всѣ іудеи увѣруютъ въ Него, какъ Христа, тогда исчезнутъ всѣ ихъ надежды на гражданское могущество, и римляне окончательно разрушатъ іудейское царство и уничтожатъ ненавистную для язычниковъ іудейскую народность. Успѣхи проповѣди Господа превратили ихъ покушенія въ твердую рѣшимость. Послѣ воскрешенія Лазаря, архіереи и фарисеи созвали синедріонъ (¹) для совѣщанія о Немъ и разсуждали между собою: «что намъ дѣлать съ Нимъ? Онъ творитъ множество чудесъ»; слѣдовательно, т. е.,—человѣкъ праведный и угодный Богу, совершающему чрезъ Него чудеса. «Между тѣмъ, если оставимъ Его такъ; то всѣ въ Него увѣруютъ, какъ во Христа, и тогда *пріидутъ римляне и возмутъ мѣсто и языкъ нашъ*». На такое разсужденіе членовъ синедріона Каіафа, бывшій въ томъ году первосвященникомъ, отвѣчалъ: вы не придумаете ничего, что можно было бы съ Нимъ сдѣлать; значитъ, вы не хотите размыслить, что лучше для насъ, если одинъ человѣкъ (хотя онъ праведенъ и прославленъ отъ Бога чудесами) *умретъ за люди, а не весь народъ погибнетъ* изъ за Него одного. Послѣ сего члены синедріона опредѣлили предать І. Христа смерти и положили, что тотъ получитъ тридцать сребренниковъ, кто укажетъ мѣсто, гдѣ Его найти. Господь І. Христосъ, пришедши на землю пострадать и умереть для искупленія человѣческаго рода отъ грѣха и смерти, до той поры не благоволилъ предать себя этимъ врагамъ вѣры и спасенія на страданія и смерть, пока не совершилъ своего дѣла. Когда же Онъ уготовалъ все къ

(¹) *Іоанн.* 11, ст. 47—53.

основанію новозавѣтной Церкви и когда такимъ образомъ наступилъ часъ Его, Онъ предалъ себя добровольно, *послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя.* И что смерть Его была дѣйствительно добровольная, что, какъ владыка воли и силы человѣческой, Онъ могъ бы и не страдать, если бы восхотѣлъ, не смотря на всѣ усилія враговъ своихъ, это Онъ благоволилъ предъ смертію показать ученикамъ своимъ еще разъ. Въ теченіе Его служенія до времени страданій, невѣровавшіе въ Него многократно старались лишить Его жизни, но Онъ всегда оставался выше ихъ покушеній; теперь, когда Іуда предатель привелъ ихъ къ Нему, чтобы предать имъ своего Владыку и Господа, Онъ однимъ словомъ: *Азъ есмь* повергъ всѣхъ ихъ въ безсиліи на землю, и когда ученики Его, въ особенности апостолъ Петръ, хотѣли Его защитить своими силами, Онъ сказалъ имъ, обратившись къ апостолу Петру: или ты думаешь, что Меня не могли бы окружить теперь ангелы въ большемъ числѣ, нежели всѣ двѣнадцать легіоновъ римскаго войска? Но какъ сбудется тогда обѣтованіе, что всему этому надлежитъ быть? *Чашу, юже даде Мнѣ Отецъ, не имамъ ли пити ея* (1)? — Бывъ приведенъ на судъ архіереевъ и старѣйшинъ іудейскихъ, Спаситель претерпѣлъ отъ нихъ многія поруганія и осужденъ ими на смерть за то, что проповѣдовалъ о себѣ, какъ о Христѣ, не бывъ будто бы Христомъ. Но такъ какъ іудеи въ то время не имѣли уже власти наказывать кого либо смертію и были подчинены римлянамъ; то на другой день утромъ Онъ отведенъ былъ своими неправедными судіями къ римскому правителю Іудеи Понтію Пилату, предъ которымъ хитро обвиненъ былъ ими въ томъ, будто

(1) Лук. 22, 49; Матѳ. 26, 53 и 54; Іоанн. 18, 11.

бы возвѣщалъ о себѣ, какъ о Христѣ, *земномъ* царѣ іудейскомъ, и, слѣдовательно, возставалъ такимъ образомъ против власти римскаго императора, за что сами они признали бы Его Христомъ и сдѣлались бы Его ревностными послѣдователями, если бы Онъ дѣйствительно виновенъ былъ въ этомъ. На судѣ Пилата Господь отвѣтствовалъ, что Онъ дѣйствительно есть царь, но не царь временный и земной, а царь небесный, царь истины,—посему былъ признанъ невиннымъ и только въ удовлетвореніе Его обвинителей, какъ галилеянинъ, отосланъ на судъ Ирода, правителя Галилеи, который также признал Его невинность и возвратилъ Его обратно къ Пилату. Этотъ язычникъ старался различными средствами отклонить іудейскихъ старѣйшинъ отъ ихъ намѣренія и избавить Господа Іисуса отъ смерти; но наконецъ, когда они прибѣгли къ угрозѣ самого его обвинить въ измѣнѣ кесарю за снисхожденіе къ мнимому противнику кесаря, малодушно согласился предать Его смерти, конечно, не столько по той причинѣ, что устрашился ихъ угрозы, сколько потому, что не хотѣлъ возстать противъ общаго по видимому желанія іудеевъ и не почиталъ важнымъ осужденіе невиннаго на смерть. Тогда, послѣ многихъ страданій, Спаситель отведенъ былъ на лобное мѣсто и распятъ на крестѣ между двумя разбойниками, по сдѣланной на крестѣ надписи, какъ человѣкъ, хотѣвшій быть земнымъ іудейскимъ царемъ. Бывъ распятъ, Онъ принесъ молитву Богу Отцу за своихъ враговъ, поручилъ пречистую Матерь свою видимому попеченію апостола и евангелиста Іоанна Богослова, отпустилъ грѣхи покаявшемуся на крестѣ разбойнику и съ словомъ: *совершишася* предалъ духъ свой, въ то самое время и тотъ самый часъ, когда іудеи должны бы-

ли для празднованія пасхи закалать пасхальнаго агнца, на кануне пасхальной субботы, въ пятницу, въ девятомъ часу дня или третьемъ по полудни. Въ тотъ же самый вечеръ Онъ былъ богато погребенъ Іосифомъ аримаѳейскимъ и Никодимомъ, доселѣ скрывавшими свое благоговѣніе къ Нему, и Пилатъ, по просьбѣ невѣровавшихъ іудеевъ, приставилъ ко гробу Его, запечатанному ими, стражу, дабы не могло родиться ложнаго повода къ молвѣ о Его воскресеніи, такъ какъ всѣмъ іудеямъ было извѣстно, что Спаситель, предсказывая свою смерть, предсказалъ и свое воскресеніе въ третій день по смерти.

Продолженіе времени служенія Іисуса Христа.

Продолженіе общественнаго служенія Іисуса Христа до Его смерти можно опредѣлить на основаніи пророчества Даніилова (1) что *утвердитъ завѣтъ многимъ седмина едина: въ полъ же седмины отымется жертва и возліяніе, и во святилищи мерзость запустѣнія будетъ.* Въ самомъ дѣлѣ, богослуженіе іудейскаго храма, до времени смерти Іисуса Христа бывшее священнымъ и истиннымъ, послѣ смерти Его, которою принесена единственно-спасительная жертва за весь человѣческій родъ, должно было лишиться всякаго значенія и содѣлаться пустымъ. И такъ, если по пророчеству это должно было совершиться въ половинѣ седми лѣтъ, назначенныхъ Богомъ для утвержденія новаго завѣта съ іудеями; то общественное служеніе Іисуса Христа до времени смерти продолжалось три съ половиною года. Подтвержденіе

(1) Дан. 9, 27.

этому можно находить въ евангеліи отъ Іоанна, гдѣ во все время служенія Христова упоминается о наступленіи пасхи не болѣе четырехъ разъ.

Воскресеніе Христово.

Въ третій день по смерти Господь Іисусъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ и въ продолженіе сорока дней пребыванія своего на землѣ много разъ являлся вѣрующимъ. Какъ часты были Его явленія, можно судить по тому, что въ одинъ первый день Онъ явился пять разъ, если только Его явленія въ этотъ день всѣ упомянуты апостолами, ибо никто изъ нихъ не описывалъ ихъ всѣхъ по порядку, а каждый засвидѣтельствовалъ только о нѣсколькихъ, изъ которыхъ достаточно было бы убѣдиться, что Господь Іисусъ дѣйствительно воскресъ изъ мертвыхъ. Такимъ образомъ изъ явленій Господа въ самый день воскресенія апостолы упоминаютъ явленіе Его Маріи Магдалинѣ, потомъ опять ей же съ другою Маріею; далѣе—апостолу Петру, потомъ—двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ; наконецъ всѣмъ апостоламъ, кромѣ Ѳомы. Евангелистъ Іоаннъ, читавшій, по свидѣтельству древняго преданія (1), всѣ евангелія и имѣвшій намѣреніе своимъ евангеліемъ пополнить ихъ, описавъ еще одно явленіе Господа апостолу Ѳомѣ со всѣми другими апостолами, сказалъ, что много и другихъ знаменій сотворилъ Іисусъ предъ учениками своими, *яже не суть писана въ книгахъ сихъ: сія же писана быша, да вѣруете, яко Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій; и да вѣрующе жи-*

(1) *Евсев.* Церкв. Ист. кн. 3, гл. 4.

вотъ имате въ имя Его (1). Вслѣдъ за этимъ онъ повѣствуетъ, какбы въ образецъ не описанныхъ явленій Господа, о явленіи Его при морѣ тиверіадскомъ семи апостоламъ, снова заключая повѣствованіе словами о невозможности описать все. Равнымъ образомъ евангелистъ Лука засвидѣтельствовалъ, что въ теченіе сорока дней пребыванія своего на землѣ по воскресеніи Господь поставлялъ себя живымъ предъ учениками своими во многихъ истинныхъ знаменіяхъ, *глаголя, яже о царствіи Божіи* (2). Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій было явленіе на горѣ Галилейской, подробнѣе всѣхъ описанное евангелистомъ Матѳеемъ (3) и, можетъ быть, тоже самое, о которомъ упомянулъ апостолъ Павелъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ (4), сказавъ, что однажды Господь явился болѣе, чѣмъ пяти стамъ человѣкъ вдругъ, изъ которыхъ большая часть были еще живы въ то время, когда писано это посланіе. По свидѣтельству ап. Павла, Господь явился еще особо апостолу Іакову (5) И такъ надобно почитать несомнѣннымъ, что по восресеніи Господь являлся ученикамъ своимъ гораздо болѣе разъ, чѣмъ сколько упомянуто въ евангеліяхъ, и что Онъ являлся не однимъ только апостоламъ, о чемъ почти исключительно говорятъ евангелисты, имѣя въ виду удостовѣрить увѣровавщихъ по слову апостольскому, что ихъ учители проповѣдали имъ о воскресеніи, какъ очевидцы, но всѣмъ вѣрующимъ. Апостолы видѣли воскресшаго Господа своими собственными глазами, осязали Его своими собственными руками, долго не вѣрили ни глазамъ своимъ, ни всѣмъ чувствамъ, но наконецъ

(1) Іоанн. 20, 30. 31.
(2) Дѣян. 1, 3.
(3) Матѳ. 28; 16—20.
(4) 1 Кор. 15, 6 и 7.
(5) Тамъ же ст. 7.

должны были увѣриться несомнѣнно и увѣровали столько, что въ послѣдствіи ни угрозы, ни преслѣдованія, ни наказанія и мученія, ни страшные роды мученической кончины не могли остановить этихъ робкихъ и слабыхъ людей, какими они были до воскресенія Господа, отъ того, чтобы не возвѣщать каждому, что Господь Іисусъ дѣйствительно воскресъ, что поэтому Онъ есть истинный Сынъ Божій и вѣра въ Него есть единственно-спасительная вѣра.

Утвержденіе Церкви.

Какъ ни кратко описаны въ евангеліяхъ явленія и дѣянія Господа по воскресеніи, тѣмъ не менѣе изъ нихъ очевидно, что въ это время Онъ утвердилъ и освятилъ то устройство Церкви, которое предначерталъ для нея прежде. Онъ таинственно преподалъ апостоламъ благодать священства, не лишивъ ея и апостола Петра, который загладилъ свое троекратное отреченіе отъ Господа при наступленіи Его страданій искреннимъ раскаяніемъ и троекратнымъ исповѣданіемъ любви къ Нему послѣ Его воскресенія ([1]). *Якоже посла мя Отецъ*, сказалъ имъ Господь, *и Азъ посылаю вы: и сіе рекъ, дуну, и глагола имъ: примите Духъ святъ, имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имъ же держите, держатся* ([2]). Поставивъ ихъ чрезъ это уже на самомъ дѣлѣ апостолами или священноначальниками, Онъ въ теченіе сорока дней своего пребыванія на землѣ передавалъ

([1]) *Ambros. Mediol.* Apologia Prophetae David, cap. 6. num. 25.
([2]) Іоанн. 20, 21—23.

нія: *епископство его да пріиметъ инъ* (¹). Чрезъ десять дней по вознесеніи Господа, Духъ Святый дѣйствительно сошелъ видимымъ и чудеснымъ образомъ, въ видѣ огненныхъ языковъ, на апостоловъ и на всѣхъ вѣрующихъ, которые съ ними были въ то время вмѣстѣ, дабы всегда присутствовать въ Церкви, исполняя ее дарами благодати, силы, единенія со Христомъ, и всѣмъ, потребнымъ на пользу.

Такъ получила свое начало, основаніе и утвержденіе святая христіанская Церковь.

(¹) Псал. 108; 8; Дѣян. 1, 30.

ПЕРВАГО ПЕРІОДА

ИСТОРІИ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ

ЧАСТЬ I.

ИСТОРІЯ ВНѢШНЯГО СОСТОЯНІЯ ЦЕРКВИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ.

А., О РАСПРОСТРАНЕНІИ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ СВ. АПОСТОЛАМИ.

Облекшись силою свыше, апостолы должны были проповѣдать евангеліе царствія Божія, какъ было повелѣно имъ, сперва въ Іерусалимѣ, потомъ во всей Іудеи и Самаріи, наконецъ вездѣ до послѣднихъ предѣловъ земли (Дѣян. 1, 8). И они исполнили заповѣдь Господа: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Рим. 10, 18).

Святая вѣра была распространена ими такъ скоро, и число учениковъ Христовыхъ размножилось повсюду съ такою быстротою, что невольно вспоминаются пророчественныя слова Исаіи: *кто слыша сицевое, и кто видѣ сице? Аще родила земля съ болѣзнію во единъ день, или родися языкъ весь купно* (66, 8)?

Распространеніе христіанства исключительно между іудеями и пришельцами правды.

Первое чудо въ Церкви христіанской было причиною и перваго ея распространенія. Чудесныя видимыя знаменія, сопровождавшія сошествіе Св. Духа, привлекли множество народа къ горницѣ, въ которой пребывали вѣрующіе. Это было въ праздникъ пятьдесятницы, когда со всѣхъ сторонъ собирались въ Іерусалимъ іудеи разсѣянія, — изъ Персіи, Аравіи, Египта, Ливіи, Малой Азіи, Италіи и другихъ странъ. Слыша, что апостолы говорятъ на разныхъ языкахъ, всѣ изумлялись и съ недоумѣніемъ спрашивали другъ друга: *не се ли вси сіи суть глаголющіи галилеяне? И како мы слышимъ кійждо свой языкъ нашъ, въ немже родихомся? Слышимъ ихъ глаголющихъ инъшими языки величія Божія! Что убо хощетъ сіе быти?* Только не многіе, быть можетъ, не видѣвшіе явныхъ знаменій сошествія Св. Духа и собравшіеся къ мѣсту пребыванія апостоловъ по примѣру и увлеченію другихъ, быть можетъ также, не понимавшіе иноземныхъ языковъ, на которыхъ говорили апостолы, не многіе только дерзнули говорить, *яко виномъ исполнены суть* (Дѣян. 2, 13). Тогда апостолы послѣдовательно объяснили народу чудо сошествія Св. Духа и проповѣдали о Господѣ Іисусѣ, который ниспослалъ имъ Его. Сильное слово св. Петра такъ подѣйствовало на всѣхъ, бывшихъ свидѣтелями чуда, что они, *слышавше, умилишася сердцемъ и рѣша къ Петру и прочимъ апостоломъ: что сотворимъ, мужіе братіе?* Такимъ образомъ въ одинъ этотъ день приняли вѣру Христову до трехъ тысячъ человѣкъ. Увѣровавшіе изъ іудеевъ разсѣянія, отправясь послѣ

праздника на мѣста своего жительства, безъ сомнѣнія, передавали тамъ свою вѣру близкимъ себѣ людямъ, или, по крайней мѣрѣ, составили тамъ изъ себя малыя христіанскія общества. Между тѣмъ церковь іерусалимская ежедневно возрастала въ числѣ своихъ членовъ, потому что апостолы, постоянно проповѣдуя ученіе объ Іисусѣ Христѣ, совершали въ Іерусалимѣ множество чудесъ. Площади города, многіе частные домы, самый храмъ,—все оглашалось словомъ ихъ благовѣстія; и весь Іерусалимъ былъ свидѣтелемъ ихъ безчисленныхъ и очевиднѣйшихъ чудесъ. Вотъ примѣръ, какъ быстро распространялось въ Іерусалимѣ христіанство: апостолы Петръ и Іоаннъ шли во храмъ на молитву, совершавшуюся въ девятый часъ дня или третій по полудни. Они вступали уже въ самыя ворота храма, какъ обратился къ нимъ съ мольбою о милостыни одинъ нищій, хромой отъ рожденія. *Сребра и злата нѣсть у мене*, отвѣчалъ ему св. Петръ, *но еже имамъ, сіе ти даю: во имя Іисуса Христа Назорея, возстани и ходи.* Восторгъ страдальца, когда онъ вдругъ почувствовалъ себя здоровымъ, былъ неописанъ; ходя и скача и хваля Бога, исцѣленный вошелъ за апостолами во храмъ и не отставалъ отъ нихъ ни на минуту. Во храмѣ было уже много народа: узнавъ о чудѣ, совершившемся надъ человѣкомъ, увѣчность котораго была извѣстна нѣсколько лѣтъ жителямъ Іерусалима, всѣ исполнились, какъ говоритъ св. Лука, *изумленія и ужаса.* Апостолы возвѣстили, чьею силою сотворено чудо и проповѣдали объ І. Христѣ. Не смотря на то, что *еще глаголющимъ имъ къ людемъ, наидоша на нихъ священницы, и воевода церковный, и саддукеи*, и что они отведены были за свою проповѣдь въ темницу, въ этотъ самый день присоединилось къ Цер-

кви до пяти тысячъ человѣкъ. Такъ продолжало распространяться въ Іерусалимѣ христіанство около трехъ лѣтъ. *Руками апостольскими быша знаменія и чудеса въ людехъ многа*; выносили больныхъ на площади города—съ вѣрою, что даже тѣнь проходящаго апостола Петра возвратитъ имъ здоровье; множество народа собиралось въ Іерусалимъ изъ окрестныхъ городовъ, принося съ собою своихъ больныхъ и страждущихъ: всѣмъ подавалось исцѣленіе. *Веліею силою воздаяху свидѣтельство апостоли воскресенію Господа Іисуса Христа, благодать же бѣ велія на всѣхъ ихъ.* Въ слѣдствіе этого болѣе и болѣе *прилагалось вѣрующихъ Господеви*, слово Божіе росло, число учениковъ въ Іерусалимѣ умножалось чрезвычайно, и не простой только народъ, но даже большое число священниковъ приняло христіанскую вѣру. Два раза пытались саддукеи остановить успѣхи вѣры Христовой, грозили апостоламъ, били ихъ, призывали на судъ, запрещали имъ проповѣдовать о воскресеніи Господа; но ничего не могли сдѣлать. Апостолы смѣло отвѣчали на всѣ ихъ запрещенія: *аще праведно есть предъ Богомъ, васъ послушати паче, нежели Бога, судите*; радовались, сподобляясь принять безчестіе за имя Господа Іисуса, и не переставали каждодневно во храмѣ и въ частныхъ домахъ учить св. вѣрѣ.

Когда же и фарисеи возстали противъ христіанства, распространеніе его въ самомъ Іерусалимѣ должно было нѣсколько замедлиться: но вмѣсто того вѣра Христова съ необыкновенною быстротою, не болѣе, какъ въ пять лѣтъ, распространилась по всей Іудеи, Самаріи, заіорданской области, также въ Финикіи, Сиріи, даже на островѣ Кипрѣ, словомъ во всѣхъ окрестностяхъ Іудеи и Іерусалима. Безъ всякаго сомнѣнія, еще прежде нѣ-

которые, приходившіе въ Іерусалимъ изъ окрестныхъ городовъ, принимали здѣсь христіанскую вѣру. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, образовались церкви въ Дамаскѣ, Лиддѣ, Іоппіи; такъ, можетъ быть, получили свое начало и нѣкоторыя другія церкви неподалеку отъ Іерусалима. Но главнымъ образомъ христіанство распространилось въ сосѣдственныхъ Палестинѣ странахъ со времени гоненія, воздвигнутаго на іерусалимскую церковь фарисеями, когда множество вѣрующихъ должны были оставить Іерусалимъ и разсѣялись по странамъ іудейскимъ и самарійскимъ всѣ, кромѣ апостоловъ, безбоязненно оставшихся въ Іерусалимѣ. Разсѣявшіеся вездѣ благовѣствовали вѣру Христову и прошли *даже до Финикіи, Кипра и Антіохіи, ни единому же глаголюще слово, токмо іудеемъ*. Особенную благодать въ дѣлѣ благовѣстія имѣлъ между ними архидіаконъ Филиппъ; многочисленными чудесами онъ обратилъ къ вѣрѣ самарянъ, потомъ проповѣдалъ слово Божіе въ южныхъ предѣлахъ Палестины, около Газы, Азота, и тамъ между прочимъ, научивъ вѣрѣ, крестилъ вельможу еѳіопской царицы Кандакіи, бывшаго пришельцемъ правды, наконецъ, проходя отъ Азота на сѣверъ до Кесаріи, благовѣствовалъ во всѣхъ городахъ, встрѣчавшихся на пути. Необыкновенная помощь Божія облекала его силою въ подвигахъ благовѣстія. Но такъ какъ всѣ эти проповѣдники, подобно св. Филиппу, распространивъ въ разныхъ городахъ вѣру Христову, не могли основать тамъ церковнаго благоустройства, потому что не были облечены властію апостольскаго священноначалія; такъ какъ, напримѣръ, св. Филиппъ, крестивъ самарянъ, не могъ преподать имъ вмѣстѣ даже таинства миропомазанія, потому что былъ только діакономъ: то апостолы для довершенія

начатаго ими опредѣлили послать изъ среды себя Петра и Іоанна. Петръ и Іоаннъ запечатлѣли самарянъ печатію даровъ Святаго Духа. Потомъ апостолъ Петръ посѣтилъ и всѣ другія, въ окрестностяхъ Іерусалима возникавшія, церкви: былъ, вѣроятно ([1]), въ Антіохіи, гдѣ образовалась церковь первоначально также изъ однихъ іудеевъ, былъ въ Лиддѣ, Іоппіи, и вездѣ чудесами своими многихъ обращалъ ко Господу.

Переходъ отъ распространенія вѣры Христовой между іудеями и пришельцами правды къ распространенію ея между пришельцами вратъ и язычниками.

Есть древнее преданіе, сохранившееся отъ втораго вѣка ([2]), будтобы Спаситель повелѣлъ апостоламъ не оставлять Іерусалима цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. Дѣйствительно, до 45 года по Р. Хр. апостолы не выходили изъ предѣловъ обѣтованной земли и совокупными стараніями заботились утвердить церковь іерусалимскую. Утвердивъ христіанство въ Іерусалимѣ, отсюда уже они распространяли его по всей вселенной: отъ Іерусалима начинали свои путешествія и сюда же, какбы въ средоточіе христіанской Церкви, возвращались обратно — принести благодареніе Господу за успѣхи своей проповѣди между разными народами и повѣдать братіи, что сотворилъ Богъ

([1]) Хроник. *Евсевія* изъ Синкелла: Πέτρος ὁ κορυφαῖος ἐν Ἀντιοχείᾳ θεμελιώσας ἐκκλησίαν... *Chronicon. Paschale* (Corp. Script. Hist. Byzant. ed. Venet. 1729. tom. 5), pag. 184: ἐπὶ τούτων τῶν ὑπάτων (Κλαυδίου καίσαρος καὶ Κερσιανοῦ) Πέτρος ὁ ἅγιος Ἀπόστολος πρῶτος τὴν ἐκκλησίαν Ἀντιοχείας θεμελιοῖ.

([2]) О немъ свидѣтельствуетъ церковный писатель 2-го вѣка *Аполлоній* въ Ц. И. Евсевія, 5, 18.

служеніемъ ихъ во языцѣхъ (Дѣян. 21, 19). Церковь іерусалимская во времена апостоловъ была такимъ образомъ матерію всѣхъ церквей, вселенскою митрополіею. Но между тѣмъ, какъ апостолы такое долгое время заботились объ утвержденіи Церкви въ народѣ іудейскомъ, имѣвшемъ по избранію Божію право прежде всѣхъ другихъ народовъ вступить въ Церковь Христову, во многихъ увѣровавшихъ іудеяхъ родилась мысль, что іудеямъ единственно и должно преподавать вѣру Христову, если же нужно удостоивать и язычниковъ вступленія въ Церковь, то не иначе, какъ предварительно сдѣлавъ ихъ іудеями, то есть, вмѣнивъ имъ въ священнѣйшую обязанность исполненіе обрядоваго закона Моисеева и обрѣзаніе. Мысль несправедливая, потому что Господь повелѣлъ всѣмъ народамъ проповѣдать евангеліе: тѣмъ не менѣе апостолы, дѣйствуя съ истинною мудростію, не вдругъ возстали противъ такого предубѣжденія своей паствы. Они сдѣлали переходъ отъ проповѣди іудеямъ къ принятію язычниковъ въ Церковь постепенно, каждый шагъ свой основывая на ясномъ указаніи Божіемъ, и такимъ образомъ мудро предохранили единство Церкви отъ раскола между увѣровавшими изъ іудеевъ и язычниковъ.

Апостолъ Петръ былъ въ Іоппіи, когда во время полуденной молитвы имѣлъ видѣніе сходившей съ неба большой скатерти, на которой находились разныя животныя, по закону Моисееву, нечистыя и запрещенныя для употребленія въ пищу. Между тѣмъ гласъ Божій троекратно повелѣвалъ апостолу вкусить отъ предложенной въ видѣніи пищи. *Никакоже, Господи*, отвѣчалъ на это апостолъ, *яко николиже ядохъ всяко скверно или нечисто*. Но Господь троекратно повторилъ свое вразум-

леніе: *яже Богъ очистилъ есть, ты не скверни;* и видѣніе окончилось. Такъ и язычники, нечистые по закону Моисееву, должны быть приняты въ составъ тѣла Церкви Христовой; потому что Христосъ завѣтомъ крови своей сотворилъ очищеніе для всѣхъ. Св. Петръ еще недоумѣвалъ, что бы именно значило это видѣніе, какъ пришли къ нему посланные отъ римскаго сотника Корнилія, жившаго въ Кесаріи, сказать, что Корнилій, по внушенію отъ ангела, зоветъ его въ домъ свой. Тогда онъ понялъ значеніе бывшаго видѣнія. По божественному повелѣнію пришедши *съ нѣсколькими учениками* изъ Іоппіи къ Корнилію, ожидавшему св. апостола со всѣмъ своимъ семействомъ, онъ сказалъ: вы знаете, что не прилично іудею имѣть дѣло съ иноплеменниками; но Господь показалъ мнѣ, что ни одного человѣка не должно почитать сквернымъ или нечистымъ. И когда Корнилій объяснилъ, что онъ призвалъ его по внушенію ангела, явившагося во время молитвы въ девятый часъ дня и повелѣвшаго отъ него узнать волю Божію, апостолъ прежде, нежели началъ проповѣдь объ Іисусѣ Христѣ, вразумилъ пришедшихъ съ нимъ вѣровавшихъ изъ іудеевъ, что іудеи и язычники (1), очевидно, имѣютъ одинаковое право на вступленіе въ Церковь. *Поистинѣ разумѣваю*, сказалъ онъ, *яко не на лица зритъ Богъ, но во всякомъ языцѣ бояйся его и дѣлаяй правду, пріятенъ ему есть*, то есть, Его милосердіемъ призывается въ св. Церковь. — Господь благоволилъ еще очевиднѣе открыть

(1) Корнилій и его сродники, по всей вѣроятности, были не собственно язычниками, а пришельцами вратъ: это видно изъ времени молитвы Корнилія; но пришельцы вратъ, не имѣвъ обрѣзанія, не почитались дѣйствительными пришельцами, или пришельцами правды, и потому сравнивались съ язычниками.

волю свою, что Онъ не только призываетъ язычниковъ къ участію въ даражъ св. Церкви, но и не полагаетъ при этомъ никакого различія между ними и іудеями. Апостолъ Петръ еще не окончилъ своей проповѣди Корнилію и его сродникамъ, какъ на всѣхъ нихъ сошелъ Духъ Святый и, по дѣйствію Его, они начали на разныхъ языкахъ славословить Бога. Пришедшіе съ апостоломъ Петромъ, *иже отъ обрѣзанія вѣрніи, ужасошася*, понявъ, что и на язычниковъ изліялся даръ Св. Духа. Тогда апостолъ внушилъ имъ, что, если самъ Богъ даетъ Духа Святаго язычникамъ — такъ же точно, какъ и іудеямъ; то можетъ ли кто либо изъ апостоловъ отказать имъ въ благодати крещенія? Послѣ этого онъ крестилъ все семейство Корнилія. И хотя по возвращеніи апостола въ Іерусалимъ, по этому поводу *препирахуся* съ нимъ *иже отъ обрѣзанія*, но, когда онъ объяснилъ имъ ходъ всего происшествія, они умолкли и прославили Бога, понявъ, что и язычникамъ отверзъ Господь дверь ко спасенію. Все это происходило, по всей вѣроятности, въ концѣ 42 года по Р. Хр.

Можетъ быть, подъ вліяніемъ этого именно примѣра, или, можетъ быть, и по особенному внушенію Божію, нѣкоторые вѣрующіе изъ іудеевъ разсѣянія, вообще не соблюдавшихъ подобно палестинскимъ іудеямъ слишкомъ большой строгости въ сношеніяхъ съ язычниками, именно *мужіе кипрстіи и киринейстіи*, пришедши въ Антіохію, благовѣствовали здѣсь о Господѣ Іисусѣ язычникамъ. *И бѣ рука Господня съ ними*: они обратили ко Господу большое число язычниковъ. Апостолы, съ радостію узнавъ о такомъ распространеніи вѣры между язычниками, для большаго успѣха этого дѣла послали въ Антіохію Варнаву, родомъ кипрянина, который, какъ іудей разсѣянія,

безпристрастіе смотрѣлъ на обращеніе язычниковъ къ вѣрѣ. По древнему преданію (¹), Варнава былъ однимъ изъ семидесяти апостоловъ,—и въ писаніи говорится о немъ, что это былъ *мужъ благъ и исполнь Духа Свята и вѣры*. Пришедши въ Антіохію, онъ еще болѣе распространилъ здѣсь христіанство между язычниками; понимая, какъ полезно для блага Церкви утвердить его въ такомъ городѣ, какъ Антіохія, въ столицѣ всего римскаго востока, Варнава пригласилъ къ себѣ въ сотрудники Савла, по избранію Божію, апостола языковъ. Савлъ былъ такъ же, какъ и Варнава, іудей разсѣянія; получивъ въ Іерусалимѣ фарисейское образованіе, онъ подъ вліяніемъ его былъ первоначально ревностнымъ гонителемъ христіанства, но, отправясь въ Дамаскъ преслѣдовать тамошнихъ христіанъ, на дорогѣ самъ обращенъ былъ къ вѣрѣ чудеснымъ явленіемъ Господа І. Христа, крестился въ Дамаскѣ и къ всеобщему удивленію проповѣдалъ въ іудейскихъ синагогахъ, что Господь Іисусъ дѣйствительно есть Христосъ. Года два съ половиною провелъ онъ потомъ въ сосѣдственной Дамаску аравійской области, по всей вѣроятности, проповѣдуя разсѣяннымъ тамъ іудеямъ вѣру во І. Христа,—потомъ возвратился въ Дамаскъ (Гал. 1, 17 и 18) и здѣсь съ такою ревностію проповѣдовалъ христіанство, что возбудилъ въ іудеяхъ ожесточенную ненависть къ себѣ. Спасшись отъ смерти, грозившей ему съ ихъ стороны, бѣгствомъ изъ Дамаска въ то время, какъ этотъ городъ находился во власти аравійскаго царя Ареѳы (²), онъ чрезъ три года

(¹) *Климента Александр.* Стромат. кн. 2, стр. 410; ed. Coloniae, an. 1688.

(²) 2 Кор. 11, 32. Это обстоятельство въ жизни апостола Павла важно для хронологіи. Такъ какъ Дамаскъ принадлежалъ римской имперіи,

послѣ своего обращенія (Гал. 1, 18), то есть въ 40-мъ году по Р. Хр., пришелъ въ Іерусалимъ,—здѣсь во время молитвы во храмѣ удостоенъ былъ видѣнія и былъ призванъ проповѣдовать евангеліе язычникамъ (Дѣян. 22, 17—21). Между тѣмъ и въ Іерусалимѣ жизнь его была въ опасности отъ іудеевъ; поэтому онъ удалился въ отечественный свой городъ Тарсъ, принадлежавшій къ киликійской провинціи въ Малой Азіи, и тамъ, въ странахъ сирскихъ и киликійскихъ, проповѣдовалъ вѣру Христову (Гал. 1, 21; Дѣян. 15, 23) язычникамъ. Бывъ отсюда призванъ Варнавою въ Антіохію, онъ вмѣстѣ съ нимъ трудился здѣсь цѣлый годъ въ проповѣди слова Божія. Ревностными трудами Варнавы и Савла церковь антіохійская въ короткое время распространилась, и такъ какъ увѣровавшіе изъ язычниковъ составляли въ ней гораздо большую часть сравнительно съ увѣровавшими изъ іудеевъ, то тѣмъ удобнѣе утвердилось въ ней убѣжденіе въ необходимости распространенія христіанства между всѣми народами. Между тѣмъ какъ въ Іерусалимѣ вѣрующіе называли себя іудеями и только въ отличіе

то онъ могъ находиться во власти аравійскаго царя Ареѳы только по какому нибудь особенному обстоятельству. Обстоятельство это, по всей вѣроятности, было слѣдующее. Въ послѣдній годъ жизни Тиверія кесаря, Ареѳа сдѣлалъ нападеніе на Палестину и разбилъ войска Ирода Агриппы, союзника кесарева. Императоръ приказалъ сирійскому проконсулу Вителлію наказать Ареѳу, но между тѣмъ, какъ проконсулъ собирался къ походу, умеръ въ мартѣ 37-го года, и такимъ образомъ походъ противъ Ареѳы замедлился. Ареѳа могъ воспользоваться этимъ временемъ и завладѣть Дамаскомъ. Но не вѣроятно, чтобы такой важный городъ долго оставался въ его рукахъ: по крайней мѣрѣ, чрезъ два года царствованія Калигулы онъ долженъ былъ возвратиться подъ власть римлянъ. Такимъ образомъ, если положимъ, что бѣгство апостола Павла изъ Дамаска было въ 40-мъ году; слѣдовательно, обращеніе къ христіанству—въ 37-мъ, всѣ происшествія до того времени послѣ вознесенія Христова совершились въ теченіе трехъ лѣтъ.

отъ неувѣровавшихъ именовались учениками или вѣрными, въ Антіохіи вѣрующіе изъ язычниковъ и іудеевъ разсѣянія, приняли отъ апостоловъ наименованіе христіанъ. Такимъ образомъ церковь антіохійская содѣлалась второю матеріею церквей, именно—церквей, возникшихъ между язычниками, и для проповѣдниковъ язычникамъ была какбы вторымъ Іерусалимомъ. Въ скоромъ времени она достигла значительнаго благосостоянія и имѣла въ числѣ своихъ членовъ довольно проповѣдниковъ и учителей. Тогда, по внушенію Духа Божія, Варнава и Савлъ или Павелъ отправились изъ Антіохіи проповѣдовать христіанство въ другихъ странахъ какъ іудеямъ, такъ и язычникамъ. Они обошли съ проповѣдію островъ Кипръ, области Малой Азіи: Памфилію, Писидію и Ликаонію, и вездѣ проповѣдовали первоначально въ іудейскихъ синагогахъ, стараясь прежде—обращать къ вѣрѣ іудеевъ; когда же іудеи отвергали ихъ проповѣдь, апостолы говорили: *вамъ бѣ лѣпо первѣе глаголати слово Божіе, а понеже отвергосте е, и недостойны творите сами себе вѣчному животу, се обращаемся во языки.* Много іудеевъ принимало отъ нихъ вѣру во Христа, но преимущественно всѣ, основанныя ими теперь, церкви составились изъ увѣровавшихъ язычниковъ [1]. Во все время проповѣди ихъ Господь подтверждалъ слово благодати своей и творилъ ихъ руками знаменія и чудеса. Возвратившись въ Антіохію, оба апостола пробыли здѣсь довольно времени, болѣе и болѣе утверждая христіанъ въ вѣрѣ. Такъ, возникшая въ Антіохіи церковь

---

[1] По мнѣнію блаженнаго *Іеронима*, de Vir illustr. c. 5, Савлъ апостолъ около этого времени началъ называться Павломъ, по тому, что обратилъ къ вѣрѣ кипрскаго анѳипата Сергія Павла.

изъ увѣровавшихъ язычниковъ далеко уже распространилась за предѣлы Палестины и Сиріи.

Но между увѣровавшими изъ іудеевъ, членами іерусалимской церкви, все еще таилась мысль, будто для спасенія необходимо, чтобы каждый человѣкъ сдѣлался прежде іудеемъ, принялъ обрѣзаніе, хранилъ весь Моисеевъ законъ и потомъ уже увѣровалъ въ Господа Іисуса, приходившаго и обѣтовавшаго придти снова какбы только для іудеевъ. *И нѣцыи сшедше отъ Іудеи въ Антіохію, учаху братію, яко аще не обрежетеся по обычаю Моисееву, не можете спастися.* Такимъ образомъ, какъ ни строга была постепенность, съ какою апостолы переходили отъ распространенія христіанства между іудеями къ утвержденію его между язычниками, все это не могло совершенно усыпить іудейскаго предразсудка, будто бы только іудеи избраны Богомъ ко спасенію. Возникшій въ Антіохіи по этому предмету вопросъ могъ произвесть въ Церкви христіанской гибельное раздѣленіе при самомъ началѣ ея распространенія. Поэтому церковь антіохійская, слѣдуя порядку управленія, установленному Іисусомъ Христомъ, обратилась за рѣшеніемъ его къ собору апостоловъ и всѣхъ вообще священноначальниковъ Церкви. Между тѣмъ благая воля Божія о распространеніи христіанства между язычниками открылась уже такъ ясно, что апостолы могли объявить въ полномъ свѣтѣ всю истину, безъ опасенія произвесть соблазнъ въ истинно вѣрующихъ изъ іудеевъ. Соборъ апостольскій былъ въ 51 году, чрезъ 14 лѣтъ по обращеніи въ христіанство апост. Павла (Гал. 2, 1). На немъ присутствовали апостолы: Іаковъ, Петръ и Іоаннъ, можетъ быть, и нѣкоторые другіе, апостолъ Павелъ, Варнава; были на Соборѣ также пресвитеры и простые вѣрующіе, но только

для предварительнаго совѣщанія. Послѣ долгаго спора между неразумными ревнителями Моисеева закона и пришедшими изъ Антіохіи христіанами, апостолы приступили къ рѣшенію дѣла. Первоначально апостолъ Петръ напомнилъ, съ какою очевидностію открылась воля Божія о принятіи язычниковъ въ Церковь въ исторіи обращенія къ вѣрѣ Корнилія сотника и его семейства, когда сердцевѣдецъ Богъ далъ Духа своего увѣровавшимъ язычникамъ, точно такъ же, какъ и іудеямъ, не положивъ никакого различія между тѣми и другими. Потомъ онъ же указалъ на догматическое основаніе для рѣшенія вопроса, сказавъ, что спасеніе наше зиждется не на законѣ Моисеевомъ, но на благодати Господа Іисуса Христа. Слова его произвели глубокое впечатлѣніе во всѣхъ. Пользуясь удобнымъ временемъ, апостолы Павелъ и Варнава повѣдали, какія чудеса и знаменія творилъ ихъ руками Богъ, когда они проповѣдовали вѣру язычникамъ: каждый, слушая это, долженъ былъ приходить къ заключенію, что, слѣдовательно, такое дѣло угодно Богу. Наконецъ произнесъ свое мнѣніе апостолъ Іаковъ, за ревностное исполненіе іудейскихъ обычаевъ прозванный праведнымъ (¹). Голосъ св. Іакова, бывшаго образцемъ

(¹) Что ап. Іаковъ Праведный, братъ Господень и первый епископъ іерусалимскій, есть тоже самое лицо, что ап. Іаковъ Малый или Алфеевъ, т. е. по разному произношенію еврейскаго слова Hlphi, сынъ Алфея или Клеопы и Маріи Клеоповой, сестры Матери Господа, это видно изъ соображенія слѣдующихъ мѣстъ свящ. писанія: Дѣян. гл. 15, ст. 13—21; гл. 21, ст. 18—25; Гал. гл. 1, ст. 19; гл. 2, ст. 9 и 12. Къ убѣжденію въ этомъ приводятъ свидѣтельства Егезиппа и Климента Александрійскаго (см. *Евсев.* Церк. Ист. кн. 2, гл. 1 и 23). Съ своей стороны *Евсевій* говоритъ: «Іакововъ было два: одинъ-Праведный, а другой—обезглавленный».—Возраженія противъ этого, заимствуемыя изъ неправильнаго толкованія мѣстъ Іоанн. 7, 5; Дѣян. 1, 14; 1 Кор. 9, 5., по нашему мнѣнію, весьма слабы. Имѣетъ смыслъ и то,

въ исполненіи Моисеева закона, имѣлъ самую большую силу для всѣхъ увѣровавшихъ изъ іудеевъ. Указавъ на волю Божію, открывшуюся въ обращеніи къ вѣрѣ Корнилія, апостолъ обратился къ св. писанію и на основаніи его изложилъ, что вообще церковь іудейская была только временною церковію и по премудрому устроенію Божію должна теперь пасть, между тѣмъ какъ на развалинахъ ея долженъ возвыситься новый кровъ Давидовъ, должна основаться новая Церковь не для одного какого нибудь народа, подобно скиніи іудейской, но для людей всѣхъ мѣстъ и временъ. Слова его были закономъ. Тогда апостолы написали рѣшеніе дѣла, какъ было суждено ими, или лучше, Духомъ Святымъ, дѣйствовавшимъ чрезъ нихъ. Апостолы Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, познавъ, что самъ Господь призвалъ апостола Павла благовѣстить вѣру язычникамъ, положили, что они принимаютъ на себя обязанность проповѣдовать слово Божіе іудеямъ, Павелъ же съ Варнавою пусть будутъ апостолами язычниковъ (Гал. 2, 9). Съ этого времени апостолы и прочіе благовѣстники проповѣдовали, *глаголюще слово Божіе* не *токмо іудеемъ*, но и язычникамъ.

Общій взглядъ на повсюдное распространеніе христіанства трудами апостоловъ: апостольская ревность во благовѣстіи.

Кто достойно разскажетъ, сколько подвиговъ и какіе необыкновенные труды подъяли на себя св. апостолы, исполняя повелѣніе Господне распространить евангеліе

что если ап. Іаковъ Алфеевъ не былъ епископомъ іерусалимскимъ: то о немъ не сохранилось отъ древности рѣшительно никакого преданія.

во всемъ мірѣ. Вотъ что говоритъ о себѣ апостолъ Павелъ въ половинѣ своихъ апостольскихъ подвиговъ: *въ трудѣхъ множае, въ ранахъ пребол҃ѣ, въ темницахъ излиха, въ смертехъ многащи. Отъ іудей пять краты четыредесять развѣ единыя пріяхъ. Трищи палицами біенъ быхъ, единою каменми наметанъ быхъ, трикраты корабль опровержеся со мною: нощь и день во глубинѣ сотворихъ, въ путныхъ шествіихъ множицею, бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ* (іудеевъ), *бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды въ лжебратіи: въ трудѣ и подвизѣ, во бдѣніихъ множицею, во алчбѣ и жажди, въ пощеніихъ многащи, въ зимѣ и наготѣ. Кромѣ внѣшнихъ, нападеніе еже по вся дни, и попеченіе всѣхъ церквей* (2 Кор. 11, 23—28). Тоже надобно думать и о трудахъ прочихъ апостоловъ, которые въ то время, какъ писаны были апостоломъ Павломъ приведенныя слова, уже всю землю огласили своею проповѣдію (¹). И съ какою божественною ревностію исполняли они свое служеніе! Съ какимъ неутомимымъ усердіемъ учили каждаго! Іудею приводили пророчества, напоминали обѣтованія, указывали на его преимущества въ вѣрѣ; язычника учили, кто посылаетъ дожди и времена плодоносныя, какъ велико назначеніе человѣка, какъ несомнѣнна вѣчная жизнь за гробомъ, гдѣ каждый отдастъ отчетъ Богу за свои добрыя и дурныя дѣла. Всякому же, наконецъ, возвѣщали *Іисуса Христа и сего распята*. Они не увлекали краснорѣчіемъ, не убѣждали силою умозаключеній, но

(¹) Римл. 10, 18. *Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ.* Это говорится объ апостолахъ; а посланіе къ Римлянамъ написано вскорѣ послѣ 2-го посланія къ Коринѳянамъ.

живо и сильно было ихъ слово, проникнутое глубокимъ убѣжденіемъ, — поразительны были ихъ чудеса, очевидно совершавшіяся силою Божіею, — непобѣдима отеческая любовь, которая давала имъ силы день и ночь со слезами учить каждаго, пока онъ не познаетъ Бога истиннаго, вообще же всемогуща была дѣйствовавшая въ нихъ благодать Божія. Какое мѣсто и время избирали они для своей проповѣди?—Іудейскія синагоги, площади города, частные домы, словомъ—всякое мѣсто и всякое время. Апостолъ—въ темницѣ!—тамъ проповѣдуетъ онъ узникамъ заключеннымъ и обращаетъ ихъ въ христіанство. Въ дорогѣ—онъ дѣлаетъ спутниковъ христіанами. Его призываютъ на судъ и ждутъ отъ него оправданія,—онъ возвѣщаетъ евангеліе о Христѣ. Вездѣ и всегда, благовременно и безвременно, они учили со всякимъ долготерпѣніемъ.

Недостаточность свѣдѣній о томъ, въ какихъ странахъ проповѣдовали апостолы.

Напрасно повторяютъ иногда ошибочную мысль, основанную на перетолкованіи словъ Климента и Оригена, будто апостолы, идя на всемірную проповѣдь, бросили жребій, кому куда отправиться. Они проповѣдовали тамъ, куда приводилъ ихъ Духъ Святый, и большею частію случалось, что двое, трое, даже четверо изъ нихъ проповѣдовали въ одной и тойже странѣ, хотя тѣмъ не менѣе можно сказать съ древними писателями, что, напримѣръ, апостолу Ѳомѣ досталось въ удѣлъ проповѣдовать въ Парѳіи, а Андрею въ Скиѳіи. Главнымъ образомъ апостолы избирали для своей дѣятельности большіе, мно-

голюдные и торговые города, откуда христіанство могло бы въ послѣдствіи распространиться съ большимъ удобствомъ, — также вообще всѣ мѣста, гдѣ было много іудеевъ, и слѣдовательно—людей болѣе способныхъ принять христіанскую вѣру. Такимъ образомъ послѣ Антіохіи, Александрія, Ефесъ, Солунь, Коринѳъ, Римъ, вообще Египетъ, страны около Вавилона, Малая Азія и Греція были преимущественно мѣстомъ ихъ проповѣди. Отправляясь на проповѣдь, апостолы брали съ собою сотрудниковъ во благовѣстіи, или иногда двое изъ нихъ трудились вмѣстѣ: такъ апостолы Андрей Первозванный и Симонъ Зилотъ, по преданію грузинской церкви, долгое время неразлучно проповѣдовали слово Божіе; сотрудниками апостола Павла были: Тимоѳей, Силуанъ, Аристархъ, Лука, Епафрасъ, Крескентъ и многіе другіе; апостолъ Петръ благовѣствовалъ вмѣстѣ съ евангелистомъ Маркомъ. Послѣ болѣе или менѣе долговременныхъ трудовъ проповѣдническаго служенія, апостолы нерѣдко возвращались въ Іерусалимъ, но не утверждали нигдѣ своего постояннаго мѣстопребыванія; тѣмъ не менѣе было бы не справедливо представлять, что каждый изъ нихъ находился въ постоянныхъ путешествіяхъ. Даже апостолъ Павелъ проводилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ— въ Ефесѣ, Коринѳѣ, довольно много времени, а о другихъ изъ апостоловъ извѣстно, что они посвящали почти всю свою жизнь проповѣди въ одной странѣ, имѣя, вѣроятно, въ виду, чтобы вѣра Христова, прочно утвердившись въ одномъ мѣстѣ, могла потомъ распространяться болѣе и болѣе съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Такъ мало заботились апостолы о славѣ своихъ подвиговъ, что уже въ четвертомъ вѣкѣ христіане большею частію не знали опредѣленно, кто гдѣ изъ апостоловъ проповѣдовалъ слово

Божіе. Писатель церковной исторіи Евсевій, желая написать главу (1) о томъ, въ какихъ странахъ земли апостолы проповѣдовали Христа, приводитъ преданія только объ апостолахъ Ѳомѣ, Андреѣ и Іоаннѣ изъ Климента и Оригена.... Словомъ, въ началѣ четвертаго вѣка самый прилежный изслѣдователь церковныхъ древностей долженъ былъ говорить о мѣстѣ проповѣдническихъ трудовъ апостоловъ только на основаніи св. писанія и двухъ или трехъ мѣстъ изъ сочиненій писателей, жившихъ до его времени. И хотя съ четвертаго вѣка, вообще съ того времени, какъ образовались понятія объ особенной іерархической важности нѣкоторыхъ церквей, появились на востокѣ и западѣ весьма подробныя сказанія о жизни апостоловъ, но эти сказанія мало заслуживаютъ довѣрія, потому что родились большею частію изъ желанія доказать апостольское происхожденіе той или другой церкви, важной въ іерархическомъ отношеніи. Поэтому даже о тѣхъ апостолахъ, о трудахъ которыхъ находятся ясныя указанія или намеки въ св. писаніи, или же сохранились преданія, по своей близости ко временамъ апостольскимъ и достоинству свидѣтелей, несомнѣнно вѣрныя, явились сказанія, противорѣчущія и свидѣтельству св. писанія, и общему ходу исторіи распространенія христіанства, и свидѣтельствамъ древнихъ. Преимущественно таковы повѣствованія объ апостолѣ Петрѣ. О нѣкоторыхъ же другихъ апостолахъ, рѣшительно не имѣя свѣдѣній, восточные писатели говорили, что они проповѣдовали на западѣ, а западные полагали мѣстомъ ихъ проповѣди страны восточныя (2). Безполезно было бы опровергать по-

(1) Кн. 3, гл. 1.

(2) Напримѣръ о Симонѣ Зилотѣ: *Меѳодій Тирскій*, или кто другой (Corp. Script. Hist. Byzant. tom. 5, p. 349, edit. Venet. an. 1729), *Ни-*

рознь всѣ подобнаго рода повѣствованія, хотя это было бы не трудно; напримѣръ, ясно, что апостолъ Іаковъ Зеведеевъ не могъ проповѣдовать въ Испаніи, такъ какъ изъ книги Дѣяній апостольскихъ (гл. 12, ст. 1 и 2) видно, что онъ претерпѣлъ мученическую смерть въ 44 году по Рождествѣ Христовомъ, не выходя изъ Іерусалима; апостолъ Петръ не поставлялъ въ Карѳагенѣ епископомъ Крескента, потому что, какъ видно изъ сочиненій Тертулліана, пресвитера карѳагенскаго ([1]), карѳагенская церковь не основана апостолами, а получила свое начало отъ церкви римской, по всей вѣроятности, въ началѣ втораго вѣка. Довольно сказать только, что, по крайней мѣрѣ, послѣ времени писателя церковной исторіи Евсевія, всѣ разсказы о проповѣди апостоловъ, не основанные на ясномъ указаніи св. писанія и свидѣтельствахъ древнѣйшихъ писателей, мало заслуживаютъ вниманія.

Достовѣрнѣйшія преданія о мѣстѣ проповѣди апостоловъ: Ѳомы, Варѳоломея, Матѳея евангелиста, Матѳія, Симона Зилота и Андрея Первозваннаго.

Основываясь на соображеніи древнѣйшихъ и вообще достовѣрныхъ преданій о мѣстѣ проповѣди апостоловъ,

кифоръ Каллистъ (въ Церк. Ист. кн. 2, гл. 40, стр. 202, изд. въ Париж. 1630 г.), точно такъ же, какъ и въ греческой минеи, изд. Венец. 1828 г., подъ 10-мъ января, говорятъ, что онъ проповѣдовалъ въ Африкѣ, начиная отъ Ливіи до предѣловъ западнаго океана, и потомъ въ Британіи,—то есть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ во времена апостоловъ не было христіанства; а *Фортунатъ* (точно такъ и всѣ минеи церкви западной), еп. пуатьесскій въ концѣ 6-го вѣка, полагаетъ, что этотъ апостолъ проповѣдовалъ и погребенъ въ Персіи,—*Fortunat. Cartinum.* lib. 8, carm. 4, ex editione Browerі,—Moguntiae, an. 1603.

([1]) Praescript. adversus haereticos, cap. 32 et 34.

можно сказать, что апостолы Ѳома, Варѳоломей, Матѳей евангелистъ, Матѳій, Симонъ Зилотъ и Андрей Первозванный, проповѣдовали преимущественно въ странахъ, не имѣвшихъ греческой образованности и не подлежавшихъ владычеству римскаго народа,—отъ этого и преданія о нихъ такъ неопредѣленны; а апостолы: Павелъ, Петръ, Іуда, Іаковъ Алфеевъ, Іаковъ Зеведеевъ, братъ его евангелистъ Іоаннъ Богословъ и Филиппъ, распространяли слово Божіе въ предѣлахъ римской имперіи. «Ѳома, бывшій нѣкогда слабѣе другихъ апостоловъ въ вѣрѣ», говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ (1), «сдѣлался по благодати Божіей мужественнѣе и неутомимѣе всѣхъ ихъ; такъ что обошелъ съ своею проповѣдію почти всю землю, не убоявшись проповѣдовать слово Божіе народамъ свирѣпымъ и кровожаднымъ». По древнему преданію Климента Александрійскаго и Оригена, онъ проповѣдовалъ евангеліе въ Парѳіи (2). Достовѣрно поэтому преданіе, сохранившееся между сочиненіями блаженнаго Іеронима (3), что тамъ онъ проповѣдовалъ не только парѳянамъ, но и всѣмъ народамъ, которые имъ были подвластны: мидянамъ, персамъ, бактріянамъ и другимъ. Древнія, съ апостольскихъ временъ существовавшія, церкви въ Месопотаміи, ктезифонская, низибійская, всегда почитали своимъ апостоломъ также св. Ѳому (4). Многіе писатели четвертаго

(1) Толков. на еванг. Іоанна, бесѣда 61.

(2) Ц. И. *Евсевія*, кн. 3, гл. 1.

(3) De vitis apostolorum, n. V, in Patrologiae curs. compl. t. XXIII, pag. 721. Сочиненіе это не принадлежитъ блаж. Іерониму; оно написано неизвѣстнымъ греческимъ писателемъ, переведшимъ сочиненіе блаж. Іеронима de viris illustribus на греческій языкъ и пополнившимъ его нѣкоторыми свѣдѣніями о тѣхъ апостолахъ, о которыхъ блаж. Іеронимъ не упоминалъ. Пополненія эти съ нѣкоторыми видоизмѣненіями ошибочно приписывались иногда разнымъ греческимъ писателямъ, жившимъ даже прежде блаж. Іеронима.

(4) *Св. Григорій Нисскій* пишетъ: Οἱ μεσοποταμῖται τὸν Θωμᾶν, τὸν

вѣка (1) свидѣтельствуютъ, что онъ проповѣдовалъ еще въ Индіи; и это очень вѣроятно. Хотя древніе писатели нерѣдко называли Индіею всѣ юговосточныя страны Азіи, за предѣлами римской имперіи,—особенно Аравію и Абиссинію; но другіе (2), упоминая объ Индіи и индѣйскихъ островахъ, указываютъ дѣйствительно на Индію въ собственномъ смыслѣ. Христіане, въ первый разъ, при открытіи Индіи, найденные португальцами на малабарскомъ берегу, составляя собою совершенно отдѣльное общество среди языческаго народонаселенія, называли себя учениками св. Θомы. Знаменитѣйшимъ сотрудникомъ ап. Θомы былъ Θаддей, одинъ изъ семидесяти апостоловъ, основавшій церковь едесскую (3). Что касается мѣста проповѣди ап. Варθоломея, то онъ, дѣйствительно, проповѣдовалъ въ той Индіи, которая называется счастливою, то есть, въ счастливой Аравіи (4); это подтверждается соображеніемъ разсказовъ Евсевія о проповѣдническихъ трудахъ Пантена и Оригена съ свидѣтельствомъ объ апостолѣ Варθоломеѣ, сохранившимся между сочиненіями

Τῦτον Κρῆτες, καὶ Ἱεροσολυμῆται Ἰάκωβον, καὶ ἡμεῖς οἱ Καππαδόκαι τὸν ἑκατοντάρχην, τὸν επὶ τοῦ πάθους τὴν θεότητα τοῦ Κυρίου ὁμολογήσαντα. См. *Laurentii Alex. Zacagnii* Collectanea Monument. veter. edit. 1698, Romae, pag. 391, s. Gregorii Nysseni epist. XIII.

(1) *Амвр. Медіол.* толков. на 45 псал., *Павлинъ Нолан.* Carmen 26, pag. 627, edit. Antverpiæ, 1622; *Григорій Назіанзинъ* и другіе.

(2) Напр., *Филосторгій,* кн. 3, § 4, 5 и далѣе, Histor. Eccles. edit. Valesii. Писатель сочиненія de vitis apostolorum, называя Аравію Индіею, прибавляетъ, что это та Индія, которую называютъ счастливою; между тѣмъ въ свидѣтельствѣ его объ ап. Θомѣ этого прибавленія нѣтъ.

(3) Ц. И. *Евсевія,* кн. 1, гл. 13; *Oriens. Christ.* tom. 2, pag. 953—955: Provincia Osrhoënes.

(4) *Hieronym.* de V. A. n. 4: Bartholomaeus apostolus, Indis iis, qui dicuntur fortunati, praedicavit evangelium Christi, et evangelium quod est secundum Matthaeum eis tradidit. Dormivit avtem Albanopoli, oppido majoris Armeniae.

блаженнаго Іеронима (1). Въ какихъ еще странахъ проповѣдовалъ апостолъ Варѳоломей, также—гдѣ благовѣствовали вѣру апостолы Матѳей евангелистъ, Матѳій и Симонъ Зилотъ, объ этомъ безошибочно можно сказать только то, что они проповѣдовали внѣ предѣловъ римской имперіи—въ Азіи: начиная съ 4-го вѣка и далѣе, разные писатели полагаютъ мѣстомъ проповѣднических трудовъ того или другаго изъ этихъ апостоловъ разныя страны,—то Аравію или Индію, то Парѳію или Персію, то Арменію и Еѳіопію или Колхиду; такъ что нѣтъ возможности узнать достовѣрно и опредѣленно что нибудь о мѣстѣ проповѣди этихъ апостоловъ. Апостолъ Андрей Первозванный, какъ свидѣтельствуетъ Оригенъ (2), проповѣдовалъ въ Скиѳіи. Весьма вѣроятны поэтому позднѣйшія преданія, что онъ благовѣствовалъ слово Божіе въ Виѳиніи и Понтѣ, въ Грузіи, и вообще—по восточнымъ и сѣвернымъ берегамъ Чернаго Моря; далѣе — народамъ славянскимъ, жившимъ между скиѳами въ предѣлахъ нашего отечества, также—во Ѳракіи и наконецъ въ Ахаіи, гдѣ и потерпѣлъ мученическую смерть (3).

Благовѣстническіе труды апостола Павла и его сотрудниковъ.

Самымъ неутомимѣйшимъ изъ апостоловъ былъ, безъ сомнѣнія, апостолъ Павелъ, со времени обращенія своего къ вѣрѣ Христовой, всю жизнь проведшій въ путеше-

---

(1) Церк. Ист. кн. 5, гл. 10 и кн. 6, гл. 19. Сравн. свидѣтельство у Іеронима: de vit apost. n. 4.

(2) *Евсев.* Ц. Ист. кн 3, гл. 1.

(3) *Hieronym.* de vit. apost. n. 1, или *Δωροθέου περὶ τῶν ὁ μαθητῶν τοῦ Κυρίου*, Corp. Scriptor. Histor. Byzant. tom. 5, стр. 349, ed. Venet. 1729,

ствіяхъ для распространенія христіанства, по преимуществу—апостолъ языковъ, то есть, всѣхъ народовъ, кромѣ іудейскаго. Послѣ времени апостольскаго собора, въ теченіе трехъ или четырёхъ лѣтъ, онъ, вновь посѣтивъ прежде основанныя имъ церкви, распространилъ вѣру Христову почти во всей Малой Азіи, Македоніи и Ахаіи, пробывъ полтора года въ одномъ Коринѳѣ, городѣ, въ то время знаменитомъ сколько образованностію, столько же и испорченностію нравовъ (1). Возвратившись изъ Коринѳа въ Іерусалимъ и посѣтивъ Антіохію, онъ потомъ еще болѣе утвердилъ основанныя имъ церкви *во* Фригіи и Галатіи и три года трудился въ Ефесѣ, распространяя и утверждая вѣру Христову въ этомъ городѣ, въ то время знаменитомъ особенно своею торговлею и важномъ въ гражданскомъ отношеніи. Посѣтивъ послѣ того основанныя имъ церкви македонскія, по всей вѣроятности (2), проповѣдавъ слово Божіе въ Иллиріи *и прошедъ страны оны*, онъ снова провелъ три мѣсяца въ Елладѣ и отсюда чрезъ македонскій городъ Филиппы, чрезъ Троаду и Милетъ возвратился въ Іерусалимъ. Здѣсь, только покровительствомъ римскаго начальства спасши свою жизнь отъ іудеевъ, онъ долженъ былъ провесть два года темничнаго заключенія въ Кесаріи и отсюда, около 61 года по Р. Хр., отправился подъ стражею въ Римъ

или *Ипполита*, Maxima Biblioth. veterum Patr. tom. 3, pag. 265, ed. Lugdun. 1677, также—*Епифанія*, *Никиты Пафлагонянина,* Max. Biblioth. V. P. tom. 27, pag. 388—тогоже изданія, и русскаго лѣтописца *Нестора*.

(1) *Aristid*. in. Neptunum edit. Dindorf. vol. 1, p. 40. Между тѣмъ въ Коринѳѣ служили Афродитѣ и о нравственности его можно судить по словамъ ритора *Діона Хрисостома* къ коринѳянамъ: *πόλιν οἰκεῖτε τῶν οὐσῶν καὶ γεγενημένων ἐπαφροδιτοτάτην*, orat. 37, vol. 2, pag. 119, ed. Reiske.

(2) 2 Кор. 10, 14—16; сн. Рим. 15, 19.

на судъ кесаря. Но такъ какъ не было представлено на него никакого судебнаго обвиненія, то, послѣ долговременнаго плаванія прибывъ чрезъ Кипръ, Критъ и Мальту въ Римъ, онъ пробылъ здѣсь два года подъ присмотромъ римской стражи, *принимая вся приходящія къ нему, проповѣдуя царствіе Божіе, и уча, яже о Господѣ Іисусѣ Христѣ, со всякимъ дерзновеніемъ невозбранно* (Дѣян. 28, 31); а потомъ, около 64 года по Р. Хр., получилъ полную свободу. Тогда, какъ видно изъ соображенія посланій его къ Тимоѳею и Титу, онъ отправился изъ Рима въ Ефесъ, чтобы оградить ефесскую церковь, *знаменанную Духомъ обѣтованія Святымъ* (Еф. 1, 13), отъ лжеучителей, *не разумѣвшихъ, ни яже глаголютъ, ни о нихъ же утверждаютъ, отринувшихъ вѣру и благую совѣсть* (1 Тим. 1, 5. 6 и 19). Оставивъ въ Ефесѣ Тимоѳея, *да завѣщаетъ нѣкимъ не инако учити*, онъ посѣтилъ (Филипп. 2, 24 и 1 Тим. 1, 3) потомъ съ тою же цѣлію церковь филиппійскую въ Македоніи,—радость и вѣнецъ своего апостольскаго служенія, былъ послѣ того на островѣ Критѣ и, основавъ здѣсь церковь, поручилъ ее управленію сотрудника своего Тита,—посѣтилъ церковь коринѳскую (2 Тим. 3, 19), никопольскую (Тит. 3, 12), равно какъ передъ тѣмъ нѣкоторыя другія церкви (1); отсюда, сколько можно основываться на неопредѣленномъ свидѣтельствѣ св. Климента римскаго (2), отправился къ предѣламъ запада и проповѣдовалъ слово Божіе въ Испаніи, гдѣ уже давно имѣлъ намѣреніе быть (3), а наконецъ

(1) По дорогѣ изъ Ефеса въ Филиппы—Троаду, изъ Филиппъ на островъ Критъ—Милетъ, 2 Тим. 4, 13 и 20.

(2) 1 Посл. къ Кор. в. 5: *ὁ Παῦλος κῆρυξ γενόμενος ἐν τῇ ἀνατολῇ καὶ ἐν τῇ δύσει δικαιοσύνην διδάξας ὅλον τὸν κόσμον καὶ ἐπὶ τὸ τέρμα τῆς δύσεως ἐλθών...*

(3) Римл. 15, 24 и 28.

скончался мученическою смертію въ Римѣ—въ 67 или 68-мъ году по Р. Хр.,—въ послѣдніе годы царствованія Нерона. Своею необыкновенною ревностію во благовѣстіи, своею пастырскою, истинно отеческою любовію апостолъ Павелъ пріобрѣлъ себѣ чрезвычайно много сотрудниковъ, подобно ему ревностныхъ. Сотрудниками его были большею частію люди, имъ же самимъ обращенные къ вѣрѣ. Между ними особенно замѣчательны: Епафрасъ ([1]), основавшій церкви колосскую, лаодикійскую и іерапольскую во Фригіи въ то время, какъ апостолъ Павелъ послѣ времени апостольскаго собора проповѣдовалъ въ Малой Азіи; Силуанъ ([2]), проповѣдовавшій вмѣстѣ съ апостоломъ въ Малой Азіи и особенно потрудившійся надъ основаніемъ церкви ѳессалоникской. Въ послѣдствіи, по возвращеніи апостола изъ Коринѳа въ Іерусалимъ и Антіохію, Силуанъ сдѣлался спутникомъ ап. Петра и послѣ нѣкотораго времени испросилъ у него посланіе къ вѣрующимъ изъ іудеевъ въ Малой Азіи. Тимоѳей ([3]) болѣе всѣхъ другихъ сотрудниковъ заслужилъ любовь и довѣренность св. апостола Павла; по волѣ апостола, онъ старался особенно объ утвержденіи церквей македонскихъ и ахайскихъ, главнымъ же образомъ церкви ефесской. Титъ, которому поручилъ апостолъ управленіе церквами критскими, былъ еще прежде усерднымъ сотрудникомъ его въ утвержденіи церкви коринѳской ([4]). Лука, *врачъ*

([1]) Колосс. 1, 7; 4, 12 и 13. Филим. 1, 23.

([2]) 1 и 2 Сол. 1, 1. 1 Петр. 5, 12. Дѣян. 15, 22 и 40; 16, 19; 17, 4. 10. 14. 15; 18, 5.

([3]) 1 Кор. 16, 10 и 11. Филипп., Колосс., 1 Сол. и 2 Сол. 1, 1.— 1 Сол. 2, 6.—1 и 2 посл. къ Тимоѳ.—Евр. 13, 23. Дѣян. 16, 1—3; 17, 14 и 15; 18, 5; 19, 22; 20, 4. Римл. 16, 21.

([4]) Посл. къ Титу; 2 Кор. 2, 13;—гл. 7, ст. 6. 7. 14 и 15;—гл. 8, ст. 6. 16. 17 и 23; гл. 12, ст. 18;—2 Тим. 4, 10.

возлюбленный, былъ постояннымъ спутникомъ апостола со времени перваго прибытія его въ Троаду до самой смерти и написалъ евангеліе, проповѣданное ап. Павломъ, и Дѣянія апостольскія около того времени, какъ апостолъ получилъ въ Римѣ полную свободу (1). Замѣчательны еще тѣ сотрудники апостола, которые, по всей вѣроятности, первые основали въ Римѣ церковь изъ язычниковъ. Какъ столица цѣлаго міра, Римъ былъ мѣстомъ, куда стекались люди со всѣхъ сторонъ вселенной (2). Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что еще до 58 года по Р. Хр. были уже въ Римѣ ученики и сотрудники ап. Павла (Римл. 16, 3—23): Епенетъ—начатокъ увѣровавшихъ отъ него въ Ахаіи, Андроникъ и Іуній—сплѣнники его, *нарочиты во апостолѣхъ*, Урванъ—споспѣшникъ его о Христѣ, Амплій и Стахій—возлюбленные его, Апеллій—искусный о Господѣ, Руфъ и многіе другіе. Долго было бы и нѣтъ достаточныхъ средствъ перечислить всѣхъ сотрудниковъ апостола Павла. Кромѣ исчисленныхъ здѣсь, болѣе пятидесяти споспѣшниковъ упоминаетъ онъ по имени въ разныхъ своихъ посланіяхъ и потомъ еще были у него *множайшіи братія, посланницы церквей, слава Христова*. Не говоря уже о мужахъ, сколько благочестивыхъ женъ трудились съ нимъ, или, по крайней мѣрѣ, помогали ему въ дѣлѣ благовѣствованія! Отсылая посланіе свое въ Римъ съ Фивою, діакониссою церкви кенхрейской близъ Коринѳа, апостолъ пишетъ о ней: *сія заступница многимъ бысть и самому мнѣ*. Между прочими онъ привѣтствуетъ въ Римѣ Маріамъ, Трифену и Трифосу, *труждающіяся о Господѣ*, Персиду возлюбленнную, *яже многи трудися о*

(1) Дѣян. Ап. 16, 10 до гл. 28, 31. Филим. 1, 24; 2 Тим. 4, 10.
(2) *Аѳиней*, Δειπνοσοφ. кн. 1, 20.

Господь, и другихъ. О Варнавѣ, бывшемъ сотрудникѣ ап. Павла, достовѣрно преданіе, что онъ заботился объ утвержденіи христіанства на островѣ Кипрѣ.

Благовѣстническіе труды апостоловъ Петра, Іакова и Іоанна.

Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, принявъ на себя благовѣстіе вѣры Христовой іудеямъ, были по преимуществу апостолами обрѣзанія. По словамъ апостола Павла, *Петру ввѣрено бысть благовѣстіе обрѣзанія.* И какъ споспѣшествовалъ Господь Павлу въ обращеніи къ вѣрѣ язычниковъ, такъ точно споспѣшествовалъ Петру въ посланіи къ обрѣзаннымъ (1). Но что касается подробнѣйшаго опредѣленія, въ какихъ странахъ проповѣдовалъ Христову вѣру апостолъ Петръ, объ этомъ, не смотря на множество преданій, не много можно сказать съ несомнѣнною вѣрностію. Въ хроникѣ Евсевія, по переводу блаженнаго Іеронима, читается объ апостолѣ Петрѣ, что онъ, основавъ антіохійскую церковь, былъ тамъ епископомъ двадцать пять лѣтъ (2), начиная съ 38-го года по Р. Хр. — Достовѣрность этого свидѣтельства отчасти подтверждается слѣдующими словами изъ Пасхальной Хроники (3): «Въ четвертый годъ по вознесеніи Господ-

(1) Гал. 2, 7—9.

(2) Petrus apostolus antiochenam ecclesiam fundavit, ibique cathedram adeptus, sedit annis 25. Patrolog. Curs Complet tom. XXVII, Hieronym. VIII, pag. 575—576, an. Domin. 38.

(3) Corp. Script. Hist. Byzant. ed Venet. an. 1729, tom. V,—Chronicon Paschale, pag. 184: Τετάρτῳ ἔτει εἰς οὐρανοὺς ἀναλήψεως τοῦ Κυρίου, Πέτρος ὁ ἀπόςολος ἀπὸ Ἱεροσολύμων ἐν Ἀντιοχείᾳ τῇ μεγάλῃ τὸν λόγον τοῦ Θεοῦ ἐδίδασκεν, καὶ τὴν χειροτονείαν τῆς ἐπισκοπῆς δεξάμενος, ἐκεῖσε ἑαυτὸν ἐθρό-

немъ на небо, апостолъ Петръ, вышедъ изъ Іерусалима, благовѣствовалъ слово Божіе въ великой Антіохіи и, принявъ епископское рукоположеніе, вступилъ на тамошнюю каѳедру, по убѣжденію христіанъ изъ іудеевъ». Но чтобы, какъ говорится въ хроникѣ Евсевія, онъ былъ на антіохійской каѳедрѣ двадцать пять лѣтъ, подобно тому, какъ апостолъ Іаковъ на іерусалимской 30 лѣтъ, то, хотя знаменитость города Антіохіи, близость его къ Палестинѣ, многочисленность іудеевъ въ его окрестностяхъ, примѣръ ап. Іакова, съ которымъ Петръ не хотѣлъ состязаться о славѣ, уступивъ ему управленіе церковію іерусалимскою [1], постоянное пребываніе апост. Петра до 52-го года въ окрестностяхъ Іерусалима, какъ это видно изъ книги Дѣяній апостольскихъ, пришествіе его въ Антіохію, непосредственно послѣ времени апостольскаго собора, вслѣдъ за апостоломъ Павломъ [2], — хотя все это допускаетъ возможность вѣрить свидѣтельству Евсевія, но не безъ ограниченій. Итакъ, хотя «*Игнатій*, по словамъ Евсевія [3], *былъ вторый послѣ Петра епископъ антіохійскій*»; но апостолъ Петръ не занималъ, подобно Игнатію, антіохійской каѳедры такъ, чтобы не оставлялъ Антіохіи для проповѣданія слова Божія въ другихъ странахъ. Тотъ же самый Евсевій, свидѣтельствующій о двад-

---

νητε, πεισθεὶς τοῖς ἀπὸ Ἰουδαίων γενομένοις χριστιανοῖς, καὶ τοὺς ἐξ ἐθνῶν πιστοὺς οὐκ ἐδέξατο, οὔτε ἠγάπα, ἀλλ᾿ οὕτως ἐάσας αὐτοὺς, ἐξῆλθεν ἐκεῖθεν. Послѣднія слова, по всей вѣроятности, составляютъ собою толкованіе мѣста изъ посланія Гал. 2, 12—14.

(1) Слова *Климента Алекс.* въ Ц. И. Евсевія, кн. 2, гл. 1.

(2) Гал. 2, 11. Апостолъ Павелъ разсказываетъ объ этомъ происшествіи непосредственно послѣ исторіи іерусалимскаго собора, и нѣтъ никакого основанія думать, чтобы апостолъ подобнымъ образомъ соединялъ происшествія, бывшія долго спустя одно послѣ другаго.

(3) *Евсевія* Церк. Истор. кн. 3, гл. 36.

цатипятилѣтнемъ управленіи ап. Петра антіохійскою церковію, въ своей Церковной Исторіи предполагаетъ на основаніи заглавія 1-го Петрова посланія, что апостолъ Петръ, вѣроятно, проповѣдовалъ пришельцамъ разсѣянія Понта, Галатіи, Каппадокіи, Асіи, Виѳиніи. Хотя это произвольное предположеніе, кромѣ того, что не имѣетъ достаточнаго основанія, не вполнѣ согласуется съ несомнѣнными свидѣтельствами св. писанія о проповѣди въ этихъ странахъ ап. Павла [1]; по крайней мѣрѣ, изъ того, что первое свое посланіе къ пришельцамъ разсѣянія апостолъ Петръ писалъ изъ Вавилона (1 Петр. 5, 13), можно заключать, что онъ и вѣру Христову проповѣдовалъ въ то время около Вавилона. Въ четвертомъ вѣкѣ, когда образовалась мысль о долговременномъ пребываніи апостола Петра въ Римѣ, говорили нѣкоторые, что подъ именемъ Вавилона апостолъ разумѣлъ Римъ. Но такъ какъ нѣтъ никакой возможности повѣрить, чтобы при означеніи мѣста, откуда пишется то или другое посланіе, кто нибудь захотѣлъ вмѣсто одного города написать имя другаго, не имѣя повода скрыть свое мѣстопребываніе,—такъ какъ въ подобномъ случаѣ рѣшительно не имѣетъ мѣста никакое иносказаніе [2]; то естествен-

(1) Изъ перваго посланія апостола Петра не замѣтно, чтобы онъ писалъ его къ тѣмъ, которымъ самъ благовѣствовалъ святую вѣру; напротивъ, судя по указанію втораго посланія, гл. 3, ст. 15 — 18, а также частію и перваго, гл. 5, ст. 12, надобно полагать, что онъ писалъ его къ лицамъ, которыхъ научилъ христіанской вѣрѣ ап. Павелъ.

(2) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что упоминаемый въ Откровеніи Іоанна Богослова: *Вавилонъ великій, мати любодѣйцамъ и мерзостемъ земскимъ.... жена піяна кровми святыхъ и кровми свидѣтелей Іисусовыхъ*, такъ же отнюдь не означаетъ какого нибудь города на землѣ, какъ и *сходящій съ небеси градъ святый Іерусалимъ*. Впрочемъ, если по понятіямъ древнихъ христіанъ и можно было разумѣть здѣсь подъ Вавилономъ Римъ: то ничѣмъ нельзя доказать, чтобы и евангелистъ Іоаннъ подъ именемъ Вавилона разумѣлъ Римъ.

но, отвергая всякія вынужденныя объясненія, полагать, что апостолъ Петръ писалъ свое первое посланіе дѣйствительно изъ Вавилона, а не изъ Рима, или Карѳагена, и въ то время, какъ писалъ его, по всей вѣроятности, благовѣствовалъ святую вѣру въ Вавилонѣ и сопредѣльныхъ ему мѣстахъ. Но во времена апостольскія было два Вавилона: древній знаменитый Вавилонъ на Евфратѣ, лежавшій въ развалинахъ, впрочемъ еще довольно населенный іудеями, и Вавилонъ (1)—весьма значительный городъ въ Египтѣ. Какъ въ Месопотаміи, вообще около Вавилона древняго, такъ и въ Египтѣ было весьма много іудеевъ, которымъ по преимуществу желалъ благовѣствовать святую вѣру первоверховный апостолъ обрѣзанія. Никакія преданія, никакія историческія соображенія не даютъ основанія предполагать, чтобы ап. Петръ проповѣдовалъ вѣру Христову въ Вавилонѣ на Евфратѣ, вообще въ странѣ, гдѣ всегда христіане почитали своимъ просвѣтителемъ апостола Ѳому. Напротивъ есть историческіе поводы думать, что апостолъ Петръ дѣйствительно благовѣствовалъ евангеліе въ Египтѣ, и слѣдовательно также въ египетскомъ Вавилонѣ. Въ Церковной Исторіи Евсевія между прочимъ есть слѣдующее преданіе: «этотъ Маркъ, о которомъ упо-

(1) *Страбонъ* (lib. XVII *γεωγραφικων*, pag. 934 edit. 1571 ann. Basileae, a Xylandro) называетъ египетскій Вавилонъ природной крѣпостью и говоритъ, что въ его время помѣщался въ немъ одинъ изъ трехъ египетскихъ легіоновъ: *Βαβυλὼν φρούριον ἐρυμνὸν* (castellum natura munitum), *ἀποςάντων ἐνταῦθα βαβυλονίων τινῶν, νυνὶ δ' ἐςὶ ςρατόπεδον ἑνὸς τῶν τριῶν ταγμάτων τῶν φρουρούντων τ. Αἴγυπτον.* Онъ не потерялъ своего значенія въ концѣ третьяго вѣка (см. *Ζωσίμε ἱςορ. βιβλ.* 1, *κεφ.* 44, Bonnae, 1837 ann.) и существовалъ еще въ пятомъ столѣтіи,—см. Hist. Lavsiac. cap. 23. Въ церковномъ отношеніи онъ былъ тогда мѣстомъ митрополіи, подчиненной архіепископу александрійскому.

минается въ первомъ Петровомъ посланіи, первый посланъ былъ въ Египетъ; проповѣдавъ написанное имъ Евангеліе (не по книгѣ, конечно, но по содержанію), онъ основалъ церкви въ самой Александріи (1) и былъ тамъ епископомъ до 8 года царствованія Неронова» (2). Апостолъ Петръ въ первомъ своемъ посланіи изъ Вавилона пишетъ отъ этого Марка привѣтствіе, говоря: *цѣлуетъ вы, яже въ Вавилонѣ, соизбранная и Марко сынъ мой.* Очень вѣроятно, что, какъ говоритъ позднѣйшее преданіе, пославъ Марка благовѣствовать вѣру Христову въ Египтѣ, ап. Петръ потомъ самъ отправился въ эту страну, гдѣ было такъ много іудеевъ и между тѣмъ не было ни одного изъ извѣстнѣйшихъ апостоловъ, проповѣдовалъ тамъ вмѣстѣ съ евангелистомъ Маркомъ и изъ египетскаго города Вавилона писалъ свое 1-е посланіе (3). Что апостолъ Петръ дѣйствительно проповѣдовалъ вѣру Христову въ Египтѣ и Александріи, объ этомъ можно догадываться также изъ преданія, что онъ бесѣдовалъ съ александрійскимъ ученымъ Филономъ (4), — это дѣлаетъ понятнымъ, почему не былъ и не имѣлъ намѣренія быть въ Египтѣ апостолъ Павелъ, *не созидавшій на чуждемъ основаніи* и потому, по исполненіи словомъ благовѣстія всѣхъ странъ отъ Іерусалима до Иллиріи, около 58-го

---

(1) Церк. И. *Евсев.* кн. 2, гл. 16.

(2) *Евсев.* Ц. И. кн 2, гл 24.

(3) Для многихъ кажется страннымъ допустить, что ап. Петръ писалъ свое посланіе изъ такого малозначительнаго города, какъ Вавилонъ египетскій; но почему же, съ другой стороны, ап. Петръ долженъ былъ для написанія его нарочно избрать какой нибудь особенно знаменитый городъ?

(4) Ц. И. *Евсевія*, кн. 2, гл. 17: «Говорятъ, что при Клавдіѣ Филонъ бесѣдовалъ въ Римѣ съ Петромъ.» Не невѣроятно, что апостолъ Петръ бесѣдовалъ съ Филономъ; но этого не могло быть въ Римѣ при Клавдіѣ.

года не видѣвшій уже болѣе мѣста себѣ для благовѣствованія, кромѣ Рима и Испаніи ([1]). Кромѣ Египта апостолъ Петръ благовѣствовалъ вѣру Христову въ Коринѳѣ. Діонисій, епископъ коринѳскій, во 2-й половинѣ 2 го вѣка, писалъ объ этомъ къ римлянамъ такъ: «своимъ напоминаніемъ вы соединили насажденія, произращенныя Петромъ и Павломъ въ Римѣ и Коринѳѣ; потому что оба они насадили насъ коринѳянъ и оба учили, равно какъ и въ Италіи, оба они учили и оба въ одно время пострадали» ([2]). Касательно же времени, когда былъ въ Коринѳѣ апостолъ Петръ, надобно сказать, что это было послѣ того, какъ основалъ коринѳскую церковь апост. Павелъ. «Подъ конецъ, находясь въ Римѣ, апостолъ Петръ былъ распятъ на крестѣ» ([3]). Что апостолъ Петръ дѣйствительно былъ въ Римѣ и здѣсь благовѣствовалъ слово Божіе, объ этомъ послѣ первыхъ и древнѣйшихъ неопредѣленныхъ свидѣтельствъ, ясно говорятъ писатели втораго вѣка. «Не одинъ, не два подвига подъялъ апостолъ Петръ», свидѣтельствовалъ Климентъ епископъ римскій, «но много, и такъ пострадалъ ([4])».—«Не какъ Петръ и Павелъ заповѣдаю вамъ», писалъ изъ Смирны Игнатій Богоносецъ къ римлянамъ, — «они апостолы, а я—осужденный ([5])». Кай, римскій пресвитеръ въ концѣ втораго вѣка, въ своемъ сочиненіи противъ монтаниста Прокла говорилъ: «я могу показать тебѣ трофеи апостоловъ; приди только въ Ватиканъ, или на дорогу остій-

([1]) Римл. гл. 1, ст. 15; гл. 15, ст. 19—29.
([2]) *Евсев.* Церк. Истор. кн. 2, гл. 25.
([3]) Слова *Евсевія* въ Церк. Истор. кн. 3, гл. 1.
([4]) Христ. Чтеніе 1824 г. XIV, стр. 238. Клим. римск. 1 посланіе къ Коринѳянамъ, § 5.
([5]) Посланіе къ Римлянамъ, § 4.—Христ. Чт. 1829 г. декабрь.

скую, тотчасъ увидишь побѣдные знаки основателей римской церкви (1)», — и Евсевій подтвердилъ, что даже въ его время сохранялось еще на римскихъ кладбищахъ надписаніе именъ Петра и Павла (2). Потомъ, кромѣ вышеприведеннаго свидѣтельства Діонисія, епископа коринѳскаго, святый Ириней, епископъ ліонскій, въ своемъ сочиненіи противъ еретиковъ, ссылаясь на преданіе римской церкви, говоритъ, что эта церковь основана и учреждена апостолами Петромъ и Павломъ, что для управленія ею блаженные апостолы поставили епископомъ Лина, упоминаемаго въ посланіи апостола Павла къ Тимоѳею, преемникомъ Лина былъ Анаклетъ, послѣ же Анаклета третьимъ епископомъ со временъ апостольскихъ былъ Климентъ, видѣвшій еще святыхъ апостоловъ (3). Усердный почитатель Иринея, Тертулліанъ также свидѣтельствуетъ объ этомъ. «Римская церковь», говоритъ онъ, «славится Климентомъ, посвященнымъ отъ ап. Петра..... Счастливая Церковь, гдѣ апостолы пролили и ученіе свое, и кровь свою, гдѣ Петръ былъ распятъ подобно Господу, а Павелъ увѣнчался смертію Іоанна Крестителя» (4)! Конечно, изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ объ апостолѣ Петрѣ, которыя служили уже единственнымъ основаніемъ для всѣхъ позднѣйшихъ писателей, не слѣдуетъ, чтобы апостолъ Петръ былъ въ Римѣ епископомъ съ 42 до 67 года, какъ нѣкогда выводили изъ нихъ такое заключеніе

(1) Ц. И. *Евсевія*, кн. 2, гл. 25.

(2) Тамъ же.

(3) Iren. adv. haeres. lib. 3, cap. 3. Fundantes igitur et instruentes beati apostoli ecclesiam, Lino episcopatum administrandae Ecclesiae tradiderunt. Huius Lini Paulus in his, quae sunt ad Timothaeum, epistolis meminit. Succedit autem ei Anacletus, post eum tertio loco ab apostolis episcopatum sortitur Clemens, qui et vidit ipsos apostolos, et contulit cum eis...

(4) De Praescript. adv. haeret. cap. 32 et 36.

нѣкоторые писатели; по крайней мѣрѣ, несомнѣнно можно утверждать на основаніи ихъ, что апостолъ Петръ дѣйствительно былъ въ Римѣ и тамъ пострадалъ. Иначе, въ самомъ дѣлѣ, непонятно было бы, почему уже въ третьемъ вѣкѣ предстоятели римской церкви любили славиться преемствомъ своимъ отъ апостола Петра ([1]). Правда, что свидѣтельства Климента римскаго, Игнатія Богоносца, Діонисія коринѳскаго и Кая еще не довольно рѣшительно подтверждаютъ это, но нѣтъ достаточнаго основанія не вѣрить словамъ достоблаженнаго пастыря Церкви, Иринея ліонскаго. Что касается времени, когда прибылъ апостолъ Петръ въ Римъ, объ этомъ можно сказать опредѣленно: онъ прибылъ подъ конецъ своей жизни. Кромѣ нерѣщительнаго свидѣтельства объ этомъ Евсевія, кромѣ извѣстія о двадцатипятилѣтнемъ управленіи апостоломъ Петромъ антіохійской церкви, доказательствомъ этому служитъ, во первыхъ, то, что во всѣхъ древнихъ свидѣтельствахъ прибытіе апостола Петра въ Римъ соединяется съ извѣстіемъ о смерти его. Св. Ириней говоритъ, что перваго римскаго епископа Лина, отъ котораго во второмъ посланіи къ Тимоѳею, написанномъ въ 68 году по Р. Хр. предъ смертію апостола Павла, находится привѣтствіе въ словахъ: *цѣлуютъ тя Еввулъ, и Пудъ, и Линъ,* рукоположили блаженные апостолы Петръ и Павелъ; а Петръ и Павелъ могли быть вмѣстѣ въ Римѣ только подъ конецъ своей жизни, когда апостолъ Павелъ возвратился въ Римъ изъ своего по-

([1]) *Фирмиліанъ,* епископъ Кесаріи каппадокійской, писалъ къ святому Кипріану о Стефанѣ, епископѣ римскомъ: Atque ego in hac parte indignor ad hanc tam apertam et manifestam Stephani stultitiam, quod qui sic de episcopatus sui loco gloriatur et se successionem Petri tenere contendit,... inducat... Patrolog. curs. complet. t. 3, epist. Firmiliani, n. 17. Сравн. *Евсев.* Ц. Ист. кн. 3, гл. 2.

слѣдняго апостольскаго путешествія, въ которомъ доходилъ до предѣловъ запада; потому что не видно, чтобы ап. Петръ находился въ Римѣ даже во время перваго двухлѣтняго пребыванія тамъ апостола Павла, отъ 62 до 64 года, которое описано частію въ концѣ Дѣяній апостольскихъ, а гораздо болѣе въ разныхъ посланіяхъ, писанныхъ въ то время ап. Павломъ. Самое даже свидѣтельство Тертулліана о рукоположеніи Климента ап. Петромъ, хотя ошибочно, потому что въ послѣдній годъ жизни апостоловъ Петра и Павла, когда написано второе посланіе къ Тимоѳею, былъ живъ еще Линъ, и потому вообще, что противорѣчитъ древнѣйшему и гораздо достовѣрнѣйшему свидѣтельству Иринея, по крайней мѣрѣ выражаетъ туже мысль о прибытіи ап. Петра въ Римъ подъ конецъ его жизни: Тертулліанъ приписываетъ ап. Петру рукоположеніе Климента, уже третьяго епископа римской церкви, между тѣмъ какъ первые епископы — Линъ, жившій еще въ 68 году, по словамъ Иринея, подтверждающимся 2-мъ посланіемъ апостола Павла къ Тимоѳею, и Анаклетъ правили римскою церковію, по общему преданію древности, 24 года. Еслибы апостолъ Петръ былъ въ Римѣ до 59 года по Р. Хр.; ап. Павелъ, не назидавшій на чужомъ основаніи, не могъ бы писать къ римлянамъ: *тако есть, еже по моему усердію и вамъ сущимъ въ Римѣ благовѣстити* (гл. 1, ст. 15). Наконецъ, древнее богослужебное устройство римской церкви, время празднованія ею пасхи, постъ въ субботу и другія особенности подобнаго рода отъ церквей, соблюдавшихъ преданіе Іоанна Богослова, все это показываетъ несомнѣнно, что и начало, и первое устройство, и первоначальныя преданія римская церковь получила не отъ апостола обрѣзанія, но отъ увѣровавшихъ изъ язычниковъ,

учениковъ апостола Павла, что слѣдовательно апостолъ Петръ, если и былъ въ Римѣ, въ чемъ могли сомнѣваться нѣкоторые ученые изслѣдователи дѣла [1], то былъ только подъ конецъ своей жизни, чтобы пострадать въ немъ, подобно Господу: болѣе этого не могутъ доказывать даже тѣ, которые желали бы доказать касательно пребыванія апостола Петра въ Римѣ что нибудь болѣе [2].

Апостолъ Іаковъ Праведный, посвятивъ себя на благовѣствованіе іудеямъ палестинскимъ, попеченіями своими болѣе и болѣе распространялъ христіанство въ Іерусалимѣ и Іудеи, такъ что, когда апостолъ Павелъ прибылъ въ послѣдній разъ въ Іерусалимъ, старцы, собравшіеся къ Іакову, говорили ему: *видиши ли, брате, колико темъ есть іудей вѣровавшихъ?* Своею подвижническою жизнію апостолъ Іаковъ пріобрѣлъ себѣ необыкновенное уваженіе и довѣріе даже у невѣровавшихъ іудеевъ. Повѣствуя объ этомъ, писатель 2-го вѣка Егезиппъ свидѣтельствуетъ, что множество іудеевъ обращалось къ вѣрѣ только по одному довѣрію къ нему. «Нѣкоторые изъ семи народныхъ сектъ» [3], писалъ онъ, «спрашивали у

---

[1] *Neander*, Gesch. d. Pflanz. d. Christl. Kirche durch d. Apostel, Band 2, Seit. 456—463. *Baur*, in d. Tübinger Zeitschrift für Theologie, Iahrgang 1831, 4 Heft, S. 15. *Spanhemii* dissertat. de ficta profectione Petri in urbem Romam, Opp. tom. 2, pag. 331; et coet.

[2] Касательно словъ блаж. Іеронима (de vir. illustr. cap. 1, idem in Chronic.) о двадцатипятилѣтнемъ епископствѣ ап. Петра въ римской церкви,—о позднѣйшихъ еще преданіяхъ касательно проповѣди апостола Петра въ Галліи, Британіи, верхней Италіи, Испаніи и сѣвероафриканской области, вообще въ странахъ, въ послѣдствіи мало по малу подчинившихся римскимъ епископамъ, также о другихъ безчисленныхъ путешествіяхъ ап. Петра по востоку и Малой Азіи, скажемъ только, что на все это нѣтъ никакого подтвержденія, никакого даже намека ни у древнихъ писателей первыхъ трехъ вѣковъ, ни въ касающихся исторіи мѣстахъ св. писанія.

[3] То есть, изъ семи подраздѣленій фарисейской секты.

Іакова: куда ведетъ дверь Іисуса (то есть, какое надобно имѣть понятіе объ Іисусѣ)? — Онъ отвѣчалъ: Іисусъ есть Спаситель. Тогда нѣкоторые изъ нихъ увѣровали, что Іисусъ есть Христосъ.... Когда же увѣровавшихъ оказалось много, даже между старѣйшинами, то іудеи, книжники и фарисеи, начали говорить и кричать, что такимъ образомъ, пожалуй, и весь народъ станетъ ожидать во Іисусѣ Христа» ([1]). Въ 63-мъ году по Р. Хр. первосвященникъ іудейскій Ананъ, пользуясь отсутствіемъ во Іудеи римскаго прокуратора, своевольно осудилъ ап. Іакова на смерть и предалъ на побіеніе камнями, за что и былъ немедлено лишенъ первосвященства ([2]). Егезиппъ подробно разсказываетъ самыя обстоятельства смерти апостола Іакова. На пасху собрались въ Іерусалимъ, пишетъ онъ, всѣ колѣна іудейскія и много язычниковъ. Книжники и фарисеи поставили Іакова на крылѣ храма и потомъ закричали ему: Праведный, тебѣ всѣ мы должны вѣрить. Народъ, въ заблужденіи, слѣдуетъ Іисусу распятому; скажи намъ, куда ведетъ дверь Іисуса распятаго? Іаковъ громогласно отвѣчалъ: Іисусъ возсѣдитъ на небесахъ, одесную великой силы, и опять пріидетъ на землю на облакахъ небесныхъ. Этимъ свидѣтельствомъ Іакова многіе совершенно убѣдились и начали словословить Іисуса... А книжники и фарисеи, сбросивъ праведника съ крыла храма, начали бросать на него камни. Бывъ сверженъ, онъ не вдругъ умеръ, но, приподнявшись, сталъ на колѣна и говорилъ: Господи Боже Отче, молю тебя, отпусти имъ... Одинъ іудейскій священникъ изъ потомковъ Рихава вскричалъ: «остановитесь; что вы дѣ-

---

([1]) *Евсев.* Ц. Ист. кн. 2, гл. 23.

([2]) Свидѣтельство *Іосифа Флавія* въ Ц. И. Евсевія, кн. 2, гл. 23.

лаете? Праведникъ за насъ молится»! Но въ то самое мгновеніе св. апостолъ, получивъ послѣдній ударъ, скончался ([1]). Такъ, съ словомъ благовѣстія объ Іисусѣ Христѣ и молитвою за враговъ своихъ, умирали святые апостолы, исполняя свое божественное служеніе!

Апостолъ и евангелистъ Іоаннъ Богословъ, какъ свидѣтельствуетъ Оригенъ ([2]), проповѣдовалъ въ Малой Азіи. Соображая это свидѣтельство съ тѣмъ, что извѣстно объ апостолѣ Іоаннѣ изъ св. писанія, и съ исторіею другихъ апостоловъ, можно сказать, что онъ прежде всего озаботился до конца исполнить данное ему отъ Господа завѣщаніе блюсти съ сыновнею любовію жизнь пречистой Богоматери. Какъ малоизвѣстна и сокрыта для насъ послѣдняя жизнь пресвятой Дѣвы, которая столько же смирялась и удалялась отъ славы, сколько возносилъ ее Богъ своею благодатію, такъ и жизнь святаго Іоанна Богослова до конца того времени, сколько онъ служилъ Божіей Матери, осталась неизвѣстною. Послѣ же достоблаженной смерти пречистой и пресвятой Дѣвы Маріи, апостолъ Іоаннъ принялъ на себя попеченіе объ утвержденіи въ вѣрѣ церквей малоазійскихъ, по всей вѣроятности, кромѣ церкви ефесской, церквей пергамской, смирнской, ѳіатирской, сардійской, филадельфійской и лаодикійской, о которыхъ было ему говорено въ Откровеніи. Подобно апостолу Іакову, онъ не столько заботился о дальнихъ и многочисленныхъ путешествіяхъ для благовѣствованія святой вѣры, сколько о надежномъ утвержденіи ея въ одномъ мѣстѣ, откуда она могла бы въ послѣдствіи распространяться болѣе и болѣе. Этимъ мѣстомъ онъ

([1]) Евсев. Ц. И. кн. 2, гл. 23.
([2]) Евсев. Ц. И. кн. 3, гл. 1.

избралъ Ефесъ, гдѣ было много іудеевъ, занимавшихся торговлею, и здѣсь жилъ съ 67 или 68 года по Р. Хр. до самой смерти. По свидѣтельству Тертулліана и вообще по хранившемуся въ древности преданію (1), Іоаннъ Богословъ былъ при Домиціанѣ исповѣдникомъ вѣры Христовой въ Римѣ, послѣ чего осужденъ въ заточеніе на островъ Патмосъ, а отсюда, по смерти Домиціана, возвратился опять въ Ефесъ. Вступивъ на поприще апостольской дѣятельности уже въ то время, когда христіанская вѣра была распространена повсюду, онъ заботился главнымъ образомъ о соблюденіи ея въ чистотѣ, при множествѣ появившихся лжеучителей, объ утвержденіи Церкви и благочестія. Для этой цѣли онъ всегда имѣлъ при себѣ много учениковъ, воспитывалъ ихъ въ истинной вѣрѣ и благочестіи, потомъ рукополагалъ въ епископы для разныхъ церквей, такъ что большая часть малоазійскихъ церквей во второмъ вѣкѣ производила отъ него преемство епископства (2). Съ этою же цѣлію были, по внушенію Св. Духа, написаны имъ евангеліе, посланія и апокалипсисъ. Ученикъ его, святый Поликарпъ, епископъ смирнскій, разсказывалъ о немъ, что онъ, пришедши однажды въ Ефесѣ мыться и увидѣвъ въ бани Керинеа, выбѣжалъ вонъ, сказавъ: убѣжимъ отсюда; можетъ обрушиться баня, когда въ ней Керинеъ, врагъ истины (3). Климентъ Александрійскій въ своемъ сочиненіи: *какой*

---

(1) *Тертулл.* Прещенія прот. еретиковъ, гл. 36; *Клим. Алекс.* въ сочиненіи: *τίς ὁ σωζόμενος πλούσιος*, гл. 42; *Оригенъ*, толкован. на Еванг. Матеея, том. 16, § 6.

(2) Снес. *Евсев.* Ц. И. кн. 3, гл. 23 и кн. 4, гл. 14; *Тертулліанъ* въ сочиненіи противъ Маркіона говоритъ (кн. 4, гл. 5): Habemus et Ioannis alumnas ecclesias. Nam etsi apocalipsim ejus Marcion respuit, ordo tamen episcoporum ad originem recensus, in Ioannem stabit avctorem.

(3) *Евсев.* Ц. И. кн. 4, гл. 14.

богачъ спасется, пишетъ объ апостолѣ Іоаннѣ, что онъ, по смерти Домиціана, возвратившись въ Ефесъ, посѣтилъ ближайшія области язычниковъ частію для поставленія епископовъ, частію для устроенія цѣлыхъ церквей, частію для принятія въ клиръ нѣкоторыхъ лицъ, указанныхъ Св. Духомъ; при этомъ передаетъ еще назидательное повѣствованіе объ обращеніи апостоломъ одного юноши, который, бывъ прежде христіаниномъ, потомъ отпалъ отъ вѣры (1). Поликратъ, епископъ ефесскій, въ концѣ втораго вѣка писалъ объ апостолѣ Іоаннѣ, что онъ былъ исповѣдникомъ и учителемъ и погребенъ въ Ефесѣ, что онъ праздновалъ пасху въ четырнадцатый день перваго весенняго мѣсяца (2). Переживъ всѣхъ апостоловъ, апостолъ Іоаннъ скончался въ началѣ втораго вѣка, въ царствованіе Траяна (3). Онъ жилъ долѣе всѣхъ апостоловъ какбы для того, чтобы возрастить и утвердить церкви, насажденныя ими (4).

Преданіе объ апостолахъ Іудѣ Іаковлѣ, Іаковѣ Зеведеевѣ и Филиппѣ.

Достовѣрнѣйшее изъ преданій объ апостолѣ Іудѣ, братѣ Іакова Праведнаго, то, что онъ проповѣдовалъ въ Ливіи (5). Братъ апостола Іоанна Богослова, Іаковъ

(1) Какой богачъ спасется, гл. 42; также *Евсев.* Ц. И. кн. 3, гл. 23.

(2) *Евсев.* Ц. И. кн. 5, гл. 24.

(3) Объ этомъ говоритъ *Евсевій*, основываясь на свидѣтельствѣ Иринея, еп. ліонскаго, ученика св. Поликарпа, Ц. И. кн. 3, 23.

(4) Мнѣніе о проповѣди св. Іоанна пареянамъ и индѣйцамъ не имѣетъ достаточныхъ основаній.

(5) Это преданіе сохранено Павлиномъ, еп. ноланскимъ; *Paul. Nol.* carmen. 26, изд. Антверпен. 1622 г. Что же касается другихъ преданій

Зеведеевъ проповѣдовалъ только въ Іерусалимѣ и еще въ 44 году по Р. Хр. претерпѣлъ мученическую смерть отъ Ирода Агриппы (Дѣян. 12, 2). Климентъ Александрійскій сохранилъ объ этомъ апостолѣ достойное памяти извѣстіе: «человѣкъ, приведшій Іакова въ судилище, видя, какъ непоколебимо исповѣдуетъ онъ вѣру, былъ тронутъ и объявилъ самого себя христіаниномъ; тогда повели на казнь ихъ обоихъ; на пути онъ просилъ у Іакова прощенія, и апостолъ, не много подумавъ, сказалъ: миръ тебѣ, и облобызалъ его. Послѣ того обоимъ имъ отсѣкли головы» (1). Филиппъ апостолъ проповѣдовалъ слово Божіе во Фригіи,—жилъ и скончался въ фригійскомъ городѣ Іераполѣ (2).

Б., О РАСПРОСТРАНЕНІИ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ ПОСЛѢ ВРЕМЕНЪ АПОСТОЛЬСКИХЪ, ВО ВТОРОМЪ И ТРЕТЬЕМЪ ВѢКѢ.

Въ числѣ первыхъ преемниковъ апостольскихъ много было мужей, которые, продолжая созидать церкви, основанныя апостолами, болѣе и болѣе распространяли св. вѣру по всей вселенной. Многіе изъ нихъ, исполнивъ сперва евангельскій совѣтъ о раздѣлѣ своего имущества бѣднымъ, предпринимали потомъ благовѣстническія путешествія: положивъ основаніе Церкви въ какихъ нибудь чуждыхъ странахъ и поставивъ тамъ пастырей, они по-

---

также четвертаго вѣка и еще позднѣйшихъ, будто апостолъ Іуда проповѣдовалъ въ Едессѣ Авгарю, въ Персіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ, то въ преданіяхъ этихъ смѣшивали апостола Іуду съ Іудою или Ѳаддеемъ, однимъ изъ 70 апостоловъ, сотрудникомъ апостола Ѳомы.

(1) *Евсев.* Ц. Ист. кн. 2, гл. 9.

(2) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 3, гл. 31.

ручали имъ продолжать созиданіе основаннаго и съ тою же цѣлію отходили въ иныя земли и къ инымъ народамъ, сопровождаемые помощію божественной благодати. Другіе посылали на это святое дѣло учениковъ своихъ, одушевивъ ихъ своею ревностію возвѣщать о Христѣ людямъ, еще не слыхавшимъ слова вѣры ([1]). Таковъ былъ Кодратъ епископъ аѳинскій ([2]), который, пріобрѣтши большое число новоувѣровавшихъ для своей собственной церкви, совершилъ много благовѣстническихъ путешествій въ страны языческія. Таковы были всѣ знаменитѣйшіе епископы первенствующей Церкви: Игнатій Богоносецъ, Поликарпъ смирнскій, Аполлинарій іерапольскій, Климентъ римскій и другіе ([3]). Можно упомянуть на ряду съ ними также объ извѣстныхъ наставникахъ александрійскаго Огласительнаго Училища, Пантенѣ и Оригенѣ: первый изъ нихъ, по ревности къ слову Божію, принялъ на себя проповѣданіе евангелія Христова восточнымъ народамъ и доходилъ даже до Индіи ([4]); вторый съ тою же цѣлію путешествовалъ въ Аравію ([5]). Впрочемъ не сохранилось столько письменныхъ памятниковъ, чтобы можно было перечислить по имени всѣхъ, бывшихъ въ то время благовѣстниками въ разныхъ мѣстахъ все-

---

([1]) *Евсев.* Церк. Ист. кн 3, гл. 37.

([2]) Тамъ же, кн. 3, гл. 37 и кн. 4, гл. 3 и 23. Что Кодратъ, ученикъ апостольскій, отличавшійся даромъ пророчества, благовѣстникъ св. вѣры и апологетъ, есть одно лице съ Кодратомъ, епископомъ аѳинскимъ, это видно изъ свидѣтельствъ о немъ блаж. Іеронима, см. Lib. de vir. illustr. cap. 19. *Валезій*, вслѣдъ за нимъ, и нѣкоторые другіе старались доказать противное (см. Euseb. Hist. Eccles. lib. IV, cap. XXIII, annotat. Val.); но еще *Каве* основательно опровергъ ихъ доказательства, см. Histor. Litterar. vol. 1, pag. 32, ad annum 123.

([3]) *Евсев.* Ц. И кн. 3, гл. 37 и 38.

([4]) Тамъ же, кн. 5, гл. 10.

([5]) Тамъ же, кн. 6, гл. 19.

ленной, или даже поименовать всѣ основанныя ими церкви. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, болѣе и болѣе распространялось повсюду христіанство и послѣ церквей, основанныхъ апостолами преимущественно на востокѣ, получили свое начало западныя церкви въ Галліи, Германіи, Британіи, Африкѣ и Испаніи.

Начало христіанской Церкви въ Галліи, Германіи и Британіи.

Древнѣйшія церкви въ Галліи, ліонская и вьеннская, извѣстны въ первый разъ своимъ посланіемъ къ азійскимъ и фригійскимъ церквамъ о гоненіи Марка Аврелія, бывшемъ въ 177-мъ году (1). Епископомъ ліонскимъ былъ въ то время ученикъ св. Поликарпа еп. смирнскаго, блаженный Поѳинъ,—пресвитеромъ и въ послѣдствіи преемникомъ Поѳина въ епископскомъ служеніи св.Ириней, знаменитый ученикъ того же св. Поликарпа. Извѣстія о многихъ другихъ христіанахъ малоазійскихъ, бывшихъ тогда въ Галліи, равно какъ и преданія о проповѣдникахъ, посланныхъ туда св. Поликарпомъ (2), приводятъ къ мысли, что галльская церковь имѣла во второмъ вѣкѣ особенно близкое единеніе и неоднократныя сношенія съ малоазійскими церквами по той именно причинѣ, что отъ нихъ получила свое начало. Въ послѣдствіи

(1) *Евсев*. Церк. Ист. кн. 5, гл. 1,

(2) Vid. Acta Martyr. *Ruinart*. passio S. Symphoriani, pag. 80, ed. 1713 ann. Такъ, по свидѣтельству, сохранившемуся въ древнихъ мартирологіяхъ западной церкви,—*Беды, Рабана, Адона, Ноткера и др.*, св. Поликарпъ послалъ въ Галлію для проповѣданія Слова Божія священниковъ Андохія и Бенигна, діакона Фирса, Феликса и др. См. также Церк. Ист. *Евсев*. кн. 5, гл. 1.

уже появляются въ Галліи и проповѣдники церкви римской. По сказанію Григорія турскаго [1], Фабіанъ, еп. римскій, въ половинѣ третьяго вѣка послалъ въ Галлію семь проповѣдниковъ, которые основали тамъ столько же церквей и были въ нихъ первыми епископами: однимъ изъ нихъ былъ Діонисій, первый епископъ парижскій, котораго въ средніе вѣка считали за одно лицо съ св. Діонисіемъ Ареопагитомъ; другимъ — Сатурнинъ, первый еп. тулузскій. Хотя свидѣтельство этого писателя, жившаго уже въ шестомъ вѣкѣ, само по себѣ мало заслуживаетъ довѣрія; но раннія сношенія галльской церкви съ церквами Италіи и сѣверной Африки, равнымъ образомъ акты мученической кончины Сатурнина тулузскаго, писанные въ концѣ третьяго вѣка [2], показываютъ, что въ основаніи повѣствованія Григорія турскаго лежитъ какое нибудь достовѣрное преданіе.

Греческіе малоазійскіе проповѣдники, основавшіе церковь въ Галліи, распространили св. вѣру и въ сосѣднихъ съ нею странахъ. Уже св. Ириней упоминаетъ [3] о церквахъ, утвержденныхъ въ Германіи (ἐν γερμανίαις), и, основываясь на его словахъ, что многіе иноплеменные народы, не зная никакой письменности, содержатъ вѣру во Христа по одному преданію [4], можно думать, что

---

(1) Histor. Francor. lib. 1, cap. 28—30; lib. X, cap. 31.

(2) *Ruinart*. Act. Martyr., pass. s. Saturnini, num. 2, pag. 130: Ante annos L, sicut actis publicis, id est, Decio et Grato Consulibus, sicut fideli recordatione retinetur, primum et summum Christi Tolosa civitas sanctum Saturninum habere coeperat Sacerdotem.

(3) Adv. haeres. lib. 1, cap. 3. *ὄυτε αἱ ἐν γερμανίαις ἱδρυμέναι ἐκκλησίαι ἄλλως πεπιςέυκασιν.*

(4) Ibidem. lib. 3, cap. 4. Cui ordinationi assentiunt multae gentes barbarorum, quorum qui in Christum credunt, *sine charta et atramento scriptam habentes* per Spiritum in cordibus suis salutem, et veterem traditionem diligenter custodientes

въ его время христіанская вѣра распространена была не только въ областяхъ Германіи, сопредѣльно съ Галліею лежавшихъ по одну сторону Рейна, но и въ Германіи зарейнской. По крайней мѣрѣ, къ концу третьяго вѣка уже извѣстны церкви въ Трирѣ, Кельнѣ и Мецѣ (1).

Тогда же проповѣдана была св. вѣра и въ Британіи (2). Въ осьмомъ столѣтіи, когда англійская церковь уже признавала первенство надъ собою церкви римской, англосаксонскій историкъ Беда писалъ, будто бы во второмъ вѣкѣ британскій король Луцій, желая принять христіанство, просилъ римскаго епископа Елевѳерія прислать къ нему проповѣдниковъ, которые и положили начало церкви британской; но подобное событіе, возможное въ четвертомъ и послѣдующихъ вѣкахъ, невѣроятно во 2-мъ вѣкѣ, когда христіанская Церковь была гонима. Празднованіе британскою церковію пасхи по древнему малоазійскому обычаю и другія особенности церковнаго благоустройства, хранившіяся въ ней до конца седьмаго столѣтія, равно какъ и продолжавшееся до того времени отдаленіе ея отъ церкви римской, свидѣтельствуютъ всего вѣрнѣе, что первыми основателями и пастырями ея были тѣже самые малоазійскіе благовѣстники св. вѣры, ученики св. Поликарпа, еп. смирнскаго, которые во 2-мъ вѣкѣ основали церковь въ Галліи и Германіи. Древнѣйшія британскія церкви: лондонская, іоркская и линкольнская дѣлаются извѣстными по дѣламъ церковнымъ не ранѣе конца 3-го вѣка (3).

---

(1) Acta Concilior. *Labbei*, tom. 1, concil. Arelat., subscriptiones episcoporum; *Optat. Milevit.* de Schism. Donatist. lib. 1, cap. 23.

(2) О существованіи британской церкви говоритъ уже Тертулліанъ: lib. adv. Judaeos, cap. 7.

(3) *Labbei.* concil. Arelat. subscriptiones: Restitutus, ep. de civitate *Londinensi*; Eborius de civit. *Eboracensi*; Adelfius ep. de *Colonia* Londinensium.

Начало христіанства въ сѣверной Африкѣ и Испаніи.

Напротивъ карѳагенская, или сѣвероафриканская, и испанская церкви получили свое начало, по всей вѣроятности, отъ церкви римской. Пресвитеръ карѳагенскій Тертулліанъ въ сочиненіи противъ еретиковъ не называетъ своей церкви апостольскою въ томъ смыслѣ, что она основана непосредственно апостолами, но говоритъ, что она справедливо должна быть почитаема апостольскою по согласію ея ученія съ ученіемъ апостольской церкви, давшей ей начало. Вслѣдъ за этимъ для обличенія еретиковъ онъ обращается къ разсмотрѣнію того, чему научена и чему учитъ въ своихъ сношеніяхъ съ африканскими церквами церковь римская, замѣтивъ между прочимъ, что отъ нея и африканскія церкви получаютъ свое значеніе церквей апостольскаго происхожденія (¹). Изъ Карѳагена, бывшаго въ постоянномъ сообщеніи съ Римомъ, христіанство распространилось потомъ въ Нумидіи и Мавританіи (²). Судя по свидѣтельствамъ Тертулліана, нельзя не замѣтить, что сѣвероафриканская церковь распространялась, преимущественно предъ другими церквами, съ необыкновенною быстротою (³): при

(¹) Praescript. advers. haeret. cap. 32 et 36: Quae (ecclesiae) licet nullum ex apostolis, vel apostolicis, avctorem suum proferunt, non minus apostolicae deputantur, pro consangvinitate doctrinae... Percurre ecclesias apostolicas..., habes Corinthum..., Philippos, Thessalonicenses; si potes in Asiam tendere, habes Ephesum; si autem Italiae adjaces, habes Romam, *unde nobis quoque avctoritas praesto est...* Videamus, quid didicerit, quod docuerit (romana Ecclesia), cum africanis quoque ecclesiis contesserarit.

(²) *Münteri* Primordia Eccles. Afric., ed. 1829.

(³) Напр. *Apologet.* cap. 1: Obsessam vociferantur civitatem, in agris, in castellis, in insulis christianos; omnem sexum, aetatem, conditionem, etiam dignitatem transgredi ad hoc nomen quasi detrimento moerent; et caet.

всемъ томъ она могла быть основана отнюдь не позже, какъ въ началѣ 2-го вѣка; потому что въ концѣ 2-го вѣка карѳагенскій епископъ Агриппинъ имѣлъ на своемъ соборѣ уже семьдесятъ, а въ половинѣ третьяго св. Кипріанъ восемьдесятъ семь епископовъ Африки, Нумидіи и Мавританіи.

Равнымъ образомъ основаніе испанской церкви, если не признавать происхожденія ея отъ апостола Павла (1), надобно относить, по крайней мѣрѣ, къ этому же времени (2). Въ половинѣ 3-го вѣка испанскіе епископы прибѣгаютъ къ суду римской, а потомъ карѳагенской церкви, и это достаточно показываетъ, съ одной стороны, что она получила свое начало отъ церкви римской, съ другой, что послѣ римской церкви она находилась въ ближайшемъ единеніи съ карѳагенскою.

Заключеніе.

Такимъ образомъ съ половины 2-го вѣка христіанская вѣра утвердилась даже и въ тѣхъ странахъ римской имперіи, гдѣ не проповѣдовали ея св. апостолы. Нѣтъ уже болѣе ни одного народа въ мірѣ, говорилъ въ свое время Іустинъ Мученикъ, среди котораго не возносились бы молитвы и благодаренія Отцу и Содѣтелю всяческихъ во имя І. Христа (3). Въ Парѳіи, Мидіи, Персіи, писалъ Тертулліанъ въ самомъ началѣ 3-го вѣка, между жителями Месопотаміи, Арменіи, Фригіи, Каппадокіи, среди

---

(1) См. выше *о благовѣстническихъ трудахъ ап. Павла*, стр. 89.

(2) О церквахъ въ Испаніи упоминаетъ уже св. Ириней; adv. haeres. lib. 1, cap. 3, edit. Paris. 1639 an.—*οὔτε ἐν ταῖς ἰβηρίαις, οὔτε ἐν κελτοῖς ἱδρυμέναι ἐκκλησίαι...*

(3) Разгов. съ Триф. Іудеян. гл. 117; по русск. перев. изд. 1836 г. стр. 142.

народовъ, населяющихъ Понтъ, Азію, Памфилію, Египетъ и всю Африку, у римлянъ и иноземцевъ, равно какъ іерусалимлянъ и другихъ народовъ, среди разныхъ поколѣній Гетуловъ и Мавровъ, во всей Испаніи, Галліи и Британіи, даже недоступной римскому владычеству, между сарматами, даками, германцами и скиѳами, во всѣхъ мѣстахъ и между всѣми народами, повсюду царствуетъ имя Христово (¹). Мы существуемъ, такъ сказать, .олько со вчерашняго дня, говорилъ онъ же въ другомъ мѣстѣ, обращаясь отъ лица христіанъ къ язычникамъ (²), и уже наполняемъ все: ваши города, острова, замки, пригороды, совѣты, лагери, трибы, декуріи, дворъ, сенатъ, форумъ; оставляемъ вамъ одни только ваши капища.

(¹) Lib. advers. Judaeos, cap. 7.

(²) Apologet. cap. 37.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВНѢШНЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ ОБЩЕСТВѢ ВЪ ПЕРВЫЕ ТРИ ВѢКА ХРИСТІАНСТВА.

А., ГОНЕНІЯ НА ЦЕРКОВЬ.

Господь Іисусъ Христосъ, бесѣдуя съ апостолами въ послѣдній разъ предъ временемъ своихъ страданій, сказалъ имъ: *Азъ избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавидитъ васъ міръ. Поминайте слово, еже Азъ рѣхъ вамъ: нѣсть рабъ болій Господа своего. Аще Мене изгнаша, и васъ ижденутъ: аще слово мое соблюдоша, и ваше соблюдутъ..... Отъ сонмищъ ижденутъ вы: но пріидетъ часъ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу.—Въ мірѣ скорбни будете: но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* ([1]). Таково было и дѣйствительно положеніе всѣхъ проповѣдовавшихъ и соблюдавшихъ вѣру Христову въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ христіанской Церкви. Христіане бѣдствовали въ мірѣ, и всякій думалъ, что, убивая ихъ, угождаетъ тѣмъ Богу.—Бывъ распространено повсюду, христіанство утвердилось тогда главнымъ образомъ въ римской имперіи, по обширности предѣловъ и

([1]) Іоанн. 15, 19 и 20; 16, 2 и 33.

развитію гражданственности справедливо называвшейся вселенною (1). И хотя, по прекрасному сравненію одного древняго христіанскаго писателя (2), что въ тѣлѣ душа, то въ мірѣ были христіане,—хотя въ предѣлахъ римской имперіи христіане, по словамъ Тертулліана, въ его уже время наполняли собою все: города, острова, замки, пригороды, совѣты, лагери, трибы, декуріи, дворъ, сенатъ, форумъ, и только одни капища оставляли нераздѣльно язычникамъ; тѣмъ не менѣе, переходя отъ общихъ выраженій къ положительной численной опредѣленности, надобно сказать, что даже въ началѣ четвертаго вѣка они, по всей вѣроятности, составляли собою не болѣе двадцатой части (3) всего народонаселенія въ государствѣ, и мысль о совершенномъ истребленіи ихъ казалась еще не достаточно опасною для общественнаго блага, чтобы не рѣшаться на ея исполненіе. Тѣмъ ограниченнѣе было число христіанъ во второмъ, или въ первомъ вѣкѣ. И между тѣмъ трехвѣковыя, повсюдныя, почти непрерывныя гоненія не только не сократили Церкви, но и не воспрепятствовали ей столько распространиться, что наконецъ вѣра ея могла сдѣлаться господствующею во всемъ мірѣ.

---

(1) Лук. 2, 1. *Изыде повелѣніе отъ кесаря Августа, написати всю вселенную.*

(2) *Посл. къ Діогн.* въ Христ. Чт. 1825 г., част. 20, стр. 151.

(3) *Тертулліанъ* около 212-го года писалъ Скапулѣ, рѣшившемуся поголовно истребить христіанъ (lib. ad Scap. cap. 5): quid ipsa Carthago passura est, decimanda a te!—Но, кромѣ свойственнаго Тертулліану иперболическаго образа выраженій, надобно имѣть въ виду, что даже тогда, когда въ городахъ христіане составляли большинство населенія, села и деревни большею частію оставались еще въ язычествѣ.

Причины гоненій.

Причиною гоненій были, во первыхъ, законы римскаго государства противъ новыхъ вѣръ. Желая остановить гибельное для общества развитіе суевѣрій и пороковъ, распространявшихся подъ видомъ разныхъ родовъ богопочтенія, римское правительство подтвердило законами всякое богослуженіе, съ древности соблюдавшееся въ какомъ бы то ни было народѣ, — римлянину вмѣнило въ непремѣнную обязанность исполнять обряды римскаго народа, иноземцу соблюдать обычаи его страны,—и объявило непозволеннымъ всякое служеніе богамъ новымъ, частнымъ, чуждымъ, не пользовавшимся прежде почитаніемъ какого либо народа (1). Внушая каждому, что почитаніе своихъ боговъ и исполненіе своихъ отечественныхъ обрядовъ есть основаніе гражданскаго благополучія, оно назначило всякаго нововводителя въ дѣлахъ вѣры отправлять въ ссылку, если онъ изъ высшаго сословія и подвергать смертной казни, если изъ низшаго (2). Но христіанство не было древнею вѣрою какого нибудь

---

(1) *Ciceron.* De legib. lib. 2, — Separatim nemo habessit deos, neve novos; sed ne advenas, nisi publice adscitos, privatim colunto. *Tertull.* Apolog. cap. 4. Сравн. выше стр. 8.

(2) *Julii Pauli* lib. 5, tit. 21.—У *Діона Кассія* (по переводу Ксифилина) рѣчь Мецената къ Августу: «почитай боговъ непремѣнно по отечественнымъ законамъ и *принуждай* другихъ почитать ихъ такимъ же образомъ. Тѣхъ же, которые вводятъ въ этомъ отношеніи что нибудь чуждое, преслѣдуй и наказывай, не за то только, что они боговъ презираютъ, но за то, что, презирая ихъ, они презираютъ все другое, за то, что, вводя новыя божества, соблазняютъ къ принятію новыхъ законовъ. Отсюда происходятъ потомъ заговоры и тайные союзы, отнюдь не терпимые въ монархіи. Не дозволяй никому быть безбожникомъ»....

народа и притомъ должно было утвердиться не въ одномъ народѣ, а во всемъ мірѣ. Какъ богослуженіе новое, не бывшее нигдѣ народнымъ и отторгавшее римскихъ гражданъ отъ ихъ отечественныхъ обрядовъ, оно было по римскимъ законамъ вѣрою запрещенною. Поэтому съ самаго начала язычники, не принимавшіе вѣры, обвиняли проповѣдниковъ христіанства предъ судомъ, что они *завѣщаваютъ обычаи, яже не достоитъ пріимати, ни творити римляномъ сущимъ* (Дѣян. 16, 21), или, что они *чуждихъ* боговъ проповѣдуютъ (Дѣян. 17, 18),—и въ послѣдствіи всегда, какъ во времена Тертулліана, съ строгостію и угрозами говорили принимавшимъ вѣру: «вы знаете, что не позволяется быть христіаниномъ» (¹). Правда, при всеобщей небрежности язычниковъ въ вѣрѣ, законы противъ новыхъ вѣръ исполнялись сначала не строго, и въ первомъ вѣкѣ язычники смѣшивали христіанъ съ іудеями, вѣра которыхъ, какъ древняя и народная, была дозволена; но это продолжалось не долго, потому что не принявшіе христіанства іудеи всячески заботились объяснить язычникамъ, что христіане составляютъ общество совершенно особенное отъ іудейскаго, *вси противно велѣніемъ кесаревымъ творятъ, царя глаголюще иного быти, Іисуса* (Дѣян. 17, 7),—къ тому же и принятіе язычникомъ іудейства съ равною строгостію было запрещено римскими законами (²). Быстрое распространеніе повсюду христіанства пробудило отъ усыпленія всѣ гражданскіе законы противъ новыхъ вѣръ, тѣмъ жи-

---

(¹) Non licet esse vos,—*Tertull*: Apolog. cap. 4.

(²) Таковъ законъ сената, изданный при Тиверіѣ: *Tacit*. Annal. lib. 2 cap. 85; таковы законы Антонина Нѣжнаго и Септимія Севера,—*Spartiani* vita Sever. pag. 70: *Judaeos fieri* sub gravi poena vetuit. Idem etiam de christianis sanxit...

віе, что язычники, не понимая превосходства христіанской вѣры, считали ее безбожіемъ, или крайне грубымъ суевѣріемъ, во всякомъ случаѣ—вѣрою противною богамъ,—и это можно назвать второю причиною гоненій.

Два рода понятій о вѣрѣ надобно различать главнымъ образомъ въ древнемъ языческомъ мірѣ: понятія простаго народа и понятія людей образованныхъ. Народъ, коснѣя въ грубомъ идолопоклонствѣ, поставлялъ всю вѣру въ соблюденіи опредѣленныхъ обрядовъ. Люди образованные, презирая мнѣнія толпы и исполняя обряды римскаго народа изъ одного приличія и для примѣра въ повиновеніи законамъ, поставляли вѣру въ философскихъ умозрѣніяхъ о Божествѣ, которыя, по ихъ убѣжденію, конечно, не могли приводить къ недоступной истинѣ, по крайней мѣрѣ могли приближать къ ней, особенно если они не ограничены односторонними и бездоказательно положительными мнѣніями. Христіанская же вѣра представляла собою язычникамъ не новые только обряды, но вмѣстѣ — служеніе Богу духомъ и истиною, и не философію, которую каждый могъ бы измѣнять и передѣлывать по своей мысли, но вѣру безусловную, не допускающую ни малѣйшихъ измѣненій. Такимъ образомъ и неученые, и образованные язычники видѣли въ христіанствѣ вѣру, совершенно несходную съ своими понятіями о богопочтеніи. Люди неученые, не имѣя силъ возвыситься надъ чувственностію, обращались къ христіанамъ съ требованіемъ, чтобы имъ показали христіанскаго Бога, и видѣли въ христіанствѣ только отверженіе своихъ боговъ или безбожіе. Мало того, думали они, что христіане не почитаютъ ни одного изъ боговъ, не клянутся ихъ именами, гнушаются нашихъ храмовъ, отвращаются отъ всего идоложертвеннаго и не

позволяютъ себѣ никакого участія въ нашемъ богослуженіи,—они не имѣютъ даже своихъ особенныхъ боговъ и капищъ и отвергаютъ всякое богопочтеніе ([1]). Какъ ни слабо язычники были привержены къ своимъ богамъ, ревность ихъ ожила и одушевилась при видѣ быстраго распространенія безбожія, какимъ они почитали христіанскую вѣру. Христіане сдѣлались для нихъ народомъ ненавистнымъ. Какъ безбожникамъ, естественно, они расположены были приписывать имъ самую нечестивую жизнь. Внѣшній строгій образъ жизни христіанъ казался имъ только личиною, прикрывавшею тайные ихъ пороки: язычники не могли понять, почему бы эти безбожные люди отреклись отъ участія въ пышныхъ обрядахъ и пріятныхъ для чувственности празднествахъ языческаго богослуженія, еслибы въ ихъ недоступныхъ для любопытства собраніяхъ не происходило чего нибудь гораздо болѣе чувственнаго и порочнаго ([2]). Грубое и невѣжественное перетолкованіе любви христіанской и братскаго единенія между собою всѣхъ послѣдователей Христовыхъ, также—пріобщенія Тѣла и Крови Христовой, при ненависти къ мнимому христіанскому безбожію и лицемѣрію, навлекло на христіанъ подозрѣніе въ тайной порочной и безчеловѣчной жизни. Язычники думали, что христіане во время своихъ собраній закалаютъ младенца, питаются его тѣломъ и кровію и послѣ такого ужаснаго пиршества предаются удовольствіямъ плотскаго вожделѣнія, не уважая никакихъ родственныхъ

([1]) *Minuc. Felic.* Octav. cap. 8. Templa, ut busta, despiciunt, deos despuunt, rident sacra; cap. 10: Cur nullas aras habent, templa nulla, nulla nota simulacra?—*Tertull.* Apologet.

([2]) *Min. Fel.* Octav. cap. 10.

отношеній (1). Между тѣмъ люди образованные изъ язычниковъ, имѣя свое невыгодное мнѣніе о правилахъ христіанской жизни, порицали главнымъ образомъ христіанское вѣроученіе. Не допуская возможности достигнуть собственными силами несомнѣннаго знанія о дѣлахъ божественныхъ и поставляя достоинство мыслящаго человѣка въ томъ, чтобы онъ не останавливался на какомъ нибудь мнѣніи, а всегда шелъ далѣе въ своихъ изслѣдованіяхъ, они почитали положительное ученіе христіанства, не допускающее никакихъ измѣненій, суевѣріемъ, достойнымъ только грубой, необразованной черни (2), и самихъ христіанъ, которые не могли подобно языческимъ философамъ смотрѣть безразлично на свое божественное вѣроученіе и, не поставляя вѣры въ однихъ отвлеченныхъ умствованіяхъ, стремились осуществлять ея правила во всѣхъ дѣйствіяхъ жизни, которые не хотѣли принимать поэтому даже наружнаго участія въ языческихъ обрядахъ и жертвовали за то своею жизнію,—суевѣрами, упорными до ожесточенія, опасными безумцами, фанатиками, безсильными стать въ своей жизни выше чувственной внѣшности (3). Болѣе или менѣе раздѣляя даже нелѣпыя предубѣжденія народа противъ христіанской жизни, они почитали христіанство сектою ненавистною и презрѣнною уже по самому его происхожденію изъ среды народа іудейскаго, чуждаго философіи и исключитель-

(1) *Tertull.* Apolog. cap. 7; *Аѳинагор.* Апол. стр. 249 по пер. въ Хр. Чтен. 1843 г., ч. 2.; *Густинъ Муч.*, *Минуцій Фел.* и друг.

(2) *Цельсъ* у Оригеп. кн. 3, § 55; *Minuc. Fel.* Octav. cap. 12 et 13; *Tacit.* Annal. lib. 15, num. 44: superstitio exitiabilis, odium generis humani; *Sveton.* vit. Neron. cap. 6: genus hominum superstitionis novae ac maleficae.

(3) *Plinii* Epistol. lib. X, ep. 97: Qualecunque esset, quod faterentur, pervicatiam certe et inflexibilem obstinationem debere puniri, et caet.

но привязаннаго къ своимъ обрядамъ (1), тѣмъ болѣе, что содержаніе христіанскаго вѣроученія совсѣмъ не согласовалось съ ихъ философскими мнѣніями.

При такихъ взглядахъ на христіанство, язычники находили распространеніе его пагубнымъ для благосостоянія общества. Вообще смотря на вѣру, какъ на основаніе гражданскаго союза людей (2), они думали и о христіанствѣ, что оно служитъ основаніемъ союзу новаго народа, образующагося повсюду съ быстротою моровой язвы, начавшагося между іудеями, усилившагося между другими народами, но отдѣлившагося отъ тѣхъ и другихъ и составившаго собою отдѣльное цѣлое (3). Подобное подозрѣніе, при превратныхъ понятіяхъ о христіанской вѣрѣ и жизни, способствовало тому, что язычники скоро стали смотрѣть на христіанъ, какъ на общество заговорщиковъ (4). Не постигая того святаго начала братской любви, которое такъ тѣсно и неразрывно соединяло между собою всѣхъ послѣдователей Іисуса Христа,—что это значитъ, говорили они, что христіане, гдѣ бы и когда ни встрѣтились, сейчасъ узнаютъ другъ друга, какъ будто по какому нибудь условію или тайному знаку, сейчасъ дѣлаются друзьями и готовы на взаимную помощь, хотя бы видѣлись въ первый только разъ (5)?

---

(1) *Tertull.* Apolog. cap. 3, 21—23 et caet. *Minuc. Felix*, cap. 9. *Ориг.* пр. Цельса, кн. 1, § 28. 31. 38. 66. 68 и др.; кн. 4, § 33. *Minuc. Fel.* cap. 10.

(2) См. приведенную выше рѣчь Мецената, стр. 116, примѣч. 2.

(3) *Tertull.* Ad Nationes lib. 1, cap. 7: Tertium genus dicimur... Apologet. cap. 1: Quasi detrimento...

(4) *Tertull.* in Apolog: Non est factio dicenda, sed curia (ecclesiastica societas christianorum),—cap. 39 ad finem.

(5) Occultis se notis et insignibus noscunt, et caet. Vid. *Minuc. Fel.* cap. 9. *Tertull.* Apolog. cap. 39,—aliosque.

Христіане не боготворили императоровъ, не клялись ихъ именами, не уважали храмовъ, какіе воздвигала имъ лесть языческая; значитъ, говорили язычники, они враги императоровъ, не благоговѣйны къ нимъ, не чтутъ ихъ достоинства ([1]). Не желая быть въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ язычниками и заботясь болѣе о вѣчномъ спасеніи, нежели о временныхъ выгодахъ, христіане неохотно принимали на себя государственныя должности, прохожденіе которыхъ, при тогдашнихъ условіяхъ, не всегда совмѣстно было съ долгомъ христіанскимъ, нерѣдко оставляли военную службу, удалялись отъ увеселеній, отъ прежнихъ дурныхъ знакомствъ, отъ занятія торговлею и промыслами, прямо или косвенно служившими къ поддержанію языческаго богослуженія, вообще вели жизнь скромную и уединенную. По мнѣнію язычниковъ, это значило, что христіане—враги римскаго народа, сами по себѣ люди праздные и бездѣльные, что они человѣконенавистники ([2]). Произвольную бѣдность, уничиженіе ([3]) Христа ради, уничижившаго Себя до страданій, благоговѣніе къ святой вѣрѣ, по которому христіане не допускали въ свои богослужебныя собранія праздныхъ и насмѣшливыхъ соглядатаевъ, все перетолковывали язычники противъ нихъ. Это народъ темный, бѣгущій отъ свѣта; люди опасные, безмолвные при другихъ и говоруны въ своихъ уголкахъ,—говорили они о хри-

---

([1]) *Іуст. Муч.* Апол. 1, § 23; *Tertull.* Apolog. cap. 28—36; ad Nation. lib. 1, cap. 17: irreligiosi in Caesares, hostes Caesarum... sacrilegii et Majestatis rei convincimur...

([2]) Hostes populi romani, homines infructuosi in negotiis, inertes etc., vid. *Min. Fel.* Oct. cap. 8—12; *Tertull.* Apolog. cap. 38. 42 et 43; De Idololatria cap. 6—13; De spectac. etc.

([3]) Purpuras despiciunt, ipsi seminudi... pallidi, trepidi, — vid. *Minuc. Fel.* cap. 8 et 12.

стіанахъ [1]. Общая ненависть къ христіанскому имени доводила ихъ до того, что они приписывали всѣ общественныя бѣдствія мщенію боговъ за распространеніе христіанства, почитая христіанъ не только безбожниками, но презрителями и поругателями всего божественнаго и священнаго [2]. Надобно ли прибавлять послѣ этого, что обиліе чудесъ, продолжавшееся въ Церкви во 2-мъ и 3-мъ вѣкѣ, для невѣрныхъ было причиною обвинять христіанъ въ обманѣ и волшебствѣ [3]?—Такимъ образомъ, пока язычники не измѣнили своихъ понятій о христіанской вѣрѣ и жизни и христіанство не сдѣлалось въ римской имперіи вѣрою дозволенною, христіане должны были терпѣть гоненія. При всемъ томъ римское правительство ясно выразило свое мнѣніе о христіанствѣ только въ началѣ 2-го вѣка, и первый едиктъ, касавшійся собственно христіанъ, принадлежитъ императору Траяну.

Исторія гоненій до времени Траяна.

Тертулліанъ разсказываетъ, что «Тиверій, въ царствованіе котораго (14—37 г.) имя христіанское начало становиться извѣстнымъ, узнавъ изъ донесеній Пилата о

---

(1) Latebrosa et lucifugax natio, in publicum muta, in angulis garrula. *Jbid.*

(2) Rident sacra,—*ibid.* Si Tiberis ascendit ad moenia, si Nilus non ascendit in arva, si coelum stetit, si terra movit, si fames, si lues, statim *Christianos ad leonem;* Tertull. Apolog. cap. 40.

(3) *Ruinart.* Acta Martyr.—Achatii vel Acacii: ubi sunt magi socii artis tuae?—Acta Perpetuae, Felicit. etc. *ibid,* num. 16: ne substragerentur de carcere incantationibus aliquibus magicis. *Origen.* contra Celsum lib. 1, num. 6. *Tertull.* Apolog., etc.

чудесахъ и воскресеніи Іисуса Христа, предложилъ сенату включить Его въ число боговъ, и, хотя сенатъ не принялъ этого предложенія, потому что усвоялъ себѣ независимое право судить о новыхъ божествахъ, императоръ остался однако при своемъ мнѣніи, угрожая казнію доносчикамъ на христіанъ» (¹). Правда, разсказъ этотъ невѣроятенъ. Трудно представить, чтобы при Тиверіѣ сенатъ могъ не согласиться на какое бы то ни было предложеніе императора и чтобы этотъ деспотическій и недовѣрчивый государь, преслѣдовавшій иноземные обряды богослуженія, въ особенности іудейскіе (²), показалъ столько довѣрія къ донесенію Пилата, если бы даже оно было написано съ вѣрою и убѣжденіемъ. Сверхъ того вѣровавшіе во Христа не были еще извѣстны въ царствованіе Тиверія подъ именемъ христіанъ (³), и едиктъ противъ доносчиковъ на нихъ, если онъ существовалъ, никогда не имѣлъ дѣйствія. Но справедлива мысль, лежащая въ основаніи Тертулліанова повѣствованія, что первые римскіе государи, при которыхъ имя христіанское начало дѣлаться извѣстнымъ, Тиверій и Кай Калигула (38—42 г.), не были гонителями христіанства. Равнымъ образомъ императоръ Клавдій (42—56 г.), изгоняя іудеевъ изъ Рима, какъ говоритъ Светоній (⁴), за то, что

(¹) Comminatus periculum accusatoribus christianorum,—Apologet. cap. 5; cf. cap. 21.

(²) *Sveton*. cap. 36: Externas coeremonias, aegyptios judaicosque ritus compescuit. Judaeorum juventutem... distribuit, reliquos gentis ejusdem, *vel similia sectantes* Urbe submovit, sub poena perpetuae servitutis...

(³) А къ іудеямъ, какъ христіане называли еще себя, Тиверій былъ неблагосклоненъ.

(⁴) Vita. Clavd. cap. 25: Judaeos impulsore Chresto assiduô tumultuantes Româ expulit. Слово—*Chresto* надобно читать, какъ *Christo;* см. *Tertull.* Apolog. cap. 3: *Chrestianus* pronunciatur a vobis, nam nec nominis certa

они постоянно возмущались по наущенію Христа, не имѣлъ намѣренія преслѣдовать христіанской вѣры, хотя едиктомъ его изгонялись изъ Рима вмѣстѣ съ іудеями христіане изъ іудеевъ [1], и выразилъ этимъ только нерасположенность къ мятежническому духу іудейскаго народа, который, въ ожиданіи мнимаго Мессіи, дѣйствительно, часто возставалъ противъ римскаго господства. Тѣмъ не менѣе Церковь Христова имѣла уже гонителей и въ это время, —

а.) въ Палестинѣ.

Первыми гонителями ея были іудеи палестинскіе, осудившіе на смерть Іисуса Христа и почитавшіе ученіе Его хулою на Бога и Моисея. Во время первоначальнаго распространенія христіанства страна іудейская не имѣла уже самостоятельнаго правленія и составляла собою римскую провинцію; тѣмъ не менѣе управлялась по своимъ законамъ, подобно Сициліи, или городамъ Италіи. Внутреннія судилища іудеевъ и ихъ великій синедріонъ оставались неприкосновенными. Вскорѣ по вознесеніи Господнемъ синедріонъ, имѣвшій въ то время во главѣ своей саддукеевъ, два раза призывалъ на судъ свой апостоловъ, заключалъ ихъ въ темницу и подвергалъ тѣлесному наказанію, запрещая проповѣдовать объ Іисусѣ Христѣ; но частію *людей ради*, *яко вси прославляху Бога*, частію потому, что апостолы не учили отступленію отъ

---

est notitia penes vos. Также о словѣ *Chrestus* см *Lactant*. Divin. Jnstit. lib. 4, cap. 7: Qui eum immutata littera Chrestum solent dicere. Сочинитель разговора Филопатрисъ говоритъ Χρηστὸς вмѣсто Χριστὸς, см. *Bullet*, pag. 341, Paris, 1825 ann.

[1] Дѣян. 18, 2.

іудейскаго закона, наконецъ и по опасенію, не проповѣдуютъ ли они истины, отпускалъ ихъ свободными и не рѣшался преслѣдовать болѣе ([1]). Гоненіе его на христіанъ началось собственно съ 37-го года по Рождествѣ Христовомъ, когда съ саддукеями соединились и фарисеи, по всей вѣроятности, ошибочно смотрѣвшіе до того времени на христіанство, какъ на особую отрасль своей секты ([2]). Поводомъ къ нему была проповѣдь первомученика архидіакона Стефана объ отмѣненіи въ Церкви обрядоваго Моисеева закона ([3]). Противозаконно предавъ святаго Стефана побіенію камнями, невѣровавшіе іудеи по волѣ синедріона стали преслѣдовать и всѣхъ другихъ христіанъ, не только въ Іерусалимѣ, но, сколько можно заключать по примѣру Савла гонителя, *дышавшаго прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни*, и въ другихъ городахъ, гдѣ были синагоги, зависѣвшія отъ синедріона. Преслѣдованіе ограничивалось временнымъ заключеніемъ христіанъ въ темницу, отрѣшеніемъ отъ должностныхъ мѣстъ и тѣлесными наказаніями; потому что іудеи не имѣли права и рѣдко рѣшались самовольно осуждать кого либо на смерть, римскіе же ихъ начальники не хотѣли заниматься дѣлами ихъ вѣры, тѣмъ болѣе не хотѣли почитать ихъ важными или уголовными ([4]). Таково было состояніе христіанъ между іудеями во все время, пока продолжалось отдѣльное существованіе іудейскаго народа, и мученическая смерть апостоловъ Іакова Зеведеева и Іакова Праведнаго составляетъ исключеніе.

([1]) Дѣян. 4, 1—22; 5, 17—42.
([2]) Дѣян. 23, 6—9.
([3]) Дѣян. гл. 6, ст. 8 до 3 ст. 8-й главы.
([4]) Дѣян. 23, 29 и 25, 25.

Убійствомъ Іакова Зеведеева (44 г.) царь Иродъ Агриппа ([1]), котораго раввины прославляютъ за попечительность о благѣ іудейскаго народа, хотѣлъ сдѣлать угодное іудеямъ (Дѣян. 12, 2—3). А Іакова Праведнаго, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими христіанами, предалъ смерти (63 г.) первосвященникъ Ананъ Младшій, пользуясь безначаліемъ, бывшимъ въ Іудеи по смерти прокуратора Феста до прибытія Альбина, за чтò и лишенъ былъ первосвященства ([2]). Около семи лѣтъ послѣ мученической кончины Іакова Праведнаго, въ слѣдствіе возстанія іудеевъ противъ римлянъ и побѣдъ Веспасіана и Тита, отдѣльное существованіе народа іудейскаго окончилось. Іерусалимъ вмѣстѣ съ храмомъ ветхозавѣтнымъ былъ разрушенъ до основанія, а народъ частію истребленъ, частію разсѣянъ ([3]). Христіане изъ іудеевъ, составлявшіе іерусалимскую церковь, предузнавая это событіе по пророчеству Іисуса Христа, переселились изъ Іерусалима передъ началомъ его осады въ заіорданскій городъ Пеллу и тѣмъ навлекли на себя еще большую ненависть со стороны неувѣровавшихъ своихъ единоплеменниковъ, какъ мнимые предатели отечественной свободы и братья христіанамъ изъ язычниковъ. Поэтому невѣровавшіе іудеи, бывъ разсѣяны по разнымъ странамъ римской имперіи, не переставали вредить имъ, возставая противъ нихъ сами, когда имѣли возможность, или возбуждая язычниковъ; такъ что если язычники требовали сожженія христіанъ, то іудеи первые слагали для этого костеръ.

([1]) Хотя Палестина составляла собою римскую область, однако нѣкоторые участки ея подъ именемъ еонархій управлялись, по волѣ кесарей, наслѣдниками Иродовой фамиліи съ титуломъ царей. Такимъ царемъ былъ Иродъ Агриппа; См. *Капефиг*. Ист. Іуд. ч. 1, стр. 69 и 137, С. п б. 1846 г. изд. 2.

([2]) *Евсев*. Церк. Ист. кн. 2, гл. 23.

([3]) *Тамъ же* кн. 3, гл. 5—8; *Капефиг*. Ист. Іуд. ч. 1, гл. 3 и 4.

б.) въ другихъ странахъ.

Іудеи были первыми гонителями христіанъ и въ странахъ языческихъ. Изъ Дѣяній апостольскихъ видно, что они, идя по слѣдамъ проповѣдниковъ евангелія, повсюду старались возставлять противъ нихъ язычниковъ, внушая недовѣріе къ ихъ ученію и чудесамъ и выставляя ихъ опасными для общества нарушителями законовъ. Такъ они поступили съ апостоломъ Павломъ и его сотрудниками въ Антіохіи писидійской, Иконіи, Листрахъ, Солуни и Беріи ([1]). Между самими язычниками прежде всѣхъ сдѣлались врагами христіанства люди, которыхъ занятія и выгоды были связаны съ языческимъ богослуженіемъ, какъ то: дѣлатели идоловъ, жрецы, обманщики, питавшіе въ народѣ суевѣріе ложными чудесами, или пророчествами. Такихъ враговъ встрѣтилъ еще апостолъ въ Филиппахъ и Ефесѣ ([2]). Вмѣстѣ съ іудеями они заботились распространять въ языческомъ народѣ то нелѣпое понятіе о христіанской вѣрѣ и жизни, которое было причиною гоненій. И надобно думать, что состояніе христіанъ въ языческихъ областяхъ римской имперіи въ царствованіе Клавдія и Нерона (56—69) было поэтому гораздо бѣдственнѣе, нежели въ Палестинѣ въ послѣднее время отдѣльнаго существованія іудейскаго народа. Между тѣмъ какъ палестинскіе прокураторы, стараясь, по видимому, только притѣснять ввѣренный ихъ правленію народъ, ничего не дѣлали въ угодность ему, правители

([1]) *Дѣян.* 13, 50; 14, 19 и 17, 5—13.

([2]) *Дѣян.* 16, 19 и 19, 25—27. Cf. *Ruinart.* Acta Martyr., pass. s. Symphorosae et filiorum ejus, pag. 23.

языческихъ областей, раздѣляя сами понятія народа, старались заслужить его благосклонность, и своевольство черни по отношенію къ христіанамъ нерѣдко бывало для нихъ закономъ. Въ первомъ своемъ посланіи апостолъ Петръ писалъ малоазійскимъ христіанамъ: *аще укоряеми бываете о имени Христовѣ, блажени есте.... Да не кто убо отъ васъ постраждетъ яко убійца, или яко тать, или яко злодѣй, или яко чуждопосѣтитель: аще ли же яко христіанинъ, да не стыдится, да прославляетъ же Бога въ части сей* (1). Въ этихъ словахъ апостола можно видѣть не только то, что христіане уже терпѣли гоненіе, но также, что причиною его было подозрѣніе въ преступленіяхъ, за которыя опредѣлена смертная казнь, и, слѣдовательно, что они терпѣли кровавое гоненіе. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что въ послѣдніе годы царствованія Нерона (65—69 г.) язычники имѣли уже о христіанахъ самое несправедливое понятіе, и ненависть къ нимъ возрасла въ нихъ до такой степени, что этотъ жестокій государь воспользовался ею, чтобы сложить съ себя подозрѣніе въ пожарѣ, испепелившемъ двѣ трети Рима, и съ одной стороны утѣшить народъ, предоставивъ его неистовству христіанъ, какъ мнимыхъ виновниковъ пожара, съ другой доставить себѣ новыя зрѣлища. Гоненіе, воздвигнутое имъ на римскую церковь, было такъ ужасно, что Тацитъ, раздѣлявшій мнѣніе черни о христіанахъ, при описаніи его, не могъ подавить въ себѣ чувства состраданія. Сказавъ, что Неронъ для уничтоженія молвы, приписывавшей причину пожара его страсти къ зрѣлищамъ, сложилъ вину на людей, навлекшихъ на себя общую ненависть позорною жизнію, кото-

(1) 1 Петр. 4, 15—16.

рыхъ обыкновенно зовутъ христіанами, и что—это секта, преданная пагубному суевѣрію и со временъ Тиверія распространившаяся не только въ Іудеи, но даже и въ Римѣ, куда стекаются отвсюду всѣ звѣрскіе и постыдные роды богослуженій, онъ пишетъ далѣе: «Итакъ сначала схвачены были сознавшіеся (въ исповѣданіи христіанства); потомъ по указанію ихъ уличено безчисленное множество другихъ, впрочемъ не столько въ зажигательствѣ, сколько въ ненависти къ человѣческому роду. Къ казни прибавили посмѣяніе; такъ что покрывали ихъ шкурами звѣрей и травили собаками, или распинали на крестахъ, или жгли (одѣвъ въ туники изъ горючихъ веществъ), и такимъ образомъ ночью они горѣли для освѣщенія вмѣсто факеловъ. Неронъ отдавалъ свои сады для представленія такого зрѣлища и наконецъ онъ устроилъ по сему случаю цирковыя игры и участвовалъ въ нихъ самъ, мѣшаясь въ кучерскомъ платьѣ съ толпою народа, или сидя въ колесницѣ, такъ что хотя это были люди преступные и заслужившіе изысканный, новѣйшій родъ примѣрнаго наказанія, однако пробуждалось сострадание къ нимъ, какъ будто бы гибли они не для общественной пользы, а для удовлетворенія лютости одного человѣка» (1). Въ числѣ другихъ христіанъ, подъ конецъ гоненія, потерпѣли въ Римѣ мученическую смерть апостолы Петръ и Павелъ: «Петръ пострадалъ подобно Господу, а Павелъ увѣнчался смертію Іоанна Крестителя» (2). По видимому гоненіе должно было пасть только на римскихъ христіанъ, какъ мнимыхъ виновниковъ по-

---

(1) *Tacit.* Annal. lib. XV, num. 44. Idem apud *Svetonium*, Vita Neron.; *Senec.* Epist. XIV; *Juvenal.* sat. 1 et 8.

(2) *Tertull.* De Praescript. cap. 36.

жара; но безъ сомнѣнія примѣръ, поданный императоромъ въ столицѣ, не остался безъ вліянія на другіе города, такъ какъ и въ самомъ Римѣ подозрѣніе въ поджогѣ было только наружнымъ поводомъ къ гоненію, а причиною было собственно подозрѣніе въ ненависти къ человѣческому роду и тѣхъ мнимыхъ преступленіяхъ, которыя повсюду считались внушаемыми христіанскою вѣрою. Предметомъ гоненія была, слѣдовательно, вѣра. При всемъ томъ не видно, чтобы Неронъ издавалъ какое либо повелѣніе о преслѣдованіи христіанъ собственно за вѣру, и это могло быть причиною возможной по тому времени мѣры спокойствія ихъ въ царствованіе Веспасіана и Тита (70—81 г.), государей умныхъ и справедливыхъ. Но подозрительность и корыстолюбіе преемника ихъ Домиціана (81—96 г.) снова дали язычникамъ удобство вредить христіанамъ. Этотъ государь, наслѣдовавшій отчасти жестокость Нерона, былъ гонителемъ для всѣхъ своихъ подданныхъ и, поощряя доносчиковъ и клеветниковъ, лишилъ жизни, или сослалъ въ заточеніе множество римскихъ сановниковъ для присвоенія себѣ ихъ имущества. Между прочими, по свидѣтельству Діона Кассія, онъ многихъ предалъ смерти, или подвергъ ссылкѣ, по обвиненію въ принятіи безбожія и іудейскихъ обычаевъ, то есть, христіанства [1]. При немъ св. Іоаннъ евангелистъ былъ исповѣдникомъ въ Римѣ и по-

---

(1) Καὶ τῷ αὐτῷ ἔτει ἄλλους τε πολλοὺς, καὶ τὸν Φλάβιον Κλήμεντα ὑπατένοντα, καίπερ ἀνεψιὸν ὄντα, καὶ γυναῖκα καὶ αὐτὴν συγγενῆ ἑαυτῷ Φλαβίαν Δομίτιλλαν ἔχοντα κατέσφαξεν ὁ Δομετιανός· ἐπηνέχθη δὲ ἀμφοῖν ἔγκλημα ἀθεότητος, ὑφ᾽ ἧς οἱ ἄλλοι ἐις τὰ τῶν Ἰουδαίων ἤθη ἐξοκέλλοντες πολλοὶ κατεδικάσθησαν,—въ перев. Ксифилина, Жизнь Домиціана, Римск. Ист. кн. 67, гл. 14. *Евсев*. Церк. Ист. кн. 3, гл. 17—20; *егоже* Хроник. Ἱστορεῖ ὁ Βροῦττος πολλοὺς χριστιανοὺς κατὰ τὸ ἴδιον ἔτος Δομετιανοῦ μεμαρτυρηκέναι.— *Tertull*. Apolog. cap. 5.—*Sveton*. Vita Domit. num. 15.

томъ сосланъ въ заточеніе на островъ Патмосъ. Узнавъ, что въ Палестинѣ между наклонными къ мятежу іудеями находятся въ живыхъ потомки Давида и родственники по плоти Іисуса Христа, внуки Іуды, брата Господня, подозрительный государь приказалъ представить ихъ себѣ; но, увидавъ, что это бѣдные люди, трудами рукъ своихъ добывающіе себѣ пропитаніе, и услыхавъ отъ нихъ, что царство Христово *нѣсть отъ міра сего*, отпустилъ ихъ обратно (1). Напротивъ добрый и кроткій старецъ, императоръ Нерва (96—98 г.) былъ врагомъ доносовъ и тайной клеветы. Первымъ едиктомъ своимъ онъ возвратилъ изъ заточенія всѣхъ, сосланныхъ Домиціаномъ по обвиненію въ христіанствѣ (2). Такимъ образомъ въ короткое правленіе его язычники, при всей ненависти къ христіанамъ, не могли много вредить имъ. Но такъ какъ вѣра христіанская при всемъ томъ почиталась недозволенною; то и въ это время христіане не могли пользоваться совершеннымъ спокойствіемъ. Подвергаясь повсюду подозрѣніямъ, насиліямъ и нападенію, они должны были скрываться отъ язычниковъ, и тѣмъ бѣдственнѣе, вѣроятно, былъ для нихъ новый законъ императора Траяна, изданный въ 99 году противъ тайныхъ обществъ—*έταιρείας* (1).

---

(1) *Егезиппъ* въ Церковн. Истор. Евсев. кн. 3, гл. 19 и 20.

(2) *Ὁ Νερύας τούς τε κρινομένους ἐπ' ἀσεβείᾳ ἀφῆκε, καὶ τοὺς φεύγοντας κατήγαγε*,—*Діон. Касс.* у Ксифил. Жизнь Нервы, Римск. Ист. кн. 68, гл. 1. Поэтому Орозій вѣрнѣе, нежели Евсевій и Тертулліанъ, говоритъ: Hic (Nerva bonus) primo edicto suo *(non Domitianus)* cunctos exules revocavit. Unde et Joannes Apostolus hac generali indulgentia liberatus Ephesum rediit. *Oros*. lib. VII, cap. 7.

(3) Epist. *Plin.* ad Trajanum: Quod ipsum facere *desiisse*, post edictum meum, quo secundum mandata tua hetaerias esse vetueram.

Состоянiе христiанъ со времени Траяна до Марка Аврелiя (98—161 г.).

Изъ всего сказаннаго не трудно замѣтить, что доселѣ язычники пользовались противъ христiанъ законами, запрещавшими не прямо христiанство, которое, дѣйствительно, могло находить себѣ защиту подъ сѣнiю ([1]) дозволенной вѣры iудейской, но тѣ преступленiя, которыя несправедливо почитались соединенными съ исповѣданiемъ его. Наконецъ, когда успѣшное распространенiе христiанства сдѣлалось уже весьма замѣтнымъ, такъ что обратило вниманiе языческаго правительства, явился законъ, направленный противъ него непосредственно. Въ 110 году по Р. Хр., въ царствованiе Траяна (98—117 г.), Плинiй Младшiй былъ правителемъ Виѳинiи и Понта, странъ, въ которыхъ христiанская вѣра, утвердившись со временъ апостольскихъ, распространялась успѣшно. Язычники приводили къ нему на судъ большое множество христiанъ; но, не имѣя никакого опредѣленнаго закона касательно христiанства и не зная поэтому, какъ должно поступать съ обвиняемыми въ исповѣданiи его, онъ обратился къ императору съ просьбою разрѣшить свое недоумѣнiе. Письмо его представляетъ собою единственный памятникъ внѣшняго состоянiя христiанъ въ то время, и, кажется, не излишнимъ будетъ привесть его здѣсь. «Считаю честiю, государь,—писалъ Плинiй,—относиться къ тебѣ за разрѣшенiемъ моихъ сомнѣнiй. Я никогда не былъ при дознанiяхъ и производствѣ дѣлъ о христiанахъ; поэтому не знаю, что и въ

([1]) *Tertull.* Apolog.,—sub umbraculo licitae Judaeorum religionis.

какой мѣрѣ подлежитъ наказанію, или слѣдствію. Надобно ли обращать вниманіе на различіе возрастовъ, или судить и дѣтей равно съ возрастными? Давать ли за раскаяніе прощеніе, или за оставленіе христіанства не избавлять отъ наказанія? Казнить ли за одно имя, хотя бы оно не было соединено съ преступленіями, или за преступленія, оказывающіяся въ связи съ именемъ? Между тѣмъ, когда приводили ко мнѣ обвиняемыхъ въ христіанствѣ, я поступалъ такъ: спрашивалъ ихъ самихъ, дѣйствительно ли они христіане? Сознающихся спрашивалъ въ другой и третій разъ, угрожая наказаніемъ. Не измѣняющихъ показанія повелѣвалъ казнить, такъ какъ не сомнѣвался, что во всякомъ случаѣ, — что́ бы такое ни было то, что они исповѣдуютъ, — одно упрямство и непоколебимая непреклонность заслуживаютъ казни. Подобными безумцами оказалось и нѣсколько римскихъ гражданъ, которыхъ поэтому я назначилъ переслать въ Римъ. Какъ обыкновенно бываетъ, едва затронулъ дѣло, встрѣтилось множество особенностей, видоизмѣняющихъ мѣру преступленія при его распространеніи. Былъ представленъ списокъ безъ подписи автора, съ предложеніемъ, чтобы всѣ, поименованные въ немъ, отреклись, что они не христіане, или не были христіанами. Но когда при мнѣ они поклонились богамъ, почтили ладаномъ и виномъ твое изображеніе, которое я приказалъ для сего принесть вмѣстѣ съ изображеніями божествъ, и сверхъ того произнесли хулу на Христа, а говорятъ, что дѣйствительныхъ христіанъ нельзя принудить ни къ чему этому; тогда я рѣшилъ отпустить ихъ. Одни, поименованные въ спискѣ, сказали, что они христіане, но потомъ тотчасъ же отреклись; другіе, — что содержали христіанство, но оставили, кто болѣе трехъ

лѣтъ тому назадъ, кто еще болѣе, иные даже болѣе двадцати лѣтъ: всѣ почтили и твой образъ, и изображенія боговъ, произнесши хулу на Христа. По ихъ словамъ, все преступленіе или заблужденіе ихъ состояло въ слѣдующемъ: въ опредѣленный день передъ разсвѣтомъ обыкновенно собирались они, пѣли попеременно между собою гимнъ Христу, какбы Богу, и обязывали себя таинствомъ не на злодѣяніе какое либо, но чтобы не воровать, не отнимать чужаго силою, не любодѣйствовать, не обманывать, не утаивать залоговъ. По совершеніи этого, говорили они, всѣ расходились и собирались снова для вкушенія пищи, обыкновенной впрочемъ и невинной, но это послѣднее перестали дѣлать въ слѣдствіе моего едикта, которымъ я, по твоему повелѣнію, запретилъ тайныя собранія (hetaerias). Послѣ такого показанія я счелъ тѣмъ болѣе необходимымъ допросить подъ пытками двухъ служанокъ, которыя звались діакониссами, обо всей правдѣ, но ничего не нашелъ, кромѣ суевѣрія грубаго и безмѣрнаго, и посему рѣшился обратиться къ тебѣ. Дѣло, кажется мнѣ, достойно вниманія, особенно по многочисленности подлежащихъ ему. Множество людей всякаго возраста, пола и состоянія, или уже подвергается суду, или подвергнется; потому что зараза этого суевѣрія распространилась не только на города, но даже на села и деревни. Кажется однако,—можно остановить ее и уничтожить. По крайней мѣрѣ, довольно замѣтно, что храмы, почти уже опустѣвшіе, начали наполняться (1), празднества, давно прервавшіяся, возобновляются и повсюду

(1) Причиною множества отпадшихъ отъ христіанства, по всей вѣроятности, было то, что первоначально крещеніе преподавалось безъ достаточнаго приготовленія и испытанія въ вѣрѣ приступавшихъ къ его принятію.

продаются жертвы, тогда какъ прежде весьма рѣдко можно было видѣть покупателя ихъ. Отсюда легко понять, какое множество людей можетъ исправиться, если дать мѣсто раскаянію» (1). — Отвѣтъ императора былъ таковъ: «въ судѣ надъ христіанами ты поступалъ, какъ должно. Вообще нельзя поставить одного правила, которое служило бы опредѣленною формою для всѣхъ случаевъ. Поисковъ за ними не должно быть; но если ихъ представляютъ на судъ и обвиняютъ, должно казнить, такъ впрочемъ, что если кто отречется отъ христіанства и покажетъ это самымъ дѣломъ, то есть, поклонится нашимъ богамъ, тотъ получаетъ прощеніе за раскаяніе. Безъименные же доносы ни въ какомъ случаѣ не должны быть принимаемы; потому что подобное дѣло можетъ произвесть самыя вредныя послѣдствія и должно быть чуждо времени нашего царствованія» (2). Таковъ былъ первый законъ противъ христіанства. Еще Тертулліанъ замѣчалъ его внутреннее противорѣчіе. «Странный приговоръ», говорилъ онъ; «если ты казнишь христіанъ, какъ виновныхъ, почему же и не отыскиваешь ихъ? Если не отыскиваешь ихъ, какъ невинныхъ, за чѣмъ же казнишь» (3)? Противорѣчіе это впрочемъ исчезаетъ, если смотрѣть не съ чисто нравственной, а съ гражданской точки зрѣнія языческаго законодателя. Не осуждая христіанской вѣры, но въ тоже время не признавая ее и государственною, Траянъ имѣлъ въ виду наказывать только публичность неповиновенія общественнымъ законамъ, служившимъ къ поддержанію народной вѣры, считая причину такого неповиновенія саму по себѣ неважною и

(1) Epistol. *Plinii Jun.* lib. 10, epist. 97.
(2) Ibidem, epist. 98.
(3) Apologet. cap. 2.

не заслуживающею казни. Итакъ, хотя законъ его, какъ и законы его преемниковъ до Марка Аврелія, отчасти ограждалъ христіанъ отъ нападеній язычниковъ, не признавая христіанства преступленіемъ самимъ по себѣ, запрещая безъименные доносы и устанавливая, слѣдовательно, правильное судопроизводство надъ ними; во всякомъ случаѣ, пользуясь имъ, язычники могли теперь прямо достигать того, къ чему прежде приходили косвенными путями, и положеніе христіанъ въ римской имперіи должно было поэтому со времени изданія его сдѣлаться стѣснительнѣе. Областнымъ правителямъ, которые равнодушно могли произносить смертные приговоры, или сами раздѣляли мнѣнія народа, открылась полная свобода приносить христіанъ въ жертву народнаго фанатизма, для пріобрѣтенія тѣмъ любви къ себѣ. При преемникѣ Траяна, Адріанѣ (117—138 г.), они могли думать, что усердіе въ гоненіи на христіанъ доставитъ имъ благосклонность даже императора; такъ какъ всѣмъ извѣстна была его набожная преданность отечественному идолослуженію. Когда въ 124-мъ году, путешествуя по Греціи, онъ посвятилъ себя въ еллинскія мистеріи, враги христіанства сочли это знакомъ усилить нападеніе на Церковь. Не стѣсняя себя законными формами судопроизводства, народъ требовалъ повсюду немедленной казни христіанъ, какъ преступниковъ, безъ всякихъ допросовъ, справокъ и отлагательствъ. Два ученыхъ христіанина, Кодратъ и Аристидъ, представили тогда государю свои апологіи, или сочиненія, написанныя въ защиту своей вѣры. Трудно рѣшить, имѣли ли они на него какое нибудь вліяніе; во всякомъ случаѣ ревность его къ древней римской вѣрѣ была не столько велика, чтобы подавить свойственную ему любовь къ справедливости. Не-

чуждые справедливости областные правители также не могли одобрять совершенія казни безъ законнаго изслѣдованія дѣла, въ удовлетвореніе только воплямъ черни. Проконсулъ Малой Азіи Серенній Граніанъ жаловался на затруднительное положеніе, въ какое ставятъ областнаго правителя подобные случаи, и это было поводомъ новаго закона касательно христіанъ, изданнаго Адріаномъ на имя преемника Серенніева Минуція Фундана и другихъ проконсуловъ. Ненависть, по которой язычники обвиняли христіанъ въ мнимыхъ преступленіяхъ, не довольствуясь осуждать ихъ за одну вѣру, послужила въ настоящемъ случаѣ на пользу Церкви. Находя, что, безъ соблюденія правильности въ судопроизводствѣ, невинные могутъ подвергаться одной участи вмѣстѣ съ виновными, Адріанъ повелѣлъ принимать только правильные доносы на христіанъ, за справедливость которыхъ доносчикъ отвѣчалъ бы предъ судомъ, а извѣты и вопли толпы оставлять безъ вниманія, притомъ—обращать вниманіе на личную правдивость доносчиковъ и рѣшать дѣло такъ, что если обвиняемые дѣйствительно окажутся виновными въ нарушеніи законовъ, то должны подлежать казни по мѣрѣ преступленія, если же окажутся невинными, то долженъ быть наказанъ доносчикъ, какъ злодѣй (1). Высказанною въ законѣ цѣлію такого постановленія было оградить вообще невинныхъ людей отъ злонамѣренности клеветниковъ, которые, грозя несправедливымъ обвиненіемъ въ нарушеніи законовъ, могли вынуждать у нихъ

(1) Церк. Ист. *Евсев.* кн. 4, гл. 9. Подлинность закона видна не только изъ апологіи Мелитона (тамъ же, гл. 26), поданной Марку Аврелію, но и изъ умѣренности выраженій снисходительныхъ къ христіанамъ. Конечно, не безъ причины древніе христіане называли Адріана *πανάριστος ἀνήρ*.

всякаго рода пожертвованія, или дѣйствительно подвергать ихъ осужденію по личной непріязни (1). Ограждая частію безопасность христіанъ, законъ этотъ не могъ однакоже доставить имъ полнаго спокойствія, по своей неопредѣленности. Если Адріанъ имѣлъ въ виду осуждать не самое христіанство, а только преступленія, приписываемыя ему; тогда онъ поставлялъ христіанскую вѣру на ряду съ дозволенными родами богослуженій: но если бы дѣйствительно онъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать христіанскую вѣру дозволенною; то долженъ бы былъ выразить опредѣленнѣе, что онъ разумѣетъ подъ нарушеніемъ законовъ. Это особенно нужно было послѣ Траянова закона, которымъ одно соблюденіе христіанской вѣры, неразрывное съ явнымъ отверженіемъ идолопоклонства, признавалось уже дѣйствіемъ противозаконнымъ. Конечно, безпорядочные вопли толпы перестали быть опасными для христіанъ; но во всякомъ случаѣ только снисходительные къ христіанству областные правители могли пользоваться закономъ Адріана къ совершенному огражденію ихъ отъ страданій за вѣру. Тертулліанъ указываетъ нѣсколько примѣровъ тому. Такъ Цинцій Северъ постановилъ форму, какъ должны отвѣчать христіане, представленные въ судъ, чтобы быть отпущенными. Веспроній Кандидъ отпускалъ христіанъ свободными подъ предлогомъ, что противозаконно было бы выслушивать при судѣ надъ ними вопли черни и тѣмъ поддерживать въ городѣ безпорядокъ. Пуденцій, увидавъ изъ донесенія, при которомъ присланъ былъ къ нему христіанинъ, что

(1) *Евсев.* *ἵνα μὴ τοῖς συκοφάνταις χορηγία κακουργίας παρασχεθῇ*,—*Руфинъ*: ne calumniatoribus *latrocinandi* tribuatur occasio. Такъ, напримѣръ, язычникъ могъ грозить язычнику же обвиненіемъ въ христіанствѣ, слѣдовательно, темничнымъ заключеніемъ и дальнѣйшими опасностями!

обвиненный былъ схваченъ толпою народа, отпустилъ его свободнымъ, рѣшивъ, что въ слѣдствіе закона онъ не можетъ судить человѣка, котораго никто лично не обвиняетъ (1).

Не расположеніе къ христіанству, но чувство справедливости побудило императора Адріана къ изданію такого постановленія. Какъ усердный почитатель отечественнаго язычества, онъ не любилъ иноземныхъ родовъ богопочтенія (2), и о христіанствѣ, въ письмѣ своемъ (3) къ консулу Сервіану объ александрійцахъ, отзывался весьма неуважительно на ряду съ египетскимъ идолопоклонствомъ Серапису (4). Между тѣмъ въ то самое время, какъ язычники принуждены были такимъ образомъ ослабить нападеніе на Церковь, неожиданно поднялось жестокое гоненіе отъ іудеевъ. Они возмутились противъ римлянъ подъ предводительствомъ лжемессіи Варкохава и, желая принудить христіанъ къ участію въ своемъ изувѣрствѣ и мятежѣ, предавали ихъ жестокимъ мученіямъ и смерти въ Палестинѣ и сопредѣльныхъ областяхъ (5).

---

(1) Epist. ad Scapul. cap. 4.

(2) *Aelii Spartiani* Vita Hadriani, cap. 22.

(3) *Flavii Vopisci* Vita Saturnini, cap. 2.—*Bullet*, Hist. de l'etabliss. du christ., Paris, 1825 an., pag. 219—220.

(4) Поэтому недостовѣренъ слухъ, передаваемый Эліемъ Лампридіемъ, писателемъ, жившимъ въ началѣ 4-го вѣка, будто Адріанъ имѣлъ намѣреніе включить Іисуса Христа въ число римскихъ боговъ *и съ этою цѣлію* устроилъ во всѣхъ городахъ храмы безъ истукановъ, называвшіеся Адріановыми, но что жрецы отсовѣтовали ему это, сказавъ, что тогда всѣ примутъ христіанство (*Lamprid.* Vita Alex. Sever. cap. 24). Подобное мнѣніе могло образоваться такъ, что, не зная назначенія Адріановыхъ храмовъ, любопытные въ послѣдствіи хотѣли какъ нибудь объяснить его; между тѣмъ Адріанъ извѣстенъ былъ закономъ благодѣтельнымъ для христіанства, а потому приписали и ему то, что извѣстно было о другомъ императорѣ, благосклонномъ къ христіанамъ, Александрѣ Северѣ.

(5) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 4, гл. 8.

Со смертію императора Адріана, дѣйствіе благодѣтельнаго для христіанъ закона его окончилось. Разныя общественныя несчастія, въ царствованіе преемника его Антонина Нѣжнаго (138—161 г.) постигавшія римскую имперію, какъ то: голодъ, наводненіе Тибра, землетрясеніе въ Малой Азіи и на островѣ Родосѣ, опустошительные пожары въ Римѣ, Антіохіи и Карѳагенѣ [1], снова пробудили въ язычникахъ фанатическую ожесточенность противъ христіанъ. Кроткій и человѣколюбивый, Антонинъ не могъ быть доволенъ вспышками народной ненависти при такихъ случаяхъ: онъ писалъ жителямъ разныхъ городовъ, между прочимъ ларисcянамъ, солунянамъ и всѣмъ грекамъ, чтобы относительно христіанъ они не предпринимали ничего новаго [2]. Этотъ государь сдѣлалъ для христіанъ даже еще болѣе, если только подлинно предписаніе его, а отнюдь не преемника его Марка Аврелія, азійскому обществу (πρὸς τὸ Κοινὸν τῆς Ἀσίας); потому что въ немъ ясно выражено, что христіанъ не должно осуждать, если они не обнаруживаютъ никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ римскаго правительства, и что если кто станетъ обвинять кого либо только въ томъ, что онъ христіанинъ, то обвиняемаго освобождать отъ суда, хотя бы онъ оказался дѣйствительно христіаниномъ, а обвинителя подвергать суду [3]. Но сочинитель предписанія выражается языкомъ приличнымъ болѣе христіанину, нежели языческому императору и притомъ такому, который былъ особенно преданъ церемоніямъ римскаго народа. По крайней мѣрѣ, послѣдующія

---

(1) *Julii Capitolini* Vita Antonini Pii, cap. 9.
(2) *Мелитона* апол. въ Церк. Истор. *Евсев.* кн. 4, гл. 26.
(3) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 4, гл. 13.

событія нисколько не намекаютъ на предварительное существованіе его ([1]).

Гоненіе Марка Аврелія (161—180 г.)

Въ правленіе слѣдующаго императора, Марка Аврелія Философа, новыя общественныя бѣдствія, въ особенности опустошительная зараза, распространившаяся изъ Еѳіопіи постепенно по всѣмъ областямъ римскаго государства, навлекли на христіанъ новое нападеніе. Въ это время жилъ въ Малой Азіи лжепророкъ и мнимый волхвъ Александръ. Пользуясь необыкновеннымъ уваженіемъ у язычниковъ, онъ всячески старался поддерживать въ нихъ ненависть къ христіанству: жаловался, что весь Понтъ полонъ безбожниками и христіанами, требовалъ, чтобы народъ преслѣдовалъ ихъ, если не хочетъ навлечь на себя гнѣва боговъ, и не иначе начиналъ показывать свои мнимыя чудеса, какъ провозгласивъ напередъ: прочь отсюда безбожниковъ, епикурейцевъ, христіанъ ([2]). Но еслибы все происходило только отъ народнаго фанатизма и еслибы царствовавшій государь смотрѣлъ на гоненія подобно своимъ предшественникамъ; то и онъ, конечно, успѣлъ бы остановить или, по крайней мѣрѣ, укротить ихъ. Напротивъ оказывается, что въ его правленіе народъ и власть верховная взаимно соединились противъ Церкви. Въ Малой Азіи воздвигнуто было на христіанъ

([1]) Евсевій, приведя его, какбы въ доказательство подлинности указываетъ на апологію Мелитона; но въ отрывкѣ апологіи (см. кн. 4, гл. 26) объ этомъ собственно предписаніи не упомянуто, между тѣмъ какъ говорится о менѣе важныхъ посланіяхъ въ ларисcянамъ и проч.

([2]) *Luciani* Alexander sev Psevdomantis. Opp. tom. 1, edit. Basileae, ann. 1563, pag. 561 et 562.

такое жестокое гоненіе, что Мелитонъ, епископъ сардійскій, рѣшился обратиться съ просьбою о защитѣ къ императору. «Нынѣ, чего никогда еще не бывало,» писалъ онъ, «подвергается гоненію и преслѣдуется *новыми* едиктами родъ людей богобоязненныхъ. Безстыдные доносчики и искатели чужаго, находя себѣ въ нихъ поводъ, явно разбойничаютъ, днемъ и ночью грабятъ жителей, ни въ чемъ не виноватыхъ. И если это дѣлается по твоему повелѣнію, пусть дѣлается такъ; царь справедливый не захочетъ чего либо несправедливаго. Въ такомъ случаѣ мы съ удовольствіемъ принимаемъ честь идти на смерть и просимъ тебя только объ одномъ,— чтобы ты самъ напередъ узналъ подвижниковъ гонимаго упрямства и потомъ рѣшилъ, смерти ли и наказанія достойны они, или освобожденія и спокойствія. Если же это опредѣленіе и *новый едиктъ*, котораго не заслуживаетъ даже непріязненность варваровъ, вышли не отъ тебя; то мы еще болѣе просимъ не презрѣть насъ среди столь явнаго грабительства» (¹).—Въ самомъ дѣлѣ, неужели Маркъ Аврелій, мудрый государь и философъ, дѣйствительно самъ былъ гонителемъ христіанства? — Правда, можно было въ слѣдствіе доносовъ осуждать христіанъ за одну вѣру или, какъ выражались язычники, за одно упрямство—въ отверженіи язычества, по закону Траяна, и законъ этотъ никогда не былъ отмѣненъ, хотя при кроткихъ преемникахъ Траяновыхъ не исполнялся строго. Но Мелитонъ говоритъ, что въ Малой Азіи объявленъ новый едиктъ, поощряющій доносы и столько жестокій, что его не заслужили бы даже варвары. Въ царствованіе Марка Аврелія это странно тѣмъ болѣе, что онъ не

(¹) *Евсев.* Церк. Истор. кн. 4, гл. 26.

любилъ доносчиковъ и вообще имѣлъ правиломъ умѣрять строгость наказаній, полагаемыхъ законами за преступленія (1). Съ другой стороны трудно представить, чтобы едиктъ былъ объявленъ проконсуломъ самовольно. И Мелитонъ, не смотря на двоякое предположеніе въ своихъ словахъ, которыя показываютъ въ немъ столько же христіанской мудрости, сколько чувства истиннаго достоинства, очевидно, былъ увѣренъ, что онъ принадлежалъ самому императору. Благоразумный пастырь Церкви выразился нерѣшительно, по всей вѣроятности, съ цѣлію успѣшнѣе такимъ образомъ произвесть перемѣну въ понятіяхъ и распоряженіяхъ государя, не оскорбляя его прямымъ укоромъ въ несправедливости. Надобно, слѣдовательно, думать, что Маркъ Аврелій дѣйствительно былъ жестокимъ гонителемъ христіанства. Вникнувъ пристальнѣе въ его образъ мыслей, можно убѣдиться въ этомъ окончательно.

Характеръ гонителя.

Какъ стоикъ, онъ уважалъ спокойствіе духа при видѣ смерти, но только тогда, когда оно соединено съ равнодушіемъ, проистекаетъ изъ холоднаго самоотреченія и есть плодъ разсудочныхъ убѣжденій. Горячее одушевленіе, съ которымъ шли на смерть христіане и которое проистекало изъ живой *вѣры* въ будущую жизнь, изъ *чувствъ* любви къ Богу и надежды на Его милосердіе, должно было поэтому казаться ему слѣпымъ сумасбродствомъ; потому что до ихъ убѣжденія, изъ котораго

(1) *Julii Capitolini* Vita Marc. Avrel. cap. 11, cap. 24.

проистекало это одушевленіе, нельзя было дойти никакими философскими умствованіями. То, что давало христіанину рѣшимость лучше умереть, нежели покориться закону, требовавшему идолопоклонства, было такъ же мало понятно и такъ же казалось слѣпымъ упрямствомъ для Марка Аврелія, какъ и для Плинія; но въ немъ къ нетерпимости гражданской должна была присоединиться нетерпимость философская. Искренній стоикъ, онъ, конечно, не былъ чуждъ философскаго фанатизма, который не менѣе отличается нетерпимостію понятій, несогласныхъ съ принятою системою, и ревностію къ гоненію на нихъ, какъ и всякій другой фанатизмъ. Платонъ для счастія государства считалъ необходимымъ, чтобы правитель былъ философомъ (1): хорошо, если бы его философіею была сама мудрость; но ничего нѣтъ хуже, если это — приверженность къ какой нибудь философской школѣ. «Готовность къ смерти», пишетъ государь — философъ въ своихъ Монологахъ (2), «должна проистекать изъ собственнаго размышленія каждаго, а не изъ одного только упрямства, какъ у христіанъ, и надобно встрѣчать смерть съ достоинствомъ и превосходствомъ предъ нею, а не съ хвастовствомъ и ложнымъ блескомъ». Итакъ, если даже онъ не считалъ христіанъ нравственно виновными и не вѣрилъ молвѣ народной, и тогда, смотря на нихъ, какъ на опасныхъ для общественнаго порядка и твердости законовъ, полупомѣшанныхъ мечтателей, презираю-

(1) *Lactant*. Institut. Div. lib. 3, cap. 21.

(2) Lib. 11, cap. 3: *δια ἐςιν ἡ ψυχὴ ἡ ἕτοιμος, ἐὰν ἤδη ἀπολυθῆναι δέῃ τοῦ σώματος, καὶ ἤτοι σβεσθῆναι, ἢ σκεδασθῆναι, ἢ συμμεῖναι. τὸ δὲ ἕτοιμον τοῦτο ἵνα ἀπὸ ἰδικῆς κρίσεως ἔρχηται, μὴ κατὰ ψιλὴν παρατάξιν, ὡς οἱ χριςιανοί, ἀλλὰ λελογισμένως καὶ σεμνῶς, καὶ ὥςε καὶ ἄλλον πεῖσαι ἀτραγῴδως.*

щихъ жизнь и въ самозабвеніи ищущихъ смерти [1], онъ могъ счесть необходимымъ, при быстромъ распространеніи христіанства, взять строгія мѣры къ пресѣченію этого мнимаго зла.—Несправедливо однако было бы видѣть въ Маркѣ Авреліѣ только философа, сообразующаго всѣ свои поступки съ принятою системою. Онъ былъ младенчески преданъ отечественному идолослуженію, наслѣдовавъ эту преданность, какъ самъ говоритъ, отъ своей благочестивой матери, хотя и старался избѣгать его суевѣрій [2]. Онъ вѣрилъ, напримѣръ, вмѣстѣ съ современными ему язычниками, что боги во снахъ открываютъ средства для излеченія болѣзней, и былъ увѣренъ, что самъ получалъ неоднократно такія пособія и внушенія, бывъ больнымъ. Когда зараза, свирѣпствовавшая при немъ, распространилась по Италіи, онъ видѣлъ въ этомъ знакъ свыше возстановить древнее идолослуженіе во всей точности, отвсюду созвалъ тогда жрецовъ въ Римъ, и тѣми же многочисленными празднествами, отъ которыхъ, по его мнѣнію, могла прекратиться зараза, онъ ознаменовалъ свое отправленіе на войну противъ маркоманновъ [3]. Даже язычники смѣялись надъ безчисленностію жертвъ, которыя по его приказанію были принесены во время приготовленій къ этому походу [4]. Понятно такимъ обра-

---

(1) См. рѣчи Цепилія въ Октавіѣ *Минуц. Феликс.* гл. 8, гл. 12 и др. Purpuras despiciunt, ipsi seminudi... pallidi, trepidi.... desperati, biaeothanati (*βιάιως*—насильно и *θάνατος*—смерть), semaxii, sarmentitii, — *Tertull.* Apaloget. cap. 48. — Pro mira stultitia et incredibili audacia, spernunt tormenta praesentia, dum incerta metuunt et futura, et dum mori post mortem timent, interim mori non timent,—cap. 8 *Min. Fel.*

(2) Monolog. lib. 11, cap. 18.

(3) *Julii Capitolini* Vita Marc. Avr. cap. 13, cap. 21.

(4) Амміанъ Марцеллинъ (кн. 25, гл. 4) сохранилъ современную эпиграмму на его усердіе къ жертвоприношеніямъ въ то время: *οἱ λευκοὶ βόες Μάρκῳ τῷ Καίσαρι· ἂν σὺ νικήσῃς, ἡμεῖς ἀπωλόμεθα.*

зомъ, что не только по философскимъ, но и по религіознымъ своимъ понятіямъ, Маркъ Аврелій долженъ былъ сдѣлаться строгимъ гонителемъ христіанства, сколько могла дозволить ему это кротость его характера, по которой онъ старался ограничивать смертные приговоры. Въ судѣ надъ преступниками цѣлію его было не наказаніе ихъ, а пресѣченіе зла, и добрый государь охотно давалъ прощеніе всякому, кто раскаявался въ своихъ преступленіяхъ, даже въ такихъ случаяхъ, когда могъ бы наказывать, нисколько не показавшись строгимъ (1); но христіане не могли сознавать предъ нимъ своей виновности и должны были непоколебимо *упорствовать* въ томъ, что было запрещено законами. Поэтому очень вѣроятно, что онъ повелѣлъ употреблять предварительно всѣ средства, чтобы вынуждать у нихъ отреченіе отъ вѣры, и произносить надъ ними смертный приговоръ только въ крайнемъ случаѣ, когда рѣшительно не представлялось возможности отклонить ихъ отъ нея. Такъ, худо разсчитанное человѣколюбіе, конечно, могло дать поводъ къ жестокостямъ.

Характеръ гоненія.

Двѣ новыхъ особенности представляются въ гоненіяхъ съ этого времени. Законъ Траяна запрещалъ отъискивать христіанъ; теперь, напротивъ, мѣстнымъ властямъ повелѣно было тщательно искáть ихъ, хотя народъ въ своемъ ожесточеніи часто дѣлалъ это излишнимъ, предваряя самъ законные поиски, производимые гражданскими властями. «Сколько невѣрующихъ, столько и враговъ

(1) *Jul. Cap.* Vita M. A. cap. 13.

у насъ», говоритъ Тертулліанъ [1]. «Іудеи по зависти, воины по алчности къ грабежу, рабы по низости своей природы, вседневно слѣдятъ за нами, вседневно предаютъ насъ, постоянно вторгаются насильственнымъ образомъ даже въ мѣста нашихъ богослужебныхъ собраній». Поэтому христіане часто должны были скрываться, чтобы спастись отъ преслѣдователей, какъ это видно изъ современныхъ повѣствованій объ извѣстныхъ гоненіяхъ того времени и словъ также современника ихъ, Цельса. Во вторыхъ, доселѣ, если кто обвиненъ былъ предъ судомъ въ христіанствѣ и не могъ уже избавиться отъ осужденія, то, послѣ двукратнаго предложенія объ отреченіи отъ вѣры, не прибѣгая къ пыткамъ, его осуждали прямо на смерть. Теперь, напротивъ, употреблялись продолжительныя пытки съ цѣлію склонить христіанъ къ отреченію, и смертный приговоръ произносился большею частію послѣ долгихъ мученій. Такому порядку гоненія вполнѣ соотвѣтствуетъ законъ, сохранившійся въ актахъ мученика Симфоріана и въ разныхъ манускриптахъ ихъ озаглавливаемый именами императоровъ, то Авреліана, то Аврелія, но, по всей вѣроятности, принадлежащій Марку Аврелію [1]. Содержаніе его таково. «Находя, что называющіе себя въ наши времена христіанами суть нарушители законовъ, повелѣваемъ разъискивать ихъ и,

---

(1) Apologet. cap. 7.

(2) *У Оригена* прот. Цельса, кн. 8, § 43, стр. 773, по издан. *Car. Delarue*, Paris. 1733: *ἤτοι φεύγοντες καὶ κρυπτόμενοι ἢ ἁλισκόμενοι καὶ ἀπολλύμενοι*. Кн. 8, § 69, стр. 793: *ὑμῶν δὲ κἂν πλανᾶταί τις ἔτι λανθάνων, ἀλλὰ ζητεῖται πρὸς θανάτου δίκην*.

(3) Руинарцій не усумнился озаглавить его именемъ Аврелія согласно съ однимъ изъ трехъ древнихъ манускриптовъ (Codex Rosbacensis,— vid. Acta Martyr. pag. 78 — 83, edit. Amstelaedami 1713 an.). По ходу мыслей, оффиціальному языку, согласію съ историческими свидѣтельствами, древности самыхъ актовъ, подлинность приведеннаго закона не должна быть заподозриваема; но еслибы онъ принадлежалъ Авреліа-

если они не согласятся приносить жертвы нашимъ богамъ, подвергать разнымъ мученіямъ, но такъ, чтобы строгость не преступала предѣловъ справедливости и наказаніе прекращалось, какъ скоро достигнута цѣль—пресѣченіе преступленій». Послѣднее выраженіе совершенно въ духѣ Марка Аврелія: начальства всегда должны имѣть въ виду цѣль—подавить христіанство, несовмѣстное съ государственнымъ идолослуженіемъ, возвратить отступившихъ къ почитанію римскихъ боговъ и отнюдь не дѣйствовать съ слѣпою жестокостію; но такое отвлеченное наставленіе, конечно, не могло на самомъ дѣлѣ ограничивать прихотливую жестокость языческаго начальника, какъ скоро онъ былъ раздраженъ очевидною безполезностію своихъ усилій въ отклоненіи мучимыхъ христіанъ отъ вѣры (1).

Примѣры гоненія по мѣстамъ.

1) Надобно, наконецъ, представить нѣсколько примѣровъ настоящаго гоненія, чтобы видѣть дѣйствія христі-

---

ну, то и смерть мученика, въ актахъ котораго онъ сохранился, должно было бы относить къ царствованію тогоже государя, а это невѣроятно, такъ какъ гоненія тогда не было, и христіанская вѣра, бывъ признана дозволенною, не могла уже почитаться нарушеніемъ законовъ. Луціемъ Авреліемъ Коммодомъ онъ не могъ быть изданъ; потому что Коммодъ былъ благосклоненъ къ христіанамъ. Итакъ его можно приписать только Марку Аврелію Антонину.

(1) Въ Пандектахъ Марку Аврелію приписывается еще законъ: Relegandum ad insulam qui aliquid fecerit, quo leves hominum animi superstitione numinis terreantur. Хотя этотъ законъ могъ быть направленъ и не противъ только христіанъ; но и христіанъ осуждали на основаніи его, какъ видно изъ посланія св. Діонисія коринѳскаго къ римской Церкви. См. Церк. Ист. *Евсев.* кн. 4, гл. 23. Cf. Luciani et Celsi opiniones.

анъ среди его. Историческіе памятники представляютъ теперь полную возможность для этого. Во первыхъ, до нашего времени сохранилось трогательное посланіе церкви смирнской къ филадельфійской и всѣмъ другимъ церквамъ о гоненіи, бывшемъ въ Смирнѣ въ 167 году, во время котораго пострадалъ достоблаженный и святый Поликарпъ, епископъ смирнскій, ученикъ апостола Іоанна ([1]). Проконсулъ Стацій Квадратъ, управлявшій въ то время Малою Азіею, самъ, по видимому, не расположенъ былъ къ гоненію, но народъ, подстрекаемый іудеями, требовалъ христіанской крови неотступно. Уступая волѣ народа и предписаніямъ законовъ, онъ старался дѣйствовать на христіанъ сперва угрозами и видомъ орудій мученія, потомъ прибѣгалъ и къ продолжительнымъ пыткамъ, вѣроятно, когда замѣчалъ въ комъ либо изъ страдавшихъ слабость и колебаніе, но иногда, видя безполезность ихъ, послѣ угрозъ непосредственно произносилъ смертный приговоръ. Мучительные роды смерти, на которые по жестокой прихоти народа онъ осуждалъ мучениковъ, какъ то: сожженіе на кострѣ и растерзаніе дикими звѣрями, могли не казаться ему жестокостію; потому что они употреблялись обыкновенно при наказаніи людей, не пользовавшихся правами римскаго гражданства и виновныхъ въ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ молва обвиняла христіанъ ([2]).

([1]) Отрывочно въ Церк. Ист. *Евсев.* кн. 4, гл. 15. Вполнѣ по переводу съ Клерикова изданія Patres Apostolici въ Христ. Чт. 1821 г., ч. 1, стр. 125—140.—*Ruinart.* Acta Martyr. pag. 28—52, въ текстахъ латинскомъ и греческомъ по изданію Котелерія.

([2]) Qui sacra impia nocturna ve, ut quem obcantarent, fecerint facienda ve curaverint, aut cruci suffiguntur, aut bestiis objiciuntur. Qui hominem immolaverint, sive ejus sanguine litaverint, fanum templum ve polluerint, bestiis objiciuntur, vel si honestiores sint; capite puniuntur. Magicae artis conscios summo supplicio affici placuit, id est, bestiis objici aut cruci suffigi, ipsi autem magi vivi exuruntur. *Jul. Pavlus* in Sententiis Receptis.

Среди жестокихъ страданій и продолжительныхъ пытокъ, заставлявшихъ даже многихъ изъ зрителей проливать слезы, мученики оставались спокойны и неизмѣнны въ терпѣніи, не дозволяя себѣ ни жалобъ, ни стоновъ. «Они показали всѣмъ намъ», пишутъ смирнскіе христіане, «что во время мученій были внѣ тѣла, или лучше, что самъ Господь укрѣплялъ ихъ, бесѣдуя съ ними, и, взирая, на благодать Христову, они презирали мірскія казни». Здѣсь стало явнымъ различіе между спокойною разумною рѣшимостію всѣмъ жертвовать за истинную вѣру, въ надеждѣ на укрѣпляющую помощь Божію, и фанатическимъ увлеченіемъ, самонадѣянно ищущимъ опасности и исчезающимъ при дѣйствительной встрѣчѣ съ нею. Нѣкто Квинтъ фригіянинъ, увлекшись самонадѣянностію и уговоривши нѣсколько другихъ христіанъ, подобныхъ себѣ по неразумію, самъ явился съ ними на судъ къ проконсулу, объявилъ себя христіаниномъ и самохвально вызвался на всѣ мученія за истинную вѣру,—поступокъ, который давалъ язычникамъ поводъ смотрѣть на христіанъ, какъ на опасныхъ фанатиковъ, съ слѣпою хвастливостію предающихся смерти, и котораго христіанская Церковь никогда не одобряла!—Но когда проконсулъ, послѣ долгихъ угрозъ, повелѣлъ предать несчастнаго на растерзаніе дикихъ звѣрей, горячность его уничтожилась, онъ отрекся отъ вѣры и принесъ жертву идоламъ. «Посему, братія», говорится далѣе въ посланіи, «мы не одобряемъ тѣхъ, которые предаются на мученіе сами; ибо не такъ учитъ евангеліе». Не такъ поступилъ и девяностолѣтній епископъ Поликарпъ. Услышавъ о воплях̆ъ народа, требовавшаго его смерти, онъ сначала хотѣлъ остаться въ городѣ и спокойно ожидать воли Божіей, но потомъ склонился на просьбы близкихъ къ себѣ людей и удалился въ одну недальнюю отъ города деревню. Тамъ,

въ обществѣ небольшаго числа христіанъ, онъ проводилъ день и ночь въ молитвѣ, молясь по своему обыкновенію за всѣхъ людей и за всѣ церкви. Когда его нашли здѣсь, онъ перешелъ въ другое селеніе. Искавшіе немедленно явились и сюда, и хотя уже не застали его, но одинъ изъ двухъ малолѣтнихъ рабовъ подъ пыткою открылъ имъ его новое убѣжище. Когда такимъ образомъ нашли его снова, онъ могъ удалиться и отсюда въ другое мѣсто, но, видя неизбѣжность опасности, не захотѣлъ и сказалъ: да будетъ воля Господня! Поэтому онъ показался сыщикамъ, приказалъ предложить имъ пить и ѣсть, сколько они хотѣли, а для себя попросилъ только немного времени, чтобы безпрепятственно помолиться. Два часа молился онъ немолчно, бывъ исполненъ благодати Божіей, такъ что даже язычники были тронуты благоговѣйностію его молитвы. Потомъ преслѣдователи отправились съ нимъ въ городъ. На пути встрѣтилъ его самъ иринархъ Иродъ и, пересадивъ въ свою повозку, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ сталъ дружески говорить ему: что худаго сказать: господи кесарь,— принесть жертву и тѣмъ спасти себѣ жизнь? Святый епископъ сначала ничего не говорилъ на это, но когда они начали настоятельно убѣждать его, отвѣтилъ имъ спокойно: я не намѣренъ дѣлать того, что вы мнѣ совѣтуете. Увидавъ безполезность убѣжденій, они столкнули его изъ своей повозки съ такою силою, что онъ, упавши, вывихнулъ ногу. Не обративъ на это вниманія, св. Поликарпъ поспѣшно продолжалъ путь далѣе, какъ будто съ нимъ не случилось ничего непріятнаго. Когда привели его на судебную площадь, при шумѣ окружавшаго ее народа проконсулъ сказалъ ему: поклянись геніемъ кесаря, раскайся, произнеси хулу на Христа, и я отпущу тебя. Но онъ отвѣчалъ: «восемьдесятъ шесть лѣтъ я служу Ему и

видѣлъ отъ Него только доброе; могу ли хулить Царя моего и Спасителя»! Послѣ новыхъ увѣщаній проконсула, св. Поликарпъ продолжалъ: «напрасна честолюбивая надежда твоя убѣдить меня къ отреченію и напрасно притворяешься ты незнающимъ, кто я. Открыто объявляю, что я христіанинъ. Если же хочешь знать, въ чемъ состоитъ ученіе христіанское, назначь день и выслушай».— Убѣди народъ, отвѣчалъ проконсулъ, показывая этимъ, какъ мало собственно самъ онъ расположенъ былъ къ гоненію. Но святитель продолжалъ далѣе: «тебя я удостоиваю слышать отъ меня оправданіе, потому что мы научены воздавать должную честь поставленнымъ отъ Бога начальствамъ и властямъ, пока это безвредно для нашего спасенія, а ихъ я считаю недостойными того, чтобы предъ ними защищаться». И въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ сталъ говорить теперь фанатической толпѣ народа, громко требовавшей его казни, о святости евангельскихъ истинъ, не значило ли бы это—бросать бисеръ предъ свиніями! Послѣ тщетныхъ угрозъ дикими звѣрями и сожженіемъ на кострѣ, проконсулъ приказалъ провозвѣстнику трижды объявить среди площади, что Поликарпъ исповѣдалъ себя христіаниномъ. Въ этомъ заключался уже смертный приговоръ. Народъ отвѣчалъ на объявленіе неукротимымъ крикомъ: это учитель нечестія, отецъ христіанъ, истребитель нашихъ боговъ! И такъ какъ проконсулъ согласился на требованіе его сжечь Поликарпа; то костеръ явился скорѣе, чѣмъ произнесено повелѣніе, при чемъ особенно усердно дѣйствовали, по своему обыкновенію, іудеи. Когда хотѣли пригвоздить святаго мученика къ столбу на кострѣ, онъ сказалъ: «оставьте меня такъ. Тотъ, кто даетъ мнѣ силы терпѣть сожженіе, дастъ силы и безъ гвоздей быть на кострѣ неподвижнымъ». Наконецъ, предъ

самымъ временемъ зажженія костра, онъ произнесъ молитву: «Господи, Боже Вседержитель, Отче возлюбленнаго и благословеннаго Сына твоего, Іисуса Христа, чрезъ котораго мы получили познаніе о Тебѣ, Боже ангеловъ и Силъ и всякаго созданія и всего рода праведныхъ, живущихъ предъ Тобою, благодарю Тебя, что Ты удостоилъ меня въ сей день и часъ принять участіе въ числѣ свидѣтелей (1) твоихъ и въ чашѣ Христа твоего»! — Смирнская церковь указывала въ смерти своего епископа «примѣръ, каково должно быть мученичество по духу евангелія; ибо онъ подобно Господу», говорится въ посланіи, «ожидалъ страданія до тѣхъ поръ, пока не былъ преданъ (а не спѣшилъ къ мученичеству самовольно, безъ призванія), дабы и мы подражали ему въ томъ, имѣя въ виду не собственное только благо, но и благо ближнихъ, такъ какъ истинной и твердой любви свойственно не себѣ только искать спасенія, но и всѣмъ братіямъ». — Даже и для земнаго благосостоянія церкви полезна была мученическая кончина добраго пастыря. Насытившись такою жертвою, фанатизмъ народа охладѣлъ; поэтому проконсулъ, не бывъ лично расположенъ преслѣдовать христіанъ, прекратилъ поиски и не хотѣлъ знать, чтобы христіане существовали еще въ его округѣ.

2) Другой современный памятникъ гоненія, бывшаго при Маркѣ Авреліѣ, представляетъ собою посланіе церквей ліонской и віеннской о страданіяхъ, перенесенныхъ ими въ 177-мъ году (2). Фанатическое свирѣпство народа было здѣсь такъ же велико, какъ и въ Смирнѣ, если не болѣе;

---

(1) Свидѣтелей, то есть, мучениковъ — *μαςτύρων*, какъ назывались страдавшіе за вѣру, примѣнительно къ словамъ Іисуса Христа: *вы же есте свидѣтеліе симъ*, Лук. 24, 48 (*ὑμεῖς δὲ ἐστε μάρτυρες τούτων*).

(2) Церк. Истор. *Евсев*. кн. 5, предисловіе и гл. 1—4.

но въ настоящемъ случаѣ его раздѣляли и гражданскія власти. Вспышки народной ненависти постепенно становились сильнѣе и сильнѣе. Гдѣ только показывались христіане, язычники ругали ихъ, били, грабили, влачили по улицамъ и бросали въ нихъ камнями. Наконецъ они схватили нѣсколько человѣкъ и представили городскимъ властямъ. Схваченные были заключены въ темницу, потому что, по отсутствію проконсула, ихъ не могли судить немедленно. Проконсулъ, прибывши, началъ дѣло пытками, домогаясь не столько принудить христіанъ къ отреченію отъ вѣры, сколько вынудить у нихъ признаніе въ приписываемыхъ имъ молвою нелѣпыхъ и противоестественныхъ порокахъ.—Смирнскій проконсулъ былъ еще столько благоразуменъ, что не обращалъ вниманія на подобные слухи.—Одинъ молодой человѣкъ, благороднаго происхожденія, Веттій Эпагаѳъ, присутствуя при допросѣ въ числѣ зрителей и не имѣя силъ равнодушно слышать дѣлаемыхъ во время пытокъ вопросовъ касательно этихъ обвиненій, потребовалъ, чтобы ему дозволено было говорить въ защиту христіанъ и доказать, что у нихъ нѣтъ ничего ни безбожнаго, ни нечестиваго. Но проконсулъ, не будучи расположенъ слушать христіанскія апологіи, спросилъ только, не христіанинъ ли онъ, и, такъ какъ Эпагаѳъ откровенно исповѣдалъ себя христіаниномъ, приказалъ заключить его въ темницу, какъ христіанскаго защитника. Между тѣмъ нѣсколько язычниковъ, бывшихъ въ услуженіи у христіанъ, по страху пытокъ показали, что господа ихъ дѣйствительно виновны въ предполагаемыхъ преступленіяхъ. Какъ ни мало довѣрія заслуживали подобнаго рода показанія, фанатики сочли ихъ совершенно достаточными для убѣжденія въ справедливости своихъ предположеній и считали себя теперь въ правѣ употре-

бить противъ христіанъ всѣ жестокости. Не было пощады ни родству, ни знакомству, ни полу, ни возрасту. «Непоколебимость и спокойствіе мучениковъ среди самыхъ изысканнѣйшихъ мученій содѣлали очевиднымъ», пишутъ ліонскіе христіане, «что они были орошаемы и укрѣпляемы живою водою, текущею изъ небеснаго источника, — что тамъ нѣтъ ничего страшнаго, гдѣ любовь къ Отцу, и нѣтъ ничего болѣзненнаго, гдѣ слава Христова». Девяностолѣтній епископъ ліонскій Поѳинъ, слабый отъ преклонности лѣтъ и отъ болѣзни, но юношески бодрый по ревности къ страданіямъ за вѣру, былъ также привлеченъ на судъ. Когда проконсулъ спросилъ его: кто Богъ христіанскій?—онъ отвѣчалъ, какъ заслуживалъ того дѣлавшій подобные вопросы: узнаешь, если будешь достоинъ. За это стали влачить его безпощадно, нанесли ему множество ранъ, били руками и ногами, бросая въ него всѣмъ, что у кого было въ рукахъ. Наконецъ, едва живой, онъ былъ брошенъ въ темницу, гдѣ и умеръ черезъ два дня. Даже отреченіе отъ вѣры не избавляло въ настоящемъ случаѣ отъ страданій; отрекшіеся почитались виновными уже не въ соблюденіи христіанства, но въ преступленіяхъ, приписываемыхъ христіанамъ, и вмѣстѣ съ исповѣдниками заключаемы были въ темницы, какъ человѣкоубійцы и беззаконники, чему причиною было, можетъ быть, то, что нѣкоторые изъ нихъ, уступая мучительности пытокъ, давали вынужденно ложное признаніе. Многіе умирали въ убійственныхъ темницахъ отъ душноты, отъ голода, отъ безпомощности послѣ страданій, тогда какъ иные, претерпѣвъ жесточайшія мученія, послѣ которыхъ и при всевозможномъ врачеваніи, казалось, нельзя было остаться въ живыхъ, оставались живы, не получая никакой помощи отъ людей, но бывъ хранимы и

укрѣпляемы по душѣ и по тѣлу самимъ Господомъ, такъ что могли даже ободрять и утѣшать прочихъ». Такимъ образомъ «по благодати Господа, не хотящаго смерти грѣшника», твердые исповѣдники вѣры успѣли обратить отрекшихся, но и послѣ отреченія заключенныхъ вмѣстѣ съ ними, и «Дѣва Матерь, святая Церковь, исполнилась великою радостію, принявъ опять живыми тѣхъ, кого прежде извергла, какъ мертвыхъ». Между тѣмъ, по приказанію отъискивать христіанъ, «каждый день брали вновь подъ стражу достойныхъ восполнить число скончавшихся уже мучениковъ». Такъ какъ взятыхъ подъ стражу было слишкомъ много и между ними находились даже римскіе граждане, надъ которыми только императоръ могъ произносить окончательный приговоръ; то проконсулъ счелъ за лучшее донесть обо всѣхъ въ Римъ и отложить рѣшеніе ихъ участи до полученія императорскаго едикта. Едиктъ былъ полученъ, и имъ повелѣвалось — отрекшихся отъ вѣры освободить, а прочихъ лишить жизни. Маркъ Аврелій, слѣдовательно, подобно Траяну, не довѣрялъ обвиненіямъ, взносимымъ на христіанъ молвою, и преслѣдовалъ только вѣру. Послѣ этого проконсулъ приказалъ сначала вывесть изъ темницъ и представить на судъ тѣхъ, которые при первомъ допросѣ склонились къ отреченію. Всѣ ожидали, что они вновь отрекутся теперь и получатъ свободу: но, къ досадѣ и изумленію язычниковъ, почти всѣ они твердо исповѣдали себя христіанами и мужественно рѣшились на смерть за святую вѣру: такъ что «внѣ сего лика мучениковъ остались только тѣ, въ которыхъ никогда не было ни слѣда вѣры, ни мысли о брачной одеждѣ, ни понятія о страхѣ Божіемъ, и которые своимъ поведеніемъ безчестили свою вѣру». Потомъ тѣ изъ исповѣдниковъ, которые имѣли права римскаго

гражданства, были усѣчены мечемъ, за исключеніемъ впрочемъ одного изъ нихъ, Аттала, котораго проконсулъ въ угожденіе народу противозаконно подвергъ пыткамъ, предалъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ и уже въ предсмертномъ томленіи повелѣлъ заколоть. Прочіе послѣ новыхъ разнообразныхъ мученій были брошены дикимъ звѣрамъ; при этомъ пятнадцатилѣтній отрокъ Понтикъ, поддерживаемый ободреніями своей сестры, и Бландина, робкая, немощная и слабая женщина, которыхъ язычники надѣялись принудить къ отреченію и съ этою цѣлію ежедневно заставляли прежде смотрѣть на мученія другихъ, перенесли всевозможные роды пытокъ и страданій и возбудили всеобщее удивленіе, показавъ на себѣ, какъ велика можетъ быть сила Божія и въ столь слабыхъ и нѣжныхъ сосудахъ. Конечно, не всегда благодати Божіей принадлежатъ подобныя явленія. Сила воли, окамененной фанатическимъ ожесточеніемъ въ терпѣніи, подавивъ всѣ природныя ощущенія, можетъ произвесть въ человѣкѣ, какъ извѣстно изъ многихъ опытовъ, необыкновенныя, по видимому, сверхъестественныя дѣйствія. Но съ фанатизмомъ неразрывно связаны самонадѣянность и высокомѣріе; напротивъ смиреніе и любовь—признакъ дѣйствій, производимыхъ Духомъ Божіимъ. Этотъ признакъ показалъ, что мученики ліонскіе были истинными Христовыми учениками. Они отказались отъ почтенія, которое другіе христіане усердствовали оказывать имъ, какъ доблестнымъ подвижникамъ вѣры, и, хотя выдержали уже два раза изысканныя мученія, еще не были увѣрены въ собственныхъ силахъ, потому что не были фанатиками и чувствовали, какъ слаба плоть при всей бодрости духа. Горестно укоряли они тѣхъ, которые въ письмахъ или въ разговорѣ чтили ихъ названіемъ *свидѣтелей* Хри-

стовыхъ или мучениковъ. Это названіе, они говорили, принадлежитъ собственно только *Первенцу изъ мертвыхъ* и Начальнику жизни, *иже есть свидѣтель вѣрный* (Апокал. 1, 5), или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, которыхъ свидѣтельство запечатлѣлъ Христосъ смертію; мы же — только слабые и смиренные исповѣдники. Со слезами просили они братій усердно молиться, чтобы достигнуть имъ совершенства. Не превозносясь надъ падшими, съ искреннею любовію они увѣщавали ихъ къ твердости и прилежно молили Господа, чтобы Онъ благоволилъ снова призвать ихъ къ вѣрѣ; даже къ гонителямъ своимъ не оказывали непріязненнаго чувства и молились, подобно Стефану первомученику, чтобы Господь помиловалъ тѣхъ, которые подвергали ихъ столь многимъ мученіямъ. Не вражду и нестроеніе поселили они между братіями, но оставили имъ радость, миръ, единодушіе и любовь. — Разнообразнымъ поруганіемъ надъ тѣлами пострадавшихъ мучениковъ, продолжавшимся въ теченіе шести дней, и сожженіемъ ихъ ярость народа наконецъ насытилась. Оставшійся послѣ сожженія пепелъ былъ высыпанъ въ близъ текущую рѣку Рону, чтобы не оставалось на землѣ и слѣда мнимыхъ враговъ благочестія. Никакими деньгами, никакими просьбами христіане не могли достигнуть, чтобы имъ отданы были для погребенія священные останки свидѣтелей Христовыхъ. Думая такимъ образомъ поколебать самую вѣру въ воскресеніе и будущую жизнь, язычники говорили имъ о мученикахъ: «теперь посмотримъ, воскреснутъ ли они, и возможетъ ли Богъ ихъ помочь имъ и избавить ихъ изъ рукъ нашихъ».—Но и здѣсь, утоливъ неистовство народа, гоненіе притихло, не смотря на многочисленность оставшихся христіанъ.

3) Внесши посланіе церквей ліонской и віенской въ

свою исторію, Евсевій справедливо говоритъ: «отсюда можно съ вѣроятностію заключать о томъ, что дѣлалось тогда и въ другихъ провинціяхъ». Впрочемъ тамъ, гдѣ христіанъ было немного, имъ легче было скрываться и менѣе могло представляться поводовъ къ пробужденію народнаго фанатизма. Начальства не считали нужнымъ въ такихъ странахъ озабочивать себя поисками, и надобны были какія нибудь случайности, чтобы пробудить ихъ ревность. Такъ въ одномъ городѣ, недалеко отъ Ліона, Отенѣ ([1]), язычники и не думали о гоненіи, потому что христіанъ было не много, и они были мало извѣстны, какъ неожиданно одинъ христіанинъ обратилъ на себя общее вниманіе. Совершалось празднество въ честь Цибелы ([2]). Статуя ея съ большою торжественностію, при многочисленномъ стеченіи народа, была носима по городу, и, встрѣчаясь съ процессіею, всѣ падали на колѣна. Но одинъ молодой человѣкъ хорошей фамиліи, христіанинъ Симфоріанъ, случайно встрѣтившись съ нею, по чувству вѣры не могъ такимъ образомъ вмѣстѣ съ другими поклониться идолу и, по всей вѣроятности, на вопросъ, почему онъ не могъ этого сдѣлать, сказалъ что нибудь о ничтожествѣ идолопоклонства. Немедленно его схватили и представили къ мѣстному начальнику, какъ возмутителя общественнаго богослуженія. При допросѣ судья сказалъ ему: «ты христіанинъ! Значитъ ты скрывался отъ насъ, такъ какъ у насъ немного людей этой вѣры; почему же не хотѣлъ ты поклониться изображенію матери боговъ»? — Симфоріанъ отвѣчалъ ему: «я сказалъ уже тебѣ, что я христіанинъ. Я почитаю Бога истинна-

([1]) Augustodonum, sev Aedua.
([2]) Berecynthiae.

, царствующаго на небесахъ, а демонскаго идола не
лько не почитаю, но даже, если позволишь, соглашусь
азбить его молотками». Послѣ этого судья, прочитавъ
.иктъ о гоненіи, объявилъ Симфоріана виновнымъ въ
арушеніи вѣры и государственныхъ законовъ и, такъ
акъ не могъ ни обѣщаніями, ни угрозами склонить его
ь отреченію, приговорилъ къ смерти. Мать мученика,
ровожая сына на мѣсто казни, говорила ему: «дитя мое,
итя мое, держи въ умѣ Бога живаго, Симфоріанъ! Будь
вердъ, сынъ мой; мы не должны бояться смерти, которая
едетъ къ несомнѣнной жизни. Укрѣпи свое сердце, сынъ
юй; воззри на Того, кто царствуетъ на небѣ».—Сим-
оріанъ былъ обезглавленъ, и тѣло его съ честію по-
гребено вѣрными (1).

Прекращеніе Авреліева гоненія и положеніе христіанъ при Коммодѣ (180—192 г.)

По сказанію, составленному Евсевіемъ изъ свидѣтельствъ Клавдія Аполлинарія и Тертулліана, Маркъ Аврелій чудеснымъ происшествіемъ былъ побужденъ перемѣнить свой образъ дѣйствій касательно христіанъ. Въ 174 году, на войнѣ противъ маркоманновъ и квадовъ войско его было окружено непріятелями и, томясь жаждою, находилось въ крайней опасности; но по молитвѣ христіанскихъ воиновъ двѣнадцатаго легіона дождь освѣжилъ римлянъ, буря разсѣяла непріятелей и императоръ одержалъ побѣду. Въ слѣдствіе этого чудеснаго событія онъ будто бы далъ двѣнадцатому легіону названа-

(1) *Ruinart.* Acta Martyr. pag. 78—83.

ніе громоноснаго (1),ересталъ преслѣдовать христіанъ и, хотя не включилъ христіанской вѣры явно въ число дозволенныхъ, но постановилъ строго наказывать тѣхъ, кто сталъ бы обвинять христіанъ за одну только вѣру (2). — Въ изложенномъ сказаніи справедливое перемѣшано, однако же, съ ложнымъ. Во первыхъ, Маркъ Аврелій не пересталъ въ слѣдствіе описаннаго происшествія преслѣдовать христіанъ; потому что ужасное гоненіе на галльскія церкви происходило спустя три года послѣ него (3). Во вторыхъ, двѣнадцатый легіонъ носилъ названіе громоноснаго еще со временъ кесаря Августа (4). Но то несомнѣнно, что въ походѣ противъ маркоманновъ римское войско дѣйствительно спаслось такимъ необычайнымъ образомъ отъ грозившей опасности и язычники видѣли въ этомъ дѣло Божіе, только они приписывали его не Богу христіанскому и не молитвамъ христіанъ, но своимъ богамъ и молитвѣ императора, или всего языческаго войска, не упоминая уже о слѣпыхъ суевѣрахъ, которые производили его отъ магическихъ заклинаній египетскихъ волхвовъ (5). Самъ Маркъ Аврелій приписывалъ удачу похода также посо-

---

(1) Fulminea, *κεραυνοφόρον*.

(2) *Евсевія* Церк. Истор. кн. 5, гл. 5. *Tertull.* Apologet. cap. 5; Epist. ad Scapulam cap. 4.

(3) Посему то, можетъ быть, Евсевій и сказалъ: «впрочемъ объ этомъ пусть думаетъ, кто какъ хочетъ».

(4) *Діонъ Кассій* (кн. 55, гл. 23 по переводу Ксифилина), перечисляя римскіе легіоны во время Августа, говоритъ: *τὸ δωδέκατον στρατόπεδον τὸ ἐν Καππαδοκίᾳ, τὸ κεραυνοφόρον*.

(5) Ibid. lib. 71, cap. 8. Съ воздѣтыми къ небу руками императоръ молился будтобы, говоря: «я воздѣваю къ Тебѣ руки, которыя не проливали еще человѣческой крови» (не считая крови христіанъ, враговъ Юпитера). Въ такомъ положеніи рисовали его на картинахъ среди воиновъ, собирающихъ въ свои шлемы падавшій съ неба дождь. *Themistocl.* Orat. 15: *τίς ἡ βασιλικωτάτη τῶν ἀρετῶν*.

бію боговъ (1) и, слѣдовательно, не могъ видѣть въ ней повода перемѣнить свои распоряженія касательно христіанъ. При всемъ томъ несправедливо было бы обвинять въ вымыслѣ христіанскихъ писателей, сохранившихъ своеобразное преданіе о ней. Въ громоносномъ легіонѣ могло быть, дѣйствительно, нѣсколько, можетъ быть, и много христіанъ, и, хотя трудно представить, чтобы при Маркѣ Авреліѣ они были избавлены отъ участія въ общемъ богослуженіи языческаго войска, но по особенности обстоятельствъ и это могло случиться. Въ общей крайности христіанскіе воины прибѣгли такимъ образомъ съ молитвою къ Богу и, по возвращеніи на мѣста жительства разсказывая о походѣ, со всѣмъ правомъ приписывали полученіе небеснаго пособія силѣ своей молитвы. Многіе изъ христіанъ въ простотѣ сердца могли при этомъ приходить къ мысли, что и для Марка Аврелія такъ же, какъ для нихъ, было совершенно ясно, что не Юпитеръ или другой какой либо идолъ, а истинный Богъ ихъ послалъ спасительный дождь, и не по молитвѣ язычниковъ, не вѣдущихъ Его, а вѣрныхъ рабовъ своихъ. По крайней мѣрѣ, Клавдій Аполлинарій, епископъ іерапольскій, въ апологіи къ государю или въ другомъ какомъ либо апологетическомъ сочиненіи, которое между прочимъ служитъ указаніемъ, что гоненіе еще не было прекращено, по всей вѣроятности, старался внушить это гонителямъ христіанства (2). Между тѣмъ,

---

(1) Monolog. lib. 1 ad finem.

(2) Правда, когда Евсевій приписываетъ Аполлинарію свидѣтельство, будто бы двѣнадцатый легіонъ въ слѣдствіе этого чудеснаго событія названъ громоноснымъ, — нельзя не удивиться, какимъ образомъ современникъ могъ допустить такую грубую ошибку. Но надобно думать, что Аполлинарій сказалъ только: «теперь государь съ правомъ называетъ двѣнадцатый легіонъ громоноснымъ», или употре-

спустя не много времени, гоненіе дѣйствительно прекратилось и съ царствованіемъ Аврелія Коммода (180—192 г.) началось для Церкви болѣе спокойное время, продолжавшееся до конца втораго столѣтія. Коммодъ былъ благосклоненъ къ христіанамъ не потому, чтобы сколько нибудь уважалъ христіанскую вѣру, но вообще по нерадѣнію къ дѣламъ государственнымъ и отчасти по привязанности къ Марціи, женщинѣ, которая, неизвѣстно почему, старалась оградить христіанъ отъ гоненій. Въ его царствованіе знаменитые римскіе граждане цѣлыми семействами и со всѣмъ родствомъ обращались къ вѣрѣ на ряду со множествомъ людей всякаго состоянія ([1]). Очень можетъ быть, что онъ отмѣнилъ законъ своего отца, или даже издалъ едиктъ, запрещавшій доносы на христіанъ, дававшіе поводъ ко многимъ безпорядкамъ, и этотъ самый едиктъ нѣкоторые христіане, въ томъ числѣ Тертулліанъ, въ послѣдствіи могли приписать его предшественнику, какъ слѣдствіе чудеснаго событія съ громоноснымъ легіономъ,—тѣмъ легче, что самого Коммода всѣ почитали человѣкомъ недостойнымъ, унижающимъ санъ государя и поэтому какбы не способнымъ сдѣлать такое доброе дѣло. Съ другой стороны вѣроятно, что онъ даже и не издавалъ никакого постановленія въ пользу христіанъ, что гоненіе укротилось само собою при извѣстной нерасположенности къ нему императора и что

билъ другое подобное выраженіе, изъ котораго Евсевій, при бѣгломъ чтеніи, могъ вывести свое несправедливое заключеніе, какъ это дѣйствительно случилось съ нимъ при выпискѣ здѣсь же Тертулліановы свидѣтельства о письмѣ Марка Аврелія, гдѣ вмѣсто Тертулліановыхъ словъ: christianorum forte militum, онъ сказалъ прямо: христіанскихъ воиновъ,—измѣнивъ такимъ образомъ ихъ смыслъ и силу.

([1]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 5, гл. 21.

Тертулліанъ основалъ свое мнѣніе объ изданіи подобнаго постановленія на одномъ происшествіи, изъ котораго между прочимъ видно, что и при Коммодѣ обвиненіе предъ судомъ въ исповѣданіи христіанства подвергало смертной казни. Римскій сенаторъ Аполлоній былъ обвиненъ своимъ рабомъ предъ префектомъ Рима въ исповѣданіи христіанской вѣры: такъ какъ онъ не отрекся отъ обвиненія, то былъ осужденъ на смерть; но и обвинитель его также былъ преданъ позорной смерти (1),— не за обвиненіе въ христіанствѣ, какъ могъ думать Тертулліанъ, потому что обвиненіе принято, но по закону императора Нервы, за доносъ на своего господина. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, становится понятнымъ, почему и въ царствованіе Коммода нѣкоторые областные правители могли быть гонителями Церкви. Таковъ былъ Аррій Антонинъ, проконсулъ Малой Азіи. Но когда онъ началъ гоненіе, христіане въ огромномъ числѣ явились сами предъ его судилище, надѣясь остановить его своею многочисленностію, что̀ могло казаться весьма вѣроятнымъ, такъ какъ гоненіе было начато безъ особеннаго повелѣнія. Дѣйствительно, проконсулъ пришелъ въ ужасъ отъ многочисленности мнимыхъ фанатиковъ, ищущихъ смерти; онъ приказалъ схватить нѣсколько человѣкъ изъ собравшейся къ нему толпы христіанъ, а остальнымъ сказалъ: «несчастные, если вамъ хочется умереть, развѣ мало у васъ стремнинъ, или веселовъ» (2)! СвятыйИриней, писавшій въ царствованіе Коммода, говоритъ о своемъ времени, что христіане

---

(1) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 5, гл. 21. Ему перебиты были голени, — наказаніе рабу за доносъ на господина.

(2) *ὦ δειλοί, εἰ θέλετε ἀποθνήσκειν, κρημνοὺς ἢ βρόχους ἔχετε*, — *Tertull.* Epist. ad Scapul. cap. 5.

находились на службѣ при дворѣ кесаря, пользовались благодѣяніями римскаго правительства равно со всѣми другими подданными, мирно и спокойно могли ходить по всѣмъ путямъ и плавать по морю (1); и однако онъ же пишетъ, что Церковь во всѣ времена, не исключая и настоящаго, повсюду предпосылаетъ ко Отцу множество мучениковъ (2). Такое противорѣчіе опять можно понять, только допустивъ, что Коммодъ дѣйствительно былъ благосклоненъ къ христіанамъ, но что онъ положительно не отмѣнялъ законовъ, изданныхъ противъ христіанской вѣры.

Положеніе христіанъ послѣ смерти Коммода до царствованія Геліобагала (192—219 г.).

Гражданскіе безпорядки, возникшіе послѣ смерти Коммода, и междоусобная война за престолъ, которую вели Песценній Нигеръ, Клавдій Албинъ и Септимій Северъ, достигшій наконецъ (196 г.) единодержавія, какъ всѣ общественныя бѣдствія, не могли быть благопріятны для Церкви. Климентъ Александрійскій, писавшій въ это время свои Строматы, говоритъ: у насъ неизсякаемый источникъ мучениковъ, и каждодневно мы видимъ, какъ сожигаютъ, распинаютъ и обезглавливаютъ ихъ предъ нашими глазами (3). Подобно Коммоду, Септимій Северъ

(1) Advers. Haeres. lib. 4, cap. 49, edit. Paris. 1639 an. pag. 389 et 390.

(2) Jbid cap. 64, ejusdem editionis pag. 400.

(3) Ἡμῖν δὲ ἄφθονοι μαρτύρων πηγαὶ ἑκάστης ἡμέρας, ἐν ὀφθαλμοῖς ἡμῶν θεωρούμεναι, παροπτωμένων, ἀνασκινδαλευομένων, τὰς κεφαλὰς ἀποτεμνομένων,— lib. 2, pag. 414, edit. Coloniae 1688 ann. Византійскій правитель Цецилій Капелла былъ ожесточеннымъ гонителемъ Церкви; погибая во время взятія Византіи Септиміемъ Северомъ, онъ воскликнулъ: радуйтесь, христіане!—*Tertull.* Epist. ad Scapul. cap. 3.

лично расположенъ былъ къ терпимости христіанства, чему причиною, по достовѣрному свидѣтельству Тертулліана, было то, что нѣкогда одинъ христіанинъ, именемъ Прокулъ, исцѣлилъ его отъ болѣзни, помазавъ масломъ (1). Онъ зналъ, что многіе изъ самыхъ знаменитыхъ римскихъ гражданъ исповѣдуютъ христіанскую вѣру, и не только не преслѣдовалъ ихъ, но уважалъ и явно защищалъ отъ ненависти язычниковъ (2). Впрочемъ, такъ какъ прежніе законы противъ христіанъ не были имъ отмѣнены; то гоненія не могли прекратиться повсюду. Изъ сочиненій Тертулліана, написанныхъ въ концѣ втораго и началѣ третьяго столѣтія, видно, что напримѣръ въ сѣвероафриканской области язычники жестоко гнали христіанъ по поводу отреченія ихъ отъ участія въ языческомъ образѣ празднованій въ честь императора (3). Къ этому въ 202-мъ году присоединился еще законъ, подъ угрозою смертной казни запрещавшій принятіе христіанства, равно какъ и іудейства (4). Хотя Септимій Северъ желалъ такимъ образомъ только остановить распространеніе христіанской вѣры, оставляя самихъ христіанъ въ покоѣ; но во всякомъ случаѣ подобное обнаруженіе воли государя въ умахъ ожесточенныхъ гонителей могло оправдывать всевозможныя нападенія на Церковь. Въ нѣкоторыхъ странахъ возникли такія ужасныя гоненія, что христіане пришли къ мысли

---

(1) Epist. ad Scapul. cap. 4.

(2) Jbidem.

(3) Apologet. cap. 12, cap. 29 — 37. Ad Nationes lib. 1, etc. Vid. Johann. Lavr. *Mosheim* de aetate Apologetici Tertulliani initioque persecutionis Severi Disquisitionem — in Patrologiae Curs. Compl. tom. 1, pag. 335—560.

(4) *Spartian*. Vita Severi, pag. 70.

о близости пришествія антихристова ([1]). Особенно много мучениковъ было въ Египтѣ и кареагенской области ([2]). Въ иныхъ мѣстахъ можно было деньгами и подарками покупать у мѣстныхъ начальниковъ свободу въ отправленіи богослуженія и безопасность отъ гоненій; но не всѣ одобряли эту мѣру, видя въ ней частію оскорбленіе христіанскаго имени, частію поводъ любостяжательнымъ гонителямъ возбуждать гоненія снова, или поддерживать ихъ продолжительность ([3]). Такое положеніе христіанъ продолжалось и во все царствованіе Каракаллы (211—218 г.), хотя этотъ жестокій государь не давалъ особеннаго повелѣнія преслѣдовать ихъ. Все зависѣло отъ образа мыслей мѣстныхъ начальниковъ: иные сами искали средствъ безъ явнаго нарушенія законовъ избавлять христіанъ отъ осужденія ([4]); другіе свирѣпствовали въ гоненіяхъ по личной ненависти къ христіанству, или въ угожденіе языческому народу; нѣкоторые, наконецъ, довольствовались буквальнымъ исполненіемъ Траянова закона ([5]). Около 212-го года Тертулліанъ писалъ африканскому проконсулу Скапулѣ, что онъ могъ бы исполнять обязанности своей службы, не забывая человѣколюбія и не прибѣгая къ жестокостямъ, но поступая подобно начальнику легіона, или правителю Мавританіи, которые осуждаютъ христіанъ только на усѣченіе мечемъ, какъ было приказано съ самаго начала ([6]).

([1]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 6, гл. 7.

([2]) Тамъ же, кн. 6, гл. 1 и гл. 4—7. *Тертулліана* книги: ad Nationes, de Corona militis, de Fuga in persecutione.

([3]) *Tertull.* montan., lib. de Fuga in persecut. cap. 12—14.

([4]) *Idem*, in Epist. ad Scapul. cap. 4.

([5]) Ibid. cap. 3 et 4.

([6]) Cap. 4,—sed gladio tenus, sicut et a primordio mandatum est.

Мученики.

Для болѣе яснаго представленія особенностей въ гоненіяхъ этого времени полезно будетъ прослѣдить нѣсколько описаній страданія извѣстныхъ мучениковъ. Изъ приводимыхъ Евсевіемъ свидѣтельствъ о мученикахъ александрійскихъ, равно какъ и изъ сочиненій Тертулліана, можно видѣть, что хотя нѣкоторые мѣстные правители подвергали христіанъ жестокимъ мученіямъ и народъ сочувствовалъ ихъ лютости; тѣмъ не менѣе подозрѣніе касательно виновности христіанъ въ противоестественныхъ преступленіяхъ начинало уже ослабѣвать и не у всѣхъ находило себѣ вѣру (¹). Причиною гоненія часто было только отверженіе языческаго богослуженія, почитавшагося опорою общественнаго благосостоянія, и мысль, будто христіанство есть вѣра, не согласующаяся съ государственнымъ устройствомъ и препятствующая внѣшнему благоденствію общества, будто съ распространеніемъ его уменьшаются не только доходы языческихъ храмовъ, но и сборы торговыхъ пошлинъ, подрываются многіе промыслы, падаетъ торговля и со временемъ могутъ сдѣлаться затруднительными наборы войска (²). Около 202-го года язычники схватили нѣсколько христіанъ изъ нумидійскаго города Сциллиты и представили на судъ проконсула Сатурнина. Проконсулъ сказалъ христіанамъ: «вы можете получить прощеніе отъ императора, если искренно обра-

(¹) *Tertull.* Apologet. cap. 50: nam et proxime, ad lenonem damnando christianam potius, quam ad leonem, confessi estis labem pudicitiae apud nos atrociorem omni poena et omni morte reputari. *Евсев.* Церк. Ист. кн. 6, гл. 5.

(²) Cf. *Tertulliani* Apologet., lib. de idololatria et de corona militis.

титесь къ нашимъ богамъ».—Мы никогда не дѣлали ничего худаго, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, по имени Сператъ,— чуждаемся всякой неправды, никого не злословимъ и, хотя вы дурно поступаете съ нами и обижаете насъ, мы и за это платимъ благодарностію. Молясь за тѣхъ, которые гонятъ насъ, мы повинуемся императору во всемъ, касающемся порядка сей жизни; но поклоняемся только истинному Царю и Господу. — Проконсулъ замѣтилъ на это: «мы также заботимся о благочестіи; тѣмъ не менѣе клянемся геніемъ императора и молимъ боговъ за его здравіе, что и вы должны сдѣлать». — Сператъ продолжалъ: я не знаю никакого генія властителя міра, но служу небесному Богу, котораго никто изъ людей не видѣлъ и не можетъ видѣть. Никогда я не присвоивалъ себѣ чужаго и не дѣлалъ ничего противозаконнаго; но, если что покупаю, пошлину отдаю и всѣ другія общественныя повинности плачу, потому что признаю императора моимъ господиномъ, но почитаю только Царя царей, Господа моего, и поклоняюсь только Господу всѣхъ народовъ. Христіанка Доната прибавила еще: «честь мы воздаемъ кесарю, а страхъ Божій и богослуженіе Христу, Богу истинному».—Проконсулъ приказалъ заключить христіанъ въ темницу до слѣдующаго утра. На другой день онъ снова убѣждалъ ихъ къ отреченію и давалъ три дня на размышленіе; но, такъ какъ они объявили свою вѣру непоколебимою, то осудилъ ихъ на усѣченіе мечемъ «за упорное отверженіе служенія богамъ и отреченіе воздавать должную честь императору». Вступая на мѣсто казни, мученики преклонили колѣна и принесли благодарственную молитву Господу, сподобившему ихъ быть свидѣтелями божественнаго своего ученія ([1]).

([1]) *Ruinart*. Acta Martyr. pag. 84—89.

Немного лѣтъ спустя взяты были подъ стражу въ Карѳагенѣ Ревокатъ, Сатурнинъ, Секундулъ, Перпетуя и Фелицитата ([1]), всѣ еще люди молодые и только оглашенные въ исповѣданіи христіанства. Ихъ заключеніе и страданія представляютъ нѣсколько трогательныхъ чертъ силы вѣры въ борьбѣ съ естественными чувствами человѣческой природы, не только не подавляемыми, но освящаемыми и усиливаемыми христіанствомъ. Перпетуя, двадцатидвухлѣтняя женщина, по богатству, происхожденію и замужству, принадлежала къ высшему сословію общества. Ея образованность, красота, молодость и нѣжность сложенія возбуждали общее состраданіе къ рѣзкой перемѣнѣ въ ея положеніи, когда вмѣстѣ съ людьми рабскаго сословія она должна была подвергнуться заключенію въ темницѣ. Но кромѣ тѣлесныхъ мученій, при рѣшимости умереть за вѣру Христову ей надобно было бороться съ любовію къ первому своему дитяти, бывшему еще груднымъ, и нѣжною привязанностію къ престарѣлому отцу. Мать ея была христіанка; но отецъ—язычникъ. Когда Перпетуя взята была подъ стражу, онъ пришелъ къ ней и со всею силою отеческой любви старался убѣдить ее, если не совершенно отречься отъ вѣры, по крайней мѣрѣ не называть себя предъ судомъ христіанкою. Отецъ мой, отвѣчала она, посмотри: вотъ этотъ сосудъ называется кружкою, и другаго названія ты не можешь ему дать; такъ и я— христіанка, и другаго имени дать себѣ не могу! Между тѣмъ всѣ заключенные были крещены, такъ какъ священнослужители, подъ предлогомъ посѣщенія содержимыхъ подъ стражею, или вспоможенія имъ, обыкновенно имѣли свободный доступъ къ христіанамъ, — по крайней

([1]) Память ихъ 1 Февраля.

мѣрѣ, всегда легко могли покупать его у стражей, въ настоящемъ же случаѣ это было тѣмъ легче, что заключенные содержались, хотя подъ надзоромъ стражи, но еще не въ темницѣ. Спустя немного ихъ перевели въ темницу. «Я ужаснулась при видѣ ея», говоритъ Перпетуя въ своихъ запискахъ, на основаніи которыхъ составлено описаніе ея страданій. «О страшный день! Невиданный мракъ, душнота и жаръ отъ множества содержимыхъ, грубое обращеніе солдатъ и ко всему этому—мучительное безпокойство о дитяти»! Діаконы, приносившіе заключеннымъ святые дары, успѣли, впрочемъ, за деньги выпросить у темничнаго стража особое помѣщеніе для христіанъ отдѣльно отъ преступниковъ. Тогда Перпетуя поспѣшила взять къ себѣ свое дитя. «Она не могла болѣе разстаться съ нимъ, не смотря на всѣ убѣжденія матери; поручала ей и брату его воспитаніе; плакала вмѣстѣ съ ними о горькомъ положеніи христіанъ, но утѣшалась присутствіемъ своего сына, такъ что темница перестала страшить ее и какбы превратилась для нея во дворецъ». Наконецъ стало извѣстно, что на слѣдующій день вызовутъ христіанъ къ допросу. Отецъ Перпетуи, огорченный мнимымъ упорствомъ ея и еще болѣе состарѣвшійся отъ горя, теперь забылъ свой гнѣвъ и снова пришелъ къ ней. «Дочь моя», говорилъ онъ, «сжалься надъ моими сѣдинами; сжалься надъ отцемъ, если только достоинъ я, чтобы ты звала меня отцемъ. Не самъ ли я заботился о твоемъ воспитаніи и берегъ тебя до этого цвѣтущаго возраста, не любилъ ли я тебя болѣе всѣхъ твоихъ братьевъ! Не отдавай же меня на позоръ людямъ. Вспомни о своихъ братьяхъ, вспомни о матери и теткѣ, вспомни о своемъ сынѣ, который безъ тебя не будетъ живъ. Оставь упрямство и не губи насъ всѣхъ. Никому

изъ насъ нельзя будетъ головы поднять, если ты подвергнешься чему нибудь»!—Говоря это, онъ цѣловалъ ей руки, падалъ предъ нею на колѣна и со слезами называлъ не дочерью, но госпожей своей. «Жаль мнѣ было сѣдинъ отца моего», пишетъ Перпетуя; «онъ одинъ изъ всего нашего рода не могъ видѣть ничего утѣшительнаго въ моемъ страданіи, и я ободрила его, сказавъ: во время допроса пусть будетъ, что Богу угодно; знай, что мы не властны въ себѣ, но состоимъ въ волѣ Божіей». Когда наступило это время, отецъ Перпетуи явился также на судъ и, взявъ себѣ ея младенца, снова умолялъ ее объ отреченіи изъ любви къ сыну. Онъ не переставалъ просить ее и послѣ того, когда произнесенъ былъ приговоръ: то переходя отъ скорби къ отчаянію, рвалъ на себѣ волосы, падалъ и проклиналъ день своего рожденія; то снова умолялъ съ такою горестію, что внушалъ состраданіе къ себѣ во всякомъ. Пожалѣй сѣдинъ своего отца,—сказалъ на судѣ прокураторъ, послѣ допроса другихъ обращаясь къ Перпетуѣ,—пожалѣй слабаго младенца и принеси жертву за здравіе императоровъ.—Не могу, отвѣчала Перпетуя.—«Ты христіанка?» — Христіанка.— Тогда всѣ исповѣдники были осуждены на смерть. Съ радостію возвратились они въ темницу. Но печаль отца сокрушала Перпетую, «такъ какбы она сама переносила всѣ его страданія; кромѣ того, она не могла болѣе видѣть своего сына, котораго онъ взялъ къ себѣ». Другая женщина, Фелицитата, страдала въ темницѣ муками рожденія. Когда темничный стражъ, желая поколебать ея вѣру, сказалъ ей: «если эта болѣзнь такъ невыносима для тебя, подумай, что будетъ, когда бросятъ тебя дикимъ звѣрямъ»; она отвѣчала: «теперь терплю только я то, что терплю, а тогда будетъ и Тотъ терпѣть

за меня, за кого я буду терпѣть». Мужъ ея Ревокатъ былъ осужденъ вмѣстѣ съ нею, но рожденная въ темницѣ дочь не осталась безъ пріюта и была взята на воспитаніе одною христіанкою.—Прежде, чѣмъ мученики, испытавъ лютость дикихъ звѣрей, были усѣчены мечемъ, прощаясь съ этою жизнію, они въ послѣдній разъ дали взаимно другъ другу христіанскій поцѣлуй братской любви. «Будьте тверды въ вѣрѣ», заповѣдали они христіанамъ, бывшимъ свидѣтелями ихъ смерти, «любите другъ друга и не соблазняйтесь нашими страданіями» (1).

Состояніе христіанъ со времени Геліогабала до Децiева гоненія (219—249 г.)

Съ царствованіемъ Геліогабала (219—222 г.) началось для христіанской Церкви болѣе спокойное время, хотя терпимость этого государя къ христіанамъ проистекала не изъ добраго источника. Не уважая отечественнаго язычества, Геліогабалъ былъ самъ приверженцемъ иноземныхъ обрядовъ, именно сирійскаго служенія солнцу. Чтобы сдѣлать этотъ родъ служенія господствующимъ въ римской имперіи, онъ хотѣлъ ослабить прежде уваженіе къ древнему римскому идолопоклонству и посему-то терпѣлъ христіанство, какъ всѣ иноземныя богослуженія: но, достигши своей цѣли, предполагалъ и его преобразовать въ свою секту, и тогда, конечно, сдѣлался бы гонителемъ (2).

(1) *Ruinart.* Acta Martyr. pag. 90—119. Древность актовъ несомнѣнна между прочимъ и потому, что составитель ихъ не былъ чуждъ понятій монтанистическихъ.

(2) *Aelii Lamprid.* Vita Heliogabal. cap. 3, 6 et 7.—Dicebat praeterea.

Совсѣмъ по другому побужденію былъ благосклоненъ къ христіанамъ и къ христіанству преемникъ его, Александръ Северъ (223—234 г.). Этотъ добрый и благородный государь, по своимъ философскимъ понятіямъ бывъ эклектикомъ, видѣлъ недостаточность языческихъ вѣрованій; но, не зная вѣры истинной и предполагая, что въ основаніи каждой вѣры скрываются преданія истиннаго откровенія Божія, уважалъ всѣ роды богопочтенія и благоговѣлъ предъ всѣмъ, что касалось служенія Богу. Таковъ, между прочимъ, былъ взглядъ его и на христіанство. Онъ признавалъ Іисуса Христа существомъ божественнымъ на ряду со многими языческими божествами; поставилъ въ своей божницѣ, гдѣ проводилъ каждое утро, изображеніе его между изображеніями Аполлонія Тіанскаго, Авраама, Орфея и другихъ, кого почиталъ существами божественной природы, хотѣлъ построить ему храмъ и включить его въ число римскихъ боговъ (¹). Слова Спасителя: *якоже хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде* (Лук. 6, 31), нравились ему до такой степени, что, не довольствуясь частымъ повтореніемъ ихъ, онъ приказалъ надписать ихъ на дверяхъ своего дворца и на публичныхъ зданіяхъ (²). Юлія Маммея, мать этого государя, имѣвшая на него большое вліяніе, желая лучше познакомиться съ христіанскою вѣрою, во время пребыванія своего въ Антіохіи нарочно призывала къ себѣ Оригена, отправивъ для охра-

---

Judaeorum et Samaritanorum religiones et christianam devotionem illuc transferendas, ut omnium culturarum secretum Heliogabali (dei) sacerdotium teneret,—pag. 102.

(¹) In queis et Apollonium, et quantum scriptor temporum suorum dicit, Christum, Abraham et Orpheum, et huiuscemodi deos habebat, — pag 123. Christo templum facere voluit, eumque inter deos recipere. Quod et Adrianus cogitasse fertur.... pag. 129. Vit. Alexandri, *Aelii Lampridii*.

(²) Ibid. pag. 132.

ненія его почетную стражу, и онъ, безъ сомнѣнія, успѣлъ утвердить въ ней то уваженіе къ христіанству, которое со славою для всей Церкви пробуждалъ въ языческихъ философахъ (1). Въ свою очередь она могла передать впечатлѣніе своихъ бесѣдъ съ нимъ сыну и близкимъ къ себѣ людямъ. Назначая выборы мѣстныхъ начальниковъ, Александръ Северъ внушалъ язычникамъ подражать примѣру христіанъ при избраніи священнослужителей (2). Мало этого, когда произошелъ споръ объ одномъ мѣстѣ въ Римѣ, на которомъ построенъ былъ христіанскій храмъ, между христіанами и язычниками, объявившими на него свои права и хотѣвшими построить тамъ харчевню, онъ рѣшилъ дѣло въ пользу христіанской Церкви, признавая, слѣдовательно, ее обществомъ, находящимся подъ покровительствомъ законовъ (3). Но какъ ни расположенъ былъ этотъ государь къ христіанству, онъ не осмѣлился включить его въ число дозволенныхъ законами религій; между тѣмъ знаменитый правовѣдъ его времени, Домицій Улпіанъ, въ сочиненіи объ обязанностяхъ проконсула собралъ всѣ законы прежнихъ государей противъ Церкви (4).

Грубый ѳракіянинъ Максиминъ (235—237 г.), достигнувъ престола убійствомъ Александра Севера, ненавидѣлъ христіанъ за расположеность ихъ къ своему предшественнику и въ особенности преслѣдовалъ епископовъ.

---

(1) *Евсев*. Церк. Ист. кн. 6, гл. 21.

(2) *Lamprid*. ibid. pag. 130.

(3) Quum christiani quemdam locum, qui publicus erat, occupassent, contra popinarii dicerent sibi eum deberi, rescripsit melius esse, ut quomodocumque illic Deus colatur, quam popinariis dedatur, — *Idem* ibid. pag. 131.

(4) *Lactantii* Instit. Divin. lib. 5, cap. 11. Ut doceret, quibus poenis affici oporteret eos, qui se cultores *Dei* confiterentur.

какъ главныхъ распространителей евангельскаго ученія ([1]). Опустошительныя землетрясенія, часто повторявшіяся въ Понтѣ и Каппадокіи, дали язычникамъ новый поводъ возставать на святую Церковь въ этихъ странахъ, и они преслѣдовали ее тѣмъ свободнѣе, что начальникъ каппадокійской провинціи, Сереніанъ, самъ напитанъ былъ чувствами враждебными христіанству ([2]). Хотя гоненіе такимъ образомъ возникало только по мѣстамъ, и христіане могли спасаться бѣгствомъ въ другія страны, хотя оно вообще не было и такъ жестоко, какъ въ прежнія времена; не смотря на то впечатлѣніе его на христіанъ, въ теченіе многихъ лѣтъ пользовавшихся ненарушимымъ спокойствіемъ, было сильно ([3]).

Но тѣмъ счастливѣе для Церкви казалось время царствованія преемниковъ Максимина, Гордіана (238—243 г.) и Филиппа Аравитянина (244—249 г.). Послѣдняго многіе изъ христіанъ во второй половинѣ третьяго и въ четвертомъ вѣкѣ почитали даже принявшимъ христіанскую вѣру. «Носился слухъ ([4]), будто онъ, бывъ христіаниномъ, захотѣлъ однажды вмѣстѣ съ народомъ участвовать въ молитвахъ церковныхъ во время послѣдняго всенощнаго бдѣнія предъ пасхою,—то есть, въ ночь съ великой субботы на свѣтлое воскресенье, —но епископъ той ([5]) церкви не допустилъ его, сказавъ, что не можетъ

([1]) *Евсев.* Церк. Истор. кн. 6, гл. 28.

([2]) Acerbus et dirus parsecutor,—*Firmil.* epist.

([3]) *Firmiliani* Epist. ad Cypr. num. 10, in Patrolog. Curs. Compl. tom. 3, pag. 1163—1164. *Origen.* in Matth., edit. Delarue, 1740 ann., Oper. Origen. tom. 3, pag. 857.

([4]) *Evseb.* Hist. Eccles. lib. 6, cap. 34: τοῦτον κατέχει λόγος χριςιανὸν ὄντα..... ἐθελῆσαι κτλ. Въ хроникѣ Евсевія Филиппъ называется прямо первымъ христіанскимъ государемъ.

([5]) Позднѣйшее преданіе дополняетъ, будто это было въ антіохій

дозволить ему входа въ церковь до той поры, пока онъ не очиститъ своихъ преступленій общественнымъ покаяніемъ, и императоръ будто бы согласился подвергнуться такому покаянію и загладилъ преступленія добрыми дѣлами». Слухъ этотъ былъ, однако, не основателенъ, судя потому, что во всѣхъ дѣлахъ своего царствованія Филиппъ являлся представителемъ господствовавшаго въ римской имперіи язычества (1). Въ его время Оригенъ писалъ свое сочиненіе противъ Цельса, и хотя говоритъ въ немъ, что христіане пользовались тогда весьма спокойнымъ положеніемъ, но не даетъ ни малѣйшаго намека, чтобы и самъ императоръ былъ христіаниномъ, несмотря на то, что ему неоднократно представлялся поводъ указать на это обстоятельство и онъ долженъ былъ знать его хорошо, имѣя сношенія съ царскимъ домомъ (2). Можно было бы думать, что императоръ скрывалъ свою вѣру по политическимъ причинамъ; но съ этимъ несообразно опять то, что онъ пришелъ въ христіанскую церковь, особенно — въ такое время, когда необходимо предполагать многочисленное стеченіе народа, или еще болѣе, что онъ подвергся даже общественному покаянію. Первый слѣдъ мнѣнія о принятіи Филиппомъ христіанской вѣры встрѣчается, впрочемъ, у достовѣрнаго свидѣтеля. Діонисій александрійскій писалъ (около 258 г.) о третьемъ преемникѣ этого государя, Валеріанѣ, что ни одинъ изъ прежнихъ государей не былъ

ской церкви, при епископѣ Вавилѣ; но Евсевій не слыхалъ еще этого.

(1) См. Исторію *Зосимы*, изд. Боннск. 1837 г. Corp. Script. Hist. Byz., кн. 1, стр. 22—23; кн. 2, стр. 63—72. и тамъ же *Reitemeieri* Commentar. historic. pag. 345—446.

(2) *Евсевій* (Церк. Истор. кн. 6, гл. 36) упоминаетъ о письмахъ Оригена къ царю Филиппу и его супругѣ Северѣ.

столько благосклоненъ и милостивъ къ христіанамъ, какъ онъ въ началѣ своего царствованія,—ни даже тѣ, о которыхъ говорили, что они явно были христіанами (1).— Подъ этими послѣдними можно разумѣть только Филиппа и Александра Севера, и вѣроятно, что Діонисій, правильно понимая дѣло, ставилъ ихъ обоихъ въ одномъ классѣ. Подобно Александру Северу, Филиппъ могъ вводить и христіанство въ кругъ своего религіознаго еклектизма, а молва увеличила его уваженіе къ христіанской вѣрѣ, и принятіе переносныхъ выраженій въ буквальномъ смыслѣ породило мысль, что онъ былъ дѣйствительно христіаниномъ. Убіеніе имъ своего предшественника и многое другое изъ его жизни не связывалось съ исповѣданіемъ христіанства; поэтому могла произойти догадка, что онъ былъ отлученъ отъ общенія и подвергался общественному покаянію. Соображенія дополняли ее неясными указаніями обстоятельствъ—времени, въ послѣдствіи — мѣста, и такъ могло составиться все вышеприведенное сказаніе.

Взглядъ Оригена на внѣшнее состояніе Церкви.

Но вмѣсто того, чтобы долго останавливаться на немъ, гораздо лучше прослѣдить здѣсь взглядъ знаменитаго христіанскаго философа, Оригена, на борьбу, которую доселѣ вела Церковь за свое существованіе, на ея положеніе въ обществѣ въ это время и на ея тогдашнюю будущность. Касательно бывшихъ гоненій Оригенъ говоритъ: «соблюдая предписываемое кротостію и человѣколюбіемъ правило не

(1) Οὐδ' οἱ λεχθέντες ἀναφανδὸν χριστιανοὶ γεγονέναι. *Euseb*. Hist. Eccles. lib. 7, cap. 10.

мстить врагамъ, христіане достигли того, чего не достигли бы, если бы имѣли дозволеніе воевать за себя и были очень могущественны,—достигли силою Бога, который самъ всегда воинствовалъ за нихъ и, когда было нужно, останавливалъ тѣхъ, кто на нихъ возставалъ и имѣлъ намѣреніе ихъ истребить. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ Богъ не допускалъ всецѣлаго истребленія христіанъ, потому что восхотѣлъ, чтобы христіанство существовало и вся земля была наполнена имъ; то по временамъ нѣсколько, очень ограниченное число, человѣкъ умирало за христіанскую вѣру (¹), — для воспоминанія, чтобы, взирая на нѣсколько подвижниковъ за вѣру, другіе учились презирать смерть. А потомъ, чтобы немощнѣйшіе избавились отъ страха смерти, промышляя о вѣрующихъ, Богъ однимъ мановеніемъ разсѣявалъ всѣ умыслы противъ нихъ; такъ что ни цари, ни мѣстные начальники, ни народъ, никто не возставалъ противъ нихъ болѣе (²)». — Обращая вниманіе на состояніе Церкви въ свое время, онъ пишетъ, что «число христіанъ постоянно увеличивается и ежедневно умножается; такъ что Господь подалъ имъ даже и дерзновеніе, хотя все еще представляются тысячи препятствій для распространенія въ мірѣ ученія Іисусова. Но такъ какъ восхотѣлъ Богъ, чтобы ученіе Іисуса Христа просвѣтило всѣхъ; то всѣ человѣческіе умыслы противъ христіанъ напрасны, и чѣмъ болѣе цари, мѣстные начальники и народъ стѣсняли ихъ, тѣмъ болѣе они умножались и становились сильнѣе (³). Между множествомъ прини-

(¹) Ὀλίγοι κατὰ καιροὺς τὲ σφόδρα εὐαρίθμητοι ὑπὲρ τῶν χριστιανῶν θεοσεβείας τεθνήκασι.

(²) *Origen.* Contra Cels. lib. 3, num. 8, pag. 452, edit. Delarue.

(³) Jbidem lib. 7, num. 26, pag. 712—713.

мающихъ теперь вѣру есть люди богатые, стоящіе на высшихъ степенахъ почестей, знатныя и благородныя женщины; такъ что предстоятели церквей пользуются уже и честію въ обществѣ, хотя безчестіе отъ невѣрующихъ превышаетъ еще честь отъ единовѣрцевъ (1). Подозрѣніе христіанъ въ противоестественныхъ преступленіяхъ, при всей своей нелѣпости имѣвшее нѣкогда столь большую силу въ умахъ почти всѣхъ язычниковъ, теперь остается только у весьма немногихъ, у тѣхъ, которые по предубѣжденію не хотятъ вступать даже въ простой разговоръ съ христіанами (2), и гоненія противъ христіанъ, по волѣ Божіей, притихли уже давно (3)». — Но, смотря на будущее, Ѳригенъ думалъ, что «это спокойствіе въ положеніи ихъ легко можетъ быть нарушено, какъ скоро враги христіанства придутъ къ мысли, что причина частыхъ возмущеній, возникающихъ нынѣ, кроется въ многочисленности христіанъ, постоянно возрастающей отъ небрежности мѣстныхъ начальниковъ, которые не преслѣдуютъ ихъ такъ, какъ въ прежнія времена (4)». Такимъ образомъ онъ предвидѣлъ, что гоненія еще не окончились, что мысль, будто распространеніе христіанства, подавляя древнее идолослуженіе римскаго народа, влечетъ за собою паденіе римской имперіи, рано или поздно можетъ сдѣлаться причиною новыхъ гоненій. «Впрочемъ», говорилъ онъ (5), «если Богу будетъ угодно, мы можемъ непостижимымъ образомъ (*παραδόξως*) пользоваться и спокойствіемъ среди не-

---

(1) Jbidem. lib. 3, num. 9, pag. 453.
(2) Jbidem lib. 6, num. 27, pag. 651.
(3) Jbidem. lib. 3, num. 15, pag. 456: πεπαῦσθαι ἤδη χρόνῳ πλείονι.
(4) Jbidem.
(5) Jbidem lib. 8, num. 70, pag. 794.

навидящаго насъ міра, уповая на сказавшаго: *дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоанн. 16, 33). Онъ дѣйствительно побѣдилъ міръ. Слѣдовательно міръ имѣетъ надъ нами столько власти, сколько попуститъ Побѣдившій его силою Отчею, и Его побѣда есть залогъ нашей побѣды. Если же Онъ восхощетъ, чтобы мы опять боролись и подвизались за вѣру; то пусть выступаютъ противоборцы, — мы скажемъ имъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ, Господѣ нашемъ* (Филипп. 4, 13)». Оригенъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что «наступитъ время, когда всѣ другіе роды богослуженій уничтожатся, и христіанство одно будетъ господствовать во всемъ мірѣ, пріобрѣтая себѣ до той поры постоянно болѣе и болѣе послѣдователей» ([1]).

Начало Деціева гоненія (249—251 г.).

Между тѣмъ предположеніе его о наступленіи новыхъ гоненій сбылось скоро, или лучше,—въ то самое время, когда онъ писалъ о немъ въ Кесаріи палестинской, въ другомъ мѣстѣ оно уже сбывалось. Какой-то поэтъ, — фанатикъ, или обманщикъ, проповѣдуя въ Александріи волю мнимыхъ боговъ и грозя общественными бѣдствіями, возбудилъ весь городъ къ нападенію на христіанъ. За исключеніемъ немногихъ, христіане успѣвали впрочемъ спасать свою жизнь отъ гонителей и оставались тверды въ вѣрѣ, какъ вдругъ распространилось извѣстіе о перемѣнѣ въ правленіи и вслѣдъ за тѣмъ явился едиктъ, осуществившій почти тотъ самый ужасъ, о которомъ предсказалъ Господь: *якоже прельстити, аще возможно, и избранныя*

([1]) Ibidem, num. 68, pag. 793. Cf. num. 72, pag. 795 et 796.

(Матѳ. 24, 24) [1]. Когда послѣ благосклоннаго къ христіанамъ правленія вступалъ на престолъ государь, усердно преданный народному идолослуженію; то весьма естественно, что онъ приписывалъ постоянно возраставшее увеличеніе числа христіанъ спокойному состоянію ихъ въ предшествовавшее царствованіе и поэтому находилъ нужнымъ подтвердить во всей строгости, или даже усилить прежніе законы противъ нихъ. Такъ, послѣ благосклоннаго къ христіанамъ Антонина Нѣжнаго, Маркъ Аврелій былъ гонителемъ; послѣ Александра Севера, Максиминъ ѳракіянинъ преслѣдовалъ христіанство; такъ случилось и теперь, когда, послѣ пораженія Филиппа, въ 249 году вступилъ на престолъ Декій Траянъ. Уже около тридцати лѣтъ христіане во многихъ странахъ пользовались ненарушимымъ спокойствіемъ; въ иныхъ даже болѣе. При такой продолжительности мирнаго времени, когда не было явной опасности исповѣдовать христіанство, кромѣ истинно вѣрующихъ оказалось въ Церкви и много такихъ, которые или по принятіи христіанства не сохранили въ себѣ ревностнаго духа вѣры, или, происходя отъ христіанскихъ родителей и получивъ крещеніе въ младенчествѣ, не воспитали въ себѣ страха Божія, или, наконецъ, приняли христіанство не столько по убѣжденію, сколько по примѣру близкихъ къ себѣ людей и по какимъ либо житейскимъ [2] разсчетамъ, вообще много недостойныхъ христіанскаго званія и не готовыхъ къ борьбѣ за вѣру. Поэтому, вмѣстѣ съ Ориге-

(1) Послан. *Діонис. александр.* къ Фабію въ Ц. Ист.*Евсев.* кн. 6, гл.41.

(2) *Origen.* contr. Cels. lib. 1, num. 67, pag. 382. *Καὶ ἔτι γε τὸ ὄνομα Ἰησοῦ.. ἐμποιεῖ... καὶ φιλανθρωπίαν, καὶ χρηστότητα, καὶ ἡμερότητα, ἐν τοῖς μὴ διὰ τὰ βιωτικὰ ἢ τίνας χρείας ἀνθρωπικὰς ὑποκρινομένοις, ἀλλὰ παραδεξαμένοις γνησίως τὸν.... λόγον.*

номъ, можно признать наступившее гоненіе, дѣйствительно, дѣломъ Промысла, восхотѣвшаго такимъ образомъ укрѣпить и прославить Церковь, очистивъ ее отъ недостойныхъ. Вскорѣ по укрощеніи перваго его пыла, Кипріанъ епископъ карѳагенскій писалъ къ своей паствѣ по поводу множества отпадшихъ: «если откроемъ причину пораженія, то узнаемъ и лекарство отъ ранъ. Господь восхотѣлъ испытать людей своихъ, и такъ какъ продолжительность мира сдѣлала насъ безпечными и, можно сказать, усыпила нашу вѣру, то судъ небесный возбудилъ ее. Каждый началъ стараться объ увеличеніи своего наслѣдства и, забывъ, какъ прежде жили вѣрующіе при апостолахъ и какъ всегда должны жить, съ ненасытною алчностію заботился о приращеніи имѣнія. Не стало ни къ священнослуженіямъ благоговѣйности, ни къ таинствамъ полной вѣры, ни въ дѣлахъ милосердія и правилахъ жизни должнаго благочинія. Заботливость о наружности, хитрые обманы, семейныя связи съ язычниками, ложныя клятвы, неуваженіе къ священнослужителямъ, злословіе и взаимные раздоры поселились между мірянами. А большая часть епископовъ, которые должны учить ихъ и словомъ и примѣромъ, пренебрегая служеніемъ божественнымъ, озаботились дѣлами земными и блуждали по разнымъ областямъ для пріобрѣтенія богатствъ неправедною торговлею, оставивъ свои каѳедры, покинувъ паствы и не думая о бѣдныхъ братіяхъ въ Церкви (¹)». При такомъ состояніи нѣкоторыхъ церквей понятно, что крайне жестокое гоненіе, для большей части христіанъ неожиданно возникшее теперь, должно было многихъ поразить ужасомъ.

(¹) De Lapsis num. 5 et 6, pag. 468—470 in Patrol. Curs. Compl. tom. 4.

Порядокъ гоненія.

Декій имѣлъ намѣреніе совершенно уничтожить христіанство. Въ самомъ началѣ 250-го года онъ повелѣлъ строго разъискивать христіанъ и принуждать ихъ къ соблюденію обрядовъ римскаго идолослуженія угрозами и мученіями, въ случаѣ же недостаточности подобныхъ средствъ, предавать смерти, преимущественно епископовъ, какъ опоры христіанской вѣры (¹). Постепенно гоненіе усиливалось и распространялось отъ Рима по областямъ. Въ каждомъ мѣстѣ, для выполненія императорскаго едикта, прежде всего объявлялся срокъ, къ которому всѣ мѣстные христіане должны были явиться въ судъ, чтобы отречься отъ вѣры и принесть жертву идоламъ. Тѣмъ, которые, до исполненія его, оставляли свое отечество, сверхъ отобранія имѣній, воспрещалось возвращеніе на родину подъ угрозою смертной казни; тѣхъ же изъ христіанъ, которые оставались на мѣстѣ своего жительства, не желая лишиться имѣній, но между тѣмъ не хотѣли явиться и въ судъ для отреченія отъ вѣры, или которые вообще по чувству вѣры не желали искать спасенія въ бѣгствѣ, судъ долженъ былъ разъискивать при содѣйствіи (²) пяти избраннѣйшихъ гражданъ. Если христіане, бывъ такимъ образомъ найдены и представлены суду, оставались твердыми въ исповѣданіи, ихъ неоднократно подвергали всякаго рода мученіямъ

(¹) *S. Cypr.* epist. 52: tyrannus infestus sacerdotibus Dei (Decius).

(²) *Cyprian.* Epist. 40, num. 3, pag. 334 in 4 tom. Patrolog. Curs. Compl.—Quinque primores illi qui edicto nuper magistratibus fuerant copulati, ut fidem nostram subruerent. Прибавленіе слова *edicto* указываетъ на то, что такъ было не только въ Кареагенѣ, но и повсюду.

и потомъ заключали въ темницы, изнуряя голодомъ и жаждою, чтобы поколебать ихъ вѣру; такъ что до произнесенія приговора къ смерти они большею частію должны бывали вытерпѣть страданія, несравненно болѣе ужасныя, чѣмъ самая смерть. Нѣкоторыя мѣстныя начальства, по корыстолюбію, или по несочувствію къ гоненіямъ, довольствовались впрочемъ и тѣмъ, чтобы христіане, не принося жертвы на самомъ дѣлѣ, пріобрѣтали себѣ отъ суда свидѣтельство (¹) въ принесенія ея, или даже, чтобы они, хотя и не являясь сами въ судъ, озаботились о внесеніи своихъ именъ въ веденный при судѣ списокъ лицъ, оказавшихъ покорность требованіямъ изданнаго едикта (²). Не говоря о слабыхъ, многіе охотно пользовались такимъ снисхожденіемъ по невѣдѣнію, не предполагая въ томъ ничего преступнаго въ отношеніи къ исповѣданію вѣры; но Церковь всегда осуждала это, какъ безмолвное отреченіе.

Впечатлѣніе и первое дѣйствіе его на христіанъ.

Современникъ гоненія св. Діонисій, епископъ александрійскій, такъ описываетъ впечатлѣніе и первое дѣйствіе, произведенныя на христіанъ изданнымъ едиктомъ. «Всѣ тогда», говоритъ онъ, «поражены были ужасомъ; многіе изъ людей знатнѣйшихъ отъ страха сами спѣшили явиться въ судъ; другіе, несшіе общественныя должности, были призываемы къ тому необходимостію; а нѣкоторыхъ

(¹) Libellum, libellatici.

(²) Acta,—acta facientes.—Ibidem, epist. 31, num. 3, p. 310. Adversus eos, qui se ipsos infideles illicita nefariorum libellorum professione prodiderant... sed etiam adversus illos, qui acta fecissent, licet praesentes cum fierent non affuissent, cum praesentiam suam utique, ut sic scriberentur, mandando fecissent.

вели друзья и домашніе. Приходившіе называемы были по именамъ и приступали къ нечистымъ и сквернымъ жертвамъ, одни — блѣдные и трепещущіе, какъ будто не по желанію принести жертву, а съ намѣреніемъ сами сдѣлаться жертвою идоловъ, такъ что въ окружавшей себя толпѣ народа возбуждали насмѣшки, показывая всѣмъ свое малодушіе и предъ лицемъ смерти, и при видѣ жертвы; другіе подходили къ жертвенникамъ съ большею готовностію, стараясь самою смѣлостію доказать, что они и прежде не были христіанами. Къ нимъ-то относится истинное предсказаніе Господне, что богатымъ трудно спастись. Изъ прочихъ же одни слѣдовали за тѣми, другіе за другими, иные убѣжали, а нѣкоторые были схвачены, и изъ послѣднихъ—одни устояли до узъ и темницы, а другіе, хотя находились въ заключеніи уже много дней, но потомъ, еще не дождавшись суда, отреклись. Были и такіе, которые, вытерпѣвъ довольно пытокъ, на дальнѣйшія мученія не отважились. Только твердые и блаженные столпы, укрѣпляемые Господомъ, принявъ достойную и приличную себѣ силу и постоянство необоримой вѣры, содѣлались дивными свидѣтелями царства Божія». Изъ числа мучениковъ святый Діонисій упоминаетъ за тѣмъ объ Юліанѣ, Макаріѣ, Александрѣ, Епимахѣ (1), пятнадцатилѣтнемъ отрокѣ Діоскорѣ и многихъ другихъ (2).

Мученики.

Вообще, не смотря на множество слабыхъ и отпадшихъ, никогда прежде не являлось въ Церкви столько твердыхъ

(1) Память его 31 Октября.
(2) Церк. Ист. *Евсев.*, кн. 6, гл. 41.

исповѣдниковъ вѣры и мучениковъ, какъ въ гоненіе Деція, не продолжавшееся и двухъ полныхъ лѣтъ (250—251). Кромѣ упомянутыхъ мучениковъ александрійскихъ, преимущественно извѣстны: Фабій, епископъ и мученикъ (1), и Целеринъ, исповѣдникъ римскій, мученица Агаѳія, (2) пострадавшая въ Катанеѣ, Павелъ мученикъ карѳагенскій, Троадій неокесарійскій, Меркурій кесаріе-каппадокійскій, Поліевктъ мелитинскій, Трифонъ никейскій и Кодратъ никомидійскій (3). Множество готовыхъ повсюду жертвовать жизнію за святую вѣру устрашало самихъ гонителей и примѣры отпаденія отъ вѣры немедленно вызывали на подвигъ исповѣдниковъ непоколебимыхъ. Въ Троадѣ вмѣстѣ съ мучениками Андреемъ, Петромъ и Павломъ (4) подвергнутъ былъ страданіямъ за вѣру нѣкто Никомахъ. Мучитель, казалось, хотѣлъ истощить надъ нимъ всю жестокость, какбы въ отмщеніе за непоколебимость другихъ, и страдалецъ, изнемогши подъ пытками до потерри сознанія, отрекся въ минуту самой смерти. Но торжество гонителя было непродолжительно. Въ тоже мгновеніе изъ толпы, окружавщей мѣсто суда, раздался явственный голосъ: «бѣдный, несчастный человѣкъ, за чѣмъ слабостію одной минуты ты подвергъ себя мученіямъ вѣчнымъ»? Вслѣдъ за тѣмъ, по требованію проконсула, вышла на средину, сказавшая эти слова, шестнадцатилѣтняя дѣвица Діонисія и мученическою кончиною запечатлѣла непоколебимость своей вѣры (5). Святый Діонисій

---

(1) Память его 5 Августа.

(2) — 5 Февраля.

(3) Дни страданія послѣднихъ пяти мучениковъ воспоминаются 2 Марта, 24 Ноября, 9 Января, 1 Февраля и 10 Марта.

(4) Память ихъ, равно какъ и св. мученицы Діонисіи,—18 Мая.

(5) *Ruinart*. Acta Martyr. Petri, Andreae, Pauli et Dionysiae, pag. 158—160.

разсказываетъ о подобномъ же происшествіи въ Александріи: «мѣсто судіи по обыкновенію окружалъ отрядъ воиновъ, и когда во время допроса одинъ изъ подсудимыхъ христіанъ склонялся къ отреченію отъ вѣры, эти воины старались поддержать его взглядами, движеніями рукъ и наконецъ, видя безуспѣшность тайныхъ намековъ, поспѣшно подошли къ судейскому сѣдалищу и исповѣдали себя христіанами, такъ что проконсулъ и присутствовавшіе съ нимъ пришли въ страхъ, а подсудимые, ожидая мученій, сдѣлались дерзновеннѣе. «Вотъ», прибавляетъ святый Діонисій, «и судіи трепещутъ, а подсудимые выходятъ изъ судилища съ ликованіемъ и радостію о своемъ исповѣданіи, потому что славное торжество ихъ благословляется самимъ Богомъ (1)»!

Продолженіе гоненія.

Такимъ образомъ надежда легко подавить христіанство, родившаяся въ умахъ гонителей въ слѣдствіе значительнаго числа отпадшихъ отъ вѣры при самомъ обнародованіи эдикта, оказалась тщетною, когда Церковь, избавившись отъ слабыхъ и частію недостойныхъ людей, вступившихъ въ нее во времена мира, представила на борьбу истинныхъ чадъ своихъ, подвижниковъ непоколебимыхъ, приводившихъ гонителей въ ужасъ своею твердостію и многочисленностію. Это впрочемъ не вразумило мѣстныхъ начальствъ, напротивъ заставило ихъ усилить жестокости гоненія и самому гоненію дало особое направленіе. Ихъ преслѣдованіе обратилось главнымъ об-

(1) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 6, гл. 41 къ концу.

разомъ противъ епископовъ и всѣхъ вообще священнослужителей Церкви, въ которыхъ они справедливо видѣли очевидную опору твердости другихъ христіанъ въ вѣрѣ. Итакъ явился цѣлый сонмъ священномучениковъ: Карпъ епископъ ѳіатирскій въ Пергамѣ съ діакономъ Папилою и св. Агаѳоникою (1), Несторъ епископъ магидскій въ Памфиліи, Кириллъ епископъ гортинскій на островѣ Критѣ, Александръ епископъ команскій въ Понтѣ, Сатурнинъ епископъ тулузскій въ Галліи, Вавила епископъ антіохійскій, Піоній пресвитеръ смирнскій, Александръ епископъ іерусалимскій (2) и многіе другіе священнослужители, имена которыхъ были менѣе извѣстны, скончались мученическою смертію. Лишеніе Церкви ея пастырей было для нея дѣйствительнымъ бѣдствіемъ, такъ какъ могло на время ослаблять по мѣстамъ внѣшнее единство ея членовъ, лишать ихъ бодрости, а иногда и необходимыхъ вещественныхъ пособій. Между тѣмъ, съ другой стороны, со смертію епископа гдѣ либо, гоненіе утихало. Посему нѣкоторые изъ епископовъ, какъ св. Кипріанъ карѳагенскій и Діонисій александрійскій (3), благоразумно удалялись изъ мѣстъ своего жительства, не по опасенію за себя, но для своихъ пасомыхъ,—для того, чтобы своимъ неосторожнымъ присутствіемъ не разжигать лютости гоненія и имѣть полную возможность чрезъ письменныя распоряженія безопасно и непрерывно помогать нуждамъ гонимыхъ. Они оставляли вмѣсто се-

---

(1) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 4, гл. 15. Ruinart. pag. 30 et 138. Память ихъ 13-го Октября.

(2) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 6, гл. 39. *Ruinart.* Acta Martyr. pag. LIV et 124—182. Дни ихъ страданія воспоминаются Церковію 28 Февраля, 9 Іюля, 12 Августа, 3 Іюня, 4 Сентября, 11 Марта и 12 Декабря.

(3) *Евсев.* Церк. Истор. кн. 6, гл. 40; *S. Cypriani* epist. 14.

бя нѣсколько пресвитеровъ, по мѣрѣ нужды замѣняя однихъ другими и давая имъ правила, какъ должно вести себя и что дѣлать во время гоненія (1). Св. Григорій епископъ неокесарійскій поступилъ еще своеобразнѣе. Онъ собралъ всѣхъ новоувѣровавшихъ своихъ пасомыхъ и, удалившись изъ города, скрывался въ пустыняхъ вмѣстѣ съ ними (2). Въ слѣдствіе такой мѣры въ его церкви не оказалось ни одного отпадшаго. Съ началомъ 251-го года гоненіе повсюду сдѣлалось слабѣе. Одною изъ важнѣйшихъ причинъ этого могла быть смѣна ежегодно избираемыхъ начальниковъ, такъ какъ гоненіе было начато и ведено преимущественно по мысли правительства. Новые проконсулы и президенты, не получивъ (3) отъ императора подтвержденія на данный ихъ предшественникамъ едиктъ, не чувствовали охоты ревностно исполнять его, тѣмъ болѣе, что давняшнія предубѣжденія противъ христіанства въ народѣ ослабѣли и христіане начинали пріобрѣтать нѣкоторое уваженіе къ себѣ. Правда, преслѣдованіе еще продолжалось; но бывали примѣры, что, не желая пролитія крови, судіи въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей рѣшались разубѣдить какого либо епископа, или пресвитера, въ превосходствѣ христіанства предъ язычествомъ и, не успѣвъ въ этомъ, иногда освобождали его отъ суда. Въ подобныхъ случаяхъ мѣсто суда становилось мѣстомъ проповѣди о христіанской вѣрѣ. Это можно видѣть изъ актовъ святаго Піонія пресвитера смирнскаго, также изъ актовъ свята-

(1) *S. Cypr.* epist. 4 et 7,- semper—edit. Migne, in Patrol. Curs. Compl.

(2) *Gregor. Nyssen.* in Vita Gregorii Thaumaturgi,—opp. tom. 2, edit. Parisiis, 1615 ann., pag. 1001 et sequ.

(3) *Ruinart.* Acta Martyr., ep. Acacii, vel Achatii, num. V. Ut imperator gesta cognoscat, et ejus nutu quid de te agi debeat decernatur. Lectis itaque omnibus gestis, Decius... Achatium legi suae reddidit.

го Акакія епископа (1), изъ которыхъ первый принялъ впрочемъ мученическую смерть. Гражданскія возмущенія и война съ готѳами отвлекли потомъ совершенно вниманіе Деція отъ христіанъ, а къ концу 251-го года онъ лишился на войнѣ жизни (2).

Гоненіе Галла и Волузіана (252—253 г.).

При его преемникѣ Галлѣ христіане наслаждались спокойствіемъ до половины слѣдующаго 252-го года; но потомъ мало по малу распространившаяся по всей римской имперіи моровая язва, засухи, голодъ, снова измѣнили ихъ положеніе (3). Императоръ повелѣлъ всѣмъ своимъ подданнымъ для спасенія отъ общественныхъ бѣдствій умилостивлять боговъ приношеніемъ жертвъ (4). Христіане, конечно, не могли буквально исполнить изданнаго едикта; и такъ явился новый поводъ къ гоненію на нихъ, и Церковь украсилась новыми мучениками (5). Римскій епископъ Корнелій, съ опасностію жизни вступившій на каѳедру по смерти Фабія и управлявшій римскою церковію еще при Деціѣ, естественно, сдѣлался первою жертвою гоненія. Онъ былъ сосланъ въ заточеніе, а потомъ преданъ смерти. Епископъ Люцій, имѣвшій довольно христіанской твердости, чтобы въ столь опасное время принять на себя преемство Корнелію, чрезъ полгода былъ преемни-

(1) *Ruinart.* Acta Martyr. S. Pionii; cf. *Евсев.* Церк. Ист. кн. 4, гл. 15; et Acta disputationis S. Achatii.

(2) *Lactant.* de mort. persecut. cap. 4.

(3) *S. Cypr.* Lib. ad Demetrian., vid. num. 3, 5, 7—8, 10—12.

(4) *Cypriani* epist. 55 ad Cornelium: sacrificia, quae edicto proposito celebrare populus jubebatur.

(5) *S. Cyprian.* epist. 56 ad Thibaritanos, de exhortatione martyrii; *Евсев.* Церк. Ист. кн. 7, гл. 1 и 2.

комъ его и въ ссылкѣ, и въ мученической кончинѣ. Войны и возмущенія препятствовали впрочемъ императору заняться христіанами и распространить гоненіе на нихъ повсюду, а несчастная смерть, постигшая его лѣтомъ 253-го года, даровала христіанамъ повсюду спокойствіе и миръ.

Гоненіе Валеріана.

Преемникъ Галла императоръ Валеріанъ (253—259 г.) въ началѣ своего царствованія былъ такъ благосклоненъ къ христіанамъ, какъ ни одинъ изъ предшествовавшихъ государей, ни даже тѣ, о которыхъ говорили, что они явно были христіанами; но съ 257 года, по вліянію Макрина, онъ измѣнилъ свой образъ мыслей и началъ ихъ преслѣдовать ([1]). Многочисленность христіанъ, простиравшаяся въ это время до того, что, по словамъ святаго Діонисія александрійскаго, весь домъ царя наполнялся людьми благочестивыми и былъ церковію Божіею, была причиною, что гоненіе обращено было преимущественно противъ епископовъ, какъ это было и прежде, при Деціѣ и Галлѣ. Въ началѣ, по видимому, оно не обѣщало быть ни жестокимъ, ни кровопролитнымъ. Повелѣно было епископовъ, а равно пресвитеровъ и діаконовъ, ссылать въ заточеніе, въ надеждѣ, что съ удаленіемъ ихъ отъ церквей и съ уничтоженіемъ такимъ образомъ церковнаго богослуженія легко будетъ прочихъ христіанъ отклонять отъ вѣры. Посему, вмѣстѣ съ этимъ, подъ угрозою строгаго наказанія запрещено было и отправ-

([1]) *Діонис. алекс*. посл. къ Эрмамм. въ Церк. Ист. *Евсев*. кн. 7, гл. 10.

леніе богослуженія. Такой порядокъ первоначальнаго преслѣдованія очевиденъ изъ сохранившихся до нашего времени проконсульскихъ допросовъ святому Діонисію епископу александрійскому и святому Кипріану епископу кароагенскому. «Когда приведены были на судъ Діонисій епископъ, пресвитеръ Максимъ, Маркеллъ и діаконы — Фавстъ, Евсевій и Херемонъ; то прокоснулъ Эмиліанъ послѣ устной бесѣды съ ними сказалъ: я говорилъ о человѣколюбіи къ вамъ нашихъ государей; вы получили отъ нихъ позволеніе быть внѣ опасности, если захотите поклоняться богамъ, сохраняющимъ ихъ царствованіе.— Діонисій отвѣчалъ: «не всѣ поклоняются всѣмъ богамъ, но каждый только тѣмъ, которыхъ признаетъ. Мы исповѣдуемъ единаго Бога, Творца всяческихъ, ввѣрившаго и царство боголюбезнѣйшимъ императорамъ Валеріану и Галліену. Его чтемъ мы, Ему кланяемся и Его молимъ постоянно о безмятежности ихъ царствованія».—Но кто же, возразилъ проконсулъ, препятствуетъ вамъ вмѣстѣ съ богами по природѣ поклоняться и этому, если только Онъ Богъ? — Діонисій отвѣчалъ: «мы никакому другому не поклоняемся». — Тогда проконсулъ сказалъ имъ: «вижу, что вы неблагодарны и безчувственны къ милости государей; посему не можете оставаться въ этомъ городѣ: васъ пошлютъ въ предѣлы Ливіи, въ Кефронъ; это мѣсто я избралъ по повелѣнію нашихъ императоровъ. Ни вамъ, ни другимъ, ни подъ какимъ видомъ не будетъ позволено дѣлать богослужебныя собранія, или посѣщать такъ называемыя усыпальницы. А кто не явится въ назначенное мною мѣсто, или будетъ найденъ въ какомъ нибудь собраніи, тотъ самъ приготовитъ себѣ опасность: въ надлежащемъ надзорѣ недостатка не будетъ. Ступайте же,

куда вамъ приказано (1)». Послѣ подобнаго же допроса и опредѣленія святому Кипріану въ Карѳагенѣ, проконсулъ Патернъ прибавилъ, что едиктъ императорскій касается не епископовъ только, но также пресвитеровъ, и что богослужебныя собранія въ какихъ бы то ни было мѣстахъ и посѣщеніе усыпальницъ запрещены подъ угрозою смертной казни (2). Цѣль едикта однакоже не была достигнута, какъ видно изъ того, что вслѣдъ за тѣмъ, послѣ многихъ безчеловѣчно жестокихъ истязаній, было заключено въ темницы и сослано въ рудники для работы множество христіанъ, правда, въ особенности епископовъ и лицъ другихъ степеней духовенства, но также и мірянъ, даже женщинъ и дѣтей, по всей вѣроятности, схваченныхъ во время богослуженія или при посѣщеніи усыпальницъ. Стараясь о поддержаніи возможнаго благосостоянія заключенныхъ и изгнанныхъ за святую вѣру, святый Кипріанъ, терпѣвшій самъ изгнаніе, ободрялъ ихъ въ терпѣніи истинно пастырскими посланіями (3); сверхъ того онъ снабдилъ сосланныхъ въ рудники весьма значительнымъ денежнымъ пособіемъ изъ собственныхъ доходовъ и церковныхъ имуществъ для удовлетворенія ихъ необходимыхъ потребностей (4). Вообще императоръ скоро убѣдился въ безполезности принятой противъ христіанъ мѣры. Видимое удаленіе епископовъ на самомъ дѣлѣ нисколько не отдѣляло ихъ отъ паствъ. Письменно и чрезъ посольство довѣренныхъ лицъ они управляли всѣми дѣ-

(1) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 7, гл. 11.

(2) *Ruinart.* acta S. Mart. Cyprian. pag 216..

(3) Epist. 77 ad Nemesianum et caeteros martyres in metallo constitutos; epist. 78—81; epist. 81 ad Sergium et Rogatianum et caeteros confessores in carcere constitutos,—*Patrolog. Curs. Compl.*

(4) Epist. 80: non minimam quantitatem; epist. 78, num. 3.

лами своихъ церквей, какбы присутствуя среди ихъ лично, и ссылка дѣлала ихъ еще болѣе любезными для пасомыхъ. Между тѣмъ въ мѣстахъ изгнанія, заключенія и изнурительныхъ тѣлесныхъ работъ, вокругъ ихъ собирались новыя паствы христіанъ, раздѣлявшихъ ихъ страданія. Въ иныхъ странахъ, куда до того времени христіанская вѣра еще не проникала, эти изгнанники были первыми распространителями ея, основывая тамъ новыя церкви. Такъ святый Діонисій александрійскій разсказываетъ о своемъ изгнаніи въ Кефронъ: «въ Кефронѣ составилась у насъ великая церковь, частію изъ братій александрійскихъ, которые прибыли вслѣдъ за мною, частію изъ пришельцевъ египетскихъ. Богъ и тамъ отверзъ намъ двери слова. Сперва преслѣдовали насъ и били камнями, а потомъ многіе язычники, оставивъ идоловъ, обратились къ Богу, — и тогда то нами посѣяны были тамъ первыя сѣмена слова, котораго прежде они не принимали. Какъ будто для того именно Богъ и привелъ насъ къ нимъ; ибо какъ скоро мы исполнили это служеніе, Онъ указалъ намъ другое мѣсто (1)». — Посему Валеріанъ для уничтоженія христіанства рѣшился прибѣгнуть къ мѣрамъ строгимъ и болѣе, по видимому, дѣйствительнымъ. Въ слѣдующемъ 258-мъ году онъ издалъ едиктъ, которымъ повелѣвалъ: епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ предавать смерти; сенаторовъ, благородныхъ мужей и всадниковъ римскихъ лишать принадлежащихъ имъ правъ достоинства и имуществъ, — если же и по лишеніи имѣній они останутся христіанами, казнить смертію; женщинъ высшаго сословія, по отобраніи ихъ имѣній, ссылать въ заточеніе; наконецъ христіанъ, состоя-

(1) Евсев. Церк. Ист. кн. 7, гл. 11.

щихъ въ царской службѣ, отсылать на работы въ царскія имѣнія. Едиктъ, по видимому, не касался людей низшаго сословія, изъ которыхъ должно было составляться большинство христіанъ, и не узаконялъ безполезнаго кровопролитія; но въ дѣйствительности ему подлежали всѣ христіане безъ исключенія, такъ какбы сословіе, не упомянутое въ немъ, повелѣвалось подвергать тѣмъ большимъ истязаніямъ, чѣмъ ничтожнѣе оно въ сравненіи съ другими (1). Такъ началось это кровопролитное и убійственное гоненіе, которое Евсевій называетъ жесточайшимъ (2). Римскій епископъ, преемникъ Стефана, Сикстъ и діаконы его церкви — Фелициссимъ, Агапитъ и Лаврентій были первою его жертвою, пострадавъ мученически 6 Августа 258 года (3). Вслѣдъ за тѣмъ начальники областей вызвали сосланныхъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ изъ мѣстъ ихъ заточенія, и всѣ они, кто не могъ или не хотѣлъ скрыться, были преданы смерти. Такъ пострадали: священномученикъ Кипріанъ епископъ карѳагенскій — 14 Сентября того же года (4), великомученикъ Никифоръ пресвитеръ антіохійскій (5), Ѳерапонтъ священномученикъ сардійскій, епископъ Кипріанъ въ Никомидіи (6), Кириллъ и Мамантъ въ Кесаріи каппадокійской (7), Зинонъ епископъ веронскій (8), Феликсъ

(1) *S. Cypriani* epist. 82 ad Successum, de nuntiis Roma reversis, persecutionem nuntiantibus.

(2) Σφοδρότατα πνέυσκν,—Hist. Eccles. lib. 7, cap. 11.

(3) *S. Cypriani* epist. ad Successum. Память ихъ 10 Августа.

(4) Die octava decima Calendarum Octobrium, *Ruinart*. Acta martyr. et episcopi Cypriani, pag. 218. Память его 31 Августа.

(5) Память его 9 Февраля. *Ruinart*. Acta Martyr. pag. 239.

(6) Память ихъ 27 Мая и 2 Октабря.

(7) Память его 2 Сентабря. *Ruinart*. Acta Martyr. pag. 245 et 264.

(8) Память его 12 Апрѣля.

пресвитеръ ноланскій ([1]), Фруктуозъ епископъ таррагонскій въ Испаніи ([2]), Прискъ, Малхъ и Александръ въ Кесаріи палестинской ([3]), Васса епископъ никскій ([4]), Діонисій первый епископъ парижскій, пресвитеръ его Рустикъ и діаконъ Елевѳерій, по древнему сказанію, принявшіе мученическую смерть на горѣ близъ Парижа, въ послѣдствіи названной посему горою мучениковъ ([5]), и множество другихъ повсюду. Повѣствованіе Пруденція о бѣлой массѣ, то есть, о трехъ стахъ мучениковъ, брошенныхъ въ Утикѣ въ ровъ съ горящею известію и извлеченныхъ потомъ въ видѣ известковой массы, достаточно характеризуетъ это повсемѣстное избіеніе христіанъ ([6]).

Объявленіе христіанства дозволенною вѣрою.

Гоненіе Валеріана окончилось въ 259-мъ году, когда послѣ несчастной войны съ персами онъ былъ плѣненъ ими, и сынъ его Галліенъ, бывшій прежде соправителемъ, сдѣлался единодержавнымъ государемъ. Жестокости послѣдняго гоненія охладили въ язычникахъ желаніе преслѣдовать христіанство и принесли Церкви ту пользу, что новый императоръ, только по несочувствію къ гоненіямъ и безъ всякаго личнаго расположенія къ христіан-

---

([1]) *Ruinart*. Acta Mart. pag. 247—262.

([2]) Jbid. pag. 218—222 et 468.

([3]) *Евсев*. Церк. Ист. кн. 7, гл. 12.

([4]) *Ruinart*. in Acta Martyr. Praefat. general. pag. XXIV.

([5]) Mont des martyrs, et par corruption—Montmartre. *Ruinart*. Admonitio in pass. S. Saturnini, pag. 128.

([6]) *Prudent*. in hymno 13, de S. Cypriano: prosiluere alacres cursu rapido simul trecenti... Candida massa dehinc... *Augustini* Sermo in Natali martyrum Candidae massae; Sermo 3 in Natali S. Cypriani. *Ruinart*. Acta Martyrum, pag. 202—203, 469 et 618 in Calendario carthaginensi.

ской вѣрѣ, при самомъ началѣ своего правленія предоставилъ христіанамъ свободное исповѣданіе ихъ вѣры и повелѣлъ возвратить имъ богослужебные домы, кладбища или усыпальницы и всѣ отобранныя у нихъ въ предшествовавшее царствованіе имѣнія. Такимъ образомъ онъ призналъ христіанскую вѣру дозволенною и христіанскую Церковь—законно существующимъ въ имперіи обществомъ, потому что только такое общество по римскимъ законамъ могло пользоваться правомъ владѣнія. Но такъ какъ на востокѣ и въ Египтѣ около двухъ лѣтъ удерживалъ еще власть Макринъ; то въ этихъ странахъ законъ Галліена получилъ свое дѣйствіе только въ 261-мъ году, бывъ подтвержденъ грамотою на имя святаго Діонисія александрійскаго, Пинны, Димитрія и прочихъ епископовъ ([1]). Посему въ то время, какъ западные христіане пользовались уже миромъ, на востокѣ продолжалось еще гоненіе по едикту Валеріана. Евсевій приводитъ замѣчательный примѣръ мученической кончины въ это время. Въ Кесаріи палестинской одинъ военный чиновникъ, именемъ Маринъ, получилъ мѣсто сотника; но въ то время, когда ему слѣдовало принять знакъ и отличіе новой должности, его соперникъ, имѣвшій послѣ него ближайшее право на полученіе ея, донесъ начальству, что Маринъ не можетъ быть удостоенъ римскихъ отличій, какъ христіанинъ и человѣкъ, не приносящій жертвъ государямъ. Судія далъ обвиненному три часа на размышленіе, хочетъ ли онъ оставаться христіаниномъ. Когда Маринъ послѣ того вышелъ изъ суда, къ нему пришелъ тамошній епископъ Ѳеотекнъ, увлекъ его своею бесѣдою, взялъ за руку и привелъ въ церковь. Здѣсь, поставивъ его предъ са-

---

([1]) Эту грамоту приводитъ *Евсевій*: Церк. Ист. кн. 7, гл. 13.

мымъ алтаремъ, потомъ откинувъ нѣсколько его плащъ и одною рукою указывая на висѣвшій у него мечъ, а другою на книгу божественныхъ евангелій, онъ предложилъ ему по волѣ избрать одно изъ двухъ. Маринъ, ни мало не колеблясь, простеръ правую руку къ божественному писанію. «Держись же Бога», сказалъ ему епископъ,— «держись и, укрѣпляемый Имъ, получишь, что избралъ. Иди съ миромъ». — Послѣ твердаго исповѣданія вѣры предъ судіею Маринъ скончался потомъ смертію мученика (¹).

Положеніе христіанъ съ 261-го до 303-го года.

Законъ Галліена существенно измѣнилъ внѣшнее положеніе христіанъ. Христіанство стало наконецъ вѣрою дозволенною; существованіе христіанской Церкви ограждено закономъ, и если прежде не всѣ расположены были преслѣдовать ее по существовавшимъ узаконеніямъ, то теперь и желавшіе ее преслѣдовать должны были опасаться того, какъ дѣйствія противозаконнаго. Важность этого измѣненія открывается уже при второмъ преемникѣ Галліена, Домиціѣ Авреліанѣ, вступившемъ на престолъ въ 270-мъ году. По происхожденію изъ низшаго сословія общества и воспитанію въ грубомъ суевѣріи, по слѣпой преданности древнему римскому идолопоклонству и убѣжденію, что отъ усердія къ нему зависитъ благосостояніе государства, наконецъ, по наклонности къ быстрымъ и суровымъ мѣрамъ, Авреліанъ долженъ былъ съ самаго начала своего царствованія сдѣлаться жестокимъ гонителемъ христіанства (²). Во время войны съ аллеманами

(¹) Церк. Ист. кн. 7, гл. 15. Память его 7 Августа.

(²) *Flavius Vopiscus* in D. Aureliano: Aurelianus severus, truculentus,

въ римскомъ сенатѣ было предложено мнѣніе обратиться по древнему обычаю за совѣтомъ къ сивиллинымъ книгамъ; но многіе изъ сенаторовъ отвергли его подъ предлогомъ, что огромныя военныя силы императора дѣлаютъ излишнимъ совѣтъ съ богами. Спустя нѣсколько времени мнѣніе это снова было предложено, и императоръ съ выраженіемъ крайняго неудовольствія писалъ по сему случаю сенату: «я удивляюсь, что вы тратите такъ много времени на разсужденіе, обратиться, или нѣтъ, къ сивиллинымъ книгамъ, какъ будто вы засѣдаете въ христіанской церкви, а не во храмѣ всѣхъ боговъ». Онъ требовалъ потомъ, чтобы сенатъ употребилъ всѣ старанія о принесеніи возможно большаго числа жертвъ, такъ какъ отнюдь не стыдно побѣждать съ помощію боговъ,— чтобы для этого не жалѣлись никакія издержки, и даже, чтобы приносимы были въ жертву плѣнники (¹). При всемъ томъ однако, этотъ жестокій государь, не расположенный къ Церкви и повелѣвавшій приносить въ жертву людей, въ первые годы своего правленія ничего не предпринималъ противъ христіанства. Мало того, однимъ рѣшеніемъ своимъ въ третій годъ царствованія онъ показалъ, что признаетъ христіанскую Церковь законно существующимъ въ имперіи обществомъ. Именно, когда въ Антіохіи возникло несогласіе между христіанами о томъ, кому быть тамъ епископомъ, и Павелъ епископъ антіохійскій, низложенный за ложное ученіе, бывъ поддерживаемъ единомышленниками, не хотѣлъ передать антіохійской церкви поставленному на его мѣсто епископу Домну; то Авреліанъ, къ которому обра-

---

sanguinarius fuit princeps; *Eutropius* in libr. 9 de eodem: vir in bello potens, animi tamen immodici, et ad crudelitatem propensioris.

(¹) *Flavii Vopisci* cap. 20.

тились христiане съ просьбою привести въ исполненiе судъ церковный, опредѣлилъ — передать антiохiйскую церковь тѣмъ, съ кѣмъ италiйскiе и римскiй епископы въ догматѣ согласны ([1]). Только въ 275-мъ году онъ рѣшился уже, вѣроятно для особеннаго умилостивленiя боговъ, устранить всѣ препятствiя и начать гоненiе на христiанъ; но прежде, чѣмъ успѣлъ исполнить свое намѣренiе, лишился жизни ([2]). Около сорока лѣтъ христiанская Церковь наслаждалась, такимъ образомъ, спокойствiемъ и миромъ. Число христiанъ необыкновенно умножилось между всѣми сословiями, хотя изъ множества новопоступившихъ въ Церковь не мало, безъ сомнѣнiя, было и недостойныхъ христiанскаго званiя. Церковь приняла внѣшнiй видъ, соотвѣтствовавшiй ея внутреннему благосостоянiю; вмѣсто прежнихъ простыхъ церквей или домовъ для богослуженiя появились теперь, особенно въ большихъ городахъ, обширные и великолѣпные храмы. Императоръ Дiоклитiанъ, съ 284 года управ-

---

([1]) *Τούτοις νέμαι προςάττων τὸν οἶκον, οἷς ἂν οἱ κατὰ τὴν Ἰταλίαν καὶ τὴν Ῥωμαίων πόλιν ἐπίσκοποι τοῦ δόγματος ἐπιςέλλοιεν.* Hist. Eccles. lib. VII. cap. 30.

([2]) *Евсевiй* говоритъ въ своей исторiи: «Едва задумалъ онъ и только лишь хотѣлъ подписать противъ насъ едиктъ, какъ постигъ его судъ Божiй (кн. 7, гл. 30)». Но *Лактанцiй* (lib. de mortibus persecutorum, cap. 6) прибавляетъ, что едиктъ былъ уже изданъ и только не дошелъ до дальнѣйшихъ провинцiй. На этомъ основанiи другiе стали утверждать, что при Аврелiанѣ было гоненiе. Дѣйствительно, надобно думать, что даже и въ промежутокъ времени отъ Галлiенова указа до Дiоклитiанова гоненiя бывали примѣры мученической смерти христiанъ, въ видѣ исключенiй (vid. Ruinart. Acta Martyr. praefat. general. pag. LVIII—LX); тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться, что въ настоящемъ случаѣ свидѣтельство Евсевiя заслуживаетъ предпочтенiя предъ другими и что бо̀льшая часть повѣствованiй о мученикахъ всего разсматриваемаго времени, не выдерживая согласiя съ несомнѣнно извѣстнымъ въ исторiи, должна быть относима къ болѣе раннему, или къ позднѣйшему времени.

лявшій имперіею сперва одинъ, потомъ съ 286 года вмѣстѣ съ Максиміаномъ Геркуломъ, а съ 292-го года при пособіи еще двухъ кесарей—Констанція Хлора и Галерія Максиміана, оказывалъ всегда, по крайней мѣрѣ, видимую благосклонность къ христіанству, которое нашло себѣ доступъ даже въ его семейство [1]. Въ гражданской службѣ и при дворахъ царей многіе изъ христіанъ занимали высокія и почетныя должности. Таковы были упоминаемые Евсевіемъ Дороѳей и Горгоній, знаменитые между лицами, занимавшими самыя высокія правительственныя мѣста; таковъ былъ Лукіанъ, начальникъ придвор-

(1) «Что сказать», говоритъ Евсевій (Церк. Ист. кн. 8, гл. 1), «о начальствующихъ надъ всѣми правителяхъ? — Домашнимъ, женамъ, дѣтямъ и слугамъ они дозволяли открыто и свободно слѣдовать божественому слову и христіанской жизни». — Въ самомъ дѣлѣ, воспоминаемая Церковію 24 Ноября мученица Августа, или императрица, супруга императора Максиміана, и 23 Апрѣля—мученица царица Александра (см. Niceph. Call. lib. 7, cap. 15; Godefridi Enschenii in tomo 3, Aprilis, historiae s. Georgii martyris fragmentum, pag. 103) были, если можно что нибудь знать о нихъ, Валерія дочь Діоклитіана, выданная имъ за Галерія Максиміана, сдѣлавшагося въ 305-мъ году императоромъ, и мать ея, то есть, жена Діоклитіана Приска—Александра. Лактанцій (de mort. persecut. cap. 14 et 15) говоритъ, что, послѣ вторичнаго пожара въ своемъ дворцѣ, Діоклитіанъ въ раздраженіи по подозрѣнію къ христіанамъ прежде всего *принудилъ* дочь свою Валерію и супругу Приску *осквернитьея жертвоприношеніемъ*, — выраженіе, показывающее ихъ вѣру,—потомъ уже началъ преслѣдовать христіанъ придворныхъ, духовенство и проч. Въ послѣдствіи, особенно послѣ смерти Галерія, ничто не препятствовало имъ раскаяться и снова вступить въ Церковь. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что онѣ перенесли гоненіе отъ преемника Галеріева Максимина и, по смерти его, пострадали отъ Ликинія въ 314 году (ibidem cap. 51). Ихъ бѣдственную жизнь, по смерти Галерія, описываетъ Лактанцій въ указанномъ сочиненіи (гл. 39—41 и 51,—въ переводѣ Карнеева по изд. 1848 г., ч. 2, стр. 195—197 и 206—207). Въ концѣ 50-й главы, сказавъ, что всѣ нечестивые наказаны такимъ образомъ за гоненія, въ концѣ 51-й главы, въ которой говоритъ о кончинѣ Валеріи и ея матери, онъ прибавляетъ: «итакъ ихъ погубили за благочестіе и санъ ихъ».

ныхъ, къ которому писалъ святый Ѳеона епископъ александрійскій о томъ, какъ должно ему проходить свою должность ко благу Церкви ([1]). Предстоятели церквей пользовались благоволеніемъ, вниманіемъ и дружескимъ обращеніемъ у всѣхъ префектовъ и консуловъ. Такое благосостояніе христіанства, говоритъ Евсевій, съ каждымъ днемъ упрочивалось, приходило въ силу и величіе,—и никакая ненависть не стѣсняла его, никакой злой врагъ не былъ въ состояніи вредить, или чрезъ людскіе навѣты мѣшать ему, пока божественная и небесная рука осѣняла и охраняла свой народъ, по мѣрѣ его достоинства ([2]).

Причины новыхъ гоненій. а.) Мысль о нераздѣльности древняго могущества имперіи съ древнимъ идолопоклонствомъ.

Но римское правительство все еще держалось мысли, что гражданское могущество имперіи зависитъ отъ непоколебимости ея древнихъ законовъ и вѣрности богамъ, своею помощію прославившимъ Римъ. Между тѣмъ христіанская вѣра, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе подрывавшая древнее государственное идолопоклонство, лежавшее въ основаніи законовъ, по видимому, грозила ниспровергнуть и древній государственный порядокъ, почитавшійся оплотомъ гражданскаго могущества. Желая возстановить древній блескъ римской имперіи, императоръ Діоклитіанъ долженъ былъ посему придти къ мысли возстановить прежде всего прочность древняго римскаго

([1]) Praepositus cubiculariorum. Посланіе переведено въ Христ. Чт. 1825, часть XX, стр. 163 и далѣе.
([2]) Церк. Ист. кн. 8, гл. 1.

идолослуженія. Эта мысль лежала въ основѣ закона, въ 296-мъ году изданнаго имъ противъ манихеевъ (¹). Она же послужила причиною новыхъ гоненій и на христіанскую Церковь, какъ это ясно высказалъ въ своемъ едиктѣ виновникъ ихъ, императоръ Галерій (²). Съ другой стороны, христіанская Церковь значительное время признавалась уже обществомъ, дозволеннымъ законами; она столько распространилась, что подавленіе ея было опасно для общественнаго спокойствія; многократные опыты доказали, что гоненія не сокращаютъ ея,—всѣ эти причины, не смотря на желаніе возстановить силу древняго идолопоклонства, останавливали Діоклитіана до глубокой старости отъ гоненій на христіанъ, и, чтобы исторгнуть его согласіе на это, надобно было имѣть на него сильное вліяніе (³).

(¹) Законъ этотъ помѣщенъ въ цѣлости у *Bullet*, Hist. de l'etabliss. du chist. pag. 239—240, not. 75; у *Баронія* подъ 287 годомъ; онъ упоминается въ приписываемыхъ святому Амвросію медіоланскому толкованіяхъ на посланія ап. Павла, именно при изъясненіи 2 Тим. 3, 6 и 7 ст.,—см. Partol. Curs. Compl. tom. 17, pag. 493. — Sed dii immortales providentia sua ordinare et disponere dignati sunt, ut quae bona et vera sunt.... Quibus nec obviam ire, nec resistere fas est, neque reprehendi a nova vetus religio deberet. Maximi enim criminis est retractare, quae semel antiquitus tractata et definita sunt, et statum et cursum tenent et possident; unde et pertinaciam pravae mentis nequissimorum hominum punire, inde ingens nobis studium est.

(²) De mort. persecut. cap. 34. Inter caetera quae pro Reipublicae semper commodis atque utilitate disponimus, nos quidem volueramus antehac, juxta leges veteres et publicam disciplinam Romanorum cuncta corrigere, atque id providere, ut etiam christiani.... ad bonas mentes redirent. Qui rem publicam evertebant,—см. ниже стр. 222, примѣч. 2.

(³) De mort. persecut. cap. 11. Diu senex (Diocletianus) furori ejus (Galerii Maximiani) repugnavit, ostendens, quam perniciosum esset inquietari orbem terrae, fundi sanguinem multorum; illos (christianos) libenter mori solere.. etc.

б.) Фанатическая партія въ язычествѣ.

Общее мнѣніе языческаго народа, нѣкогда отличавшееся необычайною нетерпимостію къ христіанамъ, значительно уже начало склоняться въ ихъ пользу. Безчеловѣчныя жестокости гонителей къ людямъ, не виновнымъ ни въ какомъ преступленіи, пробуждали естественное человѣческое чувство даже въ томъ, кто отдавалъ старому идолопоклонству предпочтеніе предъ новою вѣрою. Всѣ подозрѣнія противъ святыхъ правилъ христіанской жизни разсѣялись, и христіане нерѣдко пробуждали въ народѣ невольное уваженіе къ своимъ подвигамъ добродѣтели. Сочувствіе имъ было такъ живо, что во время вновь наступившихъ гоненій многіе изъ язычниковъ скрывали преслѣдуемыхъ христіанъ въ своихъ домахъ и часто рѣшались лучше пожертвовать своимъ имуществомъ и свободою, нежели выдать скрывавшихся подъ ихъ защитою (¹). «Даже прежніе убійцы наши радовались», говоритъ Евсевій, когда въ слѣдствіе предсмертнаго Галеріева указа гоненіе на нѣсколько времени прекратилось (²). Но тѣмъ сильнѣе разжигалась ненависть къ христіанскому имени въ фанатическихъ приверженцахъ римской старины, предчувствовавшихъ близость ея паденія. Они напрягали всѣ свои силы, чтобы предупредить и, если можно, устранить этотъ, по ихъ понятіямъ, подрывъ порядка и благосостоянія. Многіе государственные люди, водившіеся чувствами ложнаго патріотизма и не умѣвшіе умѣрять ихъ подобно Діоклитіану, жрецы и

(¹) *Athanas. Magn.* Hist. Arianor. ad Monachos, num. 64. По переводу въ Творен. св. отцевъ, за 1852 годъ, част. 2, стр. 137.

(²) Церк. Ист. кн. 9, гл. 1, въ концѣ.

поклонники или тщеславные приверженцы языческой философіи и словесности искали только могущественнаго представителя себѣ, чтобы начать еще одну, послѣднюю, но тѣмъ болѣе упорную и ожесточенную борьбу съ христіанскою вѣрою,—и этотъ представитель нашелся для нихъ въ лицѣ зятя Діоклитіанова, кесаря Каія Галерія Максиміана. Рѣшительный, настойчивый и неумолимо непреклонный по характеру, онъ военными талантами возвысился изъ самаго низшаго сословія и въ санѣ кесаря не освободился отъ недостатковъ своего воспитанія, раздѣляя съ чернью грубое суевѣріе, слѣпое раболѣпство жреческимъ прорицаніямъ и преданность древнимъ обрядамъ идолослуженія. Естественно, что враги христіанства не опускали случаевъ внушать ему гоненіе на святую Церковь. Когда, во время походовъ, онъ обращался къ жрецамъ, дѣлавшимъ по внутренностямъ жертвъ прорицанія, христіане, по службѣ обязанные быть при немъ, обыкновенно творили при этомъ на челѣ своемъ крестное знаменіе, чтобы отогнать злыхъ духовъ, почитаемыхъ язычниками подъ видомъ идоловъ и своимъ вліяніемъ омрачающихъ ихъ умы. Но жрецы, по убѣжденію ли, или только съ цѣлію оправдать неудачу своихъ предсказаній и во всякомъ случаѣ раздражить государя, жаловались ему, что не видятъ обыкновенныхъ признаковъ принятія жертвы и боги не являются къ ней, чуждаясь присутствія стороннихъ людей, не потому, чтобы боялись ихъ креста, но потому, что это враждебное и противное знаменіе ненавистно имъ (¹). Много также могло дѣйствовать на Галерія ко вреду Церкви то обстоятельство,

---

(¹) *Lactant*. De mort. persecutorum cap. 10; cf. Divin. Instit. lib. IV, cap. 27; *Евсевія*, о жизни Константина кн. 2, гл. 50, по изд. въ Христ. Чт. стр. 144.

что нѣкоторые изъ христіанъ, по неразумію почитая военныя дѣйствія и битвы, сопряженныя съ взаимнымъ убійствомъ, дѣломъ противнымъ своей немощной совѣсти, отказывались отъ обязанностей военной службы, хотя исполненіе ея въ настоящее время не было уже сопряжено съ необходимостію участвовать въ языческихъ обрядахъ (1). Конечно, значеніе подобныхъ примѣровъ должно было терять всякую силу при вниманіи къ тому,

---

(1) (Anno Christi 295) Tusco et Anulino consulibus, IV Jd. Martii, Teveste in foro inducto Fabio Victore una cum Maximiliano; et admisso Pompejano Advocato idem dixit: Fabius Victor Temonarius est constitutus cum Valesiano Quintiano, cum bono tirone Maximiliano filio Victoris, quoniam probabilis est, rogo ut incometur. Dion Proconsul dixit: quis vocaris? Maximilianus respondit: *quid autem vis scire nomen meum? Mihi non licet militare, quia christianus sum.* Dion: apta illum. Cumque aptaretur, Maximilianus respondit: *non possum militare, non possum malefacere. Christianus sum.* Dion: incumetur. Cumque incumetus fuisset, ex Officio recitatum est: habet pedes quinque, uncias decem. Dion ad Officium: signetur. Cumque resisteret, Maximilianus respondit: *non facio; non possum militare. Caput mihi praecide, non milito saeculo; sed milito Deo meo.* Dion ad Maximilianum: milita et accipe signaculum. Respondit: *non accipio signaculum. Iam habeo signum Christi Dei mei.* Dion ad Officium: signetur. Cumque reluctaret, respondit: *non accipio signaculum saeculi; et si signaveris, rumpo illud, quia nihil valet. Ego christianus sum; non licet mihi plumbum collo portare, post signum salutare Domini mei Iesu Christi.* Dixit Dion proconsul: in sacro comitatu dominorum nostrorum Diocletiani et Maximiani, Constantii et Maximi, milites christiani sunt et militant. Maximilianus respondit: *ipsi sciunt, quod ipsis expediat. Ego tamen christianus sum, et non possum mala facere.* Dion dixit: qui militant quae mala faciunt? Maximilianus respondit: *tu enim scis, quae faciunt.* Dion dixit: quia indevoto animo militiam recusasti, congruentem accipies sententiam ad coeterorum exemplum. Et decretum ex tabella recitavit: Maximilianum, eo quod indevoto animo sacramentum militiae, recusaverit, gladio animadverti placuit. Maximilianus respondit: Deo gratias. Annorum fuit XXI, et mensium trium, dierum X et VIII.—Pater autem ejus Victor regressus est domui suae cum gaudio magno, gratias agens Deo, quod tale munus Domino praemisit. *Ruinart.* Acta Maximiliani, pag. 299—302. *Ibidem* Acta, Tarachi, Probi etc., pag. 423: Μάξιμος ἡγεμὼν εἶπεν· ποίας εἶ τύχης; Τάραχος εἶπεν· στρατιωτικῆς, καὶ Ῥωμαῖος εἰμι τῷ γένει· διὰ δὲ τὸ Χριστιανόν με εἶναι, νῦν παγανεύειν ᾑρετισάμην, κτλ.

что множество других христіанъ безпрекословно отправляли ее; но враги Церкви могли изъ каждаго подобнаго случая выводить заключеніе, что христіанская вѣра несовмѣстна съ порядкомъ государственной жизни, и при готовомъ уже предубѣжденіи противъ нея подобное заключеніе могло не казаться ни поспѣшнымъ, ни страннымъ.

Начало Галеріева, или Діоклитіанова гоненія (303—310 г.).

При всемъ желаніи, кесарь Галерій не осмѣливался, однако, предпринять что либо противъ христіанской Церкви безъ согласія Діоклитіана. Уже послѣ счастливаго похода въ Арменію, пріобрѣтши вліяніе на императора, онъ рѣшился прежде всего удалить христіанъ отъ своего двора (¹). Потомъ, пользуясь наступленіемъ торжественнаго дня восшествія Максиміана Геркула на престолъ, онъ далъ приказъ войскамъ, чтобы всѣ, состоящіе въ службѣ, посвятили этотъ день жертвоприношеніямъ и празднеству за здравіе императора, разумѣя жертвы и празднества языческія; не желающихъ же повиноваться сдѣланному распоряженію повелѣлъ изгнать изъ службы и лишить принадлежащаго имъ военнаго достоинства. «Тотчасъ же», говоритъ Евсевій (²), «весьма многіе воины царства Христова, нимало не колеблясь, предпочли тогда свое исповѣданіе славѣ и выгодамъ, какія до того имѣли. Рѣдко гдѣ тотъ или другой изъ нихъ жертвовалъ при этомъ вѣрѣ не только потерею чести, но и жизни»,

(¹) De mort. persecut. cap. 10.
(²) Церк. Ист. кн 8, гл. 4.

и вѣроятно въ тѣхъ только случаяхъ, когда представлялся какой нибудь видимый предлогъ не только изгнать изъ службы кого либо, какъ христіанина, но и наказать, какъ оскорбителя царскаго величества. Въ самомъ дѣлѣ, при явной несправедливости сдѣланнаго распоряженія весьма легко могли нѣкоторые дозволить себѣ неосторожное слово, или мало обдуманный поступокъ, и тѣмъ дать поводъ къ обвиненію себя въ мятежѣ, или нарушеніи военныхъ правилъ. Подобный примѣръ представляетъ собою сотникъ Марцеллъ, пострадавшій въ африканскомъ городѣ Тингисѣ. Бывъ принуждаемъ во время упомянутаго празднества совершить возліяніе богамъ въ честь императора, онъ всталъ изъ общаго стола, откинулъ портупею къ бывшимъ тутъ знаменамъ легіона и сказалъ громкимъ голосомъ: «я воинствую Іисусу Христу, царю вѣчному»; потомъ бросилъ сотническую вѣтвь и оружіе и прибавилъ: «съ сего времени я перестаю служить вашимъ императорамъ; я презираю вашихъ деревянныхъ и каменныхъ боговъ, нѣмыхъ и глухихъ идоловъ; если таково теперь условіе службы, что принуждаютъ приносить жертвы богамъ и императорамъ, то вотъ—я бросаю вѣтвь и портупею, отказываюсь отъ знаменъ и не хочу болѣе служить». Его осудили на смерть подъ тѣмъ предлогомъ, что, исповѣдавъ себя христіаниномъ и въ противность военной дисциплинѣ сбросивъ съ себя знаки военнаго достоинства, онъ охулилъ боговъ и кесаря при всемъ народѣ (¹).

Первый едиктъ противъ христіанъ.

Но кромѣ изгнанія христіанъ изъ военной службы,

(¹) *Ruinart.* Acta martyr. Marcelli, pag. 302—304.

императоръ въ теченіе цѣлыхъ осьмнадцати лѣтъ своего правленія не хотѣлъ и не дозволялъ предпринимать противъ Церкви ничего болѣе. Онъ былъ уже старъ и дряхлъ, много страдалъ отъ постоянныхъ болѣзней и хотѣлъ сложить съ себя тяжелое бремя правленія государствомъ, чтобы послѣдніе дни старости провесть въ мирномъ уединеніи частнаго человѣка, когда зимою, 303-го года, прибылъ къ нему въ Никомидію Галерій. Окруживъ его партіею фанатическихъ язычниковъ, этотъ ненавистникъ христіанскаго имени, горѣвшій нетерпѣніемъ овладѣть верховною властію и пріобрѣтшій на своего больнаго тестя неограниченное вліяніе, употребилъ всѣ усилія склонить его въ пользу своего намѣренія. Долго, говоритъ Лактанцій, силился старикъ одолѣть его ярость, представляя, какъ это опасно для общественнаго спокойствія, жестоко, безполезно, и предлагая довольствоваться тѣмъ, чтобы не дозволять христіанства ни въ войскѣ, ни въ придворной службѣ; но не могъ отклонить жестокости безумнаго человѣка и согласился передать дѣло на судъ Совѣта избранныхъ военныхъ и гражданскихъ сановниковъ. Частію по убѣжденію, частію изъ ласкательства, Совѣтъ опредѣлилъ уничтоженіе христіанства. Діоклитіанъ все еще не склонялся и потребовалъ спросить боговъ и обратиться къ милезскому Аполлону. Когда же и оракулъ отвѣтилъ, какъ врагъ христіанской вѣры; онъ не могъ долѣе противостоять требованіямъ Совѣта, кесаря и Аполлона, но, и подписывая едиктъ, говорилъ, что христіане—люди благочестивые, и настаивалъ, чтобы дѣло производилось безъ пролитія крови (¹).

(¹) *Lactant*. de mort. persecut. cap. 11. *Евсев*. Жизнь Констант. кн. 2. гл. 51.

Языческій праздникъ терминалій, 23-го февраля 303-го года, былъ избранъ какбы терминомъ, то есть концемъ, существованію христіанства. На самомъ разсвѣтѣ этого дня значительный отрядъ воиновъ окружилъ никомидійскую церковь: двери были разломаны, найденныя священныя книги сожжены, все разграблено, растащено; между тѣмъ императоръ и кесарь, въ виду которыхъ это совершалось, такъ какъ церковь была видна изъ оконъ дворца, совѣщались между собою, сжечь или разрушить ее. Превозмогло мнѣніе Діоклитіана, который опасался, чтобы пожаръ не истребилъ вмѣстѣ съ нею большей части города, и хотя храмъ былъ весьма высокъ, но въ короткое время разрушенъ до основанія ([1]). На другой день обнародованъ былъ едиктъ, которымъ повелѣвалось: богослужебныя собранія запретить христіанамъ; церкви ихъ разрушать; священныя книги жечь; людей сановныхъ и должностныхъ, если они не захотятъ оставить христіанства, лишить мѣстъ и преимуществъ; христіанъ низшаго сословія лишить свободы и обратить въ рабство; христіанскихъ рабовъ не отпускать на свободу; никакихъ жалобъ отъ христіанъ не принимать и при судебномъ дѣлопроизводствѣ дозволять употребленіе противъ нихъ всякаго рода пытокъ, къ какому бы сословію ни принадлежалъ кто прежде, такъ какъ они лишены свободы и голоса ([2]). Одинъ христіанинъ высшаго сословія, увлекшись неразумною ревностію и преступивъ евангельскій законъ о повиновеніи властямъ, сорвалъ этотъ едиктъ съ мѣста,

---

([1]) *Lactant.* de mort. persecut. cap. 12.

([2]) Jbidem, cap. 13. Cf. *Евсев.* Церк. Ист. кн. 8, гл. 2. Въ какой степени христіане низшаго сословія лишались этимъ едиктомъ свободы и подвергались рабству, видно изъ отмѣняющихъ его едиктовъ Константина, см. *Евсев.* Жизнь Констант. кн. 2, гл. 32—34.

къ которому онъ прибитъ былъ на площади, и публично изорвалъ его, сказавъ съ насмѣшкою: «вѣроятно, это— объявленіе о новыхъ побѣдахъ надъ готѳами и сарматами»!—то есть, что—съ христіанами, своими вѣрными подданными, императоръ поступаетъ точно, какъ съ побѣжденными сарматами и готѳами! — Само собою разумѣется, что онъ немедленно былъ преданъ смерти, какъ оскорбитель царскаго величества (¹).

Дѣйствіе и исполненіе его.

Едиктъ произвелъ тѣмъ болѣе ужасное впечатлѣніе на христіанъ, что во многихъ областяхъ сдѣлался извѣстнымъ предъ наступленіемъ пасхи, или даже въ самую пасху. Повсюду церкви были разрушаемы до основанія; священныя и божественныя книги жглись среди площадей, и иные областные правители простирали свой фанатизмъ или угодливость желанію Галерія въ этомъ отношеніи до того, что вмѣстѣ съ ними жгли даже древнія языческія сочиненія, которыми пользовались христіане для обличенія суевѣрныхъ заблужденій идолопоклонства (²). Естественно, что при подобной ревности въ исполненіи едикта личная безопасность христіанъ не ограждалась ничѣмъ, такъ какъ дозволеніе употреблять противъ нихъ, при слѣдствіяхъ и розыскахъ, всякаго рода пытки предоставляло фанатикамъ полную свободу въ жестокости. Напротивъ, люди, чуждые фанатизма, или низкаго ласкательства, и не подавившіе въ себѣ человѣческаго чувства состраданія, старались смяг-

(¹) *Lactant.*, cap. 13, ibidem, — de illo: etsi non recte, magno tamen animo. *Евсев.* Церк. Ист. кн. 8, гл. 3.

(²) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 8, гл. 2. *Arnobii* adv. gentes lib. 3, cap. 7, edit. in V tomo Patrol. Curs. Compl. pag. 945—946.

чать узаконенныя насилія, сколько это возможно было безъ явнаго нарушенія верховной воли. Они охотно дозволяли христіанамъ утаивать священныя книги, или даже сами старались указать имъ средства подчиниться требованіямъ едикта видимымъ только образомъ и безъ существеннаго вреда. Едва только разнесся слухъ о предписаніи сожигать священныя книги, кареагенскій епископъ Менсурій перенесъ ихъ изъ церкви въ свой домъ, положивъ на ихъ мѣсто сочиненія еретическія. Когда пришли сыщики; взяли эти сочиненія, сожгли ихъ, и болѣе ничего не требовалось: потому что это были тоже сочиненія по христіанской вѣрѣ, и въ едиктѣ не сказано, какія священныя книги жечь и какой христіанской секты. Кареагенскіе сановники открыли однако подлогъ проконсулу Аннулину и предложили взять дѣйствительныя священныя книги въ домѣ епископа; но онъ не хотѣлъ ничего знать болѣе и не согласился на предложеніе (¹). Когда нумидійскій епископъ Секундъ отказался выдать книги священнаго писанія; сыщики сказали ему: «неужели ты не можешь дать чего нибудь ненужнаго, или хотя чего нибудь» (²)?—Тоже снисхожденіе можно видѣть въ вопросѣ проконсульскаго легата и потомъ самого проконсула Феликсу епископу африканскому: «почему ты не отдаешь излишнихъ книгъ»; равно изъ вопросовъ префекта: «Феликсъ, отчего ты не отдаешь Господнихъ писаній? Или, вѣроятно, ты не имѣешь ихъ» (³)? Церковныя богослужебныя собранія, конечно, не могли

(¹) *Optat. Milevit.* in historia Donatistarum, edit. in Patrol. Curs. Complet. tom. XI, pag. 774. *Augustin.* in Breviculo collationis c. Donat., die 3, cap. 13.

(²) Aliqua ecbola (ἔκβολα) aut quodcunque,—*ibidem*.

(³) *Ruinart.* Acta martyr. Felicis, pag. 355—357.

быть остановлены никакимъ закономъ. Впрочемъ, что касается образа дѣйствій христіанъ въ настоящемъ стѣсненномъ положеніи; то вообще онъ былъ не одинаковъ и разнообразился, смотря по характеру, твердости въ вѣрѣ и нравственному развитію каждаго. Между тѣмъ какъ одни изъ страха мученій и смерти, оставляя своихъ собратій, выдавали для сожженія имѣвшіеся у нихъ списки священнаго писанія и были отлучаемы отъ церковнаго общенія, какъ *предатели*, другіе не хотѣли пользоваться даже представлявшеюся возможностію остаться невредимыми, не выдавая священныхъ книгъ, — и не отъ того, чтобы въ самоувлеченіи забывали правила христіанскаго благоразумія, но потому, что отвѣчать молчаніемъ или обманомъ на вызовъ къ обману считали, какъ упомянутый епископъ Феликсъ, дѣломъ нехристіанскимъ, своего рода отреченіемъ отъ вѣры. Оставаясь непреклонными до смерти, они удостоивались вѣнцовъ мученическихъ. Иные, что не рѣдко было въ сѣверной Африкѣ, въ жару суетной и неевангельской ревности, сами безъ вызова являлись на судъ, объявляли, что они—христіане, что они—храмы Духа Святаго, имѣютъ у себя священное писаніе, но не выдадутъ его, и вынуждали себѣ страдальческую кончину, хотя сами сознавались, что имѣли священное писаніе только въ своемъ сердцѣ. Такихъ не ублажала Церковь; потому что, хотя они и страдали, но несогласно съ заповѣдію евангелія. Другіе, напротивъ, почитали своею обязанностію соединять съ простотою голубиною мудрость змія, не пренебрегали дозволительными и незазорными средствами спасать и свою жизнь отъ опасности и священныя книги отъ сожженія; умѣряли ревность своихъ собратій въ стремленіи къ мученичеству и внушали имъ осторожность въ поведеніи,

чтобы не возбудить жестокости въ гонителяхъ. Подобный образъ дѣйствій, безъ сомнѣнія, былъ спасительнѣе и полезнѣе для Церкви, хотя люди безъ мѣры ревностные не одобряли его. Наконецъ, весьма многіе пострадали отъ жестокости гонителей, когда при всей предосторожности не могли укрыться отъ ихъ наблюденія за точнымъ исполненіемъ едикта, или спасти цѣлость священныхъ книгъ иначе, какъ съ пожертвованіемъ собственной жизни. Случалось, что мѣстному начальнику дѣлалось извѣстнымъ мѣсто, гдѣ христіане имѣли намѣреніе тайно собраться для богослуженія и пріобщенія евхаристіи. Отрядъ войска окружалъ собравшихся, и всѣ они умирали за святую вѣру ([1]).

Второй, третій и четвертый едикты противъ христіанъ.

Первый шагъ къ нападенію на христіанство, долгое время пользовавшееся правами дозволенной вѣры, былъ такимъ образомъ сдѣланъ. Существованіе Церкви снова воспрещено закономъ; и хотя мѣры, принятыя къ уничтоженію ея, не достигали цѣли, но усилить ихъ было уже не трудно. Поводъ весьма скоро представился самъ собою. Въ императорскомъ никомидійскомъ дворцѣ, не извѣстно отъ чего ([2]), произошелъ сильный пожаръ;

([1]) *Ruinart.* Acta Saturnini. Dativi et aliorum plurimorum martyrum, pag. 381—390.

([2]) Императоръ Константинъ приписывалъ происхожденіе пожара небесному огню, спадшему на дворецъ во время бури (Слово, написанное къ обществу святыхъ, гл. 25): но если вѣрно свидѣтельство Лактанція, который по всей вѣроятности (Divin. Institut. lib. 5, cap. 2) также жилъ тогда въ Никомидіи, что чрезъ пятнадцать дней пожаръ повторился (De mort. persec. cap. 14); то вѣроятнѣе причи-

предположить поджогъ, приписать его покушенію на жизнь императора и заподозрить христіанъ — гонителю христіанства было весьма естественно; по крайней мѣрѣ, кесарь съ полнымъ успѣхомъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и имѣлъ удовольствіе довесть Діоклитіана до изступленнаго гнѣва противъ мнимыхъ поджигателей. Неистовство императора простерлось на всѣхъ христіанъ безъ различія. Онъ принудилъ дочь свою Валерію и супругу Приску отречься отъ христіанства (1). Вслѣдъ за тѣмъ, могущественные нѣкогда, придворные сановники были лишены жизни; пресвитеры и діаконы никомидійской церкви вмѣстѣ съ своимъ епископомъ Анѳимомъ безъ всякаго приговора и допроса преданы смерти; множество другихъ христіанъ подверглось тойже участи: однихъ умерщвляли мечемъ, другихъ топили въ морѣ, или жгли, и не порознь, потому что ихъ было слишкомъ много, но цѣлыми толпами. Императоръ самъ неоднократно присутствовалъ при совершеніи казни, и языческіе сановники, уполномоченные имъ, по его мановенію усиливались превзойти одинъ другаго въ жестокостяхъ и смертоубійствѣ (2). Между тѣмъ почти въ тоже время вспыхнули противъ правительства мятежи въ Мелитинѣ и Сиріи. Безъ всякаго основанія ихъ приписали вліянію христіанскаго духовенства; по крайней мѣ-

---

вою его предполагать умышленный поджогъ. Никто другой не упоминаетъ впрочемъ о повтореніи пожара. Приписывать же умышленный поджогъ христіанамъ, какъ это дѣлалъ Галерій, или Галерію, какъ Лактанцій, нѣтъ никакого твердаго основанія. Итакъ вѣрнѣе всего держаться словъ Евсевія, который говоритъ, что причина пожара осталась ему неизвѣстною οὐκ οἶδ' ὅπως... πυρκαϊᾶς... ἀφθείσης (Церк. Ист. кн. 8, гл. 6).

(1) Смотри выше, стр. 203, примѣч. 1.

(2) *Lactant.* de mort. persecut. cap. 14 et 15. Cf. Церк. Ист. Евсевія кн. 8, гл. 6.

рѣ, по этому именно поводу (1) вышелъ второй императорскій едиктъ противъ христіанъ — о заключеніи всѣхъ предстоятелей Церкви въ темницы и узы. «Тогда», говоритъ Евсевій, «открылось зрѣлище выше всякаго описанія: повсюду заключали христіанъ цѣлыми тысячами; темницы, предназначенныя для убійцъ и злодѣевъ, расхищающихъ гробницы, наполнились епископами, пресвитерами, діаконами, чтецами, заклинателями, такъ что осужденнымъ за злодѣянія не оставалось въ нихъ мѣста». Вслѣдъ за вторымъ послѣдовалъ третій едиктъ, которымъ узниковъ, принесшихъ жертву, позволялось отпускать на волю, а противившихся предписывалось мучить тысячами пытокъ (2), — и наконецъ, по наступленіи 304 года, четвертый, которымъ тоже повелѣніе распространялось на всѣхъ христіанъ поголовно (3). Всѣ эти едикты, изданные подъ вліяніемъ кесаря Галерія старшимъ изъ императоровъ Діоклитіаномъ, были препровождены и на западъ, гдѣ императоръ Максиміанъ Геркулъ охотно далъ имъ полное дѣйствіе (4).

Порядокъ, ожесточенность и продолжительность гоненія.

Такъ началась повсюду открытая и жестокая война противъ христіанства. Немедленно по изданіи третьяго

---

(1) Какъ наклонны были язычники подозрѣвать христіанъ въ политической враждѣ къ имперіи, видно изъ того, что они истолковывали даже невинныя слова ихъ о небесномъ Іерусалимѣ, или о гибельности многобожія въ политическомъ смыслѣ (см. *Евсевія* о палестинск. мучен. гл. 1 и 11, стр. 2 и 3, 34 и 35).

(2) Церк. Ист. кн. 8, гл. 6.

(3) *Евсев.* томъ 2, кн. о палест. муч. гл. 8, стр. 6 и 7.

(4) *Lactant.* de mort. persecut. cap. 15.

едикта заключенные въ темницахъ священнослужители Церкви были преданы разнаго рода мученіямъ и оставшіеся непоколебимыми осуждены на смерть. Пересчитать множество священномучениковъ, пострадавшихъ тогда въ каждой области, особенно же въ Африкѣ, Мавританіи, Ѳиваидѣ и Египтѣ, представлялось современникамъ дѣломъ невозможнымъ (1). Такъ пострадали, послѣ Анѳима епископа никомидійскаго: римскій епископъ Марцеллинъ, сирмійскій Ириней, ираклійскій Филиппъ, путеольскій Іаннуарій, формійскій Еразмъ, егскій въ Киликіи Зиновій, и за ними тысячи другихъ славныхъ лицъ, о которыхъ въ послѣдствіи воспоминали областныя и мѣстныя церкви (2). Когда же эта война была объявлена всѣмъ христіанамъ безъ исключенія; то и паствы оказали себя достойными своихъ пастырей. Для исполненія послѣдняго едикта въ каждомъ городѣ объявляемо было, чтобы всѣ жители мѣста, мужчины, женщины и даже дѣти, явились для принесенія жертвы въ языческій храмъ, гдѣ засѣдали судіи. Здѣсь поочередно вызывали явившихся по составленнымъ напередъ спискамъ всего мѣстнаго народонаселенія, и такимъ образомъ каждый долженъ былъ или принесть жертву, или оказаться христіаниномъ и подвергнуться суду. Бѣгство было почти не возможно и не всегда избавляло отъ опасности. Въ судахъ поставлены были также жертвенники и, чтобы какъ нибудь по недосмотру не упустить христіанина, каждый приходящій прежде разсмотрѣнія его дѣла долженъ былъ совершить жертву (3). Не повелѣвая

---

(1) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 8, гл. 6 къ концу.

(2) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 8, гл. 13; *прот. Д. Вершинскаго* Мѣсяцесловъ, стр. 312 и 313; cfr. *Ruinart.* Act. martyr. p. 336—523.

(3) *Lactant.* de mort. persecut. cap. 15.

смертной казни за христіанство, но узаконяя всѣ роды мученій, едиктъ открывалъ полную свободу фанатической жестокости; такъ что осужденіе христіанина на смерть было знакомъ снисходительности судіи, или особеннаго уваженія къ богатству, благотворительности, знатности рода, наконецъ общественнымъ заслугамъ, которыми отличался подсудимый. Для большинства же ежедневно были изобрѣтаемы новыя, медленныя и ужаснѣйшія истязанія. Однихъ распинали, терзали бичами, черепками, или желѣзными крючьями, другихъ скоблили, колесовали, разрывали крѣпко стянутыми сучьями дерева, вѣшали внизъ головою, морили голодомъ, обливали расплавленнымъ свинцомъ; инымъ просверливали острыми тростями пальцы, медленно жгли, или, что было всего невыносимѣе, растягивали составы и члены, или обрѣзали ножами одну часть тѣла за другою: такъ что нѣкоторые изъ мучениковъ имѣли самый бѣдственный конецъ жизни и, умирая такимъ образомъ, едва удерживали человѣческій видъ (¹). «Если бы у меня», говоритъ Лактанцій, «была сотня устъ и желѣзная грудь; то и тогда я не могъ бы исчислить всѣхъ родовъ мученій, претерпѣнныхъ вѣрующими: цѣлыхъ томовъ книгъ недостаточно для ихъ описанія, потому что ежедневно изобрѣтались новые, болѣе тяжкіе роды смертей. Иные изъ получившихъ на то власть отъ робости переступали даже данныя имъ повелѣнія; другіе руководствовались собственною фанатическою ненавистію къ христіанству, или увлекались природною жестокостію характера; нѣкоторые желали тѣмъ угодить верховной власти, или проложить себѣ путь къ возвышенію. Свирѣпство доходило до такой

(¹) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 8, гл. 3—12.

степени, что изувѣченныхъ лечили, чтобы снова мучить. Все это дѣлали они для того, чтобы не допускать христіанъ до пріобрѣтенія славы мучениковъ и отклонить отъ вѣры. Были однако и такіе, что вдругъ предавали смерти всѣхъ извѣстныхъ имъ христіанъ, полагая, что противъ нихъ идетъ дѣйствительно война и сраженіе (¹)». Число доводимыхъ пытками до смерти простиралось нерѣдко въ одномъ и томъ же мѣстѣ отъ десяти до ста человѣкъ въ день, безъ различія пола и возраста. «Я самъ былъ очевидцемъ этого», говоритъ Евсевій; «такъ что желѣзо притуплялось и ломалось и сами убійцы, утомившись, поочередно смѣняли другъ друга. Я видѣлъ тогда дивное рвеніе, истинно божественную силу и бодрость вѣрующихъ во Христа Божія. Едва произносимъ былъ приговоръ надъ одними, немедленно являлись другіе и исповѣдовали себя христіанами, какбы вовсе не думая объ ужасахъ и многообразныхъ видахъ мученій (²)». Иные впрочемъ выходили изъ борьбы живыми и даже невредимыми. Пресытившись кровію и считая важнымъ хотя бы даже наружное достиженіе цѣли, враги вѣры иногда насильно толкали и привлекали къ жертвѣ какого нибудь христіанина и потомъ онъ былъ отпускаемъ, какъ будто принесъ жертву, хотя не приносилъ ея; другой вовсе и не приближался къ ней и не касался ничего нечистаго, однакоже, когда сторонніе приписывали ему участіе въ жертвоприношеніи, молча переносилъ клевету и удалялся; иного, лежавшаго на землѣ, издалека притаскивали за ноги къ беззаконному жертвеннику и причисляли къ тѣмъ, которые принесли жертву, въ случаѣ же возраже-

(¹) *Lactant*. De mort. persecut. cap. 16 ad initium, et Divin. Institut. lib. 5, c. 11.

(²) *Евсев*. Церк. Ист. кн. 8, гл. 9.

ній съ его стороны, били по устамъ и выгоняли вонъ; нѣкоторыхъ послѣ пытки оставляли полумертвыми и выбрасывали какъ умершихъ ([1]). Весьма многихъ, цѣлыми сотнями, ссылали въ рудокопни и каменоломни. И все это продолжалось не короткое время, не нѣсколько дней, но цѣлые годы. Гонители думали уже торжествовать: медали, выбитыя въ память уничтоженія христіанства, гласили, что имя христіанъ, враговъ общества, истреблено, суевѣріе ихъ разсѣяно и распространено служеніе богамъ ([2]).

Перемѣна дѣлъ къ лучшему.

Восемь лѣтъ (303 – 310 г.) продолжалось такимъ образомъ гоненіе, и на востокѣ—повсемѣстно. По временамъ оно какбы утихало нѣсколько, и христіане начинали ободряться; но какъ скоро враги вѣры замѣчали, что не совершенно еще успѣли уничтожить христіанъ и дать язычеству прежнюю всеобщность, фанатизмъ ихъ пробуждался снова, и гоненіе опять усиливалось ([3]). Между

([1]) Тамъ же, гл. 3.

([2]) *Bullet*, Hist. de l'etabliss. du christian. not. 79, pag. 241; *Baronii* Annal. ad ann. 304:

Dioclet. Jovius. Maxim. Herculevs.
Caess. Avgg.
Amplificato per orientem et occid. imp. rom.
et nomine christianor. deleto,
qui remp. evertebant.

———

Dioclet. Caes. Avg.
Galerio in oriente adopt.
Superstitione Christi ubiq. deleta,
Cultu deorum propagato.

([3]) См. *Евсевія* о палест. муч. гл. 13.

тѣмъ Діоклитіанъ и Максиміанъ Геркулъ, по настоянію Галерія, сложили съ себя достоинство императоровъ, и мѣсто ихъ съ 305 года заняли прежніе кесари: Констанцій Хлоръ и самъ Галерій. Изъ кесарей, избранныхъ вновь, Максиминъ, управлявшій Сиріею и Египтомъ, по природной жестокости характера, суевѣрію и враждѣ противъ христіанства, былъ достойнымъ сотрудникомъ Галерію въ войнѣ противъ Церкви. Но другой, Северъ, получившій въ управленіе Италію, Сицилію и Африку, не имѣлъ времени заняться христіанами. Максентій, съ 306 года заступившій его мѣсто, также, хотя былъ человѣкомъ крайне порочной жизни, не находилъ въ себѣ довольно охоты преслѣдовать исключительно христіанъ и вообще не способенъ былъ долго и внимательно слѣдить за какимъ либо дѣломъ. Итакъ въ то время, какъ гоненіе на востокѣ продолжалось съ новою силою, «церкви западныя, то есть: вся Италія, Сицилія, африканская область, также Галлія, Британія и Испанія, не страдавъ отъ войны и полныхъ двухъ лѣтъ, наслаждались уже миромъ» (¹); потому что и управлявшій тремя послѣдними областями, императоръ Констанцій Хлоръ, а тѣмъ болѣе преемникъ его съ 306 года — императоръ Константинъ, не былъ гонителемъ. Констанцій Хлоръ даже весьма уважалъ христіанъ, особенно тѣхъ, которые имѣли случай показать свою твердость въ вѣрѣ, и говаривалъ обыкновенно, что тотъ не будетъ вѣренъ царю, кто не вѣренъ Богу, хотя разсказъ Евсевія (²) о томъ, какъ онъ испыталъ твердость ихъ въ вѣрѣ, представляется не очень вѣроятнымъ. Понималъ ли онъ ничтожество язычества и

(¹) Тамъ же, въ концѣ.
(²) Жизнь царя Константина, кн. 1, гл. 16.

былъ дѣйствительно чтителемъ единаго Бога, какъ говоритъ тотъ же историкъ, или, что вѣроятнѣе, подобно Александру Северу держался еклектизма въ религіозныхъ понятіяхъ, во всякомъ случаѣ, бывъ еще кесаремъ, онъ не приводилъ въ своихъ областяхъ въ дѣйствіе Діоклитіановыхъ едиктовъ, и, хотя не могъ явно отвергать ихъ и дозволилъ для вида разрушить нѣсколько церквей, но вообще, на сколько простиралась его власть, болѣе или менѣе ограждалъ христіанъ отъ фанатизма приверженцевъ язычества и охранялъ ихъ спокойствіе. Сдѣлавшись, по отреченіи Діоклитіана и Максиміана Геркула, старшимъ изъ императоровъ, онъ могъ дѣйствовать въ ихъ пользу уже съ полною независимостію. Подобная же перемѣна въ положеніи христіанъ произошла и на востокѣ, вскорѣ послѣ того, какъ Галерій, видя приближеніе своей смерти, объявилъ преемникомъ себѣ Ликинія. Мучительная болѣзнь, постигшая этого виновника самаго ужаснѣйшаго гоненія, какое только было когда нибудь воздвигаемо противъ Церкви, вразумила его въ безполезности усилій подавить святую вѣру и привела къ мысли, что онъ пораженъ ею, какъ наказаніемъ за жестокость. Въ 311 году, не за долго до своей смерти, вмѣстѣ съ Константиномъ и Ликиніемъ онъ издалъ едиктъ, которымъ гоненіе прекращалось.

Едиктъ Галерія, Константина и Ликинія о прекращеніи гоненія.

«Между прочими распоряженіями, дѣланными для блага и пользы государства», говорилось въ этомъ едиктѣ, «были такія, которыми мы хотѣли исправить все по древнимъ законамъ и общественнымъ порядкамъ рим-

скаго народа, имѣя въ виду, чтобы и христіане, оставившіе ученіе своихъ отцовъ, обратились къ благому образу мыслей.... Между тѣмъ, когда послѣдовало отъ насъ повелѣніе возвратиться имъ къ постановленіямъ древнихъ, многіе изъ нихъ подверглись смерти, многіе также понесли разнаго рода лишенія, но почти всѣ пребыли тверды въ своемъ убѣжденіи, и мы увидѣли, что они ни богамъ не воздаютъ должнаго служенія и почитанія, ни Бога христіанскаго не могутъ исповѣдовать безбоязненно. Взирая на это окомъ попечительнаго милосердія и руководясь нашимъ всегдашнимъ благоволеніемъ, по которому обыкновенно снисходимъ къ слабостямъ всѣхъ людей, мы опредѣлили посему распространить и на нихъ благодѣянія нашей снисходительности: пусть снова будутъ христіане, и пусть они строятъ свои молитвенные домы, съ тѣмъ только, чтобы ни въ чемъ не поступать противъ порядка. Судей мы извѣстимъ особымъ посланіемъ о ихъ обязанностяхъ въ семъ отношеніи. За такое снисхожденіе наше, христіане должны молить своего Бога о нашемъ здравіи, о благосостояніи государства и своемъ собственномъ, чтобы и государство повсюду благоденствовало, и сами они безмятежно могли обитать въ своихъ жилищахъ (1)».

Дѣйствительное прекращеніе гоненія и вторичное возобновленіе его Максиминомъ (311—313 г.).

Итакъ христіанская Церковь вышла побѣдоносною изъ кровавой войны, воздвигнутой на нее при Діоклитіанѣ и

---

(1) См. *Lactant.* de mort. persec. cap. 34; въ переводѣ же на греческій языкъ у *Евсевія*, Церк. Ист. кн. 8, гл. 17, то есть, послѣдняя.

продолжавшейся во все время царствованія Галерія. Самъ виновникъ гоненія сознался наконецъ, что силы, одушевлявшей ее, невозможно было подавить никакими жестокостями. Но опытъ не научаетъ фанатиковъ, и если бы Господу и Пастыреначальнику Церкви не угодно было вскорѣ положить предѣлъ внѣшнимъ бѣдствіямъ ея, очень могло быть, что она послѣ этого терпѣла бы гоненіе еще долго и враги ея были бы тѣмъ жесточе, чѣмъ болѣе неудобствъ къ возобновленію гоненій представлялось въ настоящихъ обстоятельствахъ. — Одинъ изъ четырехъ государей, одновременно управлявшихъ римскою имперіею по смерти Галерія, кесарь Кай Валерій Максиминъ, какъ сказано было выше, питалъ непримиримую ненависть къ христіанству. Онъ владѣлъ Египтомъ и Сиріею. Это былъ человѣкъ суевѣрный, необузданно-чувственный и вообще унижавшій собою достоинство кесаря. Не желая одинъ казаться ослушникомъ изданнаго императорами едикта, Максиминъ не могъ иначе выразить своего несогласія съ нимъ, какъ передавъ его своему верховному префекту Сабину устно, а не въ подлинникѣ. Префектъ сообщилъ впрочемъ волю государей областнымъ правителямъ уже письменно. Тѣ, полагая, что такова дѣйствительно воля кесаря, передали повелѣніе градоправителямъ, начальникамъ войскъ, чиновникамъ земскимъ, и, какъ царская воля, оно исполнялось на самомъ дѣлѣ еще скорѣе, чѣмъ объявлялось форменно, — то есть, заключенные за исповѣданіе вѣры въ темницахъ получали свободу, сосланные въ рудники или каменоломни отпускались на мѣста жительства, представленные на судъ освобождались отъ обвиненія. Чѣмъ жесточе было гоненіе, особенно въ областяхъ, подчиненныхъ Максимину; тѣмъ болѣе была радость христіанъ, когда оно такъ рѣшительно пре-

кращалось. «Тогда», пишетъ Евсевій (¹), «какбы изъ нѣдръ ночнаго мрака возсіялъ нѣкій свѣтъ. Въ каждомъ городѣ стали вновь появляться церкви, многочисленныя собранія христіанъ и обычныя стеченія къ богослуженію; такъ что сами невѣрующіе не мало поражены были этимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣлъ и провозглашали Бога христіанскаго великимъ и единымъ истиннымъ. Изъ нашихъ же одни немедленно восприіяли дерзновеніе; другіе же, ослабѣвшіе въ вѣрѣ, съ любовію спѣшили исцѣлиться. Между тѣмъ и благородные поборники вѣры, избавленные отъ страданій въ рудокопняхъ, возвращались на мѣста своего жительства, всюду проходя чрезъ города съ бодростію и веселіемъ, полные несказанной радости и не выразимаго словомъ чувства свободы. Многолюдныя дружины ихъ совершали путь свой, воспѣвая по дорогамъ, улицамъ и площадямъ пѣснопѣнія и псалмы Богу. Надобно было видѣть, съ какими веселыми и свѣтлыми лицами возвращались они въ свои жилища, не за долго до того въ оковахъ изгнанные изъ отечества! Даже прежніе убійцы ихъ радовались этому нисколько не ожиданному чуду». Но не прошло и полугода, какъ спокойствіе восточныхъ христіанъ было нарушено снова. Завладѣвъ по смерти Галерія всею римскою Азіею и провозгласивъ себя императоромъ, Максиминъ не чувствовалъ болѣе необходимости сообразоваться съ мнѣніями другихъ государей. Зная, какъ воспоминаніе о мученикахъ одушевляло твердость въ вѣрѣ, онъ запретилъ христіанамъ прежде всего отправлять богослуженіе въ мѣстахъ ихъ погребенія, усыпальницахъ. Потомъ, говорятъ церковные писатели того времени, онъ самъ дѣлался посломъ къ себѣ про-

(¹) Церк. Ист. кн. 9, гл. 1.

тивъ насъ, то есть, принималъ снаряженныя имъ самимъ посольства отъ разныхъ городовъ съ просьбами о запрещеніи христіанамъ жить и строить церкви въ нихъ, и такимъ образомъ какбы вынужденно соглашался на то, чего желалъ самъ (1). Въ самомъ дѣлѣ, одно вниманіе, съ какимъ Максиминъ выслушивалъ желанія фанатическихъ приверженцевъ язычества о стѣсненіи свободы христіанъ, безъ всякаго дальнѣйшаго содѣйствія съ его стороны, могло вызывать отвсюду ходатайства о гоненіи на Церковь. Когда, какъ говоритъ Евсевій (2), «извѣстный всѣмъ образъ мыслей государя располагалъ и начальствующихъ и подчиненныхъ всячески вредить христіанамъ, и лучшимъ средствомъ угодить ему и чрезъ то возвыситься по службѣ былъ указаніе новыхъ способовъ подавлять ихъ и дѣлать имъ зло»; тогда естественно, что и «жрецы заставляли своихъ оракуловъ требовать изгнанія христіанъ изъ городовъ и ихъ округовъ, доводя эти требованія до свѣдѣнія кесаря, и городскія начальства спѣшили обращаться съ просьбами о томъ же». Щедро награждая подобныхъ приверженцевъ язычества и формально изъявляя усердное согласіе на ихъ желанія (3), Максиминъ старался между тѣмъ дать новую силу идолопоклонству. Прежде жрецы избирались областными начальствами изъ людей, проходившихъ городскія должности: теперь онъ назначалъ ихъ самъ и избиралъ изъ сенаторовъ, наиболѣе преданныхъ язычеству, — окружилъ ихъ почестями и облекъ властію употреблять всѣ мѣры къ поддержанію идолопоклонства; на высшія же жрече-

(1) *Lactant.* de mort. persec. cap. 36. *Евсев.* Церк. Ист. кн. 9, гл. 2.
(2) Тамъ же, гл. 4.
(3) Тамъ же, гл. 7.

скія мѣста опредѣлялъ людей, пользовавшихся общимъ уваженіемъ по своимъ гражданскимъ достоинствамъ. Такимъ образомъ безъ всякаго едикта съ его стороны гоненіе на христіанъ возобновилось въ его областяхъ повсюду. Въ каждомъ городѣ прибиты были на столбахъ мѣдныя доски съ вырѣзанными на нихъ городскими опредѣленіями противъ христіанъ и выраженіемъ царскаго на то согласія (1).. «Не слѣдуетъ», объявляли фанатики, «осквернять города кровію согражданъ и подвергать милостивую ко всѣмъ власть правителей осужденію въ крайней жестокости; напротивъ, распространяя человѣколюбіе правительства на всѣхъ, не должно предавать смертной казни и христіанъ,—довольно вырывать имъ глаза, или ноздри, отрубать уши, или руки, и увѣчить голени (2)». «По милости такого человѣколюбія», говоритъ Евсевій, «и высказать невозможно, какъ велико было число христіанъ, которымъ исторгали правый глазъ, или чрезъ прижиганіе уродовали колѣно лѣвой ноги, присуждая ихъ потомъ къ ссылкѣ въ областныя мѣдныя рудокопни, не столько для работы, сколько для ослабленія и угнетенія. Бѣгства нашихъ возобновились. Нѣкоторые знаменитые проповѣдники божественнаго слова, бывъ взяты подъ стражу, выслушали жестокій приговоръ къ смерти. Въ числѣ ихъ пострадали епископы: тирскій Тиранніонъ, эмесскій Сильванъ—глубокій старецъ, проходившій свое служеніе цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, газскій Сильванъ, египетскіе Пилевсъ и Нилъ, также—Филеасъ, Исихій, Пахомій и Ѳеодоръ, епископы сопредѣльныхъ Египту церквей, — знаменитый врачъ пресвитеръ сидонскій Зиновій,

(1) Церк. Ист. *Евсев.* кн. 9, гл. 4—7.
(2) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 8, гл. 12. *Lactant.* de mort. persec. cap. 36.

Памфилъ пресвитеръ—великое украшеніе церкви Кесаріи палестинской, слава антіохійской церкви — ученѣйшій аскетъ и мужъ по всему превосходнѣйшій, пресвитеръ Лукіанъ, наконецъ александрійскій епископъ Петръ— краса епископовъ, какъ по доблестямъ жизни, такъ и по ученымъ занятіямъ свящ. писаніемъ,—вмѣстѣ съ своими пресвитерами Фавстомъ, Діемъ и Ерміемъ. Вообще въ короткое время ненавистникъ добра Максиминъ причинилъ намъ столько зла, что это послѣднее, возбужденное имъ, гоненіе казалось намъ гораздо тяжелѣе перваго (¹)». Между тѣмъ всѣ съѣстные припасы на рынкахъ окроплялись жертвенною водою, или кровію, чтобы сдѣлать ихъ негодными для христіанъ; дѣти по училищамъ каждый день повторяли имена Іисуса и Пилата и твердили выдуманные для оскорбленія христіанскаго чувства акты, судьи возобновили дѣйствіе діоклитіановыхъ едиктовъ, и гоненіе само собою усиливалось постепенно (²). Но не прошло и цѣлаго года отъ изданія Максиминомъ грамоты, одобрявшей возобновленіе гоненій на христіанъ, какъ

(¹) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 8, гл. 12 и 13; и кн. 9, гл. 6. Cf. *Lactant.* de mort. persecut. cap. 37. Наша Церковь празднуетъ память Петра алекс. 25 ноября, Лукіана 15 октября, Памфила 16 февраля, Сильвана эмесскаго 29 января, Сильвана газскаго 4 мая, Пилевса, Нила, Зиновія, а можетъ быть и другихъ, упомянутыхъ здѣсь, въ общемъ числѣ 156 мучениковъ, — 17 сентября.

(²) *Lactant.* de mort. persec. cap. 37; *Евсев.* Церк. Ист. кн. 9, гл. 5, 7 и 10; сн. кн. 1, гл. 9. О подложныхъ актахъ Христа Спасителя упоминается еще въ исторіи мучениковъ Тараха, Прова и Андроника. пострадавшихъ при Діоклитіанѣ въ 304-мъ году; поэтому надобно думать, что они, бывъ вымышлены врагами Христовой вѣры ранѣе настоящаго гоненія, теперь получили только особое примѣненіе къ своей цѣли. См. *Чет. Минеи* 12 Октября: Страданіе св. муч. Тараха, Прова и Андроника, отъ нотаріевъ судейскихъ писанное и послѣжде отъ вѣрныхъ многою цѣною искупленное. Cf. *Ruinart*. Acta Martyr. Tarachi etc. num. 9, pag. 442.

внезапно все положеніе Церкви въ обществѣ, по волѣ Божіей, совершенно измѣнилось. Причиною такой перемѣны было обращеніе къ христіанской вѣрѣ императора Константина.

Принятіе христіанской вѣры императоромъ Константиномъ.

Константинъ былъ сынъ покровительствовавшаго христіанамъ императора Констанція Хлора и первой супруги его Елены, которая, если и не была явною христіанкою до обращенія его къ вѣрѣ, то по всей вѣроятности имѣла уже и тогда расположеніе къ принятію христіанства, какъ вообще женщины всегда первыя въ семействахъ принимали святую вѣру и отъ нихъ уже она переходила къ мужчинамъ (1). При всей ограниченности вліянія родителей на его воспитаніе, такъ какъ съ ранней молодости онъ былъ удаленъ отъ нихъ, понятія ихъ о вѣрѣ не могли не имѣть на него въ какой бы то ни было степени своего дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, до принятія христіанства Константинъ раздѣлялъ образъ мыслей своего отца о вѣрѣ (2). И если съ одной стороны христіан-

---

(1) *Блаженный Θеодоритъ,* — Церк. Ист. кн. 1, гл. 18, — называетъ святую Елену наставницею въ вѣрѣ своего сына; но *Евсевій* (Жизнь царя Констант. кн. 3, гл. 7) говоритъ, что Константинъ сдѣлалъ ее изъ невѣрующей вѣрующею. При этомъ несогласіи свидѣтельствъ, изъ которыхъ послѣднее должно было бы имѣть перевѣсъ, если бы не заподозривалось крайнимъ увлеченіемъ историка въ хвалахъ прославляемому имъ лицу, общее замѣчаніе, встрѣчающееся между прочими и у *Лактанція* (Divin. Instit. lib. 5, cap. 13) можетъ имѣть силу.

(2) *Евсев.* Жизнь Конст. кн. 1, гл. 27: *τὸν δὲ πατρῷον τιμᾶν μόνον ᾤετο δεῖν θεόν*. Cf. *Incerti* panegyr. Constant. cap. 26, edit. Jaeger, 1, 548: Te, summe rerum stator, cuius tot nomina sunt, quot gentium linguas esse voluisti, quem enim te ipse dici velis, scire non possumus... te, inquam, oramus.

ство могло казаться ему, какъ большей части еклектиковъ, ограниченнѣе философіи въ томъ отношеніи, что проповѣдуемый въ немъ родъ богопочтенія представляло единственно истиннымъ, отвергая значеніе другихъ богослуженій; то съ другой—для каждаго, кто стремился сообразовать свою жизнь съ понятіями о вѣроученіи, заключало въ себѣ безмѣрное превосходство предъ всякою философіею, не сообщая отвлеченнаго только ученія, но обязывая своихъ послѣдователей къ дѣятельному стремленію сообразовать самый образъ жизни съ основанными на ученіи правилами. Константинъ долженъ былъ живо чувствовать это превосходство; потому что, можетъ быть, также въ слѣдствіе первоначальнаго воспитанія, былъ не только любитель истины, или философъ, но и человѣкъ набожный, стремившійся сообразовать жизнь съ правилами благочестія (¹). Въ 306-мъ году, вступивши на престолъ по смерти своего отца, онъ былъ еще язычникомъ. Когда въ 308-мъ году, послѣ счастливаго окончанія войны съ Максиміаномъ Геркуломъ, который хотѣлъ снова занять императорскій престолъ, онъ получилъ неожиданную вѣсть, что не за долго предъ тѣмъ возставшіе противъ него франки также смирились; то прежде всего поспѣшилъ выразить свою благодарность божеству, одаривъ храмъ Аполлона щедрыми приношеніями (²). Отсюда можно видѣть не только то, что Константинъ и въ 308-мъ году все еще оставался въ язычествѣ, но также, что вообще онъ не принадлежалъ къ числу государей или

(¹) *Evmenii* panegyric. Constantin. cap. 21. Vidisti enim, credo, Constantine, Apollinem tuum.... Iam omnia te vocare ad se templa videantur, praecipueque Apollo noster.

(²) *Evmenii* panegyric. cap. 21: Merito igitur avgustissima illa delubra tantis donariis honestasti, ut iam vetera non quaerant.

полководцевъ, которые успѣхъ своихъ предпріятій приписываютъ исключительно собственной находчивости, нисколько не думая о зависимости его отъ воли Божіей, что и въ язычествѣ, какъ въ послѣдствіи, когда былъ христіаниномъ, онъ былъ набоженъ, старался о благочестіи и почиталъ Бога виновникомъ всякаго успѣха (¹). Но, сравнивая отношеніе всѣхъ существовавшихъ вѣроученій и родовъ богослуженія къ нравственной дѣятельности своихъ послѣдователей, онъ невольно долженъ былъ поражаться всеобъемлемостію требованій христіанства, ихъ силою, возвышенностію и чистотою, между тѣмъ какъ язычество и философія оставляли совершенно внѣ своего надзора нравственную жизнь и заботились только — то объ обрядахъ римскаго народа, то о согласіи въ мнѣніяхъ. Нравственная жизнь христіанъ, окружавшихъ его по примѣру его отца, и непоколебимая твердость ихъ въ вѣрѣ среди всѣхъ жестокостей гоненія, которыхъ самъ онъ былъ очевидцемъ, до вступленія на престолъ живши постоянно при дворѣ Діоклитіана, а потомъ Галерія, удостовѣряли его въ превосходствѣ христіанскаго богопочтенія предъ всѣми другими самымъ дѣломъ. Между тѣмъ въ 312-мъ году, послѣ побѣды надъ Максентіемъ, кесаремъ Италіи и Африки, Константинъ сдѣлался единодержавнымъ государемъ всего запада римской имперіи. Какъ ни различно разсказываютъ современные писатели о необыкновенномъ явленіи крестнаго знамени (²), ви-

---

(1) Ibidem. Сн. царя Конст. Слово къ общ. свят., гл. 26.

(2) *Лактанцій*, de mort. persec. cap. 44: Commonitus est in quiete Constantinus, ut coeleste signum Dei notaret in scutis.... Fecit, ut jussus est, et transversa X littera, summo capite circumflexo, Christum in scutis notat. — Спустя около 20 лѣтъ, самъ Константинъ съ клятвою увѣрялъ *Евсевія* (жизнь Конст. кн. 1, гл. 28 — 32), что «въ полуденные часы дня, когда солнце начало уже склоняться къ западу,

дѣнномъ имъ предъ побѣдою, во всякомъ случаѣ основою ихъ повѣствованій должно было послужить что ни-

---

онъ *собственными очами видѣлъ составившееся изъ свѣта* и лежавшее на самомъ солнцѣ *знаменіе* креста, съ надписью: симъ побѣждай». Зрѣлище, продолжаетъ Евсевій, объяло ужасомъ, какъ его самого, такъ и все войско. Но между тѣмъ, какъ Константинъ долго недоумѣвалъ и размышлялъ о значеніи такого явленія, настала ночь. Тогда *во снѣ явился ему Христосъ* съ видѣннымъ на небѣ знаменіемъ и повелѣлъ, сдѣлавъ знамя, подобное видѣнному на небѣ, употреблять его для защиты отъ нападенія враговъ. Вставъ, Константинъ разсказалъ друзьямъ своимъ тайну и приказалъ сдѣлать знамя, описавъ, какой видъ оно должно имѣть. Но это было немного послѣ. Въ описываемое же время, рѣшившись не чтить никакого Бога, кромѣ видѣннаго, Константинъ призвалъ къ себѣ таинниковъ Его слова и (что впрочемъ не идетъ къ разсказу) спросилъ ихъ, кто тотъ Богъ и какой смыслъ знаменія, которое онъ видѣлъ. — *Руфинъ* говоритъ (Церк. Ист. кн. 9, гл. 9), что Константинъ видѣлъ огненное *знаменіе креста во снѣ*, а *на яву ангела*, сказавшаго: симъ побѣждай. *Созоменъ* (Церк. Ист. кн. 1, гл. 3 и 4) въ слѣдствіе этого думалъ, что Константинъ послѣ долгаго размышленія о небесномъ Помощникѣ въ битвѣ, все, разсказываемое Евсевіемъ и Руфиномъ, видѣлъ во снѣ; устройство же новаго знамени приписывалъ желанію его постепенно отучать мало по малу своихъ подданныхъ отъ язычества. Между тѣмъ язычники или совершенно переиначивали разсказъ, или по невѣрію смѣялись надъ нимъ. *Nazarius* in panegyr. ad Const. cap. 14: In ore denique est omnium Galliarum, exercitus visos, qui se divinitus missos prae se ferebant. Haec ipsorum sermocinatio, hoc inter audientes ferebant: Constantinum petimus, Constantino imus auxilio. *Зосимъ* (кн. 2, гл. 29, стр. 94 по Бонн. изд. Corp. script. hist. byz.): *ἐπεὶ δ' εἰς τὴν Ῥώμην ἀφίκετο μεςὸς πάσης ἀλαζονείας, ἀφ' ἑστίας ᾠήθη δεῖν ἄρξασθαι τῆς ἀσεβείας*. *Gelasii Cyzic*. Hist. Concil. Nicaeni lib. 1, cap. 4, in *Labbei* Concil. tom. 2, pag. 120: *τοῦτο τὸ διήγημα τοῖς μὲν ἀπίςοις μῦθος εἶναι δοκεῖ καὶ πλάσμα, τοῖς δὲ ἡμετέροις δόγμασι κεχαρισμένον*. Cf. *Moshemii* de rebus christ. ante Const. M. pag. 978 etc. Значеніе гражданскихъ войнъ того времени въ отношеніи къ борьбѣ христіанства съ язычествомъ было причиною появленія между современниками и другихъ подобныхъ сказаній. Такъ *Лактанцій* (de mort. persec. cap. 46) разсказываетъ, что Ликинію предъ пораженіемъ Максимина явился ангелъ и преподалъ молитву для его войска, отъ которой зависѣла побѣда. Юліана, по словамъ Ливанія, сопровождалъ въ персидскомъ походѣ сонмъ боговъ, названный святымъ Григоріемъ Богословомъ толпою демоновъ.

будь подобное, бывшее на самомъ дѣлѣ, и совершенно отвергать ихъ невозможно. Несомнѣнно, что оно имѣло вліяніе на образъ его мыслей, и спустя около двадцати лѣтъ онъ самъ припоминалъ о немъ, какъ о чудесномъ подтвержденіи своего желанія увѣровать во Христа (¹). Сдѣлавшись единодержавнымъ на западѣ, Константинъ не опасался послѣ того слѣдовать внушеніямъ вѣры, дѣйствовавшей постепенно болѣе и болѣе на его убѣжденіе. Онъ не могъ не понимать, что христіане составляли хотя гораздо меньшую по числу, но тверже соединенную, болѣе живую и потому прочную часть его подданныхъ, и хотя дѣйствительно вступилъ въ Церковь и принялъ святое крещеніе только предъ своею смертію въ 337-мъ году, тѣмъ не менѣе уже съ сего времени дѣлалъ все, что считалъ полезнымъ для ея блага.

Первые манифесты Константина касательно вѣры.

Немедленно по вступленіи въ Римъ, онъ повелѣлъ на самомъ людномъ мѣстѣ города воздвигнуть статую съ крестомъ въ правой рукѣ и начертать подъ ней на латинскомъ языкѣ надпись: «этимъ спасительнымъ знаменіемъ, истиннымъ доказательствомъ мужества, я спасъ и освободилъ вашъ городъ отъ ига тиранна (²)». Къ сожалѣнію, первый манифестъ касательно вѣры, изданный имъ вмѣстѣ съ Ликиніемъ въ концѣ 312-го года, не дошелъ до насъ. Несомнѣнно, что въ немъ дозволялось каждому исповѣдовать вѣру своего общества (³); но, по

(¹) *Евсев.* Жизнь Конст. кн. 1, гл. 27—32.

(²) Церк. Ист. *Евсевія*, кн. 9, гл. 9.

(³) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 10, гл. 5. «Мы еще прежде повелѣвали, чтобы всѣ, а также и христіане, соблюдали вѣру своей секты и своего богослужебнаго общества».

всей вѣроятности, не было съ точностію опредѣлено, можетъ ли кто либо добровольно оставить вѣру, къ которой принадлежалъ до его изданія, и перейти по своему свободному выбору въ другую. Подобная неопредѣленность была весьма невыгодна для христіанства, такъ какъ, при общемъ стремленіи къ нему, могла замедлять обращеніе язычниковъ и врагами Церкви быть истолковываема во вредъ новоувѣровавшимъ. Съ очевиднымъ желаніемъ открыть свободный путь его распространенію, Константинъ поэтому, также вмѣстѣ съ Ликиніемъ, вторымъ манифестомъ, изданнымъ въ началѣ 313-го года въ Медіоланѣ, объявилъ, что предоставляетъ уму и волѣ каждаго (1) заботиться о божественныхъ предметахъ по собственному чувству и слѣдовать той вѣрѣ, которую кто найдетъ болѣе согласною съ своимъ убѣжденіемъ, христіанской ли, или другой, вообще, какой кто хочетъ, — и въ частности, что касается христіанской вѣры, то отнынѣ съ устраненіемъ всѣхъ недоразумѣній, могшихъ представляться въ прежнемъ манифестѣ, каждый желающій прямо и просто, безъ всякихъ опасеній и затрудненій, можетъ принимать ее и исповѣдовать съ полною и безусловною свободою (2). Вмѣстѣ съ тѣмъ, какбы въ

(1) Ἑνὸς ἑκάστου τῇ διανοίᾳ καὶ βουλήσει ἐξουσίαν δοτέον τοῦ τὰ θεῖα πράγματα τημελεῖν κατὰ τὴν αὐτοῦ προαίρεσιν. Ut daremus et christianis, et omnibus liberam potestatem sequendi religionem, quam quisque voluisset... Ut nulli omnino facultatem abnegandam putaremus, qui vel observationi christianorum, vel ei religioni mentem suam dederat, quam ipse sibi aptissimam esse sentiret.

(2) Placuisse nobis, ut, amotis omnibus omnino conditionibus, quae prius scriptis ad officium tuum datis super nomine christianorum videbantur, nunc vere ac simpliciter unusquisque eorum, qui eamdem observandae religioni christianorum gerunt voluntatem, citra ullam inquietudinem ac molestiam sui idipsum observare contendant.... Nos liberam atque absolutam colendae religionis suae facultatem hisdem christianis dedisse.

заглажденіе прежней несправедливости къ христіанамъ, онъ повелѣлъ немедленно безъ всякаго взыска возвратить имъ мѣста богослужебныхъ собраній и всѣ недвижимыя имущества, отнятыя у церквей во время гоненія, даже въ томъ случаѣ, если они перешли, какимъ бы то ни было образомъ, покупкою отъ казны, или въ видѣ подарка, во владѣніе частныхъ лицъ, предоставляя этимъ послѣднимъ право требовать въ замѣнъ ихъ соотвѣтствующаго вознагражденія себѣ отъ правительства законнымъ порядкомъ (1). Единогласіе въ пользу христіанъ двухъ императоровъ, тѣсно соединенныхъ политическими и родственными отношеніями, и побѣды Ликинія были причиною, что оба Константиновы манифеста, хотя въ измѣненной формѣ, объявилъ и Максиминъ въ подвѣдомственныхъ ему областяхъ (2). Вскорѣ за тѣмъ онъ умеръ и Ликиній сдѣлался единодержавнымъ государемъ всего востока.

Притѣсненія восточнымъ христіанамъ со стороны Ликинія (314—323 г.).

Но между тѣмъ, какъ Константинъ постепенно увеличивалъ свои благодѣянія Церкви и принималъ живое участіе во всѣхъ ея дѣлахъ съ искреннимъ усердіемъ вѣрующаго, Ликиній, хотя по образу мыслей совсѣмъ (3) не былъ врагомъ ея, но, не почитая христіанства болѣе другихъ родовъ богопочтенія и не думая оставлять древ-

---

(1) Весь манифестъ въ переводѣ на греческій языкъ сохраненъ Евсевіемъ въ его Церк. Ист. кн. 10, гл. 5, а въ подлинникѣ, начиная со словъ: «прибывъ благополучно въ Медіоланъ», находится у Лактанція, lib. de mort. persec. cap. 48.

(2) *Евсев.:* Церк. Ист. кн. 9, гл. 9 и 10.

(3) Lib. de mort. percec. cap. 46.

ній языческихъ обрядовъ римскаго народа, не имѣлъ особенныхъ побужденій покровительствовать ей исключительно. Послѣ побѣды надъ Максиминомъ, 13-го іюня 313-го года онъ также немедленно обнародовалъ на востокѣ медіоланскій манифестъ въ пользу христіанъ ([1]); но руководствовался въ томъ, какъ и при первоначальномъ изданіи его, не личною расположенностію къ христіанству, а только общимъ началомъ справедливости и необходимостію поддерживать тѣсный гражданскій союзъ съ Константиномъ. Эта необходимость исчезла, какъ скоро онъ сдѣлался единодержавнымъ на востокѣ, и гражданскія отношенія его къ Константину скоро сдѣлались столько непріязненными, что въ 314-мъ году возникла уже война, которая, по видимому, должна была рѣшить, кому изъ нихъ владѣть всѣмъ государствомъ нераздѣльно. Тогда Ликиній не могъ не придти къ мысли, что христіане, жившіе въ его областяхъ, были расположены болѣе въ пользу Константина, нежели его собственную ([2]). Онъ подозрѣвалъ въ этомъ особенно епископовъ, такъ какъ Константинъ оказывалъ имъ всевозможное благоволеніе ([3]), и приверженцы язычества, естественно, не упускали случаевъ подкрѣплять его подозрѣніе. Въ слѣдствіе родившейся такимъ образомъ нерасположенности къ Церкви, имъ сдѣлано было нѣсколько распоряженій, частію стѣснявшихъ ея свободу, частію навлекавшихъ на нее, въ особенности на епископовъ, невыгодную тѣнь во мнѣніи народа ([4]). Такъ онъ запретилъ епископамъ составлять соборы и вообще вы-

---

([1]) Ibidem cap. 48.
([2]) *Созом.* Церк. Ист. кн. 1, гл. 7.
([3]) *Евсев.* Жизнь Константина, кн. 1, гл. 56.
([4]) *Евсев.* Жизнь Конст. кн. 1, гл. 51—53.

ходить изъ предѣловъ своихъ епархій, опасаясь, по всей вѣроятности, соглашенія ихъ въ сочувствіи Константину, тогда какъ, говоритъ Евсевій, по постановленіямъ Церкви дѣла важныя не иначе могутъ быть рѣшаемы, какъ соборами. Онъ приказалъ также, чтобы при богослуженіи мужчины занимали въ церквахъ мѣста отдѣльно отъ женщинъ, чтобы епископы не сами преподавали наставленія въ вѣрѣ женщинамъ, но чтобы для наставленія женщинъ избирались женщины же. Между тѣмъ, какъ по поводу этого всѣ смѣялись надъ христіанами, онъ повелѣлъ христіанамъ своей столицы, Никомидіи, собираться для богослуженія не въ церквахъ, но за городомъ въ открытомъ полѣ, подъ насмѣшливымъ предлогомъ, что для такого многолюднаго собранія свѣжій загородный воздухъ гораздо полезнѣе городскаго. Если бы подобныя распоряженія въ дѣйствительности и не оскорбляли христіанъ; то врагамъ Церкви не трудно было убѣдить Ликинія, что они усиливаютъ въ нихъ желаніе видѣть Константина своимъ государемъ. Спустя нѣсколько времени, онъ приказалъ поэтому частію разрушить, частію запереть всѣ церкви въ Понтѣ, «по внушенію нечистой совѣсти» обвиняя тамошнихъ христіанъ въ томъ, что они молятся не за него, а за Константина. Нѣкоторые изъ предстоятей понтійской церкви въ угодность ему были тогда мѣстнымъ начальствомъ безвинно осуждены и преданы жестокой смерти (¹). Между тѣмъ въ противоположность дѣйствіямъ Константина онъ удалилъ христіанъ, не хотѣвшихъ измѣнить вѣрѣ, отъ своего двора, отъ занятія всѣхъ значительныхъ военныхъ и гражданскихъ должностей и наконецъ даже отъ полицейской службы по городамъ (²).

(¹) Тамъ же, кн. 2, гл. 1 и 2.
(²) Тамъ же, кн. 1, гл. 52 и 54.

При этомъ весьма многіе готовы были жертвовать вѣрѣ не только средствами къ содержанію и земными почестями, но и жизнію; иные же напротивъ оказались отступниками безъ всякой настоятельной нужды, или, показавъ сначала твердость въ благочестіи и лишившись должностей, послѣ отреклись отъ него и искали прежнихъ мѣстъ, употребляя униженіе, ласкательство и деньги (1). Мало по малу подобныя притѣсненія начинали принимать характеръ настоящаго гоненія; потому что, хотя Ликиній и не повелѣвалъ принуждать христіанъ къ отреченію отъ вѣры, тѣмъ не менѣе мѣстныя начальства, исполняя его стѣснительные для христіанъ приказы, или по усердію даже переступая мѣру ихъ въ томъ же направленіи, всегда могли найти желанный поводъ прибѣгнуть къ насилію и жестокости (2). Къ сожалѣнію, мало сохранилось о томъ свѣдѣній. Въ древней Церкви особенно славны были сорокъ севастійскихъ мучениковъ (3) этого времени, страданія которыхъ ублажали въ своихъ бесѣдахъ Василій Великій, Григорій Нисскій, Іоаннъ Златоустъ, Гавденцій и Ефремъ Сиринъ.

Пораженіе Ликинія и повсюдное прекращеніе гоненій.

Но это была уже послѣдняя кровь, пролитая за вѣру во времена гоненій. Въ 323 г. Ликиній снова началъ войну съ Константиномъ. Причины ея были, конечно, политическія; тѣмъ не менѣе она имѣла характеръ религіозный и должна была рѣшить, наступило, или нѣтъ еще,

(1) Никейскаго, 1-го вселенскаго собора прав. 11 и 12,—*Книга Правилъ*, изд. 1839 г. Спб. стр. 38.

(2) *Евсев.* жизнь Конст. кн. 2, гл. 2.

(3) Память ихъ совершается нашею церковію 9 Марта.

внѣшнее торжество христіанства надъ язычествомъ. Обѣ стороны понимали такъ ея значеніе и оба вождя приготовлялись къ битвѣ, каждый сообразно съ своею вѣрою. Авгуры, гаруспиціи и всякаго рода языческіе предвѣщатели предрекали Ликинію побѣду. Онъ самъ, прежде чѣмъ вступилъ въ сраженіе, собралъ предводителей своего войска въ рощѣ, посвященной идоламъ, принесъ съ ними мнимымъ богамъ обычную жертву и въ заключеніе сказалъ: «вотъ предъ нами отечественные боги, и мы чтимъ ихъ по преданію отъ предковъ. Но нашъ противникъ, отвергнувъ отечественные обычаи, прославляетъ какого-то чуждаго, неизвѣстно откуда взятаго, Бога. Онъ срамитъ свое войско Его постыднымъ знаменемъ и, довѣрившись Ему, поднимаетъ оружіе не столько противъ насъ, сколько противъ оставленныхъ имъ боговъ. Настоящее время должно открыть, кто изъ насъ въ заблужденіи.... Если сильнѣйшимъ окажется этотъ чуждый, теперь нами осмѣиваемый, Богъ; то и намъ нужно будетъ признать Его и оставить тѣхъ, которымъ напрасно возжигаемъ свѣчи. Если же побѣдятъ наши боги, что несомнѣнно; то послѣ теперешней побѣды устремимся войною на безбожныхъ». — Съ другой стороны христіане твердо вѣрили въ помощь Божію. Жившимъ въ областяхъ Ликинія еще до начала сраженій неоднократно представлялось, что легіоны Константина уже вступаютъ въ ихъ города. Спасительная хоругвь креста была знаменемъ Константинова войска,—и такъ велика была сила нравственнаго вліянія, пріобрѣтеннаго христіанствомъ надъ умами даже невѣровавшихъ, что хотя огромное большинство войска состояло изъ язычниковъ, тѣмъ не менѣе появленіе хоругви повсюду вселяло бодрость и приносило побѣду. Самъ царь окружилъ себя священнослужителями

Божіими, сопровождавшими его неотлучно, и предъ началомъ битвы торжественно призвалъ Спасителя всѣхъ Бога. Богъ даровалъ ему побѣду. Ликиній, потерпѣвъ неоднократное пораженіе, лишился престола и жизни; напротивъ Константинъ сдѣлался единодержавнымъ въ имперіи,—и тогда благодѣянія внѣшняго мира распространились на всю Церковь (¹). Такъ исполнилось слово Господа: *въ мірѣ скорбни будете: но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (²).

В. СОЧИНЕНІЯ ЯЗЫЧНИКОВЪ ПРОТИВЪ ХРИСТІАНСТВА И ХРИСТІАНСКАЯ АПОЛОГЕТИЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ.

Сочиненія язычниковъ противъ христіанства.

Во тоже самое время, когда общество запрещало существованіе Церкви и грозило подавить его силою законной власти, христіанская вѣра должна была перенесть другаго рода борьбу съ міромъ, борьбу съ его ложною мудростію. Ученость, или общѣе, письменность всегда болѣе или менѣе подчинялась духу и направленію своего вѣка, служа ему памятникомъ для вѣковъ послѣдующихъ. Такъ было и во время первоначальнаго утвержденія христіанства. Какъ поверхностно, несправедливо и превратно смотрѣло на первыхъ христіанъ современное имъ общество; такъ близорукъ, легокъ и ложенъ былъ взглядъ на ихъ вѣру и представителей тогдашней образованности. Отзывы ученыхъ язычниковъ о христіанствѣ разнообразились только по различію ихъ философскихъ и ре-

(¹) *Евсев.* Жизнь ц. Конст. кн. 2, гл. 3—19.
(²) Іоанн. 16, 33.

лигіозныхъ понятій. Епикуреецъ, стоикъ и платоникъ одинаково были враждебны ему, хотя каждый говорилъ о немъ по своему.

Взглядъ епикурейцевъ на христіанство. Лукіанъ.

Люди, незнакомые съ глубокими религіозными потребностями, ограничивающіе свою мысль тѣмъ, что подлежитъ чувствамъ, и свои желанія пріятными впечатлѣніями минуты, по невѣрію и легкомысленной безпечности, всегда готовы шутить и смѣяться надъ всѣмъ, что проистекаетъ изъ высшаго, завѣтнаго и священнѣйшаго стремленія человѣческой природы, побуждающаго сообразовать жизнь съ правилами вѣры и долга, какъ бы ни выражалось это стремленіе, дѣйствительно ли достойно порицанія и неразумно, или разумно и свято. Таковы были епикурейцы. Справедливо, хотя не всегда прилично и неуважительно, осмѣивая суевѣрное и ложное богослуженіе язычниковъ, они мѣшались въ понятіяхъ языческаго народа вмѣстѣ съ христіанами въ качествѣ презрителей и поругателей мнимой святыни. «Вонъ христіанъ», обыкновенно возглашалъ языческій лжепророкъ Александръ, начиная свои провѣщанія, и народъ повторялъ: «вонъ епикурейцевъ» (1)! Но и то, что было истинно свято и достойно благоговѣйнаго почтенія, казалось имъ одинаково забавнымъ и смѣшнымъ. Не озабочивая себя трудомъ разобрать дѣло внимательно и слѣдуя правилу — ничему не удивляться, то есть, ничего не считать важнымъ и достойнымъ вниманія, они безъ дальнихъ разсужденій становили суевѣріе, язычество, хри-

(1) *Luciani* Oper. tom. 1, edit. Basileae, ann. 1563, pag. 561 et 562.

стіанство и сумасбродство подъ одинъ разрядъ. И конечно, ничего нѣтъ легче, какъ находить смѣшную сторону въ какомъ бы то ни было проявленіи обязанностей вѣры и долга, оставивъ безъ вниманія его внутреннее, одушевляющее его, значеніе. Кто безъ всякой вѣры, съ повседневною житейскою положительностію, станетъ разбирать жизнь христіанъ, полную ограниченій и самоотверженія для достиженія не признаваемой имъ высшей цѣли; тотъ, безъ сомнѣнія, найдетъ въ ней много пищи своему остроумію, хотя въ собственномъ смыслѣ смѣшонъ будетъ только самъ, смѣясь надъ тѣмъ, чего не смыслитъ. *Аще кто мнится мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ*, сказалъ апостолъ о такихъ людяхъ, *буй да бываетъ, да премудръ будетъ: премудрость бо міра сего, буйство у Бога есть* (1 Кор. 3, 18 и 19).

Епикуреецъ Лукіанъ Самосатскій жилъ въ половинѣ втораго столѣтія. Суевѣріе языческое и христіанская вѣра, Аполлоній Тіанскій и Іисусъ Христосъ имѣли въ глазахъ его совершенно одинаковую важность. Говоря о христіанахъ въ своихъ сочиненіяхъ: *О смерти Перегрина, Истинная Исторія* и *Александръ или Лжепророкъ*, онъ забавляется тѣмъ, что народъ по понятіямъ о вѣрѣ смѣшиваетъ ихъ съ епикурейцами и осмѣиваетъ внѣшнюю сторону ихъ жизни, нисколько не думая о томъ, что скрывается подъ ея внѣшностію, и не обращая никакого вниманія на ихъ вѣру. Непоколебимая надежда на будущую жизнь, съ которою христіане шли на встрѣчу смерти, ихъ взаимная братская любовь между собою, не останавливающаяся ни предъ какими самопожертвованіями, должны бы были пробудить въ немъ желаніе основательно узнать, что такое одушевляетъ этихъ людей въ ихъ рѣшимости и самоотреченіи; но ему кажется все

это сумасбродствомъ, на томъ основаніи только, что нѣкоторые христіане сами безъ вызова являлись въ судъ и объявляли о своей вѣрѣ. Онъ смѣется надъ тѣмъ, что Распятый убѣдилъ ихъ, будто они немедленно дѣлаются братьями другъ другу, какъ скоро отрекутся отъ всѣхъ боговъ, и не затрудняетъ себя мыслью, какимъ образомъ незнатный человѣкъ, всѣми оставленный и *со беззаконными вмѣнившійся*, могъ сдѣлаться основателемъ многочисленнаго общества и, спустя сто лѣтъ послѣ своей смерти, не смотря на всевозможныя гоненія, удерживать надъ нимъ такое сильное вліяніе, что его не могъ не замѣтить даже Лукіанъ. «Несчастные», говоритъ онъ, «окончательно увѣрили себя, что они совершенно безсмертны и будутъ наслаждаться вѣчною жизнію, — поэтому презираютъ смерть, и многіе добровольно предаютъ себя осужденію на нее. Такъ какъ первый ихъ законодатель убѣдилъ ихъ, что всѣ они дѣлаются братьями другъ другу, какъ скоро, оставивъ всѣхъ, отрекутся отъ еллинскихъ боговъ, будутъ поклоняться своему распятому учителю и жить по его законамъ; то, безъ дальнихъ доказательствъ повѣривъ этому, они одинаково презираютъ и считаютъ неважнымъ все другое» (1). Онъ представляетъ потомъ христіанъ совершенными идіотами, осмѣиваетъ ихъ благотворительность и увѣряетъ, что ловкій и оборотливый человѣкъ, пользуясь ихъ простотою, въ самое короткое время, подобно Перегрину, можетъ обогатиться на ихъ счетъ и потомъ бросить ихъ общество, разыгравъ въ немъ предварительно роль пророка, учителя, святаго и наконецъ исповѣдника. Но если бы и дѣйстви-

(1) De morte Peregrini, pag. 277 et 278, Oper. *Luciani* tom. 4, ejusdem editionis.

тельно многіе изъ язычниковъ оказывались недостойными благотворительности христіанъ, обращавшейся на всѣхъ безъ исключенія; то въ человѣкѣ разсудительномъ подобное явленіе должно бы было пробуждать чувство сожалѣнія къ обманщикамъ и уваженія къ безграничной добротѣ благотворителей, а не саркастическія выходки противъ мнимыхъ идіотовъ. Впрочемъ, какъ нерѣдко бываетъ съ охотниками смѣяться, Лукіанъ не затруднялся и свои нелѣпыя догадки на счетъ христіанъ выдавать за истину въ видѣ остроумныхъ намековъ.

Мнѣніе стоиковъ о христіанствѣ. Арріанъ.

Во мнѣніи безстрастно равнодушныхъ стоиковъ христіанская вѣра, чуждая отвлеченныхъ умозрѣній, была фанатизмомъ, болѣзненною мечтательностію или слѣпымъ увлеченіемъ людей, руководствующихся въ своихъ поступкахъ примѣромъ и привычкою. «Безбоязненность», говоритъ Арріанъ подобно Марку Аврелію, «должна основываться на вниканіи ума въ законы природы, а не на безумномъ изступленіи и привычкѣ, какъ у христіанъ» (¹).

Непріязненность христіанству платониковъ. Цельсъ.

Послѣдователи Платона болѣе всѣхъ другихъ философовъ были близки къ христіанству по своимъ религіознымъ и психологическимъ представленіямъ. — Фолософія ихъ школы для нѣкоторыхъ писателей и учителей Церкви служила поэтому приготовленіемъ къ переходу изъ

(¹) *Arrian*: Diatrib. lib. 4, cap. 7.

язычества въ христіанство и потомъ въ ихъ рукахъ дѣлалась полезнымъ для вѣры орудіемъ; но таково свойство человѣческаго ума, что по этой же самой причинѣ люди, разъ ограничившіе свой образъ мыслей и строго державшіеся его предѣловъ, становились тѣмъ неприязненнѣе къ особенностямъ христіанскаго вѣроученія, чѣмъ ближе другихъ были къ нему и чѣмъ болѣе имѣли близкихъ къ истинѣ понятій независимо отъ него. При извѣстной степени умственной ограниченности и гордости, имъ было очень трудно отказаться отъ философской самостоятельности и подчинить свой умъ положительному ученію и правиламъ вѣры наряду съ простымъ народомъ, не знающимъ никакихъ отвлеченныхъ умствованій и потому какбы неспособнымъ къ умозрѣнію. Имъ было тяжелѣе другихъ признать слабость ума въ знаніи о дѣлахъ божественныхъ и, по видимому, отречься отъ успѣховъ науки. Имъ было странно разстаться съ благоговѣніемъ къ Платону и предпочесть ему незнатныхъ людей, вышедшихъ изъ среды народа іудейскаго, никогда не славившагося образованностію.

Первый, кто поставилъ задачею своихъ трудовъ опровержение христіанства, былъ Цельсъ, по всей вѣроятности (1), современникъ Лукіана, возставшій на борьбу съ

(1) Цельсовъ было много; о своемъ противникѣ Оригенъ думалъ, что онъ жилъ κατὰ Ἀδριανὸν, καὶ κατωτέρω (Contra Cels. lib. 1, num. 8, p. 327). Судя по тому, что Цельсъ говоритъ уже о марцеллинистахъ (ibid. lib. 5, n. 62, p. 626), онъ писалъ свое сочиненіе не ранѣе 157 года (*Irenaei* adv. haeres. lib. 1, cap. 24 de Carpocratis doctrina et de Marcellina, quae Romam *sub Aniceto* venit, — edit. Paris. ann. 1639, pag. 122). Послѣ сего, изъ словъ самого Цельса (Contra Cels. lib. 8 n. 43, p. 773 et n. 69, p. 793) надобно заключать, что онъ писалъ во время гоненія на Церковь при Маркѣ Авреліѣ. Вѣроятно, что этому Цельсу посвятилъ Лукіанъ свое сочиненіе объ Александрѣ или Лже-

Церковію въ то самое время, когда Маркъ Аврелій преслѣдовалъ ее огнемъ и мечемъ. Онъ самоувѣренно назвалъ свое сочиненіе Словомъ Истины — Λόγος ἀληθής, и хотя на самомъ дѣлѣ справедливо доказалъ имъ только то, какъ слѣпъ, младенчески безсиленъ и жалокъ умъ человѣка, когда возстаетъ противъ божественной истины евангелія: тѣмъ не менѣе полезно обратить вниманіе на характеръ, пріемы и образъ его сужденій, потому что во многихъ отношеніяхъ онъ былъ образцемъ и идеаломъ всѣхъ позднѣйшихъ противниковъ христіанства, которые послѣ него не сказали ничего собственно новаго.

Напрасно было бы искать точной и послѣдовательной опредѣленности въ его собственныхъ понятіяхъ: въ нихъ нерѣдко встрѣчаются противорѣчія, показывающія, что онъ совсѣмъ не принадлежалъ къ разряду глубокихъ и строгихъ мыслителей. Увлекаясь духомъ полемики, онъ иногда дозволялъ себѣ говорить то, чему въ дѣйствительности самъ не вѣрилъ, часто замѣнялъ недостатокъ доводовъ, или безсиліе ихъ, ничего не доказывающей саркастической выходкой, достойной епикурейца и обличающей отсутствіе основательнаго и систематически полнаго образа мыслей. Нельзя однако не видѣть, что, возставая противъ христіанства, Цельсъ большею частію держался господствовавшихъ въ то время понятій платоновой философіи, хотя ставить его въ рядъ съ строгими платониками невозможно [1].

пророкѣ, въ которомъ упоминаетъ о войнѣ Марка Аврелія противъ маркоманновъ и квадовъ, — Op. *Luciani* tom. 1, edit. Basileae 1563 ann pag. 571.

[1] Оригенъ, изъ осьми книгъ котораго противъ Цельса извѣстенъ и самъ Цельсъ и его *Слово Истины*, читалъ еще двѣ книги противъ христіанства, написанныя Цельсомъ епикурейцемъ (*Origen.* Contra Cels. lib. 1, n. 8, p. 326; cf. lib. 4, n. 36, p. 530); но видя въ сочинителѣ

Полемика Цельса.

Какъ человѣкъ, увлекающійся предубѣжденіемъ, онъ порицалъ въ христіанствѣ все безъ разбора, не обращая вниманія, можетъ ли быть что либо охуждаемо съ принятой имъ точки зрѣнія, или нѣтъ, и, естественно, это постоянно вводило его въ противорѣчіе съ самимъ собою, тѣмъ болѣе, что, имѣя возможность говорить что нибудь связное противъ христіанства только въ качествѣ свободнаго мыслителя или философа, онъ не смѣлъ и немогъ не защищать въ тоже время внутренно презираемой народной языческой вѣры, которая между тѣмъ не-

---

Слова Истины образъ мыслей платоновой школы (ibid. lib. 1, n. 32, p. 350; lib. 4, num. 83, pag. 565), не зналъ, считать ли его за одно лицо съ писателемъ двухъ упомянутыхъ книгъ, и остановился на троякомъ предположеніи: или, будучи однимъ лицемъ съ писателемъ тѣхъ книгъ, онъ скрылъ въ настоящемъ сочиненіи свой епикурейскій образъ мыслей, чтобы говорить противъ христіанства съ большею убѣдительностію, опираясь на началахъ платонова ученія; или писалъ это сочиненіе послѣ прежнихъ, сдѣлавшись на самомъ дѣлѣ изъ епикурейца платоникомъ; или, наконецъ, сочинитель Слова Истины не имѣетъ ничего общаго съ авторомъ двухъ другихъ книгъ противъ христіанства и есть другое лицо (ibid. lib. 4, num. 54, p. 545). Не имѣя никакихъ исторически положительныхъ извѣстій о лицѣ своего противника, онъ не могъ окончательно рѣшиться ни на одно изъ этихъ мнѣній, тѣмъ болѣе, что въ Словѣ Истины неоднократно проблескиваютъ понятія и пріемы въ сужденіяхъ чисто епикурейскіе (ibid. lib. 4, n. 75, p. 559; lib. 3, num. 80, p. 500; lib. 2, n. 60, p. 432; etc.); и хотя позднѣйшіе изслѣдователи: Мосгеймъ, Чирнеръ, Биндеманнъ и другіе, болѣе или менѣе основательно, произносили рѣшительный приговоръ объ этомъ, но общій итогъ ихъ заключеній и доказательствъ, естественно, не превышаетъ Оригенова предположенія и остается равносиленъ ему. Впрочемъ, кто бы ни былъ сочинитель Слова Истины и какихъ бы убѣжденій ни держался онъ на самомъ дѣлѣ, въ историческомъ изслѣдованіи о писателяхъ противъ христіанства его должно поставить въ числѣ платониковъ уже потому, что образъ мыслей, противопоставляемый имъ христіанской вѣрѣ, во всякомъ случаѣ принадлежитъ школѣ платониковъ.

рѣдко самымъ грубѣйшимъ образомъ представляла собою то, въ чемъ несправедливо осуждалъ онъ учениковъ Христовыхъ. Оригенъ очень ясно понималъ эту неловкость въ положеніи своего противника, но считалъ унизительнымъ для христіанина ею пользоваться (¹).

Такъ съ одной стороны Цельсъ упрекалъ христіанъ въ слѣпотѣ и безотвѣтности предъ разумомъ ихъ вѣры, осуждалъ, что на всѣ возраженія и трудные вопросы у нихъ одинъ отвѣтъ: «не испытуй, но вѣруй; вѣра твоя спасетъ тебя; премудрость міра сего — зло, а буйство — благо; вѣруй, что Тотъ, о комъ говорю тебѣ, есть Сынъ Божій, хотя онъ безславно претерпѣлъ узы и крестную смерть, хотя и теперь и прежде Онъ въ глазахъ всѣхъ *безчестенъ бысть и не вмѣнихся*; вѣруй, если хочешь быть здравъ, или поди прочь» (²). Въ тоже время, съ другой стороны, онъ безславилъ ихъ за раздѣленіе на секты и разногласіе въ мнѣніяхъ: «если бы», говорилъ, «всѣ люди согласились составить одно христіанское общество; то это оказалось бы невозможнымъ. Сначала, когда христіанъ было немного, они были согласны между собою; но съ распространеніемъ своего общества они тотчасъ распадаются на разныя части, и каждый хочетъ составить свою секту. Отдѣлившіеся отъ большинства подраздѣляются вновь, осуждаютъ другъ друга и удерживаютъ, если еще дѣйствительно удерживаютъ, одно только общее имя, да и то потому, что стыдно оставить его, а въ прочемъ каждый устрояетъ все по своему» (³). Но, оставляя безъ вниманія все, что въ этихъ обвиненіяхъ есть фактически несправедливаго, извиняя

(¹) αὐτὸς (ὁ Κέλσος) τοῖς ἐναντίοις τούτων περιπίπτει..., lib. 1, n. 8, pag. 327, edit. de la Rue.

(²) Lib. 1, num. 9, pag. 327; lib. 6, num. 10 et 11, pag. 687.

(³) Lib. 3, num. 9—14, pag. 452—455; lib. 6, n. 11, pag. 687.

гордаго языческаго философа въ небрежномъ вниманіи къ тому, что вѣра есть основаніе всякаго человѣческаго знанія, не упрекая его въ томъ, что онъ забываетъ различіе между вѣрою и суевѣріемъ, нельзя не замѣтить, что еслибы Цельсъ не былъ слишкомъ несправедливъ въ своихъ сужденіяхъ, онъ не сталъ бы упрекать за безотвѣтную слѣпоту въ вѣрѣ людей, которыхъ потомъ осудилъ за разногласіе въ мнѣніяхъ. Слѣпая вѣра не допускаетъ никакихъ мнѣній и никакихъ разсужденій. Откуда же могло произойти это разнообразіе въ убѣжденіяхъ христіанъ о своей вѣрѣ? Философъ болѣе глубокомысленный не пропустилъ бы даромъ этого кажущагося противорѣчія и, конечно, могъ бы замѣтить то превосходство христіанства предъ всѣми философіями и народными языческими вѣрами, что въ немъ, какъ откровеніи божественномъ, вѣра и разумъ не противорѣчатъ другъ другу и не уничтожаютъ себя взаимно, хотя внѣ должнаго соотношенія между собою могутъ повести къ заблужденіямъ, представляющимся въ сектахъ и проистекающимъ то отъ чуждаго разуму суевѣрія, то отъ чуждаго вѣрѣ лжеумія.

Цельсъ зналъ, что христіане составляютъ много отдѣльныхъ обществъ; но не потрудился, какъ слѣдовало бы противнику добросовѣстному, розыскать, какое изъ нихъ есть истинная христіанская Церковь. Онъ имѣлъ въ рукахъ и священное писаніе; но читалъ его съ намѣреніемъ найти предметъ своему насмѣшливому остроумію, или злословію, и, слѣдовательно, съ такимъ расположеніемъ, какое дѣлаетъ человѣка рѣшительно неспособнымъ понимать божественное ученіе. Смѣшивая подъ общимъ именемъ христіанства истинную Церковь съ разными еретическими обществами, изъ которыхъ

иные недостойны были и имени христіанскаго, другія даже сами отрекались отъ него, онъ точно такъ же и священное писаніе ставилъ на ряду съ подложными еретическими книгами, пользуясь ими съ особенною любовію и довѣрчивостію. Мало того, всякое стороннее извѣстіе, дѣйствительно, или по видимому только неблагопріятное христіанству, по этому самому было въ его глазахъ уже несомнѣнно вѣрнымъ и противнымъ евангелію: онъ не стыдился прибѣгать даже къ нелѣпымъ вымысламъ невѣровавшихъ іудеевъ и, чего не сдѣлалъ бы никакой человѣкъ честный, безъ всякой повѣрки выдавать ихъ за общеизвѣстное дѣло. Понятно, какія свѣдѣнія можно было заимствовать изъ подобныхъ источниковъ и какой достовѣрности заслуживаютъ подобнаго рода критическія изслѣдованія (¹).

То упрекаетъ онъ христіанъ, что нѣтъ у нихъ ничего такого, что считается необходимою принадлежностію другихъ богослужебныхъ обществъ,—ни храмовъ, ни жертвенныхъ алтарей, ни истукановъ: то называетъ ихъ жалкимъ, погрязшимъ въ чувственности народомъ, —людьми, которые выше своихъ чувствъ не въ состояніи подняться. Съ смѣшною важностію онъ проповѣдуетъ имъ, что надобно подавить чувства, возвыситься надъ плотію и взирать умственнымъ окомъ души, чтобы узрѣть Бога (²). Но какимъ же образомъ богослуженіе этихъ чувствен-

---

(¹) Φύρων καὶ συγχέων, ἃ ὅπως ποτὲ ἤκουσε, καὶ τὰ ὅπῃ ποτ' οὖν γεγραμμένα, εἴτε δεδογμένα θεῖα εἶναι παρὰ χριστιανοῖς, εἴτε καὶ μὴ, φησί.... καὶ φέρει ὡς ἀπὸ τοῦ Ἐνὼχ, οὐκ ὀνομάζων αὐτὸν... πρᾶγμα, οὔτε λεγόμενον, οὔτ' ἀκουόμενον ἐν ταῖς ἐκκλησίαις τοῦ Θεοῦ... Εἶτα ἑξῆς τὰ ἄμικτα καὶ ἀνόμοια μιγνὺς καὶ ἐξομοιῶν ἀλλήλοις... Contra Cels. lib. V, num. 55 et 56, pag. 620 et 621. Cf. ibid. num. 54, pag. 619; lib. 1, num. 28, pag. 346, num. 32, pag. 349 et 350.

(²) Ibid. lib. 8, n. 17, pag. 754 et 755; lib. 7, num. 39, pag. 721.

ныхъ людей, для которыхъ каждый поступокъ имѣетъ нравственное значеніе, которые скорѣе готовы умереть, нежели наружно только почтить идольскую жертву или исполнить какой нибудь языческій обрядъ, и въ каждомъ даже внѣшнемъ дѣйствіи своемъ видятъ послушаніе, или неповиновеніе волѣ Божіей,—каквмъ образомъ богослуженіе ихъ такъ далеко отъ чувственности, что не имѣетъ самыхъ необходимыхъ, по мнѣнію Цельса, принадлежностей богослужебныхъ обществъ, ни истукановъ, ни жертвенныхъ алтарей, ни храмовъ, потому что христіанскія церкви, конечно, не могли быть сравниваемы съ языческими храмами или капищами? Еслибы Цельсъ постарался замѣтить и объяснить себѣ этотъ вопросъ; онъ безъ сомнѣнія понялъ бы то божественное превосходство христіанства предъ всѣми другими вѣрами, что оно, будучи служеніемъ Богу въ духѣ и истинѣ, не оставляетъ въ небреженіи нравственной дѣятельности человѣка, но проясняетъ значеніе каждаго шага его жизни, научая во всякомъ дѣйствіи имѣть въ виду всеобъемлющую заповѣдь Божію. При всѣхъ толкахъ о духовности, какъ ограниченно еще, слѣпо, чувственно въ сравненіи съ христіанами понималъ онъ нравственно-духовную жизнь человѣка!

Прекрасно раскрываетъ Цельсъ то божественное свойство евангелія, что только людямъ, внутренно сознающимъ свою грѣховность, оно подаетъ освященіе, только для нищихъ духомъ служитъ источникомъ истиннаго богатства; прекрасно, не сознавая самъ того, объясняетъ, какимъ образомъ себѣ самому затворилъ онъ доступъ къ возвѣщаемому въ евангеліи спасенію. «Призывающіе къ другимъ таинствамъ», говоритъ онъ (1), «провозглаша-

(1) Ibid. lib. 3, num. 59, pag. 486; num. 62. pag. 488.

ютъ: кто чистъ отъ всякой скверны, кто невиненъ душею, кто, не вѣдая зла, живетъ праведно и благо, или, кто неповиненъ руками и не безуменъ языкомъ, приступи, и получишь очищеніе. Послушаемъ же, какъ христіане призываютъ въ свое общество: кто, говорятъ, грѣшникъ, кто безумецъ, кто дитя, словомъ сказать, кто жалкій человѣкъ, тому открыто царствіе Божіе... Итакъ, Христосъ не посланъ къ безгрѣшнымъ»? — Безъ сомнѣнія, Его пришествіе не подаетъ спасенія тому, кто такъ мало сознаетъ свою грѣховность и такъ безчувственъ къ правдѣ и святости Божіей, что почитаетъ себя безгрѣшнымъ. Хотя Цельсъ не можетъ быть сравниваемъ съ Никодимомъ по безпристрастію въ изслѣдованіи ученія Христова; но и къ нему можно обратить слова Спасителя: ты — мудрецъ, учитель народа, *и сихъ ли не вѣси* (Іоанн. 3, 10)? — Дѣйствительно, онъ не зналъ, что духъ можетъ побѣдить и преобразовать плоть, или лучше, онъ, видя, не видѣлъ и не хотѣлъ видѣть того, что такъ сильно поражало Іустина философа и мученика, съ какою божественною силою христіанство производило всецѣлый переворотъ въ нравственной жизни людей. «Всякому извѣстно», говоритъ онъ, «что привыкшаго и наклоннаго къ грѣху нельзя исправить ни строгостію наказаній, ни милосердіемъ и прощеніемъ. Совершенно измѣнить природу — это очень трудно» (¹). — И даже это невозможно для собственныхъ силъ человѣка, но не — для всемогущей благодати Божіей, подающей имъ освященіе.

Не удивительно, если при такомъ образѣ мыслей всевѣдущій (²) Цельсъ не могъ понять одного изъ суще-

(¹) Ibid. lib. 3, num. 65, pag. 490.

(²) Lib. 1, num. 12, pag. 330. Такъ называетъ его иронически Оригенъ и такимъ хотѣлъ казаться самъ Цельсъ.

существеннѣйшихъ признаковъ преспѣянія въ нравственно-духовной христіанской жизни, — смиренія. Язычники по отчужденію отъ Бога вообще не знали этой добродѣтели: самое названіе ея (ταπεινότης) обозначало у нихъ недостатокъ нравственной твердости, — безнадежность человѣка, подавленнаго обстоятельствами, или униженіе, которому, какъ добродѣтель, противополагалась бодрая самоувѣренность въ своихъ силахъ, и хотя Цельсу извѣстно было, что Платонъ давалъ этому слову значеніе достоинства, называя имъ скромную покорность опредѣленію высшей правды, но во всякомъ случаѣ истиннаго понятія о смиреніи онъ не могъ себѣ составить. Между тѣмъ несмысленно обвиняетъ онъ христіанъ, будто они заимствовали свое понятіе о немъ изъ неправильно понятаго Платонова ученія (¹), и, отдѣляя подобно Лукіану внѣшность христіанской жизни отъ ея внутренняго значенія, представляетъ христіанское смиреніе какимъ то болѣзненнымъ лицемѣріемъ, такъ какбы по ученію христіанъ оно состояло единственно въ томъ, чтобы пресмыкаться по землѣ, ползать на колѣнахъ, носить дурную одежду, посыпаться пепломъ и, не смотря на гордую неуступчивость въ мнѣніяхъ, повторять постоянно: *мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (²).

Не постигая сущности христіанскаго смиренія, Цельсъ не могъ понять и того неразрывнаго съ смиреніемъ чувства нравственной высоты, которое пробуждаетъ христіанская вѣра въ душѣ истинно содержащаго ее. Только христіанство научаетъ человѣка сознавать себя съ одной стороны падшимъ, слабымъ, безсильнымъ рабомъ грѣха

(¹) Cf. lib. 5, num. 65 et lib. 6, num. 1, pag. 630.

(²) Ibid. lib. 6, num. 15, pag. 640 et 641; lib. 5, num. 64, pag. 628.

и смерти, съ другой — сыномъ Божіимъ по безмѣрному величію благодати, существомъ, удостоеннымъ особаго попеченія Божія и столько возлюбленнымъ Богу, что для спасенія его воплотился и пострадалъ единородный Сынъ Божій, царемъ природы и сонаслѣдникомъ Христу въ царствѣ славы. Для Цельса все это оставалось непроницаемою тайною, и оттого онъ снова запутываетъ себя въ противорѣчіи. Упрекая христіанъ, по своему понятію, въ недостойномъ, жалкомъ, презрѣнномъ самоуничиженіи, въ тоже самое время онъ изумляется необузданности ихъ высокомѣрія, которое видитъ въ томъ, что они приписываютъ себѣ столь высокое достоинство и значеніе въ очахъ Божіихъ. По господствовавшему въ древней философіи ученію, весь видимый міръ существуетъ самъ для себя, составляя своею цѣлостію проявленіе идей божественныхъ: всѣ существа его живутъ одною разумною жизнію, дѣйствуютъ по одному и тому же неизбѣжному порядку, проявляя собою одно прекрасное цѣлое; такъ что самое малое насѣкомое столько же нужно для цѣлости мірового совершенства, сколько человѣкъ, и самое злое дѣйствіе такъ же необходимо для полноты гармоніи въ мірѣ, какъ самое доброе. Вѣра христіанъ въ особое промышленіе о человѣкѣ, въ особое попеченіе Божіе о спасеніи всѣхъ людей вообще и каждаго человѣка въ особенности, казалась поэтому Цельсу суетною притязательностію человѣческой гордости. «Не для человѣка сотворено все», писалъ онъ, «точно такъ же, какъ не для льва, не для орла, не для дельфина; но для того, чтобы вселенная, какъ созданіе Божіе, составляла полное цѣлое и была совершенствомъ во всѣхъ частяхъ. Итакъ каждую часть міра должно разсматривать не въ подчиненіи другой его части, но въ соотношеніи къ его

цѣлости. Богъ печется о цѣломъ и никогда не оставляетъ его своимъ промысломъ; оно не можетъ дѣлаться хуже, и Богъ не имѣетъ нужды исправлять его по временамъ. Онъ не гнѣвается на людей такъ же точно, какъ не гнѣвается на обезьянъ, или на мухъ, и не грозитъ имъ никогда, такъ какъ каждое твореніе дѣйствуетъ неизбѣжно по выпавшему на его долю назначенію» (¹). Основываясь на такомъ образѣ мыслей, Цельсъ не допускалъ и рѣчи объ искупленіи, потому что «такъ называемое зло въ этомъ мірѣ необходимо; оно не имѣетъ начала и не будетъ имѣть конца; оно должно остаться на всегда такъ, какъ есть, ибо природа цѣлаго вѣчно одна и таже (²). Богъ однажды на всегда создалъ міръ совершеннымъ и не можетъ, подобно человѣку, возъимѣть намѣреніе о его улучшеніи» (³). Конечно, такое заключеніе правильно вытекаетъ изъ предположеннаго основанія и естественно для мыслителя, который, отвергая нравственную свободу въ человѣкѣ, смотритъ на міръ, какъ на соотвѣтствующее своей природѣ и само для себя существующее цѣлое; но въ этомъ-то превратномъ взглядѣ на отношеніе міра и въ частности свободно-разумныхъ существъ его къ Богу и заключается источникъ всѣхъ заблужденій Цельса.

Порфирій, Филостратъ, Ямвлихъ и Іероклъ.

Въ третьемъ столѣтіи, когда общественное мнѣніе постепенно начало склоняться въ пользу христіанъ, отзывы

(¹) Jbidem, lib. 4, num. 99, pag. 576; cf. num. 23, pag. 517.
(²) Jbid. lib. 4, num. 62, pag. 551.
(³) Jbid. lib. 4, num. 69, pag. 555.

ученыхъ язычниковъ о христіанствѣ также значительно измѣнились. Неразумность грубаго идолопоклонства становилась очевидною при свѣтѣ распространенія и обобщенія христіанскихъ понятій о Богѣ и служеніи Ему духомъ и истиною. Но если одни изъ язычниковъ въ слѣдствіе этого спѣшили присоединиться къ Церкви; то другіе, болѣе привязанные къ преданіямъ язычества, напротивъ, старались дать ему новую жизнь и преобразовать его на подобіе христіанства, примѣнивъ отвлеченныя понятія философіи къ народнымъ преданіямъ языческой вѣры. Христіанство оказывало такимъ образомъ неотразимое вліяніе даже на тѣхъ, кто противился принятію его и не хотѣлъ подчинить мнѣній своего разума его непреложнымъ догматамъ. Къ сожалѣнію, чѣмъ это вліяніе было ощутительнѣе для невѣрующихъ, тѣмъ предубѣжденіе ихъ противъ вѣры дѣлалось сильнѣе; чѣмъ болѣе въ умахъ язычниковъ очищались понятія о богопочтеніи подъ вліяніемъ христіанства, тѣмъ болѣе язычество получало для нихъ привлекательности, какъ ихъ собственное дѣло, и тѣмъ нетерпимѣе представлялась христіанская вѣра, устраняющая всякій произволъ мышленія о своихъ догматическихъ истинахъ. Задачу такого преобразованія язычества взяла на себя преимущественно гностическая секта неоплатонической школы, представителями которой въ этомъ отношеніи были александрійскій философъ Аммоній Саккъ, жившій въ началѣ третьяго столѣтія, и ученикъ его Плотинъ, уроженецъ египетскаго города Ликополя. Этого рода философы (1) всячески старались доказать,

(1) О гностицизмѣ вообще и въ частности объ александрійскомъ гносисѣ подробнѣе будетъ сказано во второй части по поводу христіанскихъ гностическихъ сектъ.

что вѣрованія языческаго народа въ своихъ разнообразныхъ преданіяхъ и обрядахъ символически изображаютъ чисто философское ученіе и съ этою цѣлію придавали иносказательный смыслъ всей миѳологіи. Возводя такимъ образомъ философское ученіе на степень религіи, они со всѣмъ фанатизмомъ, свойственнымъ сектѣ, приписали ему характеръ откровенія, съ одной стороны въ соотвѣтствіе достоинству христіанской вѣры, получившей начало отъ Бога, съ другой для успокоенія въ умахъ своихъ послѣдователей того недовѣрія, которое обыкновенно внушали къ себѣ философскія изслѣдованія о божествѣ. Темныя миѳическія сказанія о Пиѳагорѣ, чудеса, приписываемыя Аполлонію Тіанскому, жившему около времени пришествія на землю Спасителя, общее благоговѣніе къ Сократу и Платону, дали имъ средство представить эти лица провозвѣстниками откровенія въ языческомъ мірѣ, какбы тѣмъ же, чѣмъ былъ Іисусъ Христосъ для христіанской Церкви. Самихъ себя представители разсматриваемой системы выдавали за провидцевъ и святыхъ, которые, освободившись отъ ига чувственности, получили сверхъестественный даръ непосредственнаго созерцанія вещей божественныхъ. Аммонія звали богопросвѣщеннымъ (θεοδίδακτος). Плотинъ, стыдясь того, что родился такъ же, какъ и всѣ смертные, несоотвѣтственно достоинству существа, сроднаго божеству, заботливо скрывалъ, когда и отъ кого онъ родился. Онъ приписывалъ себѣ сверхъестественное могущество и утверждалъ, что среди его усилій стать выше всего земнаго ему два раза являлся самъ Богъ во всей духовности своего существа, внѣ всякой внѣшней формы или какого нибудь чувственнаго образа. Всѣ философы этой секты въ извѣстной мѣрѣ уважали христіанство, усвоивая себѣ изъ него много понятій; такъ что

объ Аммоніѣ и Порфиріѣ говорили поэтому, будто они даже были сначала христіанами и только въ послѣдствіи по личнымъ побужденіямъ перешли въ язычество (1): но въ тоже время они хотѣли низвести христіанскую вѣру въ рядъ языческихъ вѣроученій и философскихъ умствованій, по ложному предубѣжденію, что народныя вѣрованія въ своемъ очищенномъ видѣ могутъ быть приведены къ единству съ христіанствомъ при философскомъ воззрѣніи на него. Такимъ образомъ всѣ они были опаснѣйшими его врагами. Убѣжденіе христіанъ во всецѣлой истинности своего богооткровеннаго ученія и неслитности его съ язычествомъ и философіею казалось имъ грубымъ предразсудкомъ, ослѣпленіемъ, свойственнымъ невѣжественной нетерпимости, своего рода іудействомъ, какъ они понимали іудейское ученіе, то есть, исключительною и неразумною привязанностію къ извѣстнымъ опредѣленнымъ понятіямъ и обрядамъ, проистекающею отъ неумѣнія различать единство Божества самого въ себѣ и многообразность Его проявленій въ дѣйствіи на разные народы по свойству ихъ характера и развитія (2). Впрочемъ только по смерти Плотина (270 г.) нѣкоторые изъ нихъ вступили въ открытую борьбу съ христіанствомъ, смотря на него съ указанной точки зрѣнія.

Таковъ былъ ученикъ Плотина Порфирій Ватанеотъ, уроженецъ тирскій, въ свое время пользовавшійся славою многосторонняго писателя и истиннаго философа (3).

---

(1) *Сокр. Схоласт.* Ц. Ист. кн. 3, гл. 25, по русск. пер. стр. 308. *August.* de Civit. Dei, lib. X, cap. 28.

(2) *Mosheim,* de stud. ethnicor. christianos imitandi,—Dissert. ad Hist. Eccles. pertin. кн. 1, стр. 131, Alton. 1733 ann.

(3) Holstenii de vita et scriptis Porphyrii, vid. *Fabric.* Biblioth. Graec. tom. IV, pag. 207—281.

При своей философской нетерпимости къ христіанству раздѣляя основное религіозное начало древняго римскаго законодательства о необходимости отечественнаго богопочтенія (¹), онъ написалъ, во время своего пребыванія въ Сициліи, пятнадцать книгъ противъ христіанъ—*κατὰ χριστιανῶν λόγοι ιέ*. Появленіе сочиненія его съ вѣроятностію можно относить къ первымъ годамъ царствованія Діоклитіана, когда христіанская вѣра, бывъ дозволена законами имперіи, распространялась безпрепятственно и, по видимому, на всегда избавилась отъ гоненій. Порфирій не имѣлъ цѣли возбудить къ ней ненависть, или нетерпимость; но онъ хотѣлъ поколебать ея непреложную истинность критическимъ разборомъ книгъ священнаго писанія и такимъ образомъ поставить се въ рядъ всѣхъ другихъ вѣрованій. Его критика отличалась тѣмъ же поверхностнымъ знаніемъ предмета, тою же злонамѣренностію и слѣпотою изслѣдованій, наконецъ—тою же непослѣдовательностію въ заключеніяхъ, которыми прославили себя ближайшіе къ намъ по времени противники христіанства и которыя, конечно, служатъ непремѣннымъ условіемъ для всякаго, кто по легкомысленному предубѣжденію захочетъ находить заблужденія въ божественномъ источникѣ истины! Поэтому совершенно естественно, что ученѣйшіе писатели христіанской древности называли ее искаженіемъ, клеветою, нечестіемъ, противленіемъ истинѣ, борьбою противъ Бога и ненаказанностію языка. Тѣмъ не менѣе она могла быть для легковѣрныхъ гораздо соблазнительнѣе Лукіановскихъ остротъ, или Цельсовыхъ умствованій и ругательствъ, не только потому,

---

(¹) *Τιμᾶν τὸ θεῖον κατὰ τὰ πάτρια*, vid. *Ang. Maji* Script. vet. nova coll. epist. Porphyr. ad Marcellam.

что подкрѣплялась, судя по отзывамъ блаженнаго Іеронима ([1]), наружнымъ блескомъ обширной учености, но и отъ того, что казалась умѣреннѣе въ своихъ выводахъ и по мнимому безпристрастію не отнимала у христіанства нѣкоторой степени значенія и достоинства. Поэтому ни одно противохристіанское сочиненіе не возбуждало противъ себя столько ученыхъ опроверженій и критическихъ замѣтокъ, какъ книги Порфирія. Подобно Цельсовымъ книгамъ, онѣ не дошли до нашего времени и извѣстны только отчасти по не многимъ выпискамъ, сохранившимся въ твореніяхъ церковныхъ писателей четвертаго и пятаго вѣка.

Такъ изъ твореній блаженнаго Іеронима ([2]) видно, что *въ первой книгѣ* своего сочиненія Порфирій, основываясь между прочимъ на словахъ апостола Павла: *въ лице ему противу стахъ, яко зазоренъ бѣ* (Гал. 2, 11), старался заподозрить высоту нравственныхъ свойствъ въ писателяхъ новозавѣтныхъ священныхъ книгъ и дѣлалъ заключеніе, что если первые учители христіанства имѣли между собою раздоры и несогласія, то они посланы не отъ Бога и ученіе ихъ не божественно. — Съ тою же, очевидно, цѣлію при разборѣ исторіи объ Ананіѣ и Сапфирѣ, изложенной въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, онъ представлялъ, будто апостолъ Петръ молилъ Бога о наказа-

---

([1]) Comment. in Prophet. Daniel. ad finem prooemii.

([2]) *Hieronym.* in prooemio Comment. in epist. ad. Galat.—Quod nequaquam intelligens Bataneotes et sceleratus ille Porphyrius in primo operis sui adversum nos libro Petrum a Paulo objecit esse reprehensum, quod non recto pede incederet ad evangelisandum,—volens et illi maculam erroris inurere, et huic procacitatis, et in commune ficti dogmatis accusare mendacium, dum inter se ecclesiarum principes dissident. Idem ad ipsum locum 2 cap. ad Galat., in Comment. in Esaiam, lib, 14 sub finem; in epist. 89 ad Augustinum.

нія ихъ смертію, а не предвозвѣстилъ только въ духѣ пророчества судъ, постигшій ихъ свыше,—желая такимъ образомъ обвинить въ недостаточности нравственнаго совершенства и ограниченности понятій о Богѣ какъ самого апостола Петра, такъ и писателя апостольскихъ Дѣяній (1). Равнымъ образомъ при разборѣ евангелій онъ, между прочимъ, осуждалъ Господа нашего Іисуса Христа за непостоянство и измѣнчивость мыслей, такъ какъ будто Спаситель, сначала отрекшись, не отъ торжественнаго входа въ Іерусалимъ *и явленія Себя мірови* во время праздника кущей, а отъ обыкновеннаго путешествія на этотъ праздникъ, потомъ однако былъ не немъ (2). При такомъ взглядѣ на нравственныя качества писателей священныхъ книгъ новаго завѣта, Порфирій, естественно, расположенъ былъ подозрѣвать въ ихъ боговдохновенныхъ писаніяхъ множество заблужденій и ошибокъ. Вообще, евангелисты казались ему людьми, не вполнѣ знавшими то, о чемъ они писали, и какъ придирчивы были его замѣчанія въ этомъ отношеніи, можно видѣть изъ того, что онъ обращалъ вниманіе даже на непостоянное соблюденіе ими географической точности въ названіи Геннисаретскаго озера Тиверіадскимъ или Галилейскимъ моремъ (3). Если только Христосъ есть путь, истина и животъ для всего человѣческаго рода, говорилъ онъ, если

(1) *Hieronym.* epist. ad Demetriadem de virginit. Denique et apostolus Petrus nequaquam eis imprecatur mortem, ut stultus Porphyrius calumniatur, sed Dei judicium prophetico spiritu annunciat.

(2) *Hieronym.* adv. Pelagianos, lib. 2. Св. Іоаннъ евангелистъ замѣчаетъ: *взыде, не явѣ, но яко тай,* въ противорѣчіе предложенію касательно торжественнаго шествія, которое отвергъ Господь, сказавши: *время мое не у пріиде... время мое не у исполнися.* Іоанн. 7, 2—10.

(3) *Hieronym.* epist. 101, ad Pammachium. Quaest. Hebraic. in Genesin: Frustra Porphyrius Evangelistas... pro lacu Genezareth mare appellasse calumniatur; Іоанн. 6, 1 и 18; Матѳ. 15, 29. Лук. 5, 1; 8, 22 и 23.

только вѣрою въ Него можно достигнуть спасенія; то чѣмъ виновнѣе другихъ были люди, жившіе до Его пришествія, и почему пришелъ Онъ такъ поздно? Зачѣмъ Онъ отмѣнилъ ветхозавѣтныя жертвоприношенія, установленныя самимъ Богомъ? Гдѣ соразмѣрность въ ученіи о вѣчности наказаній за грѣхи, когда самъ Христосъ сказалъ: *въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (1)?

Въ третьей книгѣ своего сочиненія противъ насъ Порфирій, по словамъ Евсевія (2), «не могши найти ничего худаго въ христіанскихъ догматахъ», переходитъ, по видимому, къ разбору ветхозавѣтныхъ книгъ священнаго писанія и «за недостаткомъ доказательствъ прибѣгаетъ къ ругательствамъ, нападая на изъяснителей ихъ, въ особенности на Оригена, котораго зналъ еще въ своемъ дѣтствѣ. Нѣкоторые люди, говорилъ онъ, не желая бросить плохія писанія іудеевъ, но думая отыскать въ нихъ смыслъ, обратились къ объясненіямъ самымъ несвязнымъ и несогласнымъ съ ихъ содержаніемъ. Этимъ они не столько защитили чужое, сколько пріобрѣли славу и одобреніе собственнымъ мнѣніямъ. Простыя слова Моисеевы хвастливо выдавая за иносказанія и почитая ихъ изреченіями самого Бога, они помрачили свой разсудокъ дымомъ толкованій».—Это значитъ, что Порфирій, подобно всѣмъ другимъ философамъ гностической секты неоплатониковъ увлекаясь «аллегорическими изъясненіями еллинскихъ таинствъ» и поставляя въ нихъ верхъ богословскаго совершенства, весьма неуважительно смотрѣлъ на буквальный смыслъ ветхозавѣтнаго писанія и нерѣдко

(1) *Augustini* Retractat. lib. 2, cap. 31; idem in epist. 49 de sex quaestionibus paganorum.

(2) Церковн. Ист. кн. 6, гл. 19.

встрѣчающійся въ немъ антропоморфическій образъ выраженій.

Четвертая книга его сочиненія направлена была, судя по указаніямъ блаж. Θеодорита и Евсевія ([1]), также противъ Моисеева пятокнижія. Послѣ нея извѣстно содержаніе еще двухъ книгъ: *двѣнадцатой и тринадцатой*. Порфирій старался доказать въ нихъ, «будто книга пророка Даніила написана не тѣмъ лицемъ, котораго имя носитъ въ своемъ заглавіи, и содержитъ въ себѣ не предсказанія о временахъ будущихъ, но описаніе прошедшихъ событій, составленное какимъ нибудь современникомъ Антіоха Епифана, жившимъ въ Іудеи, и будто бы въ тѣхъ мѣстахъ ея, гдѣ писатель хотѣлъ пророчествовать о временахъ, протекшихъ послѣ царствованія Антіоха, находятся одни ошибки, потому что онъ, естественно, не могъ знать будущаго». Называя такое заключеніе Порфирія злонамѣренною клеветою, блаж. Іеронимъ говоритъ, что въ этихъ книгахъ онъ истощилъ всю свою ученость и что для удовлетворительнаго опроверженія ихъ нужно самое основательное и многостороннее знаніе древнихъ греческихъ историковъ: Діодора, Іеронима, Поливія, Посидонія, Клавдія, Θеоны, Андроника, Алипія и другихъ; такъ что, по его словамъ, опроверженія на нихъ, писанныя св. Меθодіемъ, Евсевіемъ и Аполлинаріемъ, епископомъ лаодикійскимъ, при всей своей полнотѣ и необыкновенной ловкости, едва ли могли удовлетворить требованіямъ любознательнаго читателя ([2]).

([1]) *B. Theodoret*. Graec. Affection. Curatio, disputat. 2, pag. 740—742, Opp. tom. 4, изд. Евгенія Булгариса, Магдеб. 1771.—*Euseb*. Praepar. Evang. lib. 1, cap. 9; lib. 10, cap. 9.

([2]) *Hieronym*. Comment. in prophet. Daniel. prooemium, — qui multis versuum millibus (solertissime) ejus vesaniae respondentes nescio, an curioso lectori satisfecerint,—cf. Comment. in. 24 cap. Matth., lib. 4.

Отрывки изъ «Философіи оракуловъ», сохранившіеся въ твореніяхъ Евсевія, блаж. Ѳеодорита и Августина [1], въ нѣкоторой степени дополняютъ, наконецъ, понятіе о взглядѣ Порфирія на христіанство. Порфирій написалъ это сочиненіе не прямо противъ христіанской вѣры; тѣмъ не менѣе, представляя въ немъ сводъ мнимобожественныхъ изреченій касательно богопочтенія, онъ имѣлъ цѣлію удовлетворить недовѣрчивости, которую возбуждали въ языческомъ народѣ философскія умозрѣнія о Божествѣ, и дать пищу жаждѣ положительнаго божественнаго откровенія, которая многихъ язычниковъ вела ко вступленію въ христіанскую Церковь, слѣдовательно, вмѣстѣ съ этимъ — болѣе или менѣе воспрепятствовать распространенію христіанства. Нѣкоторые же изъ составленныхъ, или подобранныхъ, имъ оракуловъ направлены были даже прямо противъ христіанъ. Такъ въ одномъ изъ нихъ, подобно всѣмъ язычникамъ, онъ отдаетъ предпочтеніе іудейству предъ христіанствомъ и упоминаетъ о смерти Господа нашего Іисуса Христа, какбы о противорѣчіи вѣрѣ въ Его божество. Въ первые вѣка своего распространенія, христіанство, какъ замѣчено было и прежде, скорѣе привлекало къ себѣ женщинъ, нежели мужчинъ; такъ что въ то время, какъ жены и дочери были уже усердными христіанками, мужья и отцы нерѣдко оставались преданными язычеству. Такимъ образомъ Порфирій представляетъ, что одинъ мужъ обрати-

---

[1] Περὶ τῆς ἐκ λογίων φιλοσοφίας. Отрывки этого сочиненія встрѣчаются въ твореніи блаж. Ѳеодорита, Ἑλληνικῶν θεραπευτικὴ παθημάτων, Августина de Civitate Dei, и особенно Евсевія de Praepar. Evang. et de Demonstrat. Evangelica. Въ 15 столѣтіи оно еще существовало въ цѣлости, — см. *Ficini* Comment. in Plotini Ennead. II, lib. III, cap. 7, p. 121, — и, можетъ быть, хранится доселѣ въ числѣ рукописей флорентинской библіотеки.

ся къ Аполлону съ вопросомъ: какому Богу онъ долженъ молиться, чтобы отвлечь свою жену отъ исповѣданія христіанства. Зная непоколебимую твердость христіанъ въ вѣрѣ, мнимый Аполлонъ отвѣчалъ спрашивавшему, что онъ скорѣе выучится писать на текучей водѣ, или летать по воздуху, чѣмъ успѣетъ исправить образъ мыслей своей безбожной и разъ на всегда заблудившейся жены. Оставь ее, продолжалъ Аполлонъ, оплакивать своего умершаго Бога, осужденнаго на смерть іудеями, которые во всякомъ случаѣ лучше христіанъ имѣютъ понятія о Богѣ (1). Другіе оракулы еще яснѣе выражаютъ мнѣніе Порфирія о лицѣ Іисуса Христа. Нѣкоторые изъ язычниковъ, слыша о чудесахъ Господа нашего, приходили къ мысли почитать Его наравнѣ съ своими мнимыми Богами. Представляя, что одинъ изъ такихъ людей по этому случаю обратился за совѣтомъ къ оракулу, Порфирій влагаетъ въ уста оракула слѣдующій отвѣтъ: «Украшенный мудростію знаетъ, что душа по разлученіи съ тѣломъ остается безсмертною; а душа того Мужа отмѣчена самою высшею степенью благочестія» (2). На дальнѣйшее недоумѣніе спрашивавшаго, за что же такимъ образомъ Христосъ обреченъ былъ на страданія, оракулъ отвѣчалъ: «Плоть вообще подвержена страданіямъ; но душа благочестивыхъ возносится отъ земли въ небесныя обители». За тѣмъ Порфирій прибавляетъ отъ своего лица: «итакъ Христосъ—мужъ благочестивый и, какъ вообще всѣ бла-

(1) *Augustin.* de Civitate Dei lib. 19, cap. 23, num. 1. — Interroganti, quem deum placando revocare possit uxorem suam a christianismo, haec ait versibus Appolo. Deinde verba *velut Apollinis* ista sunt: forte magis poteris in aqua impressis litteris scribere.... quoniam Judaei suscipiunt Deum magis, quam isti,—pag. 651, edit. Patrol. Curs. Compl. Opp. B. August. tom. 7.

(2) Evseb. Demonstrat. Evang. lib. 3, pag. 134, edit. Coloniae 1688 ann.

гочестивые, достойный неба; Его невозможно порицать, но какъ не сожалѣть о безумствѣ людей, почитающихъ Его Богомъ» (1)! Эта благочестивая и достойная неба душа, по понятіямъ Порфирія, невинно послужила предметомъ ослѣпленія для тѣхъ людей, которымъ отъ природы не суждено познать предвѣчнаго Бога (2).

Что касается жизнеописанія Пиѳагора, составленнаго Порфиріемъ, подобнаго же сочиненія Ямвлиха въ четвертомъ столѣтіи и жизнеописанія Аполлонія Тіанскаго, сочиненнаго риторомъ Филостратомъ въ царствованіе императора Александра Севера (3); то всѣ эти сочиненія, имѣя своею цѣлію представить образцы святыхъ и богопросвѣщенныхъ мужей въ языческой древности, служили собственно орудіемъ къ поддержанію падавшаго язычества и только косвенно противопоставлялись ученію христіанъ о лицѣ Іисуса Христа.

Рядъ извѣстныхъ (4) языческихъ писателей, направлявшихъ свои напрасные труды непосредственно противъ

---

(1) *Ibidem.* ἀυτὸς οὖν ἐυσεβὴς, καὶ ἐις οὐρανοὺς, ὥσπερ ὁι ἐυσεβεῖς χωρήσας· ὥστε τοῦτον μὲν οὐ βλασφημήσεις, ἐλεήσεις δὲ τῶν ἀνθρώπων τὴν ἄνοιαν.

(2) Avgust. de Civitate Dei lib. 19, cap. 23, num. 4, pag. 653: indocti et impiae naturae, quibus vere fatum non concessit a diis dona obtinere, neque habere Jovis immortalis notionem....

(3) *Philostratorum* Opera, gr. et lat. ed. Morrellus, Parisiis 1608 ann., — G. Olearius, Lips. 1709. Cf. *Baur's* d. Uerhältinss d. Pythagoreismus zum Christenthum, in d. Tübinger Zeitschr. f. Theolog. 1832, Heft. 4. — De vita Pithagorica, *Jamblichi* et *Porphyrii*, gr. et lat. ed. Theoph. Kiessling. Lips. 1815. *Fabric.* Biblioth. Gr. tom. 4, p. 282 — 287 de Jamblicho.

(4) Не только сочиненія, но даже имена нѣкоторыхъ древнихъ писателей противъ христіанства, не сохранились до нашего времени. Такъ, кромѣ упоминаемаго Оригеномъ другаго Цельса, Лактанцій говоритъ еще объ одномъ противникѣ христіанской вѣры, который во время его пребыванія въ Виѳиніи tres libros evomuit contra religionem nomenque christianorum. Divin. Jnstitut. lib. V, cap. 2. Можно думать, что это былъ философъ Максимъ, уроками котораго въ послѣдствіи пользовался Юліанъ отступникъ.

христіанства, заключаетъ собою Іероклъ, въ началѣ четвертаго столѣтія бывшій правителемъ сначала Виѳиніи, а потомъ александрійской области. Его сочиненіе явилось въ такое время, когда человѣкъ съ благородною и доброю душею, даже при нерасположенности къ христіанству, не возвысилъ бы противъ него своего голоса,— во время самаго ужаснаго гоненія на христіанъ. Можно ли было надѣяться, чтобы оно подѣйствовало на христіанскія убѣжденія, когда его авторъ самъ былъ однимъ изъ жесточайшихъ гонителей! Между тѣмъ Іероклъ хотѣлъ представиться благорасположеннымъ совѣтникомъ, со всею добросовѣстностію изслѣдующимъ истину, и далъ своему сочиненію заглавіе: «Правдивое слово христіанамъ» (1). Онъ повторяетъ въ немъ много того, что уже сказано было Цельсомъ и Порфиріемъ, взноситъ безстыднѣйшія клеветы на жизнь Іисуса Христа и, желая поколебать благоговѣніе къ Его чудесамъ, проводитъ сравненіе между Нимъ и Аполлоніемъ Тіанскимъ. Все, что писалъ объ Аполлоніѣ витіеватый Филостратъ, спустя около полутора столѣтія, сказочно, изъ недостовѣрныхъ источниковъ и по собственной фантазіи, даже напримѣръ то, что Аполлоній, понималъ языкъ звѣрей (2), все это, по словамъ Іерокла, должно быть признано совершенно несомнѣннымъ, тогда какъ апостолы, люди необразованные,

---

(1) Λόγοι φιλαλήθεις πρὸς τοὺς χριστιανούς. См. *Lactant*. Institut. Div. lib. V, cap. 2 et 3, — de mort. persecut. cap. 16. Сочиненіе это также не сохранилось до нашего времени и извѣстно главнымъ образомъ по опроверженію, писанному на него Евсевіемъ кесарійскимъ. *Евсевія Кес.* книга πρὸς τὰ ὑπὸ Φιλοςτράτυ εἰς Ἀπολλόνιον τὸν Τυανέα διὰ τὴν Ἱεροκλεῖ παραληφθεῖσαν ἀυτοῦ τε κὰι τοῦ Χριστοῦ σύγκρισιν помѣщена непосредственно за Demonstr. Evangel. Opp. edit. Coloniae 1688, pag. 511 — 545,— также вслѣдъ за Филостратовымъ жизнеописаніемъ Аполлонія Тіанскаго, — см. Philostrat. opp. edit. *Morelli*, pag. 433 — 483.

(2) *Evseb*. Contra. Hierocl., edit. Coloniae, pag. 518,

лживые, фигляры (1), какъ поносилъ ихъ Іероклъ безъ всякихъ доказательствъ, говорили только чистую ложь. «Вы почитаете Христа Богомъ», писалъ онъ(2), «за то, что Христосъ возвратилъ зрѣніе небольшому числу слѣпыхъ и совершилъ будтобы еще нѣсколько подобныхъ дѣлъ; но еллины не считаютъ Богомъ даже Аполлонія, который сотворилъ безчисленное множество чудесъ, признавая его только особенно богоугоднымъ человѣкомъ». — Таковы были убѣжденія Іерокла; такъ лживо, бездоказательно, нагло и безсовѣстно было его Правдивое Слово.

Во времена Златоуста сочиненія языческихъ писателей противъ христіанства составляли уже рѣдкость и были большею частію истреблены (3). Законъ императоровъ Валентиніана III и Ѳеодосія II (4) послѣдніе экземпляры ихъ осудилъ на сожженіе. Но нужно ли говорить, что въ свое время они были совершенно безвредны, и христіане не обращали на нихъ никакого вниманія иначе, какъ только съ цѣлію опроверженій. То, что для невѣрныхъ казалось безуміемъ, въ устахъ вѣрующихъ было Божіею силою, и усилія непросвѣщеннаго благодатію ума поколебать богооткровенную вѣру послужили только къ появленію многочисленнаго сонма христіанскихъ писателей, побѣдоносно защищавшихъ ея незыблемыя основанія и называемыхъ обыкновенно апологетами.

Христіанскія апологетическія сочиненія.

Въ вѣка гоненій на христіанъ и порицаній на ихъ святую вѣру апологетическій родъ сочиненій былъ са-

---

(1) *ἄνθρωποι ψεῦσται καὶ ἀπαίδευτοι καὶ γόητες*, — ibidem, pag. 512.

(2) Ibidem, pag. 512.

(3) *Св. І. Златоуст*. Слово о св. муч. Вавилѣ.

(4) Cod. Justin. lib. 1, cap. 1, tit. 3.

нымъ господствующимъ въ церковной письменности. Всякій образованный христіанинъ, если только рѣшался выступить на видъ въ качествѣ писателя, чувствовалъ себя обязаннымъ прежде всего сказать слово въ защиту гонимыхъ своихъ собратій и той вѣры, которую онъ содержалъ вмѣстѣ съ ними, не смотря на всѣ опасности. Конечно, въ первыя времена гоненій защитникамъ христіанства естественно было озаботиться болѣе огражденіемъ самихъ христіанъ отъ несправедливости судебныхъ приговоровъ, нежели ученымъ опроверженіемъ языческихъ понятій о христіанской вѣрѣ и противохристіанскихъ сочиненій. Но потомъ, когда гоненія оказались неотвратимыми, апологетическія сочиненія ихъ, оставивъ судебный характеръ защитительныхъ рѣчей, или апологій въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова, приняли видъ поученій о свойствахъ истинной вѣры съ примѣненіемъ ихъ къ вѣроученію Церкви, увѣщаній въ превосходствѣ христіанства предъ всѣми другими вѣроученіями и обличеній всякаго рода противохристіанскихъ понятій и сочиненій. Такимъ образомъ, вообще говоря, апологіи были двоякаго рода: однѣ имѣли характеръ судебный и писаны были съ цѣлію оградить самихъ христіанъ отъ гоненій; другія представляли собою ученыя сочиненія, писанныя въ защиту христіанской вѣры отъ разнаго рода порицаній и въ доказательство превосходства ея предъ всѣми другими вѣроученіями.

Первый родъ апологій.

Не смотря на то, что гоненія на Церковь были постоянны, при общемъ взглядѣ на нихъ не трудно замѣтить, что до времени Марка Аврелія они происходили

не столько отъ воли правительства, сколько отъ несправедливой ненависти языческаго народа къ христіанскому имени. Отсутствіе опредѣленныхъ законовъ противъ Церкви и безпорядочность судопроизводства надъ христіанами давали христіанскимъ защитникамъ надежду найти даже опору себѣ въ римскихъ государяхъ противъ свирѣпости со стороны народа, тѣмъ болѣе, что тогда, по выраженію римлянъ, управляли вселенною то справедливость въ лицѣ Адріана, то кротость въ лицѣ Антонина Нѣжнаго, то сама мудрость въ лицѣ Марка Аврелія. Съ такою именно цѣлію писали свои апологіи Кодратъ, епископъ аѳинскій, и Аристидъ философъ ([1]) въ царствованіе Адріана, Іустинъ Мученикъ при Антонинѣ и наконецъ Мелитонъ, епископъ сардійскій ([2]), Клавдій Аполлинарій, епископъ іерапольскій ([3]), Аѳинагоръ и Мильтіадъ ([4]) въ царствованіе Марка Аврелія. Кромѣ небольшихъ отрывковъ ([5]) изъ апологій Кодрата и Мелитона, до нашего времени въ цѣлости сохранились апологіи Іустина Мученика и Аѳинагора. О прочихъ апологетическихъ трудахъ этого рода остались только свидѣтельства, показывающія, что по своему достоинству они были не ниже тѣхъ, которые намъ извѣстны. Вооб-

---

(1) Объ апологіяхъ Кодрата и Аристида см. *Евсев.* Церк. Ист. кн. 4, гл. 3; *Hieronym.* lib. de vir. illustr. cap. 19 et 20,—cf. epist. ad Magnum oratorem; *Photii* Biblioth. cod. 162, pag. 348, edit. Rothomagi, 1653 ann.

(2) О Мелитонѣ — *Евсев.* Ц. Ист. кн. 4, гл. 13 и 26; *Hieronym.* de vir. illustr. cap. 24: elegans et declamatorium ingenium.

(3) О Клавдіѣ Аполлинаріѣ — *Евсев.* Ц. И. кн. 4, гл. 26 и 27; кн. 5, гл. 5. 16 и 19; cf. *Hieronym.* epist. ad Magnum oratorem, nec non lib. de vir. illustr. cap. 26: insigne volumen pro fide christianorum dedit.

(4) О Мильтіадѣ — *Евсев.* Ц. И. кн. 5, гл. 17 и 28; cf. *Tertull.* lib. adv. Valentinianos, cap. 5.

(5) См. *Евсев.* Ц. И. кн. 4, гл. 3 и 26.

ще, судя по апологіямъ Іустина и Аѳинагора, это были прошенія о справедливости къ христіанамъ, или, по крайней мѣрѣ, о правильности судопроизводства надъ ними, обращенныя къ лицамъ самихъ императоровъ и подкрѣплявшіяся оправданіемъ христіанъ отъ обвиненій въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя несправедливо считались въ народѣ неразрывными съ исповѣданіемъ христіанства.

Апологіи св. Іустина Мученика.

«Разумъ учитъ», такъ начинаетъ Іустинъ свою первую апологію (1), обращаясь къ императору Антонину, къ кесарямъ, сенату и всему народу римскому, «что истинно благочестивымъ и мудрымъ ничто такъ не дорого и не любезно, какъ истина.... Васъ всюду называютъ благочестивыми и философами; говорятъ, что вы охраняете правосудіе и любите истину. Опытъ покажетъ, въ какой мѣрѣ справедливо это. Я подаю вамъ свою записку не съ тѣмъ, чтобы вамъ льстить, или говорить въ ваше удовольствіе, но чтобы требовать у васъ справедливости, которую предписываетъ разумъ. Я прошу

(1) *Gallandii* Biblioth. Vet. Patr. tom. I, edit. 1788, Venetiis, pag. 413—458; въ русск. переводѣ см. Христ. Чт. 1825 г., ч. 17, кн. 1, стр. 12—108. Она была написана около 139-го года, — нѣсколько прежде, чѣмъ былъ провозглашенъ кесаремъ Маркъ Аврелій; потому что посвящена императору Антонину Нѣжному, кесарю Антонину философу, носившему имя Аннія Вериссима, и девятилѣтнему кесарю Люцію Антонину Веру, сыну умершаго кесаря Люція Элія Вера Философа, — Λουκίῳ φιλοσόφου καίσαρος φύσει υἱῷ. Въ русскомъ переводѣ эта апологія спутана и неполна. Свѣдѣнія о Маркіонѣ и Маркіонитахъ, сообщаемаго въ апологіи (num. 26 et 58; сн. *Евсев.* Ц. Ист. кн. 4, гл. 11), совсѣмъ нѣтъ надобности считать противнымъ изложенному хронологическому указанію, равно какъ и общаго выраженія о числѣ лѣтъ, протекшихъ отъ Рождества Христова (Apol. 1, num. 46).

васъ не руководствоваться предубѣжденіями, не увлекаться страстію и ложнымъ слухомъ, не полагаться на мнѣнія людей суевѣрныхъ, но стать выше такого рода сужденій, которыя могутъ быть вредны только для васъ самихъ, и изслѣдовать взводимыя на христіанъ преступленія. Намъ нельзя сдѣлать ничего худаго, пока мы сами не худы. Вы можете умерщвлять насъ; но не можете сдѣлать намъ вреда.... Преслѣдуя людей невинныхъ, вы преслѣдуете, собственно говоря, самихъ себя. Правильный ходъ дѣлъ требуетъ, чтобы подданные отдавали высшей власти отчетъ въ своихъ убѣжденіяхъ и поступкахъ, а правители судили не по законамъ насилія и самовластія, но по правиламъ благочестія и мудрости. Итакъ наше дѣло представить вамъ нашу жизнь и ученіе, чтобы намъ самимъ не быть въ отвѣтственности предъ Богомъ за то, что другіе, не зная ничего нашего, погрѣшаютъ противъ насъ по слѣпотѣ и невѣдѣнію, а вы, какъ требуетъ разумъ, выслушайте и будьте добрыми судьями, потому что, оставаясь неправосудными къ намъ и послѣ нашихъ показаній, вы будете уже непростительно виновны предъ Богомъ».

Вслѣдъ за этимъ св. Іустинъ оправдываетъ христіанъ отъ обвиненія въ безбожіи, противопоставляя ученіе христіанской Церкви нелѣпымъ вѣрованіямъ язычниковъ и направляя рѣчь къ тому заключенію, что если вѣроученіе ея такъ божественно и правила нравственности, поставляемыя ею въ законъ, такъ святы, то жизнь христіанъ, вообще говоря, не можетъ быть нечестива и всѣ причины гоненій неосновательны (1).

---

(1) *Евсевій* пишетъ, что императоръ Антонинъ получилъ подобныя прошенія и отъ другихъ братій, терпѣвшихъ въ Азіи всякаго рода несправедливости со стороны народа. Церк. Ист. кн. 4, гл. 12.

Вторая апологія, спустя не долго ([1]) поданная имъ римскому сенату, имѣетъ болѣе частный характеръ, бывъ вызвана, судя по ея содержанію, не столько очевидною безуспѣшностію первой, сколько однимъ поразительнымъ примѣромъ гоненія, совершившимся предъ глазами апологета, а также, по всей вѣроятности, случайною бесѣдою съ философомъ Кресцентомъ, или какимъ нибудь другимъ противникомъ христіанства. Она представляетъ собою скорѣе разсужденіе, чѣмъ защитительную рѣчь. Предполагая съ одной стороны уже доказаннымъ, что христіане не заслуживаютъ гоненій, а съ другой сознавая, что при всемъ томъ гоненія на нихъ не-

([1]) *Galland.* Biblioth. tom. 1, pag. 595 — 606; въ русск. переводѣ см. Христ. Чт. 1840 г., ч. 3, Іюль, стр. 3 — 28. Евсевій называетъ эту апологію то первою (Ц. И. кн. 2, гл. 13 и кн. 4, гл. 17), то второю (кн. 4, гл. 16); изъ первой апологіи приводитъ мѣсто, какъ будто бы изъ Іустинова сочиненія противъ Маркіона, а потомъ говоритъ особо объ апологіи, поданной Антонину Нѣжному, указывая между тѣмъ на нее же (кн. 4, гл. 11 и 12; сн. гл. 8), и наконецъ пишетъ (гл. 18): «во первыхъ есть у Іустина апологія, посвященная имъ Антонину Нѣжному,... потомъ онъ написалъ вторую апологію преемнику его Антонину Веру». Имя Антонина Вера носили оба преемника Антонина Нѣжнаго: *Люцій Антонинъ Веръ*, вторый изъ кесарей, къ которымъ была обращена апологія первая, и *Маркъ Аврелій Философъ*, его соправитель. Отсюда рождается вопросъ, кому была подана вторая апологія, а слѣдовательно и — когда? Изъ указанныхъ мѣстъ очевидно, что Евсевій касательно этого предмета не имѣлъ твердыхъ историческихъ указаній и руководствовался собственными неопредѣленными соображеніями. Но справедливѣе думать, что вторая апологія была подана вслѣдъ за первою, около 139 года, Люцію Антонину Веру (если уже должно удерживать это указаніе Евсевія)—тогда, когда онъ былъ еще кесаремъ, а не въ то время, какъ сдѣлался императоромъ,—иначе, что она была написана при Антонинѣ Нѣжномъ, а не въ царствованіе Марка Аврелія. Во первыхъ, ссылки на первую апологію, неоднократно встрѣчающіяся во второй (напр. сравн. § 4, 6 и 8 второй апологіи съ § 10, 23 и 33 и 49 первой апол. по подлинному тексту), сдѣланы такъ лаконически, заключаясь въ одномъ словѣ: какъ мы прежде сказали, ὡς προείρημεν,—что могли быть употреблены

отвратимы, св. Іустинъ занимается въ ней философскимъ рѣшеніемъ вопроса, почему Богъ допускаетъ гоненія на людей благочестивыхъ, и опровергаетъ мысль, будто бѣдственная участь на землѣ есть признакъ нечестія. Онъ примѣняетъ свое разсужденіе, разумѣется, къ участи христіанъ, называетъ его прошеніемъ и въ заключеніе предлагаетъ сенату обнародовать его съ какою бы то ни было резолюціею.

Правда, въ его апологіяхъ императоръ Антонинъ не могъ найти рѣчей, составленныхъ по обдуманному и строго выполненному плану, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, свойственныхъ искусству краснорѣчія. Безспорно

въ подобномъ видѣ только въ томъ случаѣ, когда вторая апологія слѣдовала непосредственно за первою. Во вторыхъ, все содержаніе второй апологіи ведетъ къ тому же заключенію. Въ третьихъ, слова христіанина Люція изъ 2-го параграфа 2-й апологіи: «что за причина, что ты осудилъ этого человѣка на казнь, когда онъ не обличенъ ни въ прелюбодѣяніи, ни въ убійствѣ, ни въ разбоѣ, а только исповѣдалъ себя христіаниномъ», — соотвѣтствуя положенію дѣлъ при Антонинѣ Нѣжномъ, въ царствованіе Марка Аврелія были бы до невозможности наивны. Въ четвертыхъ, слова: «ты судишь, Урбикъ, какъ неприлично судить ни императору Нѣжному (Pio), ни сыну философа кесаря,—οὐδὲ φιλοσόφου καίσαρος παιδί», естественнѣе и прямѣе относить къ императору Антонину Нѣжному и Люцію Антонину Веру, сыну философа кесаря, какъ называлъ его св. Іустинъ и въ первой своей апологіи, нежели къ императору Марку Аврелію Философу, которому никогда не усвоялся титутъ Нѣжнаго, и его соправителю Люцію Антонину Веру, который въ царствованіе Марка Аврелія самъ былъ также императоромъ, или Коммоду, который по смерти Люція сдѣлался соправителемъ своего отца, уже въ 176-мъ году. Наконецъ такъ приличнѣе думать о твореніи мужа, «который жилъ не много спустя послѣ апостоловъ» (*Евсев.* Ц. Ист. кн. 2, гл. 13), и «недалеко отстоялъ отъ нихъ, какъ по времени, такъ и по добродѣтелямъ» (*Меѳод. Тирск.* apud Photium, Biblioth. cod. 234, pag. 921). Выборъ же чтенія: οὐδὲ φιλοσόφῳ καίσαρος παιδί, вмѣсто обыкновеннаго: οὐδὲ φιλοσόφου, представляется неосновательнымъ, а для первой апологіи — даже весьма страннымъ, и всѣ толкованія, соединяемыя съ нимъ, кажутся крайне натянутыми.

также, онѣ имѣли бы болѣе убѣдительности и достоинства, еслибы авторъ ихъ былъ менѣе рѣзокъ въ обличеніяхъ язычниковъ, у которыхъ искалъ защиты отъ ихъ насилія,—еслибы, напротивъ, указывая слѣды истиннаго и добраго въ язычествѣ, онъ ограничился преимущественно вѣрнымъ и свѣтлымъ изображеніемъ христіанскаго ученія и предоставилъ самимъ кесарямъ выводить слѣдствія относительно древнихъ римскихъ преданій. Но подобнаго рода искусство было не въ характерѣ св. Іустина, прямомъ и открытомъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей благородной и возвышенной природы, которые задачею всего своего бытія поставляютъ стремленіе къ истинѣ и болѣе всего дорожатъ прочными и успокоительными убѣжденіями (1). Онъ посвятилъ всю жизнь изученію разныхъ философскихъ школъ своего времени (2), но не нашелъ въ нихъ того, чего искала его душа. Наконецъ христіанство пролило на него свой свѣтъ, и онъ отдался ему безусловно; потому что «любитель истины (3) долженъ имѣть всецѣлую рѣшимость говорить и дѣлать правду, ставя ее выше своей души, хотя бы ему грозила смерть». Такова была его жизнь; таковы и его апологіи. Въ нихъ видѣнъ человѣкъ, устами котораго говоритъ истина съ обычною своею ясностію и простотою, безъискусственно, повелительно, откровенно и безстрашно. «Кто не долженъ покориться ей?»—Правда, ея могутъ не понять, ея не захотятъ выслушать, ея тономъ оскорбятся, и философъ можетъ сдѣлаться мучени-

(1) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 4, гл. 8: «непритворный любитель истинной философіи». *Tertull.* adv. Valent. cap. 5. *Tatian.* Orat. contra Graecos, num. 18 et 19.

(2) Dialog. cum Triphon. Iud. num. 1—num. 8. *Photii* Biblioth. pag. 304 et 305, cod. 125. *Hieronym.* de vir. illustr. cap. 23.

(3) Апологʼ. 1, § 1.

комъ; но «это его долгъ»,—таково было мнѣніе св. Іустина Философа и Мученика [1].

Апологіи Мелитона и Аѳинагора.

Апологіи, поданныя преемнику Антонина Марку Аврелію Философу, были послѣднею попыткою со стороны христіанъ найти себѣ защиту въ лицѣ императоровъ. Судя по дошедшимъ до насъ образцамъ, ихъ тонъ отличался особеннымъ спокойствіемъ, мягкостію и кротостію; иначе и невозможно было подѣйствовать на государя, который преслѣдовалъ въ христіанахъ одушевленіе и упрямство. «Мы просимъ тебя объ одномъ», писалъ Мелитонъ, епископъ сардійскій, «чтобы ты самъ напередъ узналъ подвижниковъ гонимаго упрямства.... Наше ученіе разцвѣло вмѣстѣ съ благополучнымъ началомъ имперіи... Изъ всѣхъ императоровъ только Неронъ и Домиціанъ старались оклеветать его. Впрочемъ благочестивые твои предки исправили ихъ невѣдѣніе. Что касается тебя самого, то мы убѣждены, что, питая одинаковыя съ ними, или даже проникнутыя еще высшею любовію къ человѣчеству и мудрости, мысли о христіанахъ, ты сдѣлаешь все по нашему прошенію [2]». — «Въ вашей имперіи, великіе государи», пишетъ аѳинскій философъ Аѳинагоръ [3], обращаясь къ Марку Аврелію и

---

(1) Св. Іустинъ Мученикъ пострадалъ, по всей вѣроятности, въ царствованіе Антонина Нѣжнаго. Акты его допроса, сохранившіеся не безъ поврежденія, можно читать, кромѣ *Ruinart*. Acta Martyr., также въ Библіот. *Galland*. tom. 1, pag. 624—626, edit. Venet. 1788.

(2) *Евсев*. Церк. Ист. кн. 4, гл. 26.

(3) Не ранѣе конца 176 года. — *Πρεσβεία περὶ χριστιανῶν*, — *Galland*. Biblioth. tom. 2, pag. 3—36; cf. Proleg. cap. 1, pag. III—VIII.

его сыну Коммоду, «разные народы, благословляя вашу кротость, милосердіе и благотворительность, живутъ по разнымъ обычаямъ и законамъ, и весь міръ подъ сѣнію вашей мудрости наслаждается глубокою тишиною. Только мы, называющіеся христіанами, исключены изъ вашей благосклонности и однихъ насъ вы позволяете угнетать и преслѣдовать, не смотря на то, что мы болѣе всѣхъ почитаемъ Бога и вашу власть. Посему я осмѣливаюсь раскрыть предъ вами наши обстоятельства... Вы лучше всякаго поймете ихъ; потому что я обращаюсь къ государямъ философамъ». Вслѣдъ за тѣмъ онъ излагаетъ взносимыя на христіанъ обвиненія и по порядку, безъ увлеченія, съ совершеннымъ спокойствіемъ опровергаетъ ихъ одно за другимъ, всегда удерживая тонъ достоинства и покорности. «Неужели и послѣ этого», говоритъ онъ въ заключеніе, «мы недостойны вашего покровительства? Мы молимся о васъ, просимъ Бога, чтобы сынъ наслѣдовалъ царство отца, чтобы ваша имперія укрѣплялась и расширялась болѣе и болѣе и все признавало вашу власть. Да будетъ же полезно и для насъ благополучное царствованіе ваше и да подастъ оно народу христіанскому возможность вести жизнь въ мирѣ и съ ревностію исполнять всѣ ваши повелѣнія».

Подобно Аристиду и Іустину Мученику Аѳинагоръ, сдѣлавшись христіаниномъ, не оставлялъ философской мантіи; потому что она возвышала христіанство въ глазахъ язычниковъ (1). Онъ владѣлъ строгимъ умомъ, об-

(1) Изъ древнихъ писателей только св. *Меѳодій*, епископъ тирскій, упоминаетъ объ Аѳинагорѣ,—см. s. *Epiphanii* adv. haereses, haeres. 64, num. XXI, pag. 544, edit. Coloniae 1682 ann. et *Photii* Biblioth. cod. 234, pag. 908. Что же касается отрывка изъ Христіанской Исторіи *Филиппа Сидскаго* (Сокр. Схол. Ц. И. кн. 7, гл. 26 и 27, по русск.

ширною ученостію и прекраснымъ даромъ слова. Его апологія, нерѣдко напоминающая первую апологію Іустина Мученика, гораздо выше ея по изложенію. Но что сказать о значеніи всѣхъ вообще этого рода апологій по отношенію ихъ къ той цѣли, съ которою онѣ были писаны?

Значеніе перваго рода апологій.

Начиная свое апологетическое сочиненіе противъ Цельса, Оригенъ пишетъ: «Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ молчалъ, когда на Него лжесвидѣтельствовали (Матѳ. 26, 62.), и, когда Его обвиняли, не отвѣчалъ ничего (Матѳ. 27, 12.), въ полной увѣренности, что Его жизнь и Его дѣла между іудеями были сильнѣе всякаго словеснаго опроверженія лжесвидѣтельствъ, и дѣйствительнѣе всякой рѣчи, какою возможно защищаться отъ обвиненій».—Такъ и мы, говоритъ онъ далѣе, употребляя болѣе близкій къ своему предмету образъ выраженій, можемъ быть убѣждены, что самымъ лучшимъ опроверженіемъ лжесвидѣтельствъ на христіанскую вѣру и жизнь есть сама жизнь христіанъ и сама вѣра ихъ; потому что вообще всякое дѣло говоритъ само за себя лучше всѣхъ словесныхъ объясненій. Въ самомъ дѣлѣ, если не вразумляли гонителей даже безчисленные роды смерти, которымъ, въ теченіе столѣтія, вѣрующіе повсю-

---

перев. стр. 448—450), изданнаго Додвелломъ in appendice Dissert. ad Irenaeum; то уже не всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя въ немъ объ Аѳинагорѣ, заслуживаютъ довѣріе.—См. *Евсев.* Ц. И. кн. 4, гл. 11.—ἀνὴρ ἐν αὐτῷ χριςιανίσας τῷ τρίβωνι,—изъ истор. Филиппа Сидск. объ Аѳинагорѣ, см. *Galland.* Biblioth. tom. 2, proleg. cap. 1, pag. III.

ду подвергались во свидѣтельство божественности своей святой вѣры; то какую силу могли имѣть слабые голоса не многихъ писателей, смотрѣвшихъ на вѣру, какъ на дѣло совѣсти и свободы, а не какъ на предметъ государственнаго узаконенія, слѣдовательно, съ совершенно недоступной для языческаго правительства точки зрѣнія (¹)? Предположимъ даже, что языческіе государи, управляя вселенною, имѣли терпѣніе хладнокровно прочитывать всѣ подобнаго рода защитительныя рѣчи въ пользу христіанъ, хотя въ литературномъ отношеніи онѣ совсѣмъ не были образцами совершенства въ своемъ родѣ. Можно ли было какому бы то ни было христіанину убѣдить Марка Аврелія, Деція, или Галерія въ томъ, что христіанская вѣра могла распространяться безъ вреда древнему римскому идолопоклонству, которое они признавали опорою гражданскаго порядка и поддерживали, какъ священное наслѣдіе отъ предковъ? Даже независимо отъ ихъ собственныхъ убѣжденій, государственная вѣра составляла для нихъ предметъ первой заботливости. Не тѣмъ ли болѣе они должны были охранять ее, когда ихъ убѣжденія сходились съ нею и когда христіанство, подрывавшее ее, какъ бы они на него ни смотрѣли, не имѣло для нихъ божественнаго значенія? По крайней мѣрѣ, послѣ времени царствованія Марка Аврелія уже не являлось болѣе ни одного апологетическаго сочиненія, обращеннаго къ лицамъ самихъ госу-

---

(¹) Смотр. напримѣръ *Tertull.* epist. ad Scapulam, cap. 2: Tamen humani juris et naturalis potestatis est unicuique, quod putaverit, colere; nec alii obest aut prodest alterius religio. Sed nec religionis est cogere religionem, quae sponte suscipi debeat, non vi: cum et hostiae ab animo libenti expostulentur. Jta etsi nos compuleritis ad sacrificandum, nihil praestabitis diis vestris: ab invitis enim sacrificia non desiderabunt. По русск. перев. Карнеева, часть 1, стр. 107.

дарей. Для христіанскихъ писателей какбы стало очевидно, что съ этой стороны христіане не могутъ надѣяться ничего при существовавшемъ положеніи дѣлъ и напротивъ безъ труда получатъ все, когда само общество перейдетъ на ихъ сторону и христіанство одержитъ побѣду надъ язычествомъ въ умахъ народа.

Второй родъ апологій.

Апологетическія сочиненія, писанныя въ защиту христіанской вѣры отъ разнаго рода порицаній и въ доказательство превосходства ея предъ всѣми другими вѣрованіями, за исключеніемъ небольшаго числа направленныхъ противъ іудейства ([1]), обращены были преимуще-

([1]) Таковы: ἀντιλογία Παπίσκου καὶ Ἰάσονος,—разговоръ противъ іудейскихъ заблужденій, упоминаемый Цельсомъ (*Orig.* contr. Cels. lib. IV, num. 52, pag. 544, edit. de la Rue, Parisiis, 1733), но до нашего времени не сохранившійся; разговоръ съ Трифономъ іудеяниномъ *Іустина Мученика* (Galland. Biblioth. tom. 1, фag. 461—590; въ славянскомъ переводѣ преосв. Иринея тверск. изд. 1836 г. въ Москвѣ); двѣ книги противъ іудеевъ *Клавдія Аполлинарія* еп. іерапольскаго (*Евсев.* Ц. И. кн. 4, гл. 27) и сочиненіе противъ іудеевъ *Мильтіада* (тамъ же, кн. 5, гл. 17), извѣстныя только изъ упоминаній у Евсевія,—книга противъ іудеевъ *Тертулліана*)Patrolog. Curs. Complet. Opp. Tertulliani tom. 2) и наконецъ *св. Ипполита* сочиненіе противъ іудеевъ, отъ котораго сохранился одинъ отрывокъ. Причина такой ограниченности этого рода сочиненій заключается въ томъ, что іудеи, разсѣявая ложные слухи и невыгодныя понятія о христіанахъ, ничего не писали противъ нихъ, по крайней мѣрѣ, на общепонятномъ въ тѣ времена языкѣ. Трудно допустить, чтобы даже въ талмудѣ существовали тогда тѣ нелѣпые толки касательно чудесъ и вообще жизни Спасителя нашего, которые сдѣлались извѣстными изъ него въ послѣдствіи (см. напр. *Bullet*, Histoire de l'etablissement du Christianisme, preuv. 12, pag. 118—167, Paris, 1825): но, если бы и согласиться, во всякомъ случаѣ христіане ничего не знали о томъ. Разговоръ съ Трифономъ іудеяниномъ направленъ не столько къ защитѣ христіанства противъ обвиненій со стороны іу-

ственно къ язычникамъ. Ихъ можно раздѣлить на три вида.

1) Одни болѣе или менѣе удерживали характеръ судебныхъ апологій, заключая въ себѣ оправданіе христіанъ отъ обвиненія во всемъ томъ, что служило причиною гоненій. Нѣкоторыя изъ нихъ были даже обращены преимущественно къ начальникамъ провинцій. Не смотря на то, они представляли собою не столько прошенія о справедливости и снисходительности, сколько поученія о свойствахъ истинной вѣры, направленныя къ распространенію въ народѣ здравыхъ понятій о христіанствѣ. «Никогда не страшились, никогда не боялись мы», говоритъ, напримѣръ, Тертулліанъ въ посланіи къ проконсулу Скапулѣ, «гоненій, грозящихъ намъ мученіями со стороны людей, не видящихъ свѣта истины. Принимая свою вѣру, мы принимаемъ вмѣстѣ съ нею и всѣ условія ея положенія... Но и естественное и общественное право требуетъ, чтобы въ дѣлѣ богопочтенія каждый пользовался свободою. Вѣра одного человѣка не можетъ быть ни вредна, ни полезна для другаго, и несвойственно одной вѣрѣ дѣлать насиліе другой. Вѣра должна быть принимаема по убѣжденію, а не насильственно. Приношенія Божеству должны происходить отъ согласія сердца. Такимъ образомъ, если бы вы и могли принудить насъ приносить жертвы въ вашихъ храмахъ, то не пріобрѣли бы чрезъ то ничего для вашихъ боговъ, потому что они (не могутъ и) не должны принимать жертвы противъ воли приносящаго... Мы покло-

---

деевъ, сколько къ распространенію его между ними: св. Іустинъ Мученикъ не защищается, но миролюбиво проповѣдуетъ и старается убѣдить. Таковъ же характеръ Тертулліанова сочиненія и отрывка изъ сочиненія св. Ипполита (св. *Galland*. Biblioth. tom. 2, pag. 448—450).

няемся единому Богу. Это тотъ Богъ, котораго сама природа научила насъ познавать, тотъ Богъ, котораго громы васъ ужасаютъ, тотъ Богъ, котораго благодѣянія доставляютъ вамъ радость и веселіе, и т. д. (1)». Къ этому разряду апологій относятся сочиненія латинскихъ церковныхъ писателей конца втораго и первой половины третьяго столѣтія. Таковы апологетическія сочиненія перваго извѣстнаго латинскаго писателя христіанской Церкви, карѳагенскаго пресвитера Тертулліана, разумѣя въ числѣ ихъ не только собственно такъ называемую Апологію и посланіе къ Скапулѣ, но также двѣ книги «къ народамъ» и книгу о Свидѣтельствѣ Души. Такова апологія Минуція Феликса, написанная въ формѣ разговора между язычникомъ и христіаниномъ. Наконецъ здѣсь же надобно упомянуть о посланіи св. Кипріана, епископа карѳагенскаго, къ Деметріану (2).

---

(1) Посл. къ Скапулѣ, § 1 и 2,—по перев. Карнеева часть 1, стр. 106 и 107.

(2) Всѣ эти сочиненія прекрасно изданы въ Patrolog. Curs. Complet. tom. I — IV, accurante J. P. Migne. Жалуясь на недостаточность способныхъ писателей и отсутствіе удовлетворительныхъ апологій въ латинской церковной литературѣ, *Лактанцій* пишетъ: «Изъ тѣхъ, кто мнѣ извѣстенъ, Минуцій Феликсъ былъ хорошій адвокатъ (cavsidicus, cf. Gisberti Cuperi not. ad cap. 22 libr. de mort. persecut. in Patrol. Curs. Compl., Opp. Lactant. tom. 2, pag. 520). Его книга, подъ заглавіемъ Октавій, показываетъ, что онъ могъ бы быть способнымъ защитникомъ истины, если бы совершенно посвятилъ себя этому призванію. Септимій Тертулліанъ также былъ человѣкъ весьма образованный, но его рѣчь тяжела, некрасива и очень темна. Поэтому онъ тоже мало извѣстенъ. Такимъ образомъ одинъ Кипріанъ пользуется замѣчательною извѣстностію. Онъ пріобрѣлъ себѣ славу своимъ ораторскимъ искусствомъ и написалъ очень много въ своемъ родѣ прекрасныхъ вещей... Но нѣтъ нужды и говорить, что его сочиненія не могутъ нравиться нехристіанамъ, потому что онъ очень много говоритъ въ нихъ о частныхъ предметахъ нашей вѣры, и наконецъ они такъ написаны, что годятся только для однихъ вѣрующихъ (Divin. Instit. lib. 5,

2) Но между тѣмъ, какъ латинскіе церковные писатели, обращаясь съ своимъ словомъ въ защиту христіанства къ суду общественнаго мнѣнія, находили полезнымъ оправдывать христіанъ отъ обвиненій въ преступленіяхъ, нѣкогда считавшихся неразрывными съ исповѣданіемъ христіанства, писатели греческіе уже не обращали болѣе особеннаго вниманія на эти обвиненія. Апологетическія сочиненія ихъ имѣли характеръ частію увѣщаній въ превосходствѣ христіанства предъ всѣми другими вѣрованіями, частію даже обличеній язычества. Такъ, напримѣръ, писатель посланія къ Діогнету отвѣчаетъ своимъ сочиненіемъ на вопросы: «почему христіане не почитаютъ такъ называемыхъ еллинскихъ боговъ и не соблюдаютъ суевѣрныхъ обычаевъ іудейскихъ, какого рода связь соединяетъ ихъ между собою, въ чемъ состоитъ ихъ вѣра, ихъ богослуженіе, и почему этотъ новый родъ жизни, т. е. христіанство, или это новое установленіе вошло въ употребленіе нынѣ, а не прежде (1)». Съ другой стороны христіанскій философъ Ермій, взявъ въ основаніе слова апостола Павла: *премудрость міра сего буйство у Бога есть*, показываетъ въ своемъ разсужденіи, что всѣ системы языческой философіи, хотѣвшей замѣнить собою въ языческомъ мірѣ недостатокъ вѣры, наполнены противорѣчіями и безвыходными заблужденіями, что всѣ онѣ крайне шатки и безполезны, и именно потому, что ни одна изъ нихъ не имѣетъ прочнаго основанія, или такихъ исходныхъ мыслей, въ несомнѣнности которыхъ авторы

cap. 1 ad finem)». Лактанцій ничего не сказалъ объ Арнобіѣ, вѣроятно, по особенной признательности къ нему, какъ своему старому учителю.

(1) Посл. къ Діогн. § 1, въ *Христ. Чтен.* 1825 года, Ноябр. кн. стр. 144.

намъ ([1]) ученика его *Таціана* и б) весьма сходное по направленію съ послѣдними двумя произведеніями, небольшое сочиненіе *Ермія* философа подъ заглавіемъ: Критическій Обзоръ языческой философіи ([2]). Наконецъ этотъ разрядъ апологетическихъ сочиненій можно украсить прибавленіемъ къ нему ученыхъ трудовъ Тита Флавія Климента, пресвитера александрійской церкви († 220 г.), представляющихъ собою цѣлую своеобразную систему воспитанія, или возведенія человѣка отъ самой низшей степени нравственнаго состоянія въ язычествѣ до самаго высшаго развитія духовной жизни въ христіанствѣ. Сочиненія Климента Александрійскаго, кромѣ своего апологетическаго достоинства, имѣютъ важное значеніе въ исторіи церковной образованности и въ свое время потребуютъ отъ насъ внимательнаго разбора; тѣмъ не менѣе можно сказать теперь, что они составляютъ собою какбы краткія записки его лекцій въ Александрійскомъ Огласительномъ Училищѣ и раздѣляются на три части: *Протрептикъ*, т. е. увѣщаніе язычникамъ, которое содержитъ въ себѣ опроверженіе язычества и призваніе къ христіанской вѣрѣ, — *Педагогъ*, т. е. очеркъ нравственныхъ обязанностей, и *Строматы*, — наставленіе въ таинствахъ христіанскаго вѣроученія. Къ разсма-

---

изъ еллинскихъ сочиненій, но также изъ нашихъ писаній. — в) Λόγος πρὸς Ἕλληνας, σελ. 37 — 40, сочиненіе не похожее ни на одно изъ перечисляемыхъ Евсевіемъ и Фотіемъ (locis citatis; cf. *Hieronym.* de vir. illustr. cap. 23), но несомнѣнно древнее.

([1]) Λόγος πρὸς Ἕλληνας, см. *Galland.* Biblioth. tom. 1, pag. 636—670; cf. pag. 629—635 et prolegomen. cap. XX, pag. XCVIII — CII. Оно написано немного спустя послѣ смерти св. Іустина Мученика. См. также *Евсев.* Церк. Ист. кн. 4, гл. 29; *Hieronym.* de vir. illustr. cap. 29.

([2]) Διασυρμὸς τῶν ἔξω φιλοσόφων, — *Galland.* Biblioth. tom. 2, pag. 68 — 72; cf. proleg. cap. III, pag. IX.

триваемому нами отдѣлу апологетическихъ сочиненій ближайшимъ образомъ относится первая часть, т. е. Протрептикъ ([1]). Это сочиненіе представляетъ собою въ своемъ родѣ лучшій опытъ и безъ сомнѣнія было весьма полезно для цѣли апологетической письменности, какъ всѣ вообще уроки и сочиненія знаменитыхъ наставниковъ Александрійскаго Огласительнаго Училища,— именно потому, что, опровергая язычество и все языческое, какъ твореніе собственнаго человѣческаго ума, оно осуждаетъ въ нихъ не все безусловно, но отдаетъ должное человѣку и его естественнымъ силамъ, хотя въ тоже время, конечно, обнаруживаетъ, что человѣкъ при всѣхъ сокровищахъ своей природы и своей самодѣятельности не можетъ достигнуть самъ собою предназначенной себѣ цѣли. Сопоставляя такимъ образомъ лучшее человѣческое съ несравненнымъ Божественнымъ, оно неотразимо должно было увлекать язычника къ предпочтенію христіанства и къ отзыву на благодатное призваніе Божіе. Такъ, напримѣръ, объяснивши начало идолопоклонства и его противонравственный характеръ, Климентъ допускаетъ, что въ языческой философіи, особенно въ философіи Платона, есть сѣмена истины и не мало достохвальныхъ изреченій ([2]). Говоря объ идолахъ, какъ предметѣ ничтожномъ, онъ не забываетъ сказать, что искусство Праксителя, Лизиппа и Апеллеса божественнѣе, чѣмъ созданныя ими изображенія ([3]). Но «и муд-

---

([1]) Κλήμεντος Ἀλεξανδρέως τὰ εὑρισκόμενα, gr. et lat. edit. Coloniae, anno 1688,—λόγος προτρέπτικος πρὸς ἕλληνας, σελ. 1 — 76.

([2]) οὐ γὰρ παντάπασιν ἀπεγνώκαμέν τε, εἰ βούλει, τὸν Πλάτωνα... σελ. 44—45. Καί μοι μὴ μόνον, ὦ φιλοσοφία, ἕνα τοῦτον Πλάτωνα· πολλοὺς δὲ καὶ ἄλλους παραςῆσαι σπούδασον.... Ἀντισθένης μὲν.... Ξενοφῶν δὲ ὁ Ἀθηναῖος... κτλ. σελ. 46.

([3]) ἤ πυ γ' ἂν ἔτι τὴν Πραξιτέλυς Δήμητραν, καὶ Κόρην, καὶ τὸν Ἴακχον

рость Платона и геній художника меркнутъ предъ блескомъ Искупителя, какъ свѣтъ звѣздный предъ солнечнымъ: Сынъ Божій и Богъ, исполняющій вселенную святыми силами и, какъ солнце правды, обтекающій все человѣчество, — Онъ каждое мѣсто превратилъ въ Аѳины и весь міръ сдѣлалъ Елладою, принесши небо на землю» (1).... Точно также «и въ языческой поэзіи, хотя она почти всецѣло порабощена заблужденіямъ, мелькаютъ иногда проблески свѣта (2)». Но полный свѣтъ сіяетъ въ священныхъ писаніяхъ христіанскихъ, въ которыхъ каждый слогъ и каждая буква божественны, которыхъ содержаніе исполняетъ вѣрующихъ святыми чувствами и стремленіями къ божественной высотѣ (3). Проблески истины и добра въ языческомъ мірѣ служатъ указаніемъ пути къ христіанству. «Обратитесь же къ вѣрѣ,—такъ заключаетъ Климентъ свое увѣщаніе язычникамъ,—къ вѣрѣ, открывающей вамъ таинства истины и святости, которыхъ совершитель Христосъ. Онъ Самъ, единственный первосвященникъ единаго Бога и Отца, ходатай людей, увѣщаваетъ и проситъ: «послушайте Меня, тысячи народовъ, послушайте Меня всѣ, варвары и греки;

τὸν μυσικὸν, θεοὺς ὑπολάβοιμεν, ἢ τὰς Λυσίππυ τέχνας, ἢ τὰς χεῖρας τὰς Ἀπελλικὰς, ἅι δὴ τῆς θεοδοξίας τὸ σχῆμα τῇ ὕλῃ περιτεθέικασιν... Πλανώμενοι γοῦν τίνες ἐντεῦθεν, οὐκ οἶδ' ὅπως, θέιαν μὲν τέχνην πλὴν, ἀλλ' οὐ Θεὸν προσκυνοῦσιν.... σελ. 41.

(1) διὸ μοι δοκεῖ, ἐπεὶ αὐτὸς ἧκεν ὡς ἡμᾶς οὐρανόθεν ὁ Λόγος... ὁ πληρώσας τὰ πάντα δυνάμεσιν ἁγίαις... τὸ πᾶν ἤδη Ἀθῆναι καὶ Ἑλλὰς γέγονεν τῷ Λόγῳ.—σελ. 69. Cf. pag. 70 etc.

(2) οὐ γὰρ αὐταρκεῖ μόνον ἡ φιλοσοφία· ἀλλὰ καὶ αὐτὴ ποιητικὴ, ἡ περὶ τὸ ψεῦδος τὰ πάντα ἠσχολημένη· μόλις πότε ἤδη ἀλήθειαν μαρτυρήσασα, μᾶλλον δὲ ἐξομολογυμένη τῷ Θεῷ τὴν μυθώδη παρέκβασιν. Παρίτω δὴ ὅς τις καὶ βούλεται ποιητὴς πρῶτος. Ἄρατος μὲν οὖν... Ἡσίοδος...... Εὐριπίδης... Σοφοκλῆς... Ὀρθεύς... κτλ. σελ. 47—50.

(3) σελ. 53: Καὶ μυρίας ἂν ἔχοιμί σοι γραφὰς παραφέρειν, ὧν οὐδὲ κεραία παρελέυσεται μία....

Я призываю весь родъ человѣческій, сотворенный Мною по волѣ Божіей: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возмите иго Мое на себе... и обрящете покой душамъ вашимъ. Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Матѳ. 11, 28—30)».—«Пойдемъ же, побѣжимъ, о люди, о созданія по образу Божію, побѣжимъ, устремимся и возмемъ на себя Его иго (1), и т. д. Пренебрегать благодатнымъ призваніемъ Божіимъ и оставаться при древнихъ обычаяхъ только потому, что это обычаи отцевъ, есть тяжкое преступленіе (2). Пріимемъ, возлюбимъ Господа всѣми силами нашего существа и содѣлаемся общниками всѣхъ даровъ Его благодати» (3), и т. п.

3) Наконецъ, когда христіане могли пользоваться спокойствіемъ довольно долгіе промежутки времени, когда вѣра ихъ объявлена была дозволенною и, каковъ бы ни былъ взглядъ на нее правительства, общественное мнѣніе начало видимо склоняться въ ея пользу, когда мало по малу наступало и потомъ дѣйствительно наступило торжество Церкви надъ міромъ языческимъ, — апологетическія сочиненія христіанскихъ писателей приняли также новый характеръ. Собственно говоря, это были уже ученые труды, вызванные скорѣе литературными потребностями, нежели дѣйствительною жизненною нуждою, и имѣвшіе цѣлію не столько защиту христіанства, сколько торжественное опроверженіе язычества. Превосходя

(1) Ibidem, pag. 75.

(2) Ibidem, pag. 73: *φύγωμεν οὖν τὴν συνήθειαν, φύγωμεν διὸν ἄκραν χαλεπὴν, ἢ Χαρύβδεως ἀπειλὴν, ἢ Σειρῆνας μυθικάς· ἄγχει τὸν ἄνθρωπον, τῆς ἀληθείας ἀποτρέπει, ἀπάγει τῆς ζωῆς, παγίς ἐςι, βάραθρόν ἐςι, βόθρος ἐςὶ, λίχνος ἐςὶ, κακὸν ἡ συνήθεια...*

(3) Ibidem, pag. 76: *ἐχομένȣς τε ἀπρὶξ τῆς ἀληθείας, παντὶ σθένει ἕπεσθαι χρὴ τῷ Θεῷ... καὶ ἡμῶν ἐθέλει μόνων κεκλῆσθαι πατὴρ, οὐ τῶν ἀπειθούντων.*

прежнія подобныя сочиненія обстоятельностію и полнотою, они менѣе ихъ занимательны въ историческомъ отношеніи, за исключеніемъ впрочемъ Оригенова сочиненія противъ Цельса, которое при всей своей учености принадлежитъ еще тому времени, когда сочиненія о достоинствѣ христіанской вѣры были предметомъ, касавшимся не столько литературы, сколько жизни. Одни изъ сочиненій этого разряда были писаны въ опроверженіе противохристіанскихъ сочиненій, другія въ опроверженіе самого язычества и подтвержденіе истинности евангелія.

Такъ *противъ Цельса*, спустя около ста лѣтъ послѣ появленія Слова Истины,—именно около 249 года,—писалъ знаменитый ученикъ Климента Александрійскаго—Оригенъ (1). Извѣстный писатель Церковной Исторіи, Евсевій епископъ кесарійскій говоритъ, что въ своихъ восьми книгахъ противъ Цельса Оригенъ съ полною удовлетворительностію опровергъ все, что когда либо было, или будетъ сказано противъ божественности христіанскаго ученія (2). Въ самомъ дѣлѣ, это сочиненіе, не смотря на недостатокъ систематической связности изложенія,—такъ какъ авторъ, преслѣдуя своего противника шагъ за шагомъ, держится порядка его возраженій, — надобно признать первымъ и весьма удовлетворительнымъ опытомъ того, что въ наше время называютъ Основнымъ Богословіемъ, или Введеніемъ въ Богословіе. Оно заключаетъ въ себѣ изложеніе основаній,

---

(1) Ὠριγένης τὰ εὑρισκόμενα πάντα, quae græce vel latine tantum extant, edit. Caroli de la Rue, Parisiis, 1733, — κατὰ Κέλσου τόμοι — tom. 1, pag. 315—799.

(2) Въ самомъ началѣ книги противъ Іерокла,—*Eвseb.* Opp. edit. Coloniæ, 1688, pag. 511 et 512, непосредственно за книгою Demonstr. Evangel.

подтверждающихъ достовѣрность божественнаго происхожденія христіанской вѣры. Въ немъ нѣтъ такого одушевленія, какое встрѣчается въ апологетическихъ твореніяхъ Тертулліана, или даже св. Іустина Мученика; но въ замѣнъ того отъ начала до конца оно проникнуто яснымъ и разумнымъ сознаніемъ побѣдоносной силы евангелія. Отсюда происходитъ и то неотразимо передающееся читателю спокойствіе души, та свѣтлая разсудительность, съ которыми авторъ, не возмущаясь самыми дерзкими нападеніями на святую вѣру, взвѣшиваетъ каждое возраженіе и, показавъ его несостоятельность, путемъ разумнаго изслѣдованія приводитъ къ прочному убѣжденію въ истинѣ. Словомъ сказать, Оригенову сочиненію противъ Цельса безспорно принадлежитъ первое мѣсто въ ряду ученыхъ произведеній древней апологетической письменности и, не смотря на нѣкоторые его недостатки, это, дѣйствительно, золотая и никогда достойно не восхвалимая книга.

Противъ Порфирія, весьма не много спустя послѣ изданія въ свѣтъ его противохристіанскихъ сочиненій, «съ блистательнымъ и яснымъ краснорѣчіемъ написалъ нѣсколько книгъ (¹)» св. Меѳодій, епископъ олимпійскій и патарскій, тотъ самый, который былъ потомъ епископомъ тирскимъ и пострадалъ подъ конецъ послѣдняго гоненія (²), воздвигнутаго на Церковь Максиминомъ. Но между тѣмъ, какъ сочиненіе Меѳодія, при всемъ своемъ

(¹) *Hieronym.* lib. de vir. illustr. cap. 83. Nitidi compositique sermonis libros... Cf. Epist. ad Magnum oratorem romanum: scripserunt contra nos Celsus atque Porphyrius. Priori Origenes, alteri Methodius, Evsebius et Apollinarius fortissime responderunt. Quorum Origenes octo scripsit libros, Methodius usque ad decem millia procedit versuum, Evsebius et Apollinarius vigintiquinque et triginta volumina condiderunt.

(²) Ad extremum novissimæ persecutionis,—de vir. illustr. cap. 83.

краснорѣчіи и при всей значительности своего объема ([1]), только *отчасти* отвѣчало на нѣкоторыя возраженія противника христіанской вѣры, извѣстный своею ученостію писатель первой половины четвертаго столѣтія Евсевій, епископъ кесарійскій, въ своихъ двадцати пяти книгахъ противъ Порфирія далъ отвѣтъ гораздо болѣе сильный и крѣпкій ([2]). Еще несравненно болѣе славились въ свое время глубокою ученостію, искусствомъ изложенія и силою доводовъ тридцать книгъ противъ Порфирія писателя второй половины четвертаго столѣтія, Аполлинарія младшаго, епископа (около 370 г.) лаодикійскаго. «Что прекраснѣе, глубокомысленнѣе, художественнѣе, ученѣе сочиненій Аполлинарія», говоритъ Викентій Лиринскій! «Сколько ересей онъ обличилъ въ многотомныхъ своихъ сочиненіяхъ, сколько опровергъ враждебныхъ вѣрѣ заблужденій! Напримѣръ, укажу на его знаменитѣйшее и величайшее твореніе, въ тридцать томовъ, которое онъ написалъ въ опроверженіе безумныхъ порицаній Порфирія ([3])!» И какъ не пожалѣть, продолжаетъ потомъ этотъ писатель, что даже такой человѣкъ впалъ въ ересь! Сочиненія Аполлинарія противъ Порфирія, говоритъ Филосторгій ([4]), много превосходнѣе опроверженій, напи-

---

([1]) Оно было написано прежде Діоклитіанова гоненія (Dissert. Holstenii de vita et script. Porphyr. cap. XI, *Fabricii* Biblioth. Græc. tom. IV). Кромѣ другихъ писателей, блаж. Іеронимъ упоминаетъ о немъ много разъ, отзываясь съ похвалою о слогѣ писателя: но нѣтъ никакого повода думать, чтобы оно не было доведено до конца.

([2]) Cui (duodecimo libro Porphyrii) *solertissime* responderunt Evsebius Cæsareensis episcopus tribus voluminibus, id est, octavodecimo, et nonodecimo et vicesimo,—Apollinarius quoque uno grandi libro, hoc est, vicesimo sexto, et ante hos ex parte Methodius. *Hieronym*. Præfat. in Daniel. cf. pag. 293, not. I.

([3]) Мѣсто это приводится въ разсужденіи Holstenii de vita et scriptis Porhpyrii cap. XI; *Fabric*. Biblioth. tom. IV, pag. 279.

([4]) Церк. Ист. кн. 8, гл. 14; по русск. перев. при С.-П.-Б. Духовной Академіи стр. 390.

санныхъ противъ него Евсевіемъ, а также и труда Меѳодіева касательно того же предмета.— Это сильныя книги, превосходное сочиненіе, повторяетъ неоднократно блаженный Іеронимъ, — это лучше всего, что Аполлинарій написалъ ([1]).

«Около тридцати православныхъ писателей писали такимъ образомъ противъ богохульствъ философа Порфирія», говорится въ хроникѣ Флавія Люція Декстера ([2]) подъ 310-мъ годомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если и нельзя полагаться на свидѣтельство этого сочиненія, съ теченіемъ времени потерпѣвшаго множество поврежденій ([3]), по крайней мѣрѣ, не много можно указать извѣстныхъ писателей 4-го и 5-го вѣка, которые, хотя мимоходомъ, не находили бы случая сказать что нибудь противъ общеизвѣстнаго врага христіанской вѣры. Впрочемъ, какъ противохристіанскія сочиненія Порфирія не дошли до насъ, такъ не сохранилось до нашего времени и ни одного изъ писанныхъ на нихъ опроверженій. Весьма вѣроятно, что, когда возраженія Порфиріевы потеряли всякую силу для христіанскаго общества, тогда перестали быть занимательными и ученыя опроверженія ихъ.

Противъ Іерокла, почти вслѣдъ за появленіемъ его сочиненія, писалъ тотъ же неутомимый Евсевій, епископъ кесарійскій. Этотъ небольшой трудъ, бывшій однимъ изъ первыхъ литературныхъ опытовъ знаменитаго писателя

([1]) Сверхъ прочихъ указаній, см., *Hieronym*. Epist. 65, *ad Pammach*.— fortissimi libri... egregia volumina... *et de vir. illustribus:* inter cœtera ejus opera vel maxime probari.

([2]) Писатель конца четвертаго и первой половины пятаго столѣтія,— см. *Cave*, Hist. Litter. edit. Genev. 1720, pag. 181. Claruit anno 388; obiit, ut volunt, 444.

([3]) Vidi Holstenii de Vita et Script. Porph. cap. XI, *Fabric*. Biblioth. tom. IV, pag. 278.

(304 года), сохранился до насъ въ цѣлости. Авторъ оставляетъ въ сторонѣ все, что Іероклъ заимствовалъ у другихъ, указывая опроверженіе на то въ восьми книгахъ Оригена противъ Цельса, и разбираетъ собственно сравненіе, проводимое Іерокломъ между Аполлоніемъ Тіанскимъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Пользуясь слабостію своего противника, онъ легко одерживаетъ надъ нимъ рѣшительную побѣду.

Что касается апологетическихъ сочиненій этого времени, направленныхъ вообще къ опроверженію язычества и подтвержденію вѣры въ евангеліе, то между ними надобно отдать предпочтеніе сочиненію Евсевія, епископа кесарійскаго, извѣстному подъ заглавіемъ: *Приготовленіе къ Евангелію* (1). Оно драгоцѣнно въ особенности потому, что заключаетъ въ себѣ множество отрывковъ изъ разныхъ языческихъ и частію еврейскихъ писателей, труды которыхъ до нашего времени не сохранились въ цѣлости. Авторъ имѣлъ цѣлію показать съ точки зрѣнія свободнаго изслѣдователя древнихъ народныхъ вѣрованій и всей дохристіанской мудрости, что мы имѣли причины отвергнуть ученіе еллиновъ и послѣдовать древней и истинно благочестивой философіи евреевъ (2). Пришедши къ такому предварительному или приготовительному заключенію, онъ взялъ потомъ на себя трудъ доказать, что евангельское ученіе объ Іисусѣ Христѣ во всѣхъ своихъ подробностяхъ, какъ относительно лица Христова, такъ и касательно всѣхъ дѣлъ, совершенныхъ Іисусомъ Христомъ для искупленія и освященія людей, не представляетъ въ себѣ ничего такого, что

(1) *Προπαρασκευὴ Ἐυαγγελικὴ, βιβλ.* 15,—Opp. edit. Coloniæ, ann. 1688.

(2) См. предисловіе 15-й книги — *περὶ ἁπασης τῆς ὑποθέσεως*, pag. 788—790.

не было бы предвозвѣщено пророками іудейской Церкви и было чуждо, или противно ея вѣроученію, а вмѣстѣ съ тѣмъ—объяснить, почему, принимая такимъ образомъ св. писаніе и ученіе іудейской Церкви, мы тѣмъ не менѣе въ образѣ своей жизни слѣдуемъ не Закону, но Евангелію. Это составляетъ предметъ его другаго сочиненія, представляющаго собою, по его мысли, какбы вторую, заключительную и самую главную часть всей его апологіи. Оно называется *Доказательствомъ евангелія* (1). Но между тѣмъ, какъ первая часть, то есть—Приготовленіе къ евангелію, дошла до нашего времени въ цѣлости, отъ второй, то есть—Евангельскаго Доказательства, осталось только первыхъ десять книгъ, а другія десять утрачены.

Здѣсь же надобно упомянуть еще о двухъ латинскихъ писателяхъ, которые, конечно, никакимъ образомъ не могутъ быть поставлены рядомъ съ греческими авторами, ни по значенію своихъ трудовъ, ни по разумѣнію христіанскаго вѣроученія, тѣмъ не менѣе представляютъ собою замѣчательное явленіе въ апологетической литературѣ христіанъ, говорившихъ латинскимъ языкомъ. Это два простыхъ мірянина, мало знакомые съ церковнымъ образованіемъ, риторы Арнобій и Лактанцій. Арнобій жилъ въ нумидійскомъ городѣ Сиккѣ (2) и въ послѣдніе годы царствованія Діоклитіана написалъ въ полемическомъ духѣ семь книгъ противъ язычниковъ, — disputationum adversus gentes libri septem, — сочиненіе по безпристрастному и справедливому мнѣнію блаженнаго

(1) Ἐυαγγελικῆς Ἀποδείξεως τῶν εἴκοσι βιβλίων τὰ δέκα, — edit. Colon. 1688 ann. Оба сочиненія, какъ Приготовленіе, такъ и Доказательство, написаны не ранѣе 313-го года.

(2) *Hieronym.* de vir. illustr. cap. 79.

Іеронима обильное разнообразными свѣдѣніями (1), но недостаточно обработанное, многословное и сбивчивое въ изложеніи предмета (2). Лактанцій, родомъ, по всей вѣроятности, также африканецъ, въ дѣтствѣ учился у Арнобія, потомъ лучшіе годы своей жизни провелъ въ Никомидіи (290—317 г.), служившей въ то время мѣстопребываніемъ восточныхъ императоровъ, и наконецъ въ 317-мъ году былъ вызванъ императоромъ Константиномъ въ Галлію въ наставники старшему сыну его, кесарю Криспу (3). Всю свою жизнь—скромный и бѣдный труженикъ (4), онъ не имѣлъ соперниковъ себѣ въ искусствѣ владѣть латинскою рѣчью и въ послѣдствіи справедливо пользовался всегда славою христіанскаго Цицерона, потому что едва ли кого изъ латинскихъ писателей со времени Цицерона можно сравнивать съ нимъ по плавности и изяществу языка (5) и рѣшительно никого нельзя

(1) *Hieronym.* Chronicon, ad ips. exordium, ad ann. Constantini 20, anno Domini 326: Arnobius Rhetor... elucubravit adversus pristinam religionem *luculentissimos* libros. Хронологическое указаніе въ этомъ мѣстѣ совершенно невѣрно; такъ какъ изъ книгъ самого Арнобія видно, что онъ писалъ ихъ въ началѣ Діоклитіанова гоненія (Lib. IV, cap. 36), около 300-го года отъ Рождества Христова (Lib. 1, cap. 13), или 1050-го отъ основанія Рима (Lib. II, cap. 71).

(2) Arnobius inaequalis et nimius et absque operis sui partitione confusus,—Epist. ad Paulinum. Здѣсь можно замѣтить между прочимъ, что издатели и монографы обыкновенно держатся правила восхвалять предметъ своихъ занятій безъ числа и мѣры.

(3) *Hieronym.* de vir. illustr. cap. 80.

(4) *Hieronym.* Interpretat. Chronic. Evseb. Pamph. ad annum Domini 319,—Crispum Lactantius latinis litteris erudivit, vir omnium suo tempore eloquentissimus, sed adeo in hac vita pauper, ut plerumque etiam necessariis indiguerit, nedum deliciis.

(5) Нельзя сказать того же о чистотѣ его рѣчи; потому что подобно всѣмъ африканцамъ: Тертулліану, св. Кипріану, Арнобію, Оптату, блаж. Августину, Фульгенцію, онъ употребляетъ иногда, хотя гораздо рѣже, такія слова, которыя или имѣли только мѣстное значеніе, или были свойственны только его времени.

становить выше. Блаженный Іеронимъ, безъ сомнѣнія, лучшій знатокъ и строгій цѣнитель древне-церковной латинской литературы, называетъ слогъ Лактанція потокомъ цицероновскаго краснорѣчія (1) и говоритъ, что рѣчь его въ равной степени владѣетъ и учеными и литературными достоинствами (2), такъ что, напримѣръ, его книги о Гнѣвѣ Божіемъ и о Творчествѣ Божіемъ можно назвать ессенціею цицероновскихъ разговоровъ (3). Но этого мало: Лактанцій, какъ весьма не многіе изъ латинянъ, усвоилъ себѣ вполнѣ греческое образованіе, и еслибы онъ могъ съ такою же силою защищать истины нашей св. вѣры, съ какою умѣлъ разрушать заблужденія язычниковъ, то сочиненія его были бы украшеніемъ церковной латинской литературы. Къ сожалѣнію, онъ очень плохо зналъ священное писаніе и вовсе не былъ богословомъ (4). Всѣ его сочиненія имѣютъ апологети-

(1) Lactantius quasi quidam fluvius eloquentiae Tullianae, utinam tam nostra confirmare potuisset, quam facile aliena destruxit, — epist. 13, ad Paulinum.

(2) Firmianus noster librum de Jra Dei docto pariter et eloquenti sermone conscripsit... in cap. 4, Epist. S. Pauli ad Ephesios; cf. Comment. in Eccles. cap. X et de vir. illustr. lib. cap. 80.

(3) Quos si legere volueris, Dialogorum Ciceronis in eis ἐπιτομὴν reperies. Блаж. Іеронимъ, подобно всѣмъ латинянамъ, получившимъ греческое образованіе, любилъ иногда употребить греческое слово, находя, что оно лучше выражаетъ оттѣнокъ мысли.

(4) *Hieronym.* Epist. ad Pammachium; cf. lib. I in Epist. ad Galat. cap. 4. Jta porro locutus est erravitque Lactantius «per imperitiam scripturarum». Главнымъ образомъ это отзывается въ его понятіяхъ о Св. Троицѣ, не упоминая о его хиліазмѣ. Exempli gratia, «Errore iudaico in libris suis, maxime in epistolis ad Demetrianum, negare substantiam Spiritus Sancti» Lactantium ait (epist. ad. Pammach.) Hieronymus; etc. Поэтому въ концѣ пятаго столѣтія папа Геласій поставилъ творенія Лактанція въ рядъ съ апокрифическими писаніями и запретилъ ихъ, такъ какъ не всѣ православные могли ихъ читать безъ вреда для себя; но гораздо справедливѣе разсуждалъ прежде блаж. Іеронимъ: «кто за-

ческое значеніе; но преимущественно таково главное изъ нихъ: *Божественныя Наставленія*, гдѣ въ первыхъ трехъ книгахъ онъ разсуждаетъ о ложной религіи и мудрости, а въ остальныхъ четырехъ говоритъ объ истинной мудрости и истинной религіи, о правдѣ, объ истинномъ богослуженіи и о блаженной жизни. Кромѣ упомянутыхъ сочиненій, по всей вѣроятности, Лактанцію принадлежитъ еще книга *о смерти гонителей*, написанная также съ апологетическою цѣлію, именно въ доказательство того, что идти противъ христіанъ значитъ идти противъ Бога, такъ какъ гонители христіанъ большею частію кончили свою жизнь несчастнымъ образомъ (¹).

Значеніе втораго рода апологій.

Имѣя въ виду неразумный упрекъ ученыхъ противниковъ христіанства, будто Церковь первоначально распространялась чрезъ посредство невѣжественныхъ ремеслен-

---

претитъ мнѣ пользоваться въ книгахъ Наставленій превосходными опровержeніями языческихъ заблужденій на томъ основаніи, что въ нихъ есть неточныя выраженія касательно христіанскаго вѣроученія»! Для нашего времени это тѣмъ болѣе справедливо, что тѣ сочиненія Лактанція, въ которыхъ заблужденія его высказывались рѣзче, какъ наприм. посланія къ Деметріану, до насъ не дошли.

(¹) См. Patrolog. Curs. Complet. tom. VII, Lactantii tom. 2. Почти сомнѣваться не надобно, что книга принадлежитъ Лактанцію; но мысль ея недостойна смиреннаго и чистаго христіанскаго чувства. Не такъ на подобныя обстоятельства смотрѣлъ святый Аѳанасій Великій! Не такъ въ свое время разсуждали объ этомъ св. Кипріанъ и Оригенъ!—Сочиненія Арнобія и Лактанція изданы въ V—VII томахъ Patrologiae Curs. Complet. *Migne* editore. Жаль, что русскій переводъ Лактанція, равно какъ и Тертулліана, не отличается точностію. Переводчикъ дозволялъ себѣ иногда дѣлать даже прибавленія, которыя, конечно, согласны съ православнымъ ученіемъ о Св. Троицѣ, но никакимъ образомъ не примиримы съ дѣйствительнымъ образомъ мыслей Лактанція.

никовъ исключительно между подобными имъ по естественной ограниченности ума женщинами и дѣтьми (1), блаж. Іеронимъ пишетъ въ началѣ своего каталога церковныхъ писателей: «пусть же узнаютъ Цельсы, Порфиріи, Юліаны, слѣпые порицатели христіанства, и всѣ ихъ послѣдователи, имѣла ли Церковь философовъ и ораторовъ, были ли въ ней учители,—и т. д.!» Кажется, съ полнымъ правомъ можно повторить эти слова уже и теперь, послѣ краткаго обозрѣнія одного апологетическаго отдѣла древней церковной литературы! Но имѣли ли въ свое время этого рода христіанскія сочиненія, при всемъ ихъ разнообразіи и достоинствѣ, какое нибудь благодѣтельное вліяніе на внѣшнее положеніе Церкви въ обществѣ? Безъ сомнѣнія, лица, болѣе или менѣе расположенныя къ принятію христіанства, должны были читать ихъ съ пользою и удовольствіемъ. Христіане твердые въ вѣрѣ, читая ихъ, радовались и торжествовали, слабые утверждались и становились крѣпче противъ соблазновъ. Но ожесточенные противники христіанства и вообще люди, не расположенные къ вѣрѣ, конечно, смотрѣли на нихъ съ крайнимъ предубѣжденіемъ, и если не бросали ихъ съ раздражительностію и безумнымъ жаромъ или не удаляли отъ себя, какъ что нибудь волшебное, то равно-

(1) **Напримѣръ, такъ ѣдко говоритъ Цельсъ,—*Orig.* contra Cels. lib. 3, cap. 55, edit. de la Rue, pag. 484:** *ὁρῶμεν δὴ καὶ κατὰ τὰς ἰδίας οἰκίας ἐριουργοὺς καὶ σκυτοτόμους, καὶ κναφεῖς, καὶ τοὺς ἀπαιδευτοτάτους τε καὶ ἀγροικοτάτους, ἐναντίον μὲν τῶν πρεσβυτέρων καὶ φρονιμωτέρων δεσποτῶν οὐδὲν φθέγγεσθαι τολμοῦντας· ἐπειδὰν δὲ τῶν παίδων ἰδίᾳ λάβωνται, καὶ γυναικῶν τινῶν σὺν αὐτοῖς ἀνοήτων, θαυμάσια ἄττα διεξιόντας.... εἰ δὲ θέλοιεν, χρῆναι αὐτοὺς ἀφεμένους τοῦ πατρός τε καὶ τῶν διδασκάλων, ἰέναι σὺν ταῖς γυναιξὶ, καὶ τοῖς συμπαίζουσι παιδαρίοις, εἰς τὴν γυναικωνῖτιν, ἢ τὸ σκυτεῖον, ἢ τὸ κναφεῖον, ἵνα τὸ τέλειον λάβωσι· καὶ ταῦτα λέγοντες πείθουσιν.* **Cf. *Lactant.* Divin. Instit. lib. 5, cap. 13. Si enim foeminae sexus infirmitate labuntur (nam interdum isti muliebrem aut anilem superstitionem vocant), viri certe sapiunt. Si pueri, si adolescentes improvidi sunt per aetatem, maturi—etc.**

душно оставляли безъ вниманія, или безчувственно смѣялись надъ ними [1]. Нѣтъ надобности вспоминать при этомъ о тѣхъ временахъ, когда язычники смотрѣли на христіанство, какъ на преступленіе, не хотѣли слышать о существованіи Церкви и съ отвращеніемъ рѣшались вступать съ христіаниномъ даже въ такой разговоръ, который не касался вѣры. Когда общественное мнѣніе уже рѣшительно склонилось въ пользу христіанства и св. Церковь одержала явную побѣду надъ язычествомъ, вотъ какъ начинаетъ Лактанцій пятую книгу своихъ Божественныхъ Наставленій, обращая рѣчь къ императору Константину: «Я нимало не сомнѣваюсь, что если это разсужденіе наше о единствѣ Бога, Творца и Правителя вселенной, попадется въ руки кому нибудь изъ суевѣрныхъ приверженцевъ ложной религіи, то онъ непремѣнно осыпетъ его ругательствами и, съ усиліемъ, можетъ быть, прочитавши начало, стиснетъ его, броситъ, проклянетъ и скажетъ, что запятналъ бы и очернилъ бы себя неотмываемымъ преступленіемъ, если бы согласился съ терпѣніемъ прочитать, или выслушать его»!

(¹) Отозвавшись о св. Кипріанѣ, какъ о самомъ даровитомъ, достоуважаемомъ и извѣстнѣйшемъ писателѣ латинской церковной литературы, и замѣтивъ, что тѣмъ не менѣе творенія его не могли пользоваться сочувствіемъ ученыхъ язычниковъ, Лактанцій продолжаетъ: denique a doctis hujus saeculi, quibus forte scripta ejus innotuerunt, (Cyprianus) derideri solet. Avdivi ego quemdam gominem sane disertum, qui eum immutata una littera Coprianum (κόπριον, ἢ κοπρίαν) vocaret; quasi qui elegans ingenium... ad aniles fabulas contulisset. *Lactant.* Divin. Institut. Lib. V, cap. 1 ad finem.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

О причинахъ успѣшнаго распространенія христіанской Церкви.

При господствѣ такого предубѣжденія противъ христіанской вѣры и при такой неблагопріятности внѣшнихъ отношеній Церкви къ обществу во все продолженіе трехъ первыхъ столѣтій христіанства, становится тѣмъ болѣе непонятнымъ, какимъ образомъ Церковь не смотря на то могла такъ успѣшно распространиться и такъ скоро сдѣлаться господствующею во всемъ образованномъ мірѣ.

Пусть между язычниками находилось много людей, которые, не подчиняясь предубѣжденію и общему голосу, составляли себѣ лучшее понятіе о христіанской вѣрѣ и знали правила строгаго христіанскаго благочестія. Легко ли было даже подобнаго рода людямъ отказаться отъ преданій старины и вѣрованій, внушенныхъ съ дѣтства,— отъ всѣхъ увеселеній и праздниковъ народныхъ, такъ какъ они освящались языческими богослужебными обрядами,—отъ свѣтской образованности, казавшейся враждебною христіанству, — отъ произведеній изящныхъ искусствъ, которыя, развившись подъ вліяніемъ язычества, были имъ проникнуты и въ слѣдствіе того считались также несовмѣстными съ исповѣданіемъ истинной вѣры,—отъ дружескихъ сношеній съ своими знакомыми и родственной любви родныхъ, если они оставались пре-

данными язычеству? Легко ли было имъ отказаться отъ всѣхъ радостей языческой жизни, отъ настоящаго земнаго счастія, и вмѣсто того подвергнуть себя лишеніямъ въ удовольствіяхъ, бѣдствіямъ среди гоненій, всѣмъ труднымъ подвигамъ христіанской добродѣтели, ожидая награды только въ будущемъ (1)! «Не лучше ли оставаться», говорилъ христіанину одинъ изъ лучшихъ язычниковъ (2), «при прежнихъ убѣжденіяхъ въ предметахъ вѣры и безъ разсужденій о непостижимомъ существѣ боговъ идти по слѣдамъ отцовъ и дѣдовъ, которые были ближе къ началу міра! Не безуміе ли крайнее—презирать порфиру, и скитаться полунагимъ,—не обращать вниманія на настоящія мученія, опасаясь мученій въ неизвѣстной будущности, – не бояться настоящей смерти, страшась какой-то другой смерти послѣ смерти дѣйствительной!» Справедливо поэтому въ свое время замѣтилъ Тертулліанъ (3), что «не столько страхъ смерти, сколько опасеніе лишиться удовольствій удаляло многихъ отъ при-

---

(1) *Св. Кипріана* письмо къ Донату о благодати Божіей,—въ Христ. Чтен. 1725 г. часть 18, кн. 6, стр. 245—247.

(2) *Minuc. Fel.* Octav. cap. 6: Quanto venerabilius ac melius, antistites veritatis majorum excipere disciplinam, religiones traditas colere; deos quos a parentibus ante imbutus es timere, quam nosse familiarius, adorare; nec de numinibus ferre sententiam, sed prioribus credere qui, adhuc rudi saeculo, ipsius mundi natalibus, meruerunt deos vel faciles habere, vel reges!—*Ibid.* cap. 8: Purpuras despiciunt ipsi seminudi. Pro mira stultitia et incredibili audacia, spernunt tormenta praesentia, dum incerta metuunt et futura, et dum mori post mortem timent, interim mori non timent. *Cf.* cap. 12: Proinde si quid sapientiae vobis, aut verecundiae est, desinite coeli plagas, et mundi fata et secreta rimari; satis est pro pedibus aspicere, maxime indoctis, impolitis, rudibus, agrestibus, quibus non est datum intelligere civilia, multo magis denegatum est disserere divina.

(3) Lib. de spectaculis, cap. 2: Plures itaque invenias, quos magis periculum voluptatis, quam vitae, avocet ab hac secta. Nam mortem etiam stultus...

нятія христіанской вѣры». «Какъ бы мало ни было въ комъ нибудь ума», разсуждалъ онъ, «всякій понимаетъ, что смерть есть неизбѣжная дань природѣ, но прелесть удовольствій такъ ослѣпительна, что поражаетъ и самыхъ мудрѣйшихъ людей, заставляя ихъ страшиться смерти».— Наконецъ не надобно забывать и обыкновенныхъ житейскихъ разсчетовъ, которые неизбѣжно должны были представляться каждому язычнику предъ принятіемъ христіанства и большею частію также удерживать въ язычествѣ: потому что, къ какому бы кто ни принадлежалъ сословію въ обществѣ, почти всегда было выгоднѣе для него преслѣдовать христіанство, нежели принимать его; но тѣ, чьи промыслы и занятія, бывъ тѣсно связаны съ языческими вѣрованіями и обрядами, почитались несовмѣстными съ христіанскою вѣрою, принимая христіанство, лишались всякихъ средствъ къ жизни (1). Что же такое заставляло язычниковъ пренебрегать для принятія христіанства не только житейскими нуждами, но и удовольствіями,—не только жизнію, но и мнѣніемъ свѣта (2)? Что перемѣняло ихъ понятія, наклонности, желанія, и изъ тьмы невѣдѣнія языческаго приводило въ дивный свѣтъ Христовъ?

Первоначально вступилъ въ Церковь христіанскую из-

(1) *Tertulliani* lib. de Idololatr. cap. 12: Male nobis de necessitatibus humanae exhibitionis supplaudimus, si post fidem obsignatam dicimus: non habeo quo vivam. Jam hic enim plenius illi abruptae propositioni respondebo: «sero dicitur.» Ante enim fuit deliberandum... Cf. Apologet. cap. 7. Ex aemulatione Iudaei, ex concussione milites, ex natura ipsi etiam domestici nostri,—etc. etc.

(2) *Tertull.* Apologet. cap. 3: «Славный человѣкъ—Кай Сей, только, вообразите, христіанинъ! —Удивляюсь, Люцій — такой умный человѣкъ, и вдругъ сдѣлался христіаниномъ!... Слышали вы? Эта дама, такая развязная, такая любезная, — этотъ молодой человѣкъ, такой милый, такой веселый волокита,—сдѣлались христіанами!!!»

бранный народъ іудейскій; потому что Богъ совсѣмъ не отвергнулъ Своего народа, отцамъ котораго давалъ обѣтованія и съ которымъ положилъ завѣтъ, но подобно тому, какъ во времена пророка Иліи соблюдъ Себѣ во израилѣ семь тысячъ мужей, не преклонившихъ колѣнъ предъ Вааломъ, *такъ и въ нынѣшнее время* избралъ въ царство благодати тѣхъ изъ сѣмени Авраамова по плоти, кого прежде по предвѣдѣнію предопредѣлилъ, попустивъ прочимъ впасть въ ослѣпленіе *даже до днешняго дне* (Римл. XI, 1—36). Апостолъ Павелъ говоритъ, что отъ древа богоизбраннаго народа отломилось такимъ образомъ не много вѣтвей, которыя, принадлежа ему по плоти, были чужды по духу и жизни, и на мѣсто которыхъ привилась къ возращенной маслинѣ дикая масличная вѣтка увѣровавшихъ язычниковъ (¹). Въ самомъ дѣлѣ, какъ много вошло въ Церковь вѣрующихъ изъ іудеевъ, можно судить не только потому, что до конца перваго столѣтія христіанская вѣра была предохранена отъ непосредственно враждебныхъ ей общественныхъ законовъ, по всей вѣроятности, покровомъ дозволенной вѣры іудейской и что до того времени язычники, если преслѣдовали кого нибудь изъ своихъ соотечественниковъ за принятіе христіанства, то преслѣдовали собственно за безбожіе, то есть, отверженіе народныхъ боговъ, и принятіе іудейскихъ обычаевъ (²), но еще болѣе

(¹) Римл. XI, 17: *Аще ли нѣцыи отъ вѣтвей отломишася, ты же дивія маслина сый, прицѣпился еси въ нихъ, и причастникъ корене и масти маслинныя сотворился еси, не хвалися на вѣтви.....*

(²) См. исторію гоненій при *Домиціанѣ*, выше—стр. 131,—и *со времени Траяна*,—стр. 133. *Дѣян.* 16, 20 и 21: *сіи человѣцы возмущаютъ градъ нашъ, Іудее суще, и завѣщаваютъ обычаи, яже не достоитъ намъ пріимати ни творити, Римляномъ сущымъ.* Cf. Tertull. Apologet. cap 21, edit. Patrol. Curs. Compl. tom. 1, pag. 392.

по многочисленности даже въ концѣ втораго вѣка церквей, «всегда праздновавшихъ пасху въ тотъ день, когда народъ оставлялъ квасный хлѣбъ (1)». Правда, не всѣ вѣрующіе изъ іудеевъ принимали тогда святую вѣру во всей чистотѣ и безъ всякаго самообольщенія. Многіе удерживали при этомъ свои предразсудочныя понятія о цѣли пришествія Іисуса Христа: слыша отъ апостоловъ о второмъ славномъ пришествіи Его, они надѣялись дожить до этого желаннаго времени и увидѣть собственными очами, какъ Онъ устроитъ на землѣ *царствіе израилево* (2). Еще болѣе было такихъ, которые, не понимая духа христіанской терпимости въ апостолахъ, оставлявшихъ іудеямъ ихъ прежніе обряды, думали, что Моисеевъ законъ удерживаетъ въ христіанской Церкви все свое прежнее значеніе, и такимъ образомъ смотрѣли на христіанство, какъ на особую отрасль фарисейской секты (3). Но апостолы не распространяли слова Божія лестію. Уже первомученикъ христіанской Церкви, архидіаконъ Стефанъ, проповѣдалъ во всеуслышаніе объ отмѣненіи закона и излишествѣ іудейскаго храма съ пришествіемъ Христовымъ; его проповѣдь была такъ хо-

---

(1) То есть, паства—въ противоположность клиру, — *христіанскій народъ*, составившійся, судя по свойству приписываемаго ему дѣйствія, *изъ увѣровавшихъ іудеевъ*, или, что тоже, христіанскіи по вѣрѣ и іудейскій по происхожденію и обрядамъ. См. посланіе Поликрата еп. ефесскаго въ Церк. Ист. *Евсевія* кн. 5, гл. 24. — Даже Тертулліанъ, говоря о враждебности невѣровавшихъ іудеевъ христіанской Церкви, называетъ ихъ по отношенію къ христіанамъ въ сравненіи съ язычниками семейными врагами, vid. Apologet. cap. 7: tot hostes ejus, quot extranei, et quidem proprii ex aemulatione Iudaei....

(2) 2 Тим. 2, 17 и 18: *отъ нихже есть Именей и Филитъ, иже о истинѣ погрѣшиста, глаголюще, яко воскресеніе уже бысть, и возмущаютъ нѣкоторыхъ вѣру.* Сн. Дѣян. 1, 6; Лук. 19, 11.

(3) См. выше, стр. 71—79 и стр. 126.

рошо понята всѣми іудеями, что невѣровавшіе немедленно воздвигли гоненіе на принявшихъ вѣру, какъ на возставшихъ противъ Бога и Моисея: тѣмъ не менѣе церкви по всей Іудеи и Галилеи и Самаріи умножались! Равнымъ образомъ апостолы обличали и другой предразсудокъ іудеевъ,—касательно втораго пришествія Христова. *Молимъ вы, братіе*, писалъ апостолъ Павелъ (2 Сол. 2, 1—3), *о пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, и нашемъ собраніи о Немъ, не скоро подвизатися вамъ отъ ума, ни ужасатися, ниже духомъ, ниже словомъ, ни посланіемъ аки отъ насъ посланнымъ, яко уже настоитъ день Христовъ: да никтоже васъ прельститъ ни по единому же образу*. И между тѣмъ, какъ іудеи нетерпѣливо ожидали дня Христова, чтобы свергнуть ненавистное для себя иго римлянъ, апостолы заповѣдовали повиноваться всякому человѣческому начальству *Господа ради*, прежде всего—*молиться за царя, и за всѣхъ иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ, да и тіи спасеніе улучатъ еже о Христѣ Іисусѣ, со славою вѣчною... Нѣсть бо власть аще не отъ Бога: сущыя же власти отъ Бога учинены суть* (1). Не говоря о незначительномъ числѣ людей, остававшихся іудеями подъ покровомъ христіанскаго имени, питавшихъ неразумныя надежды на Христа и отдѣлявшихся отъ апостольской Церкви, истинно увѣровавшіе изъ іудеевъ свято повиновались заповѣдямъ апостольскимъ и оставались христіанами, или вновь принимали святое крещеніе, ясно сознавая, что христіанство разрушаетъ ихъ прежнія понятія о Моисеевомъ законѣ и пришествіи Христовомъ. Мало того, — они принимали вѣру въ то

(1) 1 Тим. 2, 1—2. Римл. 13, 1 и др. мѣста под.

время, когда Іерусалимъ лежалъ уже въ развалинахъ, а между тѣмъ другіе іудеи, неизмѣнные ревнители наслѣдственныхъ предразсудковъ, преслѣдовали ихъ за отступленіе отъ закона, за мнимое небреженіе о благѣ отечества, опустошеннаго римлянами, за общеніе съ увѣровавшими язычниками и вѣру во Христа распятаго. Они прославляли во Христѣ Бога, когда другіе, на которыхъ лежала кровь Его, распространяли дерзкія ругательства и нелѣпыя клеветы на разныя событія въ жизни Іисуса Христа. Никогда не было народа, болѣе іудеевъ проникнутаго заботою о вѣрѣ и преданіяхъ отцовъ своихъ; они подавили въ себѣ духъ своей вѣры, утратили истину въ ея преданіяхъ: но, какъ понимали, любили ее дороже жизни и имѣли ревность Божію (Римл. 10, 2 и 3). Итакъ, если озлобленіе ихъ противъ христіанства понятно при ихъ слѣпой привязанности къ своимъ ложнымъ убѣжденіямъ, по которымъ они не приняли и самого Іисуса Христа, то какъ объяснить необыкновенно успѣшное распространеніе его между ними въ первыя времена Церкви?

Когда фарисеи въ первый разъ, рѣшившись прекратить распространеніе христіанства, совѣщались осудить апостоловъ на смерть, одинъ изъ уважаемыхъ членовъ синедріона, законоучитель Гамаліилъ, остановилъ ихъ приговоръ такими словами: *мужіе израильтяне, внимайте себѣ о человѣцѣхъ сихъ, что хощете сотворити. Предъ сими бо денми воста Ѳевда.... иже убіенъ бысть, и вси елицы повинушася ему, разыдошася и быша ни вочтоже. Посемъ воста Іуда Галилеанинъ... и той погибе, и вси, елицы послушаша его, разсыпашася. И нынѣ глаголю вамъ: отступите отъ человѣкъ сихъ, и оставите ихъ: яко аще будетъ отъ человѣкъ совѣтъ сей или дѣло сіе, разорится:*

аще ли же отъ Бога есть, не можете разорити то, да не како и богоборцы обрящетеся (Дѣян. 5, 27 — 40). И всѣ послушали этого совѣта; потому что, въ самомъ дѣлѣ, если бы христіанство было дѣломъ не отъ Бога, то была ли бы какая нибудь вѣроятность думать, что оно, при всемъ своемъ противорѣчіи іудейскимъ и языческимъ понятіямъ о вѣрѣ, сдѣлается господствующимъ и между іудеями, и между язычниками, — что оно не падетъ въ самомъ началѣ само собою, со смертію первыхъ своихъ проповѣдниковъ? Можно ли было предполагать въ первыя времена апостоловъ, чтобы нѣсколько человѣкъ, не пользовавшихся у современниковъ ни извѣстностію, ни властію, ни славою своей образованности, могли утвердить во всемъ мірѣ новую вѣру, противную всѣмъ прежнимъ вѣрованіямъ, и установить новый порядокъ жизни, противъ воли цѣлаго міра? Кто дастъ имъ уста и премудрость? Что облечетъ силою ихъ слово и заставитъ людей покориться имъ невольно? Если всѣ они, дивнымъ образомъ соблюдая между собою полное согласіе, рѣшились жертвовать всѣмъ, даже жизнію, за проповѣдуемое ими ученіе; то и «Сократъ умеръ за истину, но ему не нашлось послѣдователей,—Христу же и благовѣстникамъ Его воскресенія послѣдовали и философы, и ремесленники, и ученые, и вовсе не ученые люди, презрѣвъ честь, страхъ, смерть (1)!»—«Подлинно», скажемъ словами одного древняго защитника христіанства, «здѣсь дѣйствовала сила непостижимаго Отца, а не доказательства человѣческаго разума (2)».

---

(1) *Іуст. Муч.* Апол. 2, гл. 10, по переводу въ Христ. Чт. 1840 г. ч. 3, стр. 21.

(2) Тамъ же, — Gallandii Biblioth. tom. 1, pag. 603: *ἐπειδὴ δύναμίς ἐςι τοῦ ἀῤῥήτε πατρὸς, καὶ οὐχὶ ἀνθρωπείε λόγε τὰ σκέυη.*—

Первою и самою главною причиною быстраго распространенія божественной вѣры были чудеса Христовы, чудеса апостоловъ, вообще обиліе чудесъ въ первенствующей Церкви, продолжавшееся и послѣ временъ апостольскихъ. Болѣе общее мнѣніе объ Іисусѣ Христѣ между современными Его земной жизни іудеями, какъ прежде сказано, было то, что Онъ—мужъ пророкъ, силенъ дѣломъ и словомъ предъ Богомъ и всѣми людьми. Распятіе Его должно было соблазнить многихъ, потому что, не смотря на предсказанія Его объ этомъ, умъ человѣческій не могъ совмѣстить мысли о смерти съ понятіемъ о Мессіи, единородномъ Сынѣ Божіемъ. Господь пострадалъ и пріялъ смерть; тѣмъ не менѣе исцѣленные и воскрешенные Имъ были живы! Удивительно ли послѣ этого, если даже и соблазнившіеся смертію Его мысленно повторяли тѣ самыя слова, которыя высказали два ученика, шедшіе въ Еммаусъ: *а мы надѣялись было, что Онъ есть тотъ, который долженъ избавить израиля* (Лук. 24, 21)? Не только для іудеевъ палестинскихъ, даже для язычниковъ, жившихъ далеко отъ Палестины, — не только для современниковъ, почти сто лѣтъ спустя по воскресеніи Христовомъ, чудеса І. Христа продолжали быть очевиднымъ доказательствомъ божественности Его лица и Его ученія. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытенъ сохранившійся отрывокъ изъ апологіи Кодрата, аѳинскаго епископа, сдѣлавшагося христіаниномъ, по всей вѣроятности, въ концѣ перваго вѣка. «Дѣла Спасителя нашего», говоритъ онъ (¹), «всегда были очевидны, потому что были истинны. Исцѣленные Имъ и воскрешенные изъ мертвыхъ были видимы не только, когда исцѣлились и

(¹) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 4, гл. 3.

воскресли, но и всегда; они жили не только въ пребываніе Спасителя на землѣ, но довольно долго оставались въ живыхъ и по Его отшествіи, нѣкоторые же дожили и до нашего времени». Эти слова въ устахъ перваго христіанскаго апологета не показываютъ ли, что и для него самого очевидно-истинныя дѣла Спасителя нашего были основаніемъ оставить ложную философію и принять истинную вѣру! — Величайшимъ изъ чудесъ Спасителя, безъ сомнѣнія, было Его собственное воскресеніе изъ мертвыхъ. Воскресши, Онъ не явился всему народу; потому что ожесточенные своими предразсудками, *если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ* (Лук. 16, 31) и сочтутъ явленіе воскресшаго призракомъ: но Онъ являлся неоднократно вѣровавшимъ въ Него, — если же нѣкоторымъ и не являлся, то для того, можетъ быть, какъ думалъ Тертулліанъ, чтобы вѣра, за которую обѣщаны величайшія награды, стоила человѣку какого нибудь труда (¹). Чрезъ пятьдесятъ дней по воскресеніи, Онъ ниспослалъ Духа Святаго вѣрующимъ, и апостолы, проповѣдуя о воскресеніи Его, силою Святаго Духа творили въ доказательство этого безчисленныя чудеса, исцѣляя больныхъ и воскрешая мертвыхъ. Между тѣмъ членами синедріона, желавшими остановить распространеніе христіанства, распущена была молва, что ученики украли тѣло умершаго Іисуса, во время сна воиновъ, стерегшихъ гробъ Его. Но кто же первоначально могъ вѣрить этой выдумкѣ, когда всякому желающему легко было изслѣдовать дѣло на самомъ мѣстѣ? Еще болѣе, могли ли вѣрить ей

(¹) *Tertull.* Apolog. c. 21. Nam nec ille se in vulgus eduxit, ne impii errore liberarentur, ut et fides, non mediocri præmio destinata, difficultate constaret.

члены синедріона, сами распустившіе этотъ слухъ? Они не хотѣли вѣровать въ воскресеніе Распятаго, но знали, что слухъ о похищеніи Его тѣла выдуманъ ими. Оттого первыя чудеса апостоловъ тысячами приводили къ вѣрѣ жителей Іерусалима; оттого члены синедріона, возставая противъ апостоловъ, внимаютъ себѣ, то есть, опасаются, какъ бы не сдѣлаться чрезъ это богоборцами, и церковь палестинская уже во времена апостольскія считала между своими членами много десятковъ тысячъ увѣровавшихъ іудеевъ (Дѣян. 21, 20).

Проповѣдь апостольская, какъ въ Палестинѣ, такъ и во всѣхъ другихъ странахъ сопровождаясь постоянно *явленіями Духа и силы*, бывъ подтверждаема безчисленными знаменіями и чудесами (1 Кор. 2, 4 и 5; 2 Кор. 12, 12). Мало того, дары чудотвореній въ Церкви христіанской не окончились временами апостоловъ, но продолжались и послѣ съ тою же силою. Благодать Божія ниспосылала ихъ, какъ для обращенія іудеевъ, такъ равно и для обращенія язычниковъ. Чтобы составить себѣ понятіе объ обиліи ихъ въ первенствующей Церкви, изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ объ этомъ древности изберемъ, напримѣръ, два слѣдующихъ. «Истинные ученики Господа», пишетъ св. Ириней, епископъ ліонскій (¹), «преподаютъ Его именемъ тѣ дары, какіе принялъ каждый изъ нихъ: одни дѣйствительно и истинно изгоняютъ демоновъ, такъ что освобожденные отъ злыхъ духовъ *нерѣдко* обращаются къ вѣрѣ и пребываютъ въ Церкви; другіе имѣютъ даръ предвѣдѣнія, прозрѣнія и пророческаго предсказанія; иные исцѣляютъ больныхъ чрезъ возложеніе рукъ и дѣлаютъ

(¹) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 5, гл. 7, гдѣ собраны и еще нѣкоторыя свидѣтельства объ этомъ изъ сочиненія Иринея противъ ересей.

ихъ здоровыми; а иногда, какъ мы говорили, воскрешаемы были мертвые и жили съ нами много лѣтъ. Даже что? Нельзя и исчислить даровъ, которые вселенская Церковь получаетъ отъ Бога, во имя Іисуса Христа, распятаго при Понтіѣ Пилатѣ, и каждодневно расточаетъ въ пользу язычниковъ, никого не обольщая и не требуя никакой платы. Даромъ получаетъ она отъ Бога, даромъ и раздаетъ». — «У кого изъ васъ нѣтъ родственника, дитяти, друга,—изъ значительнаго класса людей, не говорю уже о народѣ,» писалъ Тертулліанъ къ гонителю Церкви, проконсулу Скапулѣ, «которыхъ христіане не избавляли бы отъ демоновъ, или не исцѣляли отъ болѣзней» (1)!

По видимому, какихъ еще пособій нужно было для распространенія христіанской вѣры, когда благовѣстники ея вооружены были такою силою Божіею? Но надобно сказать, что никогда божественная сила чудесъ не производила такъ мало впечатлѣнія на людей, какъ во время первоначальнаго распространенія христіанства. Тогда повсюду господствовала вѣра въ астрологію, магію, и разнаго рода заклинатели, кудесники и волхвы, тщеславясь мнимымъ знаніемъ таинственныхъ силъ, пользовались общимъ суевѣріемъ, обративъ его для себя въ особенный промыслъ. Искусно подражая чудесамъ, они умѣли (2) показывать разнаго рода призраки, или души

(1) Epist. ad Scap. cap. 4. Здѣсь же можно вспомнить мѣста изъ второй апологіи *Іуст. Муч.* гл. 6 и 8; *Ориг.* прот. Цельса кн. 1, гл. 6 и 46, edit. de la Rue, pag. 324—325 et 361—362; и проч.

(2) Si et magi phantasmata edunt, et jam defunctorum infamant animas; si pueros in eloquium oraculi elidunt, si multa miracula circulatoriis praestigiis ludunt, si et somnia immittunt habentes semel invitatorum angelorum et daemonum assistentem sibi potestatem, per quos et caprae et mensae divinare consveverunt: quanto magis illa potestas... *Tertull.* Apologet. cap. 23.

умершихъ, заставляли прорицать дѣтей, козъ, столы, наводили сны, заклинали духовъ; были люди, которые посвящали всю свою жизнь изученію искусства обманывать такимъ образомъ суевѣрныхъ. До какой степени возведено было это искусство, можно судить потому, что одинъ изъ подобнаго рода людей, извѣстный Симонъ волхвъ, видѣвъ дивныя чудеса апостольскія, предположилъ, что и они совершаются силою человѣческою, и хотѣлъ купить у апостоловъ тайну ихъ чудотвореній. То было время такого суевѣрія, такого жалкаго колебанія умовъ, что человѣкъ, поддаваясь обману, не зналъ потомъ, вѣрить ли и ниспосланной ему истинѣ. Если чудеса самого Іисуса Христа, воскрешавшаго мертвыхъ, исцѣлявшаго слѣпорожденныхъ, были многими изъ іудеевъ приписываемы магіи (Марк. 3, 22); то и апостолы не были болѣе Господа своего. Апостола Павла побили камнями въ Листрахъ за исцѣленіе хромаго,—заключили въ темницу въ Филиппахъ за изгнаніе лукаваго духа. Мнѣніе, что можно обмануть глаза и совершить всякаго рода призрачныя чудеса, во второмъ вѣкѣ было такъ сильно, что св.Ириней приходилъ къ мысли доказывать подлинность чудесъ Христовыхъ пророчествами о нихъ ветхаго завѣта (1). Удивительно ли послѣ этого, если язычники приписывали всѣ чудеса христіанъ мнимому чародѣйству? То, что должно бы было служить самымъ непререкаемымъ доказательствомъ божественности христіанства, большею частію возбуждало между людьми только нена-

(1) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 5, гл. 7: «Если же они скажутъ, что Господь совершалъ такія дѣла призрачно, то мы поведемъ ихъ къ пророчествамъ и изъ нихъ докажемъ, что какъ пророчества касательно этого о Немъ, такъ и событія ихъ были дѣйствительны»,—*πάντα οὕτως περὶ αὐτοῦ καὶ προειρῆσθαι τε γεγονέναι βεβαίως.*

висть къ нему (1): дѣйствительные обманщики обличали въ обманѣ чудотворцевъ истинныхъ, и это имъ легко удавалось, при повсюдномъ господствѣ ложныхъ понятій о вѣрѣ и жизни христіанъ (2). Такимъ образомъ дѣлаются понятными вышеприведенныя слова св. Иринея, что даже тѣ, надъ которыми совершались чудесныя дѣйствія благодати Божіей, не всегда, а только *нерѣдко* обращались къ вѣрѣ.

Но если одни въ ослѣпленіи не могли различать христіанскихъ чудотворцевъ отъ обыкновенныхъ обманщиковъ и волхвовъ; то благодать Божія дѣлала это различіе яснымъ для другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не похожи были чудеса христіанъ на дѣйствія обманщиковъ! Представимъ себѣ человѣка, который, подъ вліяніемъ злаго духа терзаясь душею и тѣломъ, напрасно призывалъ къ себѣ всѣхъ извѣстныхъ заклинателей; они окуривали его, заговаривали, давали ему разнаго рода амулеты и отъ него брали большія деньги за все это: ничто не помогало, или, если и было на время облегченіе, то мѣсто изгнаннаго духа заступалъ потомъ другой, болѣе злѣйшій. Но вотъ приходитъ христіанинъ: онъ говоритъ о суетности идоловъ и демоновъ, о разрушеніи царства тьмы Іисусомъ Христомъ, Спасителемъ міра, объ отвер-

(1) *Ruinart. Acta martyr. Achatii vel Acacii:* ubi sunt magi socii artis tuae?—*Acta mart. Perpetuae, Felicitatis et coet.* cap. 16: cum a tribuno castigatius eo tractarentur, quia ex admonitionibus hominum vanissimorum verebatur, ne substraherentur de carcere, incantationibus aliquibus magicis, in faciem respondit.... *Origen.* contra Cels. lib. 1, cap. 6, et coet.—*Irenaei* adv. haeres. lib. 1, cap. 24, pag. 122 edit. Paris. ann. 1639. «Artes enim magicas operantur et ipsi (qui a Carpocrate), et incantationes... et reliquas malignationes.... uti quae sunt illorum audientes homines, et putantes omnes nos tales esse, avertant aures suas a praeconio veritatis. Cf. *Евсев.* Церк. Ист. кн. 4, гл. 7.

(2) Дѣян. 14, ст. 19; сн. гл. 19, ст. 13 и 19.

женій всей нечистоты языческой и всецѣлой преданности единому Богу; не ища почтенія, не требуя платы, съ молитвою на устахъ и выраженіемъ полной вѣры на лицѣ, онъ кладетъ руку на больнаго, прося исцѣленія у Господа, и больной исцѣлеваетъ совершенно — и душею и тѣломъ (¹)! Каково бы ни было предубѣжденіе противъ чудесъ христіанскихъ, естественно, что получившіе исцѣленіе дѣлались внимательнѣе къ ученію, проповѣдуемому чудотворцами, и нерѣдко, по дѣйствію благодати Божіей, обращались къ вѣрѣ.

Второю причиною быстраго распространенія христіанства была ревность къ вѣрѣ и святость жизни первенствующихъ христіанъ. Чудеса не могли бы такъ глубоко укоренить христіанства въ человѣкѣ, если бы потомъ вѣра, во имя которой они были совершаемы, не представлялась ему во всемъ свѣтѣ своего божественнаго величія. Но когда невѣровавшій, покоряясь силѣ чуда, дѣлался внимательнымъ къ ученію евангелія, какимъ свѣтомъ озаряла его душу благодать Божія! Прежде, какъ неразумный, по одной привычкѣ онъ кланялся идоламъ,— ограничивалъ свое бытіе только настоящею жизнію, ничего вѣрнаго не зная о будущемъ, — чувствовалъ себя беззащитнымъ рабомъ судьбы; теперь дѣлалось яснымъ ему и понятіе о Богѣ, и назначеніе человѣка, — теперь онъ чувствовалъ себя въ первый разъ существомъ разумнымъ и свободнымъ. Прежде онъ тяготился какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ вліянія на него темныхъ силъ, падалъ подъ бременемъ совѣсти, упрекавшей его за нечестивую жизнь, и не зналъ о цѣли трудныхъ по-

(¹) *Iust. Martyr.* Dialog. cum Triph. Iud. cap. 85, по славянск. переводу 1836 г. стр. 105; Apolog. 2, cap. 6; и др.

двиговъ благочестія; теперь вѣровалъ въ искупленіе, избавленіе, спасеніе свое благодатію Сына Божія. «О сладостная перемѣна», говорилъ одинъ изъ древнихъ христіанъ, бывшій прежде язычникомъ, — «о непостижимое строительство, о благодѣяніе непредвидѣнное! Кто могъ ожидать этого!—Никто изъ людей не зналъ Бога, и Онъ самъ явилъ намъ Себя! Беззаконія многихъ покрываются однимъ Праведникомъ! Богъ восхотѣлъ, чтобы мы почитали его питателемъ, отцемъ, врачемъ, учителемъ, мудростію, свѣтомъ, честію, славою, силою, жизнію своею! Кто послѣ этого не постарается научить другихъ тому, чему Слово научило учениковъ Своихъ» (1)! Какъ сладко было новоувѣровавшему чувство истинной добродѣтели, прежде неизвѣстной ему по опыту! Воздержаніе отъ излишествъ, самоотверженіе, умерщвленіе своихъ страстей, любовь къ Богу и ближнимъ, даже любовь ко врагамъ,—всѣ эти добродѣтели, неизвѣстныя въ языческомъ мірѣ, казались ему послѣ прежней порочной и себялюбивой жизни какимъ-то небеснымъ благомъ, источникомъ радостей неизвѣданныхъ; потому что, исполняя ихъ, онъ въ первый разъ чувствовалъ одобреніе совѣсти за трудность ихъ исполненія, въ первый разъ сознавалъ ясную цѣль своихъ нравственныхъ поступковъ и ощущалъ въ душѣ миръ съ Богомъ. Онъ испытывалъ на самомъ дѣлѣ, что, сдѣлавшись изъ язычника христіаниномъ, перешелъ изъ тьмы невѣдѣнія въ чудный божественный свѣтъ, отъ рабства демонамъ въ свободу чадъ Божіихъ (2). Трудно

---

(1) Посл. *къ Діогнету*, по перев. въ Христ. Чтен. 1825 г. часть 20, стр. 155—159.

(2) Такія чувства выражаются, напримѣръ, въ прекрасномъ мѣстѣ первой апологіи *Іустина Мученика*, по перев. въ Христ. Чтен. 1825 г. часть XVII, гл. 17, стр. 28 и 29, или по изд. Coloniae, anno 1686,

представить себѣ то одушевленіе, съ которымъ новоувѣровавшіе христіане обращались потомъ противъ язычества. «Боги ваши и демоны», пишетъ напримѣръ Тертулліанъ, обращаясь къ язычникамъ ([1]), «одно и тоже. Приведите въ судилище ваше кого бы то ни было изъ тѣхъ, которые почитаются у васъ боговдохновенными и, задыхаясь отъ изступленія, произносятъ прорицанія. Если дѣва Целестисъ, богиня дождя, если Эскулапъ, изобрѣтатель медицины, или всякій другой, кто вдохновляетъ прорицателя, если они, не смѣя лгать предъ христіаниномъ, не признаютъ себя демонами: въ такомъ случаѣ пролейте тутъ же кровь этого христіанина!» — «Царство тьмы разрушено», писалъ въ своей апологіи Іустинъ Мученикъ, «и это вы можете видѣть изъ того, что христіане именемъ Іисуса Христа исцѣляли и исцѣляютъ одержимыхъ демонами и не исцѣленныхъ всѣми вашими заклинателями, заговаривателями и чародѣями ([2])». Сдѣлавшись христіаниномъ, всякій, даже самый простой ремесленникъ, заботился поэтому сообщать познанную имъ истинную вѣру другимъ, «и мнѣ кажется», говорилъ Іустинъ Мученикъ ([3]), «что на каждомъ лежитъ долгъ заботиться о распространеніи ея». Воинъ во время своихъ походовъ, плѣнникъ въ землѣ непріятельской, мать въ своемъ семействѣ, купецъ между дѣлъ торговли, рабъ при удоб-

Opp. Just. Martyr. pag. 61; также въ посланіи *св. Кипріана* къ Донату,— Patrol. Curs. Compl. tom. IV, epist. 1, num. III et IV, pag. 198—202, или Христ. Чтен. 1825 года, часть XVIII, стр. 244.

([1]) Apologet. cap. 23.

([2]) Apolog. 2, cap. 6, по изд. Coloniae, 1686 ann. pag. 45.

([3]) Apologia 1, ibidem pag. 58, по изд. въ Христ. Чтен. 1825 г. гл. 10, стр. 23; cf. *Tertulliani* Apologet. cap. 46: Deum quilibet opifex christianus et invenit et ostendit et exinde totum, quod in Deo quaeritur, re quoque assignat; licet Plato affirmet factitatorem universitatis neque inveniri facilem, et inventum enarrari in omnes difficilem.

ныхъ обстоятельствахъ своей службы въ домѣ, особенно при воспитаніи дѣтей, каждый былъ въ свою очередь проповѣдникомъ христіанства. «Нищіе благовѣствуютъ», говорилъ св. Іустинъ (¹) Трифону іудеянину, «и вы не разумѣете?»

Не столько впрочемъ словомъ, сколько самыми дѣлами христіане убѣждали не рѣдко язычниковъ въ превосходствѣ божественной вѣры. «Между нами», писалъ Аѳинагоръ (²), «вы найдете людей простыхъ и несвѣдущихъ ремесленниковъ, старыхъ женщинъ,—которые не въ состояніи доказать вамъ истинности своего ученія, но которые убѣдятъ васъ въ святости его чистотою своей жизни; они не богаты словами, но богаты дѣлами добрыми». Правда, ненависть къ имени христіанскому брала верхъ надъ всякимъ добромъ (³), но не всегда было такъ, и люди, имѣвшіе случай ближе узнать жизнь какого-либо христіанина, естественно, должны были удивляться ей.— «Видя, какія дѣйствія», говоритъ Оригенъ, «производитъ наше ученіе, какъ оно вдругъ обращаетъ людей отъ нечестія къ благонравію, отъ несправедливости къ правотѣ, отъ малодушія къ такому мужеству, что они готовы на смерть за свою вѣру, кто не удивится его силѣ (⁴)!» — «Мы можемъ представить вамъ многихъ», писалъ св. Іустинъ Мученикъ, «которые обратились къ вѣрѣ потому, что или по сосѣдству видѣли степенность христіанъ въ

(¹) *Іустина Мученика* разгов. съ Трифономъ Іудеян., по славянск. перев. 1836 г. стр. 15, гл. 8; cf. *Origen.* contr. Cels. lib. 3, cap. 55 et 56, edit. de la Rue, pag. 484, et coet. simil.

(²) Апологіи его стр. 229 по перев. въ Христ. Чтен. 1843 г. часть 2.

(³) *Tertull.* Apologet. cap. 3. Tanti non est bonum, quanti est odium christianorum.

(⁴) *Origen.* contr. Cels. lib. 3, cap. 68, pag. 492; cf. lib. 3, cap. 56—72; lib. 1, cap. 43, pag. 360.

обыкновенной жизни, или во время путешествія были свидѣтелями ихъ терпѣнія среди всякаго рода непріятностей, встрѣчавшихся въ дорогѣ, или узнавали ихъ лучше, ведя съ ними дѣла (1)». Особенно много помогала распространенію христіанства благотворительность христіанъ, простиравшаяся не только на принимавшихъ вѣру, но и на невѣровавшихъ. Со временъ апостольскихъ и до конца гоненій имѣнія христіанъ были почти вездѣ какбы достояніемъ всей Церкви; потому что каждый добрый христіанинъ всегда и вездѣ готовъ былъ жертвовать своимъ имѣніемъ на пользу ближнихъ. Въ этомъ братскомъ общеніи послѣдователей Христовыхъ бѣдные и угнетенные нерѣдко искали себѣ убѣжища. Правда, находились люди, которые, злоупотребляя благотворительностію Церкви, принимали христіанскую вѣру только наружно; по крайней мѣрѣ, Оригенъ говоритъ, что слаба и недѣйственна была вѣра тѣхъ современныхъ ему христіанъ, которые вступали въ число членовъ Церкви по житейскимъ нуждамъ или какимъ нибудь другимъ человѣческимъ разсчетамъ (2): но безъ сомнѣнія гораздо

(1) Апологъ. 1, гл. 20, по перев. въ Христ. Чтен.,—edit Coloniae 1686 ann. pag. 63: *ἢ γειτόνων καρτερίαν βίου παρακολουθήσαντες, ἢ συνοδοιπόρων πλεονεκτουμένων ὑπομονὴν ξένην κατανοήσαντες, ἢ συμπραγματευομένων πειραθέντες.*

(2) *Origen.* contr. Cels. lib. 1, cap. 67, edit. de la Rue, pag. 382: *καὶ ἔτι γε τὸ ὄνομα τοῦ Ἰησοῦ ἐκστάσεις μὲν διανοίας ἀνθρώπων ἀφίστησι, καὶ δαίμονας, ἤδη τε καὶ νόσους· ἐμποιεῖ τε θαυμασίαν τινὰ πρᾳότητα, καὶ καταστολὴν τοῦ ἤθους, καὶ φιλανθρωπίαν, καὶ χρηστότητα, καὶ ἡμερότητα, ἐν τοῖς μὴ διὰ τὰ βιωτικὰ ἤ τινας χρείας ἀνθρωπικὰς ὑποκριναμένοις, ἀλλὰ παραδεξαμένοις γνησίως τὸν περὶ Θεοῦ καὶ Χριστοῦ καὶ τῆς ἐσομένης κρίσεως λόγον.* *Лукіанъ* въ своемъ комическомъ разсказѣ, подъ заглавіемъ *о смерти Перегрина* (*Luciani* Opp. edit. Lutetiae Parisiorum, ann. 1615, pag. 993—1008), представляетъ образецъ, какъ этотъ мнимый философъ ложно выдавалъ себя за христіанина и, переходя изъ одного города въ другой, вездѣ пользовался отъ христіанъ щедрыми подаяніями ихъ добродушной

болѣе было такихъ, которые, поражаясь благодѣяніями христіанъ, принимали ихъ вѣру искренно. Разсказывая о подвигахъ христіанской благотворительности во время голода и моровой язвы, свирѣпствовавшихъ на востокѣ въ царствованіе Максимина, Евсевій между прочимъ дѣлаетъ замѣчаніе, что благочестивая заботливость христіанъ о каждомъ, требовавшемъ помощи въ тѣхъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, побудила тогда всѣхъ язычниковъ невольно прославлять христіанскаго Бога и постепенно приходить къ сознанію, вынуждаемому самымъ опытомъ, что только христіане истинно благочестивы и истинно служатъ Богу (1). Равнымъ образомъ духъ христіанской любви и братскаго единенія между собою всѣхъ вѣрующихъ невольно привлекалъ къ Церкви тѣхъ, которые испытывали на себѣ всю тяжесть презрѣнія въ языческомъ мірѣ. Рабы и женщины, которыхъ значеніе въ древности было такъ унижено не только на востокѣ, но и на западѣ, видѣли въ христіанской Церкви новый міръ для себя (2). Вообще высокое достоинство нравственной христіанской жизни служило однимъ изъ очевиднѣйшихъ доказательствъ высоты христіанскаго вѣроученія.

Третьею причиною быстраго распространенія христіанства была непоколебимая твердость христіанъ въ вѣрѣ среди гоненій. Между тѣмъ, какъ нѣкоторые, имѣвъ особенные, частные случаи лучше узнать ученіе и правила вѣры христіанской, присоединялись къ Церкви,

---

благотворительности (pag. 998, *A*.),—также, съ какимъ невѣроятнымъ усердіемъ христіане заботились о немъ, когда по видимому за имя Христово временно терпѣлъ онъ заключеніе въ темницѣ (pag. 996).

(1) *Евсев*. Церк. Ист. кн. 9, гл. 8; также кн. 7, гл. 22; сравн. жизнь св. Пахомія, *Четь-Минея* подъ 15 Мая.

(2) *Origen*. contr. Cels. lib. 3, cap. 55, pag. 484; cf. *Tertull*. Apologet. cap. 3; *послан. къ Филим*. ст. 10—20, и *мн. др*.

общее мнѣніе о безбожіи и нечестіи христіанъ требовало повсюду христіанской крови. Разнообразны были впечатлѣнія доблестныхъ подвиговъ мученическихъ на язычниковъ. Самые ожесточенные большею частію порицали христіанъ, какъ людей безумныхъ, крайне упорныхъ, или даже какъ людей отчаянныхъ, которымъ жизнь ничего не стоитъ (1). Но нерѣдко случалось, что, видя кротость мучениковъ среди страданій, слыша безупречныя увѣренія ихъ въ святости вѣры и жизни христіанской, они начинали повѣрять свою собственную совѣсть, перебирали свои доказательства на безбожіе и нечестіе христіанъ, замѣчали ихъ неосновательность и приходили къ мысли, не въ самомъ ли дѣлѣ христіане богобоязненны и благочестивы, — гнать ихъ не значитъ ли возставать противъ неба? Тайный голосъ говорилъ каждому, что люди, такъ геройски переносившіе ужасныя страданія и мучительную смерть, должны быть поддерживаемы въ своихъ силахъ чѣмъ-то необыкновеннымъ. Не чародѣйствомъ ли?—Но почему было не воспользоваться чародѣйствомъ для избѣжанія казни? — Не божественною ли силою?—Мысль эта иногда многимъ не давала покоя ни днемъ, ни ночью. Около 206-го года, въ царствованіе императора Септимія Севера, въ Александріи, послѣ тяжкихъ и страшныхъ мукъ за вѣру, приговорена была на сожженіе, вмѣстѣ съ своею матерію Маркеллою, славившаяся благонравіемъ и красотою дѣвица Потаміэна; одинъ изъ воиновъ, свидѣтелей ея страданій, по имени Василидъ, влекъ ее на казнь: но, спустя нѣсколько дней, онъ и самъ исповѣдалъ себя христіаниномъ, былъ отведенъ въ темницу и осужденъ на смерть. Когда спраши-

(1) См. выше, стр. 120, 145 и 146.

вали его о причинѣ его внезапнаго и дивнаго обращенія, онъ отвѣчалъ, что Потаміэна, спустя три дня послѣ мученической своей кончины, явилась ему ночью и сказала, что она молилась за него Господу, и молитва ея услышана, что онъ скоро будетъ взятъ отсюда. «Въ то время», прибавляетъ Евсевій, передавши приведенный разсказъ о Василидѣ, «въ Александріи много было и другихъ, которые обратились къ ученію Христову внезапно, увѣряя, что Потаміэна являлась имъ во снѣ и призывала ихъ къ Божественному Слову ([1]). — «Пусть невѣрующій смѣется надъ словами моими,» говоритъ Оригенъ, «но я долженъ сказать, что многіе какбы противъ своей воли обратились къ христіанству. Какая-то особенная сила, представивъ душѣ ихъ, въ бодрственномъ состояніи, или во снѣ, извѣстные образы, внезапно истребляла въ нихъ ненависть къ христіанской вѣрѣ и вдыхала имъ ревность жертвовать за нее самою жизнію. Я знаю много тому примѣровъ, но не хочу описывать ихъ; ибо не смотря на то, что я самъ былъ очевидцемъ подобныхъ случаевъ, невѣрующіе стали бы смѣяться надъ нами еще болѣе,—они подумали бы, что я вымышляю ихъ. Но Богъ — свидѣтель моей совѣсти, что я не хочу подтверждать божественнаго ученія Іисусова вымыслами ([2])!»

Необоримая твердость въ страданіяхъ, которую оже-

([1]) *Евсев.* Церк. Ист. кн. 6, гл. 5.

([2]) *Origen.* contr. Cels. lib. 1, cap. 46, pag. 361 et 362: *πνέυματός τινος τρέψαντος ἀυτῶν τὸ ἡγεμονικὸν ἀιφνίδιον ἀπὸ τοῦ μισεῖν τὸν λόγον ἐπὶ τὸ ὑπεραποθανεῖν ἀυτοῦ, καὶ φαντασιώσαντος αὐτοὺς ὕπαρ ἢ ὄναρ. πολλὰ γὰρ καὶ τοιαῦτα ἱςορήσαμεν*... Confer *Tertull.* de Spectacul. cap. 26; de Idololatria cap. 15; de Anima cap. 9 ad finem; de Virginibus veland. cap. 17. *Cypriani* epist. IX ad Clerum, num. 4; epist. VII, num. 3 et 5; epist. XXXIV de Celerino lectore, num. 1; epist. LXIX de obtrectatoribus, num. *10*, — t. Migne, Patrolog. Curs. Compl. tom. IV.

сточенные противъ христіанства ставили христіанамъ въ преступленіе, достойное казни, могла служить для другихъ, болѣе умѣренныхъ и благоразумныхъ, вразумленіемъ. «Кто въ состояніи быть свидѣтелемъ ея», говоритъ Тертулліанъ (¹), «и не захотѣть вникнуть въ ея причину! Вникнувши же въ нее, кто не пожелаетъ къ намъ присоединиться, чтобы получить благодать Божію и кровію своею испросить прощеніе своимъ грѣхамъ! Мы умножаемся по мѣрѣ того, какъ насъ пожинаютъ. Кровь христіанъ есть сѣмя новыхъ христіанъ». — «Самъ ты знаешь», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ проконсулу Скапулѣ, «что никогда вѣра наша такъ не процвѣтаетъ, какъ среди гоненій (²)». Очевидно, это было главнымъ образомъ потому, что гоненія быстро уничтожали предубѣжденіе язычниковъ въ нечестіи послѣдователей Христовыхъ. «Когда я былъ еще ученикомъ Платона», разсказываетъ о своемъ обращеніи Іустинъ Мученикъ (³), «и видѣлъ, какъ безстрашно, съ какою радостію христіане встрѣчаютъ смерть и все, что считается невыносимымъ, мнѣ показалось невѣроятнымъ, чтобы эти люди были преданы порокамъ и нечестію; потому что, думалъ я, если бы они любили нечестіе и порокъ, они всѣми мѣрами старались бы о продолженіи своей настоящей жизни, чтобы не лишиться ея преступныхъ удо-

(¹) Apologet. cap. 50: Plures efficimur, quoties metimur a vobis: semen est sanguis Christianorum.... Illa ipsa obstinatio, quam exprobratis, magistra est. Quis enim non contemplatione ejus concutitur ad requirendum, quid intus in re sit? Quis non, ubi requisiuit, accedit... etc.

(²) Epist. ad Scapulam, cap. V ad finem. Эта же мысль высказывается между прочимъ въ *посланіи къ Діогнету,* по перев. въ Христ. Чтен. часть XX, 1825 г., стр. 154;—Gallandii Biblioth. tom. 1, epist. ad Diognet. num. 6 et 7, pag. 323 et 324.

(³) Аполог. 2, гл. 12, по перев. въ Христ. Чтен. 1840 года, ч. 3, стр. 23, — Gallandii Biblioth. tom. 1, pag. 604.

вольствій, и покушались бы скрываться отъ властей, чтобы избѣжать смерти, а не признавались во всеуслышаніе, что они точно христіане». — «Насъ гонятъ потому», говорилъ Тертулліанъ (¹), «что не знаютъ насъ; а какъ скоро узнаютъ, то перестаютъ гнать и присоединяются въ нашему обществу».

И въ самомъ дѣлѣ, по той мѣрѣ, какъ гоненія уничтожали нелѣпые предразсудки противъ христіанской вѣры, не оставалось болѣе никакихъ препятствій сдѣлаться ей господствующею въ мірѣ. Неуваженіе язычниковъ къ своимъ богамъ и преданіямъ о нихъ, чувство грѣховности предъ Богомъ, съ новою силою пробужденное примѣрами благочестія христіанскаго, и желаніе примириться съ Нимъ, неудовлетворительность всѣхъ философскихъ изслѣдованій о Божествѣ и жажда небеснаго откровенія, стремленіе возвратиться къ первобытной вѣрѣ золотаго вѣка, съ давнихъ временъ господствовавшее ожиданіе пришествія великаго царя, который возвратитъ міру этотъ вѣкъ, все побуждало къ принятію ея (²). Почти повсюдное господство римскаго владычества, греческаго языка и греческой образованности, сначала бывъ причиною распространенія повсюду однихъ и тѣхъ же предразсудковъ противъ христіанства и повсюдныхъ гоненій, потомъ точно такъ же способствовало распространенію возродившагося добраго мнѣнія о немъ, само по себѣ представляя всегда удобнѣйшій случай къ обобщенію какихъ бы то ни было понятій въ большей части извѣстнаго и населеннаго тогда свѣта. Благодать Божія упо-

(¹) Quia ignorant, quale sit quod oderunt... Cum omnes, qui retro oderant, quia ignorabant quale esset quod oderant, simul ut desinunt ignorare, cessent et odisse. Ex his fiunt Christiani.... *Apologet.* cap. 1.

(²) Сравн. выше, стр. 4 — 10; стр. 19 — 25.

требляла при этомъ неисчислимыя средства и самые разнообразные пути къ тому, чтобы искупленіе міра, совершенное Іисусомъ Христомъ, было познано и принято съ вѣрою всѣми вообще и каждымъ въ отдѣльности.

Если, наконецъ, все, что сказано теперь о причинахъ успѣшнаго распространенія христіанской Церкви въ первые три вѣка ея существованія, не довольно объясняетъ это удивительное событіе: то вспомнимъ опять слова Іустина Мученика, что «въ распространеніи христіанства дѣйствовала сила непостижимаго Отца», и согласимся, что «оно само по себѣ есть чудо божественной благодати», какъ говорилъ Оригенъ, и «доказательство божественности Того, Кто пришелъ возвѣстить его людямъ ([1])».

([1]) *Iustin. Martyr.* Apolog. 2, cap. 10: *ἐπειδὴ δύναμίς ἐςι τοῦ ἀῤῥήτυ πατρὸς, καὶ οὐχὶ ἀνθρωπείυ λόγυ τὰ σκέυη.* — *Origen.* contra Celsum lib. 1, cap. 9, edit. de la Rue pag. 328: *ἔιπερ οὖν ἄλλο τι κατασκευαςικόν ἐςι τοῦ, τὸ φιλάνθρωπον τοῦ λόγυ οὐκ ἀθεεὶ τῷ βίῳ τῶν ἀνθρώπων ἐπιδεδημηκέναι, καὶ τοῦτ' ἀυτοῖς συγκαταριθμητέον... Посланіе къ Діогнету*, по перев. въ Христ. Чтен. 1825 года, ч. XX, стр. 154,— cf. edit. Gallandii tom. 1, epist. ad. Diognet. num. VII, pag. 324: «не видишь ли, что чѣмъ болѣе гоненій, тѣмъ болѣе христіанъ? Потому, конечно, что распространеніе христіанства не есть дѣло человѣческое, но есть дѣло могущества Божія, есть знакъ, что самъ Богъ пришелъ его возвѣстить,—*ταῦτα τῆς παρουσίας ἀυτοῦ δείγματα.*

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:					Должно читать:
Страница	39,	стр.	28:	*чшо*	*что*
— —	42,	—	9:	повелѣлъ	повелѣвъ
— —	50,	—	24:	Имъ	имъ
— —	54,	—	15:	*пріемлеше*	*пріемлете*
— —	119,	—	30:	uota	nota
— —	148,	—	9:	Цельса.	Цельса (2).
— —	—	—	22:	Аврелію (1)	Аврелію (3).
— —	239,	—	23:	предстоятей.	предстоятелей
— —	261,	—	6:	λγόοι	λόγοι
— —	—	—	30:	(2).	(1)
— —	267,	—	29:	Appolo	Apollo
— —	302,	—	26:	gominem.	hominem.

10 ... 6178/60-9

ЦѢНА 1 Р. 50 КОП.—На пересылку прилагается **ОСОБО** за два фунта на каждый экземпляръ, отъ **10** до **50 КОП.**, смотря по разстоянію.

Требованіе можно **АДРЕСОВАТЬ**—въ Правленіе С. Петербургской Духовной Академіи, также—въ Редакцію Христіанскаго Чтенія при С. Петербургской Духовной Академіи, или, наконецъ,—непосредственно на имя автора.

Духовно-учебныя заведенія, при одновременной выпискѣ не менѣе двадцати экземпляровъ, на пересылку не прилагаютъ ничего.

